ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ УЧЕНЫХЪ ПУТЕШЕСТВІЙ ПО РОССІИ,

издаваемое ИМПЕРАТОРСКОЮ Академіея Наукъ,

по предложенію ея президента

Съ примѣчаніями, изъясненіями, и дополненіями.

ТОМЪ ВТОРЫЙ.

Описаніе Камчатки.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ,

при ИМПЕРАТОРСКОЙ Академіи Наукъ

1819.

ОПИСАНІЕ

ЗЕМЛИ

КАМЧАТКИ,

сочиненное

СТЕПАНОМЪ КРАШЕНИННИКОВЫМЪ,

АКАДЕМІИ НАУКЪ ПРОФЕССОРОМЪ.

ЧАСТЬ ТРЕТІЯ И ЧЕТВЕРТАЯ.

УВѢДОМЛЕНІЕ.

Симъ вторымъ томомъ оканчиваетъся Крашенинникова Описаніе Камчатки; въ дополнительномъ томѣ сообщены будутъ въ свое время новѣйшія извѣстія, касающіяся до тамошняго края, которыя Академія надѣется получить отъ своихъ Корреспондентовъ въ продолженіи изданія путешествій. Атласъ къ сему полному собранію ученыхъ путешествій по Россіи будетъ издаваться по тетрадямъ, по мѣрѣ выходящихъ томовъ. Нынѣ вмѣстѣ съ симъ томомъ издается онаго первая тетрадь, содержащая въ себѣ одну карту, два плана и девять изображеній.

Продолженія описанія Камчатки.

Часть Третія.

О Камчатскихъ народахъ.

Часть Четвертая.

О покореніи Камчатки, о бывшихъ въ разныя времена бунтахъ и измѣнахъ, и о нынѣшнемъ состояніи Россійскихъ остроговъ.

ОПИСАНІЕ КАМЧАТКИ.

ЧАСТЬ ТРЕТІЯ.

О Камчатскихъ народахъ

ГЛАВА I.

О Камчатскихъ народахъ вообще.

Камчатка, сколь дикое мѣсто по своему состоянію, столь и дикими народами обитаема. Иные изъ нихъ живутъ какъ Лопари, переходя съ мѣста на мѣсто съ оленьими табунами своими; другіе по рѣкамъ въ Восточное и Пенжинское море текущимъ, не перемѣняя жилищъ своихъ, и имѣя отъ ловли рыбной или морскихъ звѣрей пропитаніе; а иные по островамъ лежащимъ около Курильской лопатки, питаясь морскимижъ звѣрями, рыбою и всякими извергаемыми изъ моря, и растущими около береговъ вещами, какъ на примѣръ рѣпою морскою, капустою, раками и прочая. Первые живутъ въ юртахъ изъ оленьихъ кожъ,

а прочіе въ землянкахъ. Всѣ вообще житіемъ гнусны, нравами грубы, язычники не знающіе Бога, и не имѣющіе никакихъ письменъ (1).

Природныхъ тамошнихъ жителей считается три народа, Камчадалы, Коряки и Курилы. Камчадалы живутъ въ южной части Камчатскаго мыса, отъ устья рѣки Уки до Курильской лопатки, и на первомъ Курильскомъ островѣ, называемомъ Шоумшчу. Коряки въ сѣверныхъ мѣстахъ, вкругъ Пенжинскаго мо́ря до рѣки Нукчана, и вкругъ Восточнаго Океана почти до Анадыря; а Курилы на второмъ Курильскомъ островѣ

(1) Камчадалы у́же съ давняго времени обращены въ Христіянскую вѣру, и теперь не осталось между ними ни малѣйшихъ слѣдовъ язычества, и ихъ прежнихъ обычаевъ, кромѣ одной только пляски. Они нынѣ почти совершенно обрусѣли; не оставляя своего языка, говорятъ всѣ по Руски, Сибирскимъ нарѣчіемъ, только протяжно. Впрочемъ столь же лѣнивы и не опрятны какъ и прежде; весьма гостѐпріимны, тихи, раболѣпны, до крайности лукавы, пристрастны къ водкѣ и нюхательному табаку, очень слабы, и когда пьяны, говорливы. Воровство очень рѣдко между ими случается, а тѣмъ рѣже еще смертоубійство. Вмѣсто землянокъ строятъ нынѣ Рускія избы, лѣтомъ же живутъ, по прежнему, въ балаганахъ. В.

и на другихъ до Японскаго владѣнія. И такъ Камчадалы съ южной стороны имѣютъ въ сосѣдствѣ Куриловъ, а съ сѣверной Коряковъ. Коряки смежны съ Чукчами, Юкагирами и Ламутками, а Курилы съ Камчадалами и Японцами.

Камчадаловъ, по разности языка, можно раздѣлить на два народа, на сѣверной и южной. Сѣверный народъ, который имѣетъ свои жилища по рѣкѣ Камчаткѣ съ вершины до устья, и по бе́регу Восточнаго Океана отъ устья Уки рѣки на югъ до устья Налачевой, за столповой по справедливости почесться можетъ, ибо оный и поступками въ разсужденіи другихъ лучше, и нравами не столь суровъ, и въ языкѣ ни гдѣ почти никакой не имѣетъ отмѣны. Напротивъ того у прочихъ въ каждомъ острогѣ особливое нарѣчіе примѣчается. Южной народъ по Восточному мо́рю отъ Налачевой до Курильской лопатки, а по Пенжинскому отъ Лопатки на сѣверъ до рѣки Харіузовой имѣетъ свои жилища.

Коряки раздѣляются просто на два же народа, на Оленныхъ, и сидячихъ. Оленные съ табунами своими съ мѣста на мѣсто кочуютъ, а сидячіе живутъ при рѣкахъ, какъ Камчадалы. Въ языкѣ имѣютъ такую разность, что Оленные сидячихъ едва раз-

умѣть могутъ, а особливо тѣхъ, кои смежны съ Камчадалами, и многія слова ихъ въ своемъ языкѣ употребляютъ.

Такимъ же образомъ раздѣляютъ нѣкоторые и Курильцовъ, на дальнихъ и ближнихъ. Подъ именемъ дальнихъ разумѣются Курильцы на дальнихъ и на второмъ Курильскомъ островѣ живущіе, потому что они выѣжжіе съ другихъ острововъ; а подъ именемъ ближнихъ жители перваго Курильскаго острова и Курильской лопатки. Но сіе раздѣленіе несправедливо. Ибо хотя объявленные перваго острова и Курильской лопатки жители въ языкѣ своемъ, въ обрядахъ и въ тѣлесномъ видѣ нѣсколько отъ Камчадаловъ и разнствуютъ, однако заподлинно извѣстно, что они происходятъ отъ Камчадаловъ, которыхъ я называю южными; а помянутая разность происходитъ отъ сосѣдства, обхожденія и взаимнаго супружества съ настоящими Курилами.

Камчадалы, какъ сѣверные, такъ и южные называютъ себя *Ительмень*, житель, а въ женскомъ родѣ *Ительма*, которое званіе происходитъ отъ глагола, *Ителахса* живу, какъ пишетъ господинъ Стеллеръ. *Кима ителахса*, значитъ, я живу, а *Месъ* человѣка; *ма ителахсанъ*, гдѣ онъ живетъ? Корни сихъ словъ, по егожъ объ-

явленію, остались въ языкѣ Камчадаловъ, которые живутъ между рѣками Неммикомъ и Морошечною. Всемилостивѣйшую Государыню, называютъ они, *Коачь Аеремъ*, то есть Государь сіяющій какъ солнце, безъ различія пола, ибо солнце на ихъ языкѣ *Коачь*, а Государь *Аеремъ*. Россіянъ вообще именуютъ, *Брыхтатынъ*, огненные люди, по причинѣ огнестрѣльнаго оружія, котораго они не видая прежде, и не имѣя о стрѣльбѣ изъ него понятія, думали, что огонь не изъ ружья выходитъ, но что Россіяне огненное имѣютъ дыханіе. Коряки на ихъ языкѣ *Таулюганъ*, Курильцы *Кушинъ* и *Кужинъ*.

Камчадалы между прочимъ имѣютъ такое смѣшное обыкновеніе, что всякую вещь своимъ языкомъ назвать стараются, смотря на сходство ея имени, на дѣйствія и на другія обстоятельства; буде же понятіе какой вещи имъ трудно, и сходства имени скоро не сыщутъ, то и чужестранное имя принимаютъ, но такъ его испортя, что почти не будетъ имѣть съ сущимъ именемъ и подобія. Такимъ образомъ священникъ у нихъ называется *Богбогъ*, безъ сумнѣнія для того, что часто Бога упоминаетъ; Докторъ *Дуктонасъ*, Студентъ *Сокейнахчь*, студеной, хлѣбъ *Брых-*

татынъ аугъ, Россійская сарана; дьячокъ *Ки аангыхъ*, морской острохвостъ утка, которая, по ихъ мнѣнію, также какъ дьячекъ поетъ; колоколъ *Кукъ*, желѣзо *ваху*, кузнецъ *вазакиса*, матрозъ *Ухавсшини-тахъ*, на верьхъ лазящій, конопатчикъ *Калупасанъ*, чай *Сокосохъ*, чайка; Подполковникъ, которой будучи при слѣдствіи многихъ вѣшалъ, *Итахзашахъ*, вѣшатель.

Оленные Коряки сами себя называютъ *Тумгуту*, Россіянъ *Мельгытангы*, какъ уже выше объявлено, Камчадаловъ *Хонхала*, а о Курильцахъ не знаютъ. Сидячіе себя называютъ *Чаучу*, Россіянъ также какъ Оленные *Мельгытангы*, Камчадаловъ *Нымылага*, а Курильцовъ *Кунала*.

Курильцы себя называютъ *Уйвутъ-Ееке* (1), Курильцовъ неясашныхъ, кои на дальныхъ островахъ живутъ, *Яункуръ*, Россіянъ *Сіисіанъ*, Камчадаловъ *Арутарункуръ*, а про Корякъ не вѣдаютъ.

Что значатъ названія, о которыхъ знаменованіи не упомянуто, того по причинѣ грубости народовъ и неискуства толмачей не можно было провѣдать. Впрочемъ довольно видѣть можно всякому, что мы

---

(1) Въ первомъ Томѣ на стран. 140 помѣщено примѣчаніе, относящееся къ сему предмету. В.

ни одного народа собственнымъ его именемъ не называемъ, но по большей части такимъ, какимъ они назывались отъ сосѣдей, которые прежде отъ Россіи завоеваны были, придавъ имени ихъ свое окончаніе и нѣсколько испортя. Такимъ образомъ Камчадаловъ называемъ мы по Коряцки, ибо Камчадалъ отъ Коряцкаго Хончала происходитъ; Курильцовъ по Камчатски, ибо Курилецъ отъ куши имѣетъ свое начало.

О происхожденіи Коряцкаго имени хотя неизвѣстно заподлинно, однако Стеллерово о томъ примѣчаніе, что слово Коряка происходитъ отъ Хо́ра, Оленя, весьма вѣроятно; ибо козаки по приходѣ къ сему народу, можетъ быть, часто слыша слово Хо́ра, или видя, что благополучіе помянутыхъ иновѣрцовъ состоитъ въ Оленныхъ табунахъ, прозвали ихъ Коряками, то есть Оленнымъ народомъ. Чукочи, живущій въ Чукоцкомъ носѣ немирной народъ, называется также испорченнымъ именемъ *Чаучу*, которое общее есть всѣмъ сидячимъ Корякамъ. Одно неизвѣстно происхожденіе имени Юкагиръ, съ которымъ народомъ Оленные Коряки пограничны въ сѣверѣ. Коряцкое имя, едель, то есть волкъ, которымъ они называютъ Юкагировъ, по причинѣ пропитанія ихъ звѣриною ловлею,

которую уподобляютъ волчьему хищенію, за начало Юкагирскаго наименованія почесть сумнительно, хотя между обоими именами и есть нѣкоторое сходство; особливо же что не знаемъ мы, какъ Юкагиры сами себя называютъ, и какъ сосѣды ихъ, которые живутъ къ Якутску ближе (1).

---

(1) Въ путешествіи Вице-Адмирала Г. А. Сарычева содержится слѣдующее описаніе Юкагировъ. Сей народъ прежде былъ многолюденъ, страшенъ своимъ сосѣдамъ, и обладалъ многими пространными землями. Но когда отъ распространившихся заразительныхъ болѣзней, оспы и другой, называемой тамъ *Киликинскою*, многіе перемерли; тогда сосѣди ихъ Коряки и Тунгусы взяли верхъ, и по прежней ненависти своей къ нимъ стали утѣснять въ промыслахъ; отъ сего произошли войны, которыми истребился весь почти ихъ родъ. Остальные должны были искать защиты у Россіянъ, и поселяться близь остроговъ. Частое обращеніе Юкагировъ съ тамошними козаками не чувствительно ввело между ними, какъ обычай ихъ, такъ и платье. Прежній же образъ жизни и одежда Юкагировъ сходствовали съ Тунгускими: подобно Тунгусамъ имѣли они оленей, кочевныя юрты, и переходили съ мѣста на мѣсто; но теперь живутъ въ землянкахъ, и вмѣсто оленей для зимней ѣзды держатъ нарты съ собаками. Питаются рыбою и сохатиннымъ мясомъ (сохатымъ называется тамъ

Что касается до языка Камчатскихъ народовъ, то ихъ, по числу народовъ, три считается: Камчатской, Коряцкой и Курильской; впрочемъ каждый языкъ, по разности нарѣчія, на особливые языки раздѣляется. Въ Камчатскомъ языкѣ три главныя нарѣчія: одно употребляется у сѣверныхъ, а

отмѣнной величины лось). Сихъ звѣрей на островахъ по рѣкамъ водится довольно, особливо славна ими рѣка *Кордокомъ*, впадающая въ рѣку Колыму вверьхъ отъ острога въ двухъ стахъ верстахъ, куда Юкагиры обыкновенно весною, въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ, ѣздятъ на собакахъ ловить разныхъ звѣрей, какъ то: соболей, лисицъ, россомахъ и бѣлокъ. Но главной промыселъ составляютъ сохатые, которыхъ Юкагиры обыкновенно гоняютъ на лыжахъ съ собаками; охотники мучатъ ихъ до тѣхъ поръ, пока не выбьются они со всѣмъ изъ силъ и не остановятся, чему способствуютъ чрезвычайно глубокіе снѣги, и бывающій въ сіе время настъ (настъ есть отвердѣлая поверхность снѣга, которая бываетъ только весною, когда снѣгъ отъ солнца притаеваетъ во время дня, а ночью замерзаетъ), которой подымаетъ только на лыжахъ охотниковъ и собакъ, а сохатаго, по его тягости, не держитъ; слѣдственно ни одинъ почти изъ сихъ звѣрей уйти не можетъ. Сохатаго мясо разрѣзываютъ на тонкія пластинки, и сушатъ на воздухѣ. По вскрытіи рѣки, на плотахъ приплываютъ Юкагиры

другое у южныхъ Камчадаловъ. Сіи два нарѣчія такъ между собою различны, что можно ихъ почесть и за два разные языка; однако Камчадалы другъ друга безъ толмача разумѣютъ, хотя слова ихъ нарѣчій не имѣютъ почти никакого сходства, чему господинъ Стеллеръ не безъ причины удивляется. Третьимъ нарѣчіемъ можно почесть языкъ, которымъ говорятъ жители Пенжинскаго моря отъ Воровской рѣки до Тигиля, и который состоитъ изъ обоихъ вышеписанныхъ нарѣчій, и изъ нѣкотораго числа Коряцкихъ словъ. Въ Коряцкомъ язы-

въ острогъ, и тогда съ козаками бываетъ у нихъ общее празднество и пьянство. Между тѣмъ промѣниваютъ своихъ звѣрей козакамъ на привезенныя ими изъ города нужныя для нихъ вещи и табакъ, къ которому очень пристрастны. Ярмонка сія продолжается до тѣхъ поръ, какъ рѣка послѣ разлива, войдетъ въ берега: тогда разъѣжжаются всѣ по разнымъ мѣстамъ ея, для промыслу рыбы. Юкагиры, отъ обращенія съ козаками, хотя и приняли Христіанской законъ; однако суевѣріе и шаманство не истребилось; потому, что сами козаки будучи не болѣе ихъ просвѣщены, закоснѣваютъ въ предразсудкахъ, и въ нужныхъ случаяхъ прибѣгаютъ къ шаманству. Многія болѣзни приписываютъ колдовству, и вѣрятъ, что иногда на людей нападаетъ злой духъ. В.

кѣ (1) два же нарѣчія, одно Оленныхъ Корякъ, а другое сидячихъ. О Коряцкомъ языкѣ хотя и неизвѣстно заподлинно, сколько въ немъ нарѣчій; ибо подданные Россійскіе говорятъ однимъ языкомъ, а о другихъ и сами не знаютъ; однако сумнѣваться почти не можно, чтобъ у нихъ по разнымъ острогамъ не было въ языкѣ по крайней мѣрѣ такой же отмѣны, какова у Камчадаловъ южныхъ и у сидячихъ Корякъ по разнымъ острожкамъ примѣчается.

Камчатской языкъ выговаривается половиною въ горлѣ, и половиною во ртѣ. Произношеніе ихъ языка тихо, трудно, съ протяженіемъ и удивительнымъ тѣлодвиженіемъ; а сіе показываетъ людей боязливыхъ, раболѣпныхъ, коварныхъ и хитрыхъ, каковы они и въ самомъ дѣлѣ.

Коряки говорятъ изъ всего горла съ великимъ крикомъ и замѣшательствомъ: слова въ языкѣ ихъ долги, но слоги коротки; начинаются по большей части съ двухъ гласныхъ и на гласныя же кончатся, какъ напримѣръ *Уемкай*, важенка или нѣжжалой олень. Нравы сего народа согласны съ язы-

(1) Стеллеръ третьимъ нарѣчіемъ почитаетъ Чукоцкой.

комЪ ихЪ, какЪ вЪ описаніи его обЪявлено будетЪ.

Курилы говорятЪ тихо, плавно, свободно и пріятно. Слова вЪ языкѢ ихЪ посредственны, гласныхЪ и согласныхЪ вЪ нихЪ умѢренно; да и самой народЪ всѢхЪ дикихЪ народовЪ добронравнѢе, осторожнѢе, правдивѢе, постояннѢе, обходительнѢе и честолюбивѢе.

ГЛАВА II.

О произхожденіи названія Камчадалъ и Камчатскаго народа по однимъ токмо догадкамъ.

Хотя и выше сего объявлено, что названіе Камчадалъ произходитъ отъ Коряцкаго имени *Хончало*, однако причины не показано, съ чего Коряки Камчадаловъ такъ называютъ, и для того должно сообщить здѣсь изъясненіе.

Нѣкоторые пишутъ, аки бы помянутой народъ Камчадалами отъ Россіянъ прозванъ по рѣкѣ Камчаткѣ, которая до ихъ еще прихода называлась Камчаткою, по имени славнаго воина Кончата, и аки бы Россіяне отъ тамошнихъ язычниковъ чрезъ знаки примѣтя, что великая оная рѣка *Коншатка* по ихъ именуется, всѣхъ тамошнихъ жителей прозвали Камчадалами. Но сіе есть искусной вымыселъ и предразсужденіе: 1) для того, что Россіянамъ съ Камчадалами чрезъ знаки говорить не было нужды, ибо при нихъ довольно было толмачей изъ сидячихъ Корякъ, которые Камчатской языкъ совершенно знаютъ; 2) что

имя Кончатъ Камчадаламъ невѣдомо; 3) а хотя бы того имени и былъ у нихъ человѣкъ, то рѣка не могла прозваться его именемъ: ибо Камчадалы ни рѣкъ, ни озеръ, ни горъ, ни острововъ именемъ людей не называютъ; но даютъ имъ имена по нѣкоимъ свойственнымъ имъ качествамъ, или по сходству съ другими вещами; 4) что Камчатка рѣка не Коншаткою, но Уйкуалъ, то есть большею рѣкою называется, какъ уже выше объявлено. А съ чего Коряки Камчадаловъ зовутъ *Хончало*, о томъ хотя заподлинно объявить и не льзя, для того что Коряки и сами причины тому не вѣдаютъ; однако не безъ основанія думать можно, что *Хончало* есть испорченное слово изъ *Коочьай*, что значитъ жителя по рѣкѣ Еловкѣ, которая течетъ въ Камчатку, и Коочь называется, какъ въ первой части сего описанія показано.

Камчадалы кромѣ общаго имени Ительмень, различаютъ себя отъ большей части названіемъ рѣкъ или другихъ урочищъ, гдѣ они жилища свои имѣютъ: такъ напримѣръ, Кыкша-ай, житель при Большей рѣкѣ, Суачуай, житель при Авачѣ, Коочь-ай, Еловской житель и прочая (1), ибо ай, приложенное къ

(1) Жители Курильскихъ острововъ такимъ же

названiю рѣки или другаго какого урочища, значитъ жителя того мѣста, къ которому прилагается, такъ какъ Ительмень вообще Камчатскаго жителя.

Которые Кончáта славнымъ воиномъ тамошнихъ мѣстъ называютъ, тѣ въ одномъ томъ ошиблись, что храбрость оную одному человѣку приписали, которую надлежало приписать всѣмъ Еловскимъ жителямъ, изъ которыхъ каждой *Коочь-ай*, или по ихъ *Кончатъ* называется. Ибо сiе самая правда, что Еловскiе жители издревле почитались храбрыми, и славны были предъ прочими; чего ради и Корякамъ, какъ по сосѣдству, такъ и по той знати, подъ именемъ своимъ *Коочь-ай*, которымъ они и отъ другихъ Камчадаловъ называются, были вѣдомы.

О перемѣнѣ Коочь-ай на Хончала, и Хончала на Камчадала, въ разсужденiи нарочитаго сходства именъ, немногiе, чаю, сумнѣваться имѣютъ; особливо которымъ извѣстно, коимъ образомъ и въ самыхъ Европейскихъ языкахъ чужестранныя слова́ портятся, а по тамошнимъ мѣстамъ тысячи оному примѣровъ показать можно, какъ нетокмо язычники, но и самые Россiяне чу-

---

образомъ различаются, прилагая *Айну* (человѣкъ) къ названiю обитаемаго ими острова. В.

жія названія портятъ. Такъ напримѣръ изъ Усъ-кыгъ, то есть Усъ рѣчка, сдѣланы у нихъ Ушки, изъ Кру-кыгъ крюки, изъ У́уту утка, изъ Кали-кыгъ Халилики, изъ Кужи Курилъ или Курилецъ и прочая. Чтожъ касается до происхожденія Камчатскаго народа, до прежняго мѣста жилищъ ихъ, до преселенія въ сіи мѣста, и до времени преселенія, того хотя съ такою исправностію, какова требуется по исторической достовѣрности, показать и не возможно; ибо дикой оной народъ, у котораго всѣ доказательства древности состоятъ въ словесныхъ преданіяхъ, и самъ ничего о томъ не вѣдаетъ, но наипаче утверждаетъ, что они на семъ мѣстѣ сотворены, и ни въ какія другія мѣста никогда не преселялись, а творцомъ своимъ и прародителемъ почитаютъ Ку́тху, который прежде живалъ на небѣ, какъ о томъ ниже объявлено будетъ пространнѣе; однако по склонности, по внѣшнему виду, по обычаямъ, по имени, по языку, платью, и по другимъ обстоятельствамъ думать можно, что Камчадалы въ древніе годы преселились туда изъ Монголіи, которой древности Стеллеръ приводитъ слѣдующее въ доказательство:

1) Что Камчадалы не знаютъ, откуда они происходятъ, потерявъ о томъ всѣ

преданія, чего ради вѣрить начали, что Кутху на томъ мѣстѣ ихъ создалъ, какъ выше показано.

2) Что они до прихода Россійскихъ людей ни о какихъ другихъ народахъ ни мало не знали, выключая сосѣдей своихъ Корякъ и Чукочь, а о Японцахъ и Курильцахъ увѣдали они не весьма давно, или по причинѣ бывшаго торга съ ними, или по тому что иногда выкидывало на берега ихъ Японскія бусы.

3) Что сіи народы весьма умножились, не взирая на то, что ежегодно много ихъ погибало отъ катящагося съ горъ снѣгу, отъ бурь, отъ звѣрей, отъ потопленія, отъ самоубійства и отъ войны между собою.

4) Что они великое имѣютъ знаніе въ тамошнихъ натуральныхъ вещахъ, какую онѣ имѣютъ силу, и къ чему угодны; чего въ краткое время опытами извѣдать не можно, тѣмъ наипаче, что для такого изслѣдованія больше четырехъ мѣсяцовъ въ году не остается, ибо зима тамъ долгая, а лѣто короткое, но и то время надлежитъ имъ употреблять на рыбную ловлю, какъ на главное пропитаніе.

5) Что инструменты и всякая домовая посуда разнятся отъ посуды всѣхъ другихъ народовъ, и что, по обстоятельству

ихъ житія и нужды, такъ хитро сдѣланы, что не видавъ образца и разумному трудно выдумать; такого состоянія ихъ санная ѣзда на собакахъ.

6) Что нравы ихъ грубы, и склонность не разнствуетъ отъ безсловесныхъ животныхъ; ибо они пекутся о удовольствіи токмо плоти, которое почитаютъ за вящшее благополучіе, а о душѣ не имѣютъ и понятія.

Чтожъ они произошли изъ Монголіи, а не отъ другихъ народовъ, то есть ни отъ Татаръ по сю сторону Амура живущихъ, ни отъ Курильцовъ, ни отъ Японцовъ, о томъ думать побуждаютъ нижеписанныя обстоятельства. Отъ поколѣнія Татаръ не можно, кажется, имъ быть для того, что въ противномъ случаѣ при своемъ преселеніи конечно заняли бы они мѣста по Ленѣ, которыми нынѣ владѣютъ Якуты съ Тунгусами; ибо они и по довольству къ содержанію удобнѣе Камчатскихъ, и ни кѣмъ не были обитаемы. Буде же думать, что они въ тѣхъ мѣстахъ живали, но послѣ выгнаны Якутами по приходѣ ихъ въ тѣ мѣста́ какъ Тунгусы, которые нынѣ живутъ въ срединѣ между Братскими и Якутами, то бы Якуты и объ нихъ, такъ какъ о Тунгусахъ имѣли хотя малое извѣстіе, че-

го однакоже не примѣчено. Что они не отъ рода Курильскаго, оное доказывается нравами и совершеннымъ несходствомъ въ тѣлесномъ видѣ; а что не отъ Японцовъ, то вѣроятною древностію ихъ преселенія въ тѣ мѣста, которое, кажется, случилось прежде нежели Японцы отъ Китайцовъ отпали и поселились на нынѣшнемъ мѣстѣ. Причина тому, что Камчадалы о употребленіи желѣза и о желѣзной рудѣ, также и о другихъ металлахъ не вѣдаютъ, хотя Монголы назадъ тому болѣе двухъ тысячъ лѣтъ и оружейной снарядъ и домовые инструменты изъ желѣза дѣлать начали, такъ какъ Татары изъ мѣди ножи и кинжалы. По чему вѣроятно, что Камчатскіе народы въ началѣ самодержавнаго владѣнія Князей въ Восточныхъ странахъ Азіи, удалились къ морю такъ какъ Лопари, Остяки и Самоядь, убѣгая отъ нашествія другихъ народовъ, и по берегу Пенжинскаго моря дошли до Камчатки. Ежели же бы Камчадалы не старѣ Тунгусовъ были преселеніемъ, то бы Тунгусы при случаѣ своего бѣгства не преминули дойти до Камчатки, какъ до мѣста безопаснѣйшаго по отдаленію. Чтожъ тѣ мѣста заняты были толь многочисленнымъ народомъ, что Тунгусы, не взирая на храбрость свою, не мо-

гли противъ ихъ отважиться, то непосредственно слѣдуетъ, что они задолго до прихода Тунгусовъ поселились и умножились.

Что касается до прежнихъ жилищъ Камчатскаго народа, то они, кажется, жили за Амуромъ въ Монголіи, и прежде съ Монголами были одинъ народъ, а оное доказывается слѣдующими доводами: 1) что (1) въ Камчатскомъ языкѣ много словъ, которыя имѣютъ Монгольское или Китайское свойство по окончаніямъ на онгъ, ингъ, оангъ, чинъ, ча, чингъ, кси, ксунгъ: однако много бы того было, естьли бы кто многихъ и цѣлыхъ словъ и согласныхъ рѣченій потребовалъ, ибо Камчатской языкъ въ одномъ народѣ и въ одной землѣ діалектами разнится; но довольно для свойства языка и того, по чему Европеецъ не учась языкамъ знаетъ изъ одного произношенія, кто говоритъ по Нѣмецки, кто по Французски, по Италіянски, и прочая. Наипаче разность словъ сама доказательствомъ, что преселеніе Камчатскаго народа въ самыя древнія времена было, и что по нынѣ оста-

---

(1) Камчатской и Коряцкой народъ должно разумѣть за одинъ народъ, какъ изъ слѣдующаго явствуетъ, а объявленныя окончанія токмо въ Коряцкомъ языкѣ примѣчаются.

лась одна тѣнь сходства между языками, а не самое сходство, такъ какъ въ Еврейскомъ и Татарскомъ. Въ утвержденіе сего можетъ служить, что Камчатской языкъ съ Монгольскимъ не токмо въ словахъ имѣетъ сходство, но въ склоненіи и произвожденіи, ибо въ Монгольскомъ языкѣ сіе особливое, что много первообразныхъ. 2) Что Камчадалы такъ какъ Монголы ростомъ низки, тѣломъ смуглы, не мохнаты, черноволосы, малобороды, лицемъ калмыковаты съ покляпыми носами, косолапы. Глаза́ у нихъ впалые, брови малы и рѣдки, брюха́ отвислы, но́ги и ру́ки малы и тонки, походка тихая. Сверьхъ того робость, хвастовство, раболѣпность къ строгимъ, упрямство и презрѣніе къ ласковымъ, обоимъ народамъ свойственны.

ГЛАВА III.

О прежнемъ состояніи Камчатскаго народа.

До покоренія Россійскому владѣнію дикой оной народъ жилъ въ совершенной вольности; не имѣлъ никакихъ надъ собою начальниковъ, не подверженъ былъ никакимъ законамъ, и дани никому не плачивалъ. Старые и удалые люди имѣли въ каждомъ острожкѣ преимущество, которое однакожъ только въ томъ состояло, что ихъ совѣты предпочитались; впрочемъ было между ими равенство, никто ни кѣмъ повелѣвать не могъ, и никто самъ собою не смѣлъ другаго наказывать.

По внѣшнему виду сей народъ и сходенъ съ другими Сибирскими народами, и нѣкоторую имѣетъ отмѣну, по чему оный легко распознать можно, какъ ужé выше показано. Сходство состоитъ особливо въ томъ, что они тѣломъ смуглы и черноволосы, что глазá у нихъ малы и лíца плоски; а несходство, что лíца у Камчадаловъ не столь продолговаты и скуласты, какъ у другихъ народовъ, что щéки у нихъ

одутловаты, губы толсты и ротъ превеликой; роста всѣ по большей части средняго, плечисты и присадисты, особливо, кои живутъ при морѣ и морскими звѣрями питаются. Великановъ по всей Камчаткѣ не примѣчено.

Въ житьѣ гнусны, никакой чистоты не наблюдаютъ, лица́ и рукъ не умываютъ, ногтей не обрѣзываютъ, ѣдятъ изъ одной посуды съ собаками; и никогда ее не моютъ, (1) всѣ вообще пахнутъ рыбою какъ гагары; волосовъ на головѣ не чешутъ, но расплетаютъ на двѣ косы какъ мущины, такъ и женщины. У которыхъ бабъ долгія косы, тѣ для красы разплетаютъ ихъ на многія мѣлкія косы, а потомъ въ двѣ большія соединяютъ, и закинувъ на спину связываютъ на концѣ веревочкою (2). Когда волосы изъ косъ выбиваются, то пришиваютъ ихъ нитками, чтобъ были гладки, и по тому онѣ столь вшивы, что рукою какъ гребнемъ, поднявъ косы ихъ чешутъ, и сметая въ кучу пожираютъ, какъ выше показано. А у которыхъ волосы малы, тѣ парики

(1) Сіе нѣсколько выводится, и многіе Тоіоны имѣютъ уже столовой приборъ, серебро, и чайной сервизъ. В.

(2) Женщины носятъ нынѣ на головахъ платки. В.

объявленнымъ образомъ сдѣланные носятъ, которые вѣсомъ бываютъ до десяти фунтовъ, и голову сѣнною копною представляютъ; впрочемъ женской полъ красивѣе, и кажется умнѣе, чего ради изъ бабъ и изъ Коекчучей ихъ больше шамановъ, нежели изъ мужескаго пола.

Платье носятъ изъ звѣриныхъ кожъ (1); питаются кореньемъ, рыбою и морскими звѣрями. Живутъ зимою въ земляныхъ юртахъ (2), а лѣтомъ въ балаганахъ. Въ зимнее время ѣздятъ на собакахъ, а лѣтомъ, гдѣ судовой ходъ, ботами, а гдѣ нѣтъ пѣшіе ходятъ. Тяжести мущины на плечахъ, а женщины лбомъ носятъ.

О Богѣ, порокахъ и добродѣтеляхъ имѣютъ развращенное понятіе. За вящшее благополучіе почитаютъ объяденіе, празд-

---

(1) Зимняя одежда мущинъ осталась таже что и прежде, кромѣ только что носятъ нынѣ и Китайчатыя рубахи; напротивъ того женщины, которыя побогаче, одѣваются какъ во всей Сибири; носятъ фанзовые рубахи, юбки и чулки. Всѣ также охотники до чаю, особливо женщины; начинаютъ любить хлѣбъ, соль, и огородные овощи, особенно картофель, который вездѣ во множествѣ родится; и потому иные въ способныхъ мѣстахъ занимаются сами хлѣбопашествомъ, и заводятъ огороды. В.

(2) Нынѣ въ Рускихъ избахъ. В.

ность и плотское совокупленіе; похоть возбуждают пѣніем, пляскою и разсказываніем любовных басен по своему обыкновенію. Главной у них грѣх скука и неспокойство, котораго убѣгают всѣми мѣрами, не щадя иногда и своей жизни. Ибо по их мнѣнію лучше умереть, нежели не жить, как им угодно. Чего ради прежде сего самоубійство было у них послѣдній способ удовольствія, которое до самаго их покоренія продолжалось; а по покореніи так было умножилось, что из Москвы нарочные были указы, чтоб Россіянам не допускать Камчадалов до самовольной смерти.

Впрочем живут они беззаботно, трудятся по своей волѣ, думают о нужном и настоящем, будущее со всѣм оставя. Богатства, славы и чести не вѣдают, чего ради нѣт между ими сребролюбія, любочестія и гордости, но токмо роскошь и похоть с своими плодами, а при том ярость, ненависть и мщеніе, чего ради и войны как между собою, так и с сосѣдними народами имѣли они не для распространенія земли, ни для пріобрѣтенія власти, но по причинѣ какой нибудь обиды, или для похищенія съѣстных припасов, а наибольше для дѣвок, кото-

рыхъ они могли въ жены брать съ меньшимъ трудомъ, нежели какъ добровольно, ибо имъ жены весьма доставались дорого, какъ о томъ въ своемъ мѣстѣ объявлено будетъ.

По той же причинѣ и торги у нихъ не для богатства были, но для полученія нужнаго къ содержанію. Корякамъ давали они соболи, лисицы, рослыя бѣлыя собачьи кожи, сушеной мухоморъ и другія мѣлочи, а отъ нихъ получали шитое оленье платье и кожи. Между собою мѣнялись тѣмъ, въ чемъ одинъ противъ другаго имѣлъ изобиліе и недостатокъ; въ томъ числѣ почитались собаки, лодки, чаши, корыта, сѣти, кропива мятая и съѣстные припасы; а мѣна оная отправлялась подъ видомъ сведенія дружбы: ибо когда кому что у другова нравилось, или въ чемъ случалась нужда, то долженъ онъ былъ къ другому пріѣхать въ гости, и сказать о томъ безъ зазору, что онъ въ гости къ нему пріѣхалъ, хотя бы прежде и не имѣлъ съ нимъ обхожденія. Тогда хозяину надлежало потчивать его по обычаю, обрать все, что понравится, и отпустить домой почти нагова; а по томъ самому къ нему пріѣхать, и быть принятu равнымъ образомъ; при которыхъ случаяхъ оба получали то,

въ чемъ имѣли нужду, но о семъ въ особливой главѣ писано будетъ пространнѣе.

Поступки ихъ безмѣрно грубы. Учтивства въ словахъ и поздравленія нѣтъ въ обычаѣ. Шапокъ не скидаютъ, и не кланяются другъ другу. Въ разговорахъ столь глупы, что кажется, будтобы они токмо языкомъ разнились отъ безсловесныхъ животныхъ, однако любопытны, и всякой вещи начало и произхожденіе объявить стараются, которое однакожъ не превосходитъ мѣры ихъ понятія.

Всѣ почти мѣста въ свѣтѣ, небо, воздухъ, воды, землю, горы и лѣса населили они различными духами, которыхъ опасаются, и больше Бога почитаютъ. Жертвы даютъ при всякомъ случаѣ, а иныхъ и болваны при себѣ носятъ, или имѣютъ въ своихъ жилищахъ. А Бога напротивъ того не токмо не боятся, но и злословятъ при трудныхъ или нещастливыхъ случаяхъ (1).

Лѣтъ отъ рожденія себѣ не знаютъ. Счетъ, хотя у нихъ и до ста есть, одна-

(1) Все, что Авторъ здѣсь и ниже сего объявляетъ касательно язычества, обрядовъ, и обычаевъ, относится къ тогдашнему времени. Нынѣже, какъ выше замѣчено, Камчадалы обращены въ Христіанскую вѣру, и вообще уже прежніе свои обряды оставили. В.

ко такъ имъ труденъ, что безъ пальцовъ трехъ перечесть не могутъ. Всего смѣшнѣе, когда имъ надобно считать больше десяти, тогда они пересчитавъ пальцы у рукъ, и сжавши обѣ руки вмѣстѣ, что значитъ десять, остальное досчитаютъ ножными перстами. Буде же число превзойдетъ двадцать, то пересчитавъ пальцы у рукъ и у ногъ въ нѣкоторое приходятъ изумленіе, и говорятъ *Ма́ча*? то есть, гдѣ взять?

Въ году считаютъ десять мѣсяцовъ, изъ которыхъ иные долѣ, а иные короче, для того что они не по лунному теченію ихъ раздѣляютъ, но по тому, что когда дѣлаютъ, какъ видно изъ слѣдующихъ ихъ названій.

1. Чужлингачь-кулечь.		Грѣховъ очиститель, ибо въ семъ мѣсяцѣ бываетъ у нихъ праздникъ, и грѣховъ очищеніе.
2. Кукамлилиначь-кулечь.		Отъ великихъ морозовъ топорища ломаются.
3. Балатулъ	— —	Тепла начало.
4. Кыдышкунычь	— —	Долгой день становится,
5. Кахтань	— —	Настовой мѣсяцъ.
6. Куйше	— —	Мѣсяцъ красной рыбы.
7. Ажаба	— —	— — бѣлой рыбки.

8. Кайко — — — — Кайка рыбы.
9. Кыжу — — — — бѣлой рыбы.
10. Кихтеру — — — — листопадной.

Сей послѣдній мѣсяцъ до самаго Ноября или до ихъ грѣховъ очистителя продолжается, чего ради содержитъ въ себѣ около трехъ мѣсяцовъ. Но сіи имена мѣсяцамъ не у всѣхъ Камчадаловъ употребительны, а токмо у тѣхъ, кои живутъ по рѣкѣ Камчаткѣ; у находящихся же отъ Камчатки въ сѣверѣ, нѣкоторымъ мѣсяцамъ имена особливыя, и въ счисленіи ихъ слѣдующій порядокъ:

1. Келуооль - кулечь. Рѣкоставъ мѣсяцъ.
2. Кыжашпъ - — — Звѣрей слѣдить удобной.
3. Чужлингечь — — Грѣховъ очиститель.
4. Кукамлилингчь — — Отъ мороза топорища ломаются.
5. Кыдышконнечь — — Дни долгіе становятся.
6. Шижо — — Лахтаки щенятся.
7. Кууль - — — Тюлени щенятся.
8. Кожа - — — Ѣжалые олени телятся.
9. Каю - — — Дикіе олени телятся.
10. Кунлькожалпдечь-кулечь — Рыбу промышлять начинаютъ.

Годъ раздѣляется на четыре части, и лѣто называютъ они *Адамаль*, зиму *Коелелю*, осень *Кытхеиль*, весну *Угаль*, а когда которое время начинается или кончит-

ся, о томъ сказано мнѣ, что они того не вѣдаютъ; но господинъ Стеллеръ о раздѣленіи времени слѣдующее пишетъ: Камчадалы довольно знаютъ, что свѣтъ сотворенъ не отъ вѣка, но что оной воспріялъ начало со временемъ. Время отъ жителей Пенжинскаго моря *Иткуохъ* или *Азкедь*, а отъ жителей рѣки Камчатки *Леткуль* или *Ельчичь* безъ всякаго въ произведеніи основанія именуется. Отъ незнанія движеній главныхъ планетъ раздѣляютъ они время удивительно, и дѣйствія движенія на землѣ принимая въ основаніе, опредѣляютъ оное. Вообще солнечный годъ раздѣляютъ на двое, считая по шести мѣсяцовъ въ каждой половинѣ. Такимъ образомъ зима составляетъ у нихъ годъ, а лѣто другой.

Лѣтній годъ начинается у нихъ съ Маія мѣсяца, а зимній съ Ноября. Южные Камчадалы Май называютъ *Тавакоачь*, то есть травничковъ мѣсяцъ, ибо *Тава*, на ихъ языкѣ травникъ, а *Коачь*, луна и солнце. Причина названія мѣсяца, что тогда травники прилетаютъ, и вездѣ появляются. Іюнь, *Куа-коачь*, кокушкинъ мѣсяцъ, что кокушка тогда кокуетъ, Іюль *Етемста-коачь*, лѣтній мѣсяцъ; Августъ *Кихзуя-коачь*, отъ промыслу рыбы при лунномъ сіяніи; Сентябрь, *Коазухта-коачь*, бле-

клой и листопадной мѣсяцъ отъ того, что въ то время листъ на деревьѣ блекнетъ и опадаетъ. Октябрь, *Пикись-коачь*, пигаличей мѣсяцъ, для того что малая сія птица, которой во все лѣто на деревахъ одѣтыхъ листьемъ не можно видѣть, тогда оказывается. Сіи шесть мѣсяцовъ составляютъ лѣто и первый годъ. Въ зимнемъ году перьвой числится Ноябрь, по ихъ названію *Казакоачь* отъ дѣланія кропивы, ибо кропива по ихъ *Казаа́нъ* называется, которую они тогда рвутъ, мочатъ, дерутъ и сушатъ. Декабрь, *Ноккооснобиль*, нѣсколько озябъ, показывая, что тогда обыкновенно стужа начинается. Генварь, *Зиза-коачь* не трогай меня, отъ того что почитается тогда за великой грѣхъ припадкою изъ рѣкъ пить воду, но надлежитъ въ то время имѣть при себѣ ковшъ или бараней рогъ, которой вмѣсто ковша употребляется. Причина тому, что они пьючи припадкою отмораживаютъ губы. Февраль *Кича-коачь*, отъ лѣсницъ, по которымъ они на балаганы лазятъ, и по которымъ тогда усматриваютъ, что дерево отъ стужи бываетъ кро́пко; Мартъ *Агду-коачь* отъ отверстія юрты, для того что въ то время проталины около онаго обыкновенно случаются. Апрѣль, *Масгалъ-коачь*, Трясогускинъ мѣсяцъ, для того что

трясогуски тогда прилетаютъ, и показываютъ своимъ прибытіемъ, что зима и годъ окончились.

Въ семъ извѣстіи господина Стеллера двѣ вещи не недостойны примѣчанія; 1) что попались ему, какъ видно, умные люди, съ которыми онъ разговаривалъ; 2) что не у всѣхъ Камчадаловъ одно число и имена мѣсяцамъ.

Дней они не различаютъ особливымъ названіемъ, не раздѣляютъ ихъ на недѣли или другіе періоды, и числа́ дней въ году и мѣсяцѣ не знаютъ.

Время опредѣляютъ по знатнымъ нѣкоторымъ приключеніямъ, какъ на примѣръ по приходу Россіянъ, по великому Камчатскому бунту, по первой Камчатской Экспедиціи. Письма никакого не знаютъ, ни гіероглифическихъ фигуръ для памяти не употребляютъ, но однихъ повѣстей и преданій держатся, которыя часъ отъ часу въ такой недостатокъ приходятъ, что отъ сущихъ дѣйствій, какъ бы одна тѣнь остается.

Причины солнечныхъ и лунныхъ затмѣній не знаютъ. Однако въ случаѣ ихъ выносятъ на юрту огонь, и приказываютъ свѣтиламъ, чтобъ они свѣтили по прежнему. Затмѣнія солнца и луны называются по ихъ, *Кулечьгужичь*.

Изъ звѣздъ знаютъ имена токмо тремъ созвѣздіямъ, большему медвѣдю, плеядамъ и тремъ звѣздамъ въ Оріонѣ. Медвѣдя называютъ *Кранхль*, плеяды *Дежичь* или *Ижичь*, а Оріона *Укальтежидъ*.

Громъ и молнію иные врагамъ, а иные людямъ живущимъ въ горѣлой сопкѣ приписываютъ, какъ о томъ ниже объявлено будетъ.

Вѣтрамъ имена у нихъ есть только знатнѣйшимъ, однако не одинакія. Живущіе по рѣкѣ Камчаткѣ восточной вѣтръ называютъ *Шангышъ*, съ низу вѣющій, западной *Быкымыгъ*, сѣверной *Бетежемъ*, сѣверовосточной *Коаспюль* жировой, по тому что онымъ вѣтромъ къ берегамъ ледъ нажимаетъ, въ которомъ случаѣ бьютъ они много морскихъ звѣрей, и ѣдятъ жирно. Сѣверозападной *Тагь* верьховой, южной *Челюкымгъ*. А живущіе отъ рѣки Камчатки на сѣверъ восточной вѣтръ называютъ *Кунеушхтъ*, съ моря дышущій, западной *Еемшхтъ* съ земли вѣющій, сѣверной *Тынгылшхтъ*, студеной, южной *Челюгынкъ*, южно-западной *Гынгы Еемшхть* женская погода, для того что во время онаго вѣтра небо по ихъ мнѣнію, какъ женщина, плачетъ.

Судъ и расправа у нихъ общая. Удовольствіе обидимому равное воздаяніе. Кто кого

убилъ, тотъ самъ отъ сродниковъ убіеннаго былъ убиваемъ. Ворамъ, кои часто приличались, обжигали руки обвивъ ихъ берестою; но тѣхъ, кои въ первой разъ бывали поиманы, покраденые били безъ всякаго отъ вора сопротивленія, послѣ чего принуждены были такіе люди жить на единѣ безъ всякой помощи и безъ всякаго съ другими обхожденія, какъ сущіе плуты и политическою смертію казненые.

Невѣдомыхъ воровъ наказывали они жженіемъ становыхъ жилъ каменнаго барана при собраніи и при шаманствѣ, ибо по ихъ мнѣнію сводитъ послѣ того злодѣя вмѣсто, какъ жилы отъ огня сжимаются.

О имѣніи и юртахъ никогда они не ссорятся, ибо для всякаго земли, воды и произрастающихъ съ живопными довольно; о границахъ и предѣлахъ не бываетъ споровъ, ибо всякъ съ излишествомъ имѣетъ пропитаніе отъ той рѣки и луговъ, гдѣ его рожденіе.

Женъ имѣютъ по одной, по двѣ и по три; сверхъ того нѣкоторые содержатъ и такъ называемыхъ по ихъ *Коекчучей*, которые въ женскомъ платьѣ ходятъ, всю женскую работу отправляютъ, и съ мущинами не имѣютъ никакого обхожденія, будто бы гнушаясь дѣлами ихъ, или зазираясь вступать не въ свое дѣло.

Мѣры верстамъ не знаютъ. Разстояніе считаютъ по ночамъ, сколько будучи въ дорогѣ ночевать должны.

Великое искуство имѣютъ пересмѣхать всякаго и точно представлять, кого захотятъ, по походкѣ, по голосу, по рѣчи и по всѣмъ пріемамъ; такимъ же образомъ представляютъ они и звѣрей и птицъ, и сіе у нихъ въ числѣ непослѣднихъ забавъ почитается.

Но сколь они въ житьѣ своемъ ни гнусны, и въ поступкахъ ни глупы, однако о всемъ такое мнѣніе имѣютъ, что нѣтъ лучше житья ихъ и удовольствія. Чего ради козачьему житью, въ чемъ съ ихъ несходно, не безъ презрѣнія удивляются. Токмо нынѣ во всѣмъ послѣдовала великая перемѣна. Старые, которые крѣпко держатся своихъ обычаевъ, переводятся, а молодые почти всѣ воспріяли Христіанскую вѣру, и стараются во всемъ Россійскимъ людямъ послѣдовать, насмѣхаясь житію предковъ своихъ, обрядамъ ихъ, грубости и суевѣрію. Во всякомъ острогѣ опредѣленъ начальникъ, которой *Тоіонъ* называется, и которому по высочайшему ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА указу поручены судъ и расправа надъ подчиненными, кромѣ уголовныхъ дѣлъ

(1). Во многихъ мѣстахъ не токмо у Тоіоновъ, но и у простыхъ людей построены избы и горницы по Россійскому обыкновенію, а индѣ и часовни для молитвы. Заведены тамъ и школы, въ которыя сами Камчадалы охотно отдаютъ дѣтей своихъ. Такимъ образомъ въ краткое время много варварства безъ сумнѣнія изкоренится.

(1) Достоинство Тоіона или Старосты наслѣдственное; по прекращеніи же его рода избирается отъ всего общества, изъ Членовъ онаго достойнѣйшій. Подъ Тоіономъ состоитъ Есаулъ, его помощникъ. В.

ГЛАВА IV.

О Камчатскихъ острожкахъ.

Подъ именемъ острожка разумѣется на Камчаткѣ всякое Камчатское жилище, состоящее изъ одной или нѣсколька земляныхъ юртъ и изъ балагановъ (1). По Камчатски такія жилища называются *А́тынумъ*, а козаки прозвали ихъ острожками безъ сумнѣнія отъ того, что по приходѣ ихъ на Камчатку укрѣплены были оные землянымъ валомъ или полисадникомъ, какъ у сидячихъ Корякъ въ сѣверѣ и понынѣ укрѣпляются.

Юрты дѣлаютъ они слѣдующимъ образомъ: выкапываютъ землю аршина на два въ глубину, а въ длину и въ ширину смотря по числу жителей. Въ ямѣ почти на самой срединѣ ставятъ четыре столба толстые, одинъ отъ другаго по сажени и далѣ. На столбы кладутъ толстыя перекладины, а на нихъ потолокъ накатываютъ, оставя почти на срединѣ четвероугольное отверстіе, которое и вмѣсто окна, и вмѣсто дверей, и вмѣсто трубы служитъ. Къ помянутымъ перекладинамъ прислоняютъ съ

(1) Сіе относится къ тогдашнему времени; нынѣже вмѣсто юртъ строятся Руския избы. В.

земли бревна же, которыхъ нижніе концы на поверьхности земли утверждаются; и обрѣшетя ихъ жердями покрываютъ травою, и осыпаютъ землею, такъ что юрта съ наружи имѣетъ видъ небольшаго круглаго холмика; но внутри онѣ четвероугольныя, однако почти всегда двѣ стѣны бываютъ долѣе, а двѣ короче. У одной продолговатой стѣны между стоячими столбами бываетъ обыкновенно очагъ, а отъ него выводъ, котораго внѣшнее отверстіе гораздо ниже помянутаго. Дѣлаетсяжъ сей выводъ для того, чтобъ входящимъ во оной воздухомъ выгоняло дымъ вонъ изъ юрты чрезъ верхнее отверстіе.

Внутри юрты подлѣ стѣнъ дѣлаютъ они полки, на которыхъ спятъ семья подлѣ семьи рядомъ. Токмо не бываетъ полокъ противъ очага: ибо тамъ обыкновенно стоитъ домовая посуда ихъ, чаши и корыта деревянныя, въ которыхъ и себѣ и собакамъ ѣсть варятъ. А въ которыхъ юртахъ полокъ нѣтъ, тамъ вкругъ мѣстъ, гдѣ спятъ, положены брёвна, а самыя мѣста устланы рогожами.

Украшенія въ юртахъ никакого нѣтъ, кромѣ того, что у нѣкоторыхъ стѣны обвѣшены бываютъ плетеными изъ травы рогожами, а по ихъ званію *тирелами*.

У сѣверныхъ Камчадаловъ бываетъ въ

юртахъ по два идола, изъ которыхъ одинъ называется *Хантáй*, а другой *Áжутакъ*. Хантáй дѣлается на подобіе Сирены, то есть съ головы по груди человѣкомъ, а оттуда рыбою, и ставится обыкновенно подлѣ огнища; а для чего и во образъ кого, другой причины не могъ я вывѣдать, кромѣ того, что есть духъ сего имени. Идолъ сей Хантай ежегодно дѣлается новой во время грѣховъ очищенія, и ставится со старымъ вмѣстѣ, по числу которыхъ можно узнать, сколько которой юртѣ лѣтъ отъ построенія. Áжутакъ есть столбикъ съ обдѣланною верхушкою на подобіе головы человѣческой, ставится надъ домашнею посудою, и почитается за караульщика отгоняющаго отъ юрты лѣсныхъ духовъ: за что и кормятъ его Камчадалы по всякой день, мажутъ ему голову и рожу вареною сараною или рыбою.

Сего идола и южные Камчадалы имѣютъ, и называютъ Áжулуначь, но вмѣсто Хантаевъ есть у нихъ по грядкамъ колье съ обтесанными головками, именуемое *Урилыдачь*.

Входятъ въ юрты по лѣсницамъ стремянкамъ, подъ которыми обыкновенно очагъ бываетъ; и для того во время топленія юрты непривычному трудно входить и

выходить изъ юрты, ибо и лѣсница такъ горяча бываетъ, что ухватиться не льзя, и проходя сквозь дымъ должно переводить духъ, чтобъ не задохнуться. Но Камчадаламъ то не препятствуетъ, ибо они по своимъ лѣсницамъ, на которыхъ ступеняхъ токмо носками становиться можно, такъ какъ бѣлки на верьхъ взбѣгаютъ; и бабы съ малыми робятами за плечьми сквозь дымъ ходить не опасаются, не смотря на то, что онѣ и Коекчучи имѣютъ позволеніе входить и выходить чрезъ другое отверстіе, которое просто жупаномъ называется. Впрочемъ естьли мущина пойдетъ жупаномъ, тотъ часъ причину подастъ надъ собою смѣяться, ибо сіе у нихъ столь странное дѣло, что козаковъ, которые при первомъ случаѣ не обыкнувъ ходить сквозь дымъ, выходили жупаномъ, почитали они всѣхъ Коекчучами.

Головни изъ юртъ выметываютъ въ верхнее отверстіе, ущемя въ двѣ нарочно для того сдѣланныя палки, которыя называютъ *Андронами*, и тотъ за великаго щеголя и удальца почитается, который большія головни изъ глубокой юрты выбрасываетъ мѣтко.

Въ сихъ юртахъ живутъ Камчадалы съ осени до весны, а потомъ выходятъ въ

балаганы. Южные Камчадалы юрту называютъ *Тгомкегстичь*, а сѣверные *Кузучь* или *Тимустичь*. Верхнее отверстіе *Оночь*, нижнее *Линемъ*, закрышку его *Шолоначь*, отъ чего весь выходъ козаки называютъ жупаномъ. Стоячіе столбы въ юртѣ *Кокодъ*, а толстыя бре́вна, которыя съ земли́ прислоняются къ перекладинамъ, *Кошледъ*.

При каждой юртѣ бываетъ по малой мѣрѣ столько балагановъ, сколько семей въ острожкѣ; ибо оные и вмѣсто кладовыхъ анбаровъ, и вмѣсто лѣтнихъ покоевъ служатъ, а дѣлаются слѣдующимъ образомъ. Сперва ставятъ девять столбовъ вышиною сажени по двѣ и больше, въ три ряда въ равномъ разстояніи. Столбы связываютъ перекладинами, на перекладинахъ мостятъ полъ кольемъ, и устилаютъ травою; поверьхъ пола дѣлаютъ изъ кольяжъ высокой островерхой шатеръ, которой обрѣшетя прутьями или тонкими кольямижъ, покрываютъ травою. Траву прижимаютъ кольемъ, а для крѣпости, чтобъ не сносило вѣтромъ, концы верхняго колья съ концами нижняго связываютъ ремнями и веревками. Двери у нихъ дѣлаются съ двухъ сторонъ, однѣ противъ другихъ прямо. Ходятъ на балаганы по такимъ же лѣсницамъ, какъ въ зимнія юрты.

Такіе балаганы бываютъ у нихъ не токмо при зимнихъ юртахъ, но и на лѣтовьяхъ, гдѣ кормъ промышляютъ; и сіе строеніе по обстоятельству тамошнихъ мѣстъ весьма способно и нужно, ибо въ разсужденіи тамошнихъ мокрыхъ погодъ, во время рыбной ловли, принуждены они бываютъ досушивать рыбу подъ балаганами. Но есть и другая тамошнимъ жителямъ выгода отъ балагановъ; ибо когда они съ лѣтнихъ промысловъ въ домы возвращаются, то сушеную рыбу обыкновенно оставляютъ до зимы въ балаганахъ, по большей части безъ караула, токмо отставя прочь лѣсницу. И такимъ образомъ кормъ ихъ хранится въ цѣлости отъ звѣрей, которые на балаганы попасть не легко могутъ: а ежели бы оное строеніе не столь высоко было, то бы звѣри ничего имъ не оставили, ибо есть примѣры, что медвѣди взлазятъ иногда и въ балаганы, не смотря на всѣ трудности; особливо же въ осеннее время, когда въ рѣкахъ рыба и по полямъ ягоды перемежаются.

На лѣтнихъ промыслахъ при балаганахъ дѣлаются травяные шалаши, которые по Камчатски *бажабажъ*, а по Руски *барабанами* называются. Въ нихъ они по большей части ѣсть варятъ, и рыбу чи-

стятъ въ ненастливую погоду, а козаки соль варятъ изъ морской воды.

Многолюдные острожки обставлены бываютъ вкругъ балаганами, и издали показываютъ преизрядной видъ. Всякой такой острожекъ кажется городомъ по причинѣ балагановъ, которые и сами мы не видавъ почитали башнями.

Камчадалы строятъ свои острожки обыкновенно по островамъ въ густыхъ тальникахъ, или на такихъ мѣстахъ, которыя отъ натуры крѣпки, и безопасное имѣютъ положеніе, разстояніемъ отъ моря не меньше 20 верстъ, а иногда и гораздо далѣе; а на устьяхъ рѣкъ бываютъ у нихъ лѣтовья. Однако сіе касается до однихъ южныхъ Камчадаловъ, кои живутъ по Пенжинскому морю, а по Восточному морю есть острожки и подлѣ самаго моря.

Всякой острожекъ ту рѣку, при которой живетъ, почитаетъ за владѣніе своего рода, и съ той рѣки на другую никогда не переселяется. Естьли по какой нибудь причинѣ одна или нѣсколько семей пожелаютъ жить особливыми юртами, то дѣлаютъ оныя выше или ниже острожка по той же рѣкѣ или по посторонней, которая течетъ въ ихъ рѣку. Чего ради думать можно, что на всякой рѣкѣ жи-

вутъ сродники, которые происходятъ отъ одного прародителя. Сами Камчадалы, по объявленію Стеллера, говорятъ, что *Кутъ*, котораго иногда богомъ, а иногда прародителемъ называютъ, на каждой изъ Камчатскихъ рѣкъ жилъ по два года, и дѣтей родивъ оставлялъ ихъ на природномъ ихъ мѣстѣ, отъ которыхъ каждая рѣка имѣетъ нынѣ своихъ жителей. Такимъ образомъ Кутъ ихъ дошелъ до Озерной рѣки, которая течетъ изъ Курильскаго озера, и аки бы совершивъ теченіе и труды свои приставилъ къ горѣ баты свои, и отбылъ съ Камчатки.

На промыслы звѣриные ходятъ Камчадалы по своимъ же рѣкамъ, что, можетъ быть, прежде сего наблюдалось строго, но нынѣ желающіе промышлять морскихъ звѣрей, ходятъ верстъ по двѣсти отъ своихъ жилищъ на Авачу и на Курильскую лопатку.

ГЛАВА V.

О домовой посудѣ и о другихъ нужныхъ въ житіи потребностяхъ.

Вся Камчатская посуда и всѣ экономическія ихъ принадлежности, состоятъ въ чашахъ, корытахъ, берестяныхъ кужняхъ, а по тамошнему *гуманахъ*, да въ санкахъ и лодкахъ: въ чашахъ и корытахъ варили они ѣсть и себѣ и собакамъ, кужни употребляли вмѣсто стакановъ, санки къ ѣздѣ зимою, а лодки лѣтомъ. Чего ради и писать бы о томъ болѣе нѣчего, естьли бы сей народъ, такъ какъ другіе, имѣлъ тогда или зналъ употреблять металлы. Но какъ они безъ желѣзныхъ инструментовъ могли все дѣлать, строить, рубить, долбить, рѣзать, шить, огонь доставать, какъ могли въ деревянной посудѣ ѣсть варить, и что имъ служило вмѣсто металловъ; о томъ, какъ о дѣлѣ не всякому знаемомъ, упомянуть здѣсь не непристойно, тѣмъ наипаче, что сіи средства не разумной или ученой народъ вымыслилъ, но дикой, грубой и трехъ перечесть неумѣющій. Столь сильна нужда

умудрять къ изобрѣтенію потребнаго въ жизни!

До прибытія почти Россіянъ на Камчатку, употребляемы тамъ были вмѣсто металловъ, кость и каменье. Изъ нихъ Камчадалы дѣлали топоры, ножи, копья, стрѣлы, ланцеты и иглы. Топоры у нихъ дѣлались изъ оленьей и китовой кости, также и изъ яшмы, на подобіе клина, и привязывались ремнями къ кривымъ топорищамъ плашмя, каковы у насъ бываютъ теслы. Ими они долбили лодки свои, чаши, корыта и прочее, однако съ такимъ трудомъ и съ такимъ продолженіемъ времени, что лодку три года надлежало имъ дѣлать, а чашу большую не меньше года. Чего ради большія лодки, большія чаши или корыта, которыя по тамошнему *хомягами* называются, въ такой чести и удивленіи бывали, какъ нѣчто сдѣланное изъ дорогаго металла превысокою работою; и всякой острожекъ могъ тѣмъ хвалиться предъ другими, какъ бы нѣкоторою рѣдкостью, особливо когда кто, наваря въ одной посудѣ пищи, не одного гостя могъ удовольствовать, ибо въ такихъ случаяхъ одинъ Камчадалъ противъ двадцати человѣкъ съѣдаетъ, какъ о томъ ниже объявлено будетъ. А варили они въ такой посудѣ рыбу и мясо каленымъ каменьемъ.

Ножи они дѣлали изъ горнаго зеленоватаго или дымчатаго хрусталя на подобіе ланцовъ остроконечные, и насаживали ихъ на черенье деревянное. Изъ тогожъ хрусталя бывали у нихъ стрѣлы, копья и ланцеты, которыми кровь и понынѣ пускаютъ. Швальныя иглы дѣлали они изъ собольихъ костей, и шили ими не токмо платье и обувь, но и подзоры весьма искусно.

Огнива ихъ были дощечки деревянныя изъ сухаго дерева, на которыхъ по краямъ наверчены дирочки, да кругленькія изъ сухагожъ дерева палочки, которыя вертя въ ямочкахъ огонь доставали. Вмѣсто трута употребляли они мятую траву тоншичь, въ которой раздували загорѣвшуюся отъ вертѣнія сажу. Всѣ сіи принадлежности оберття берестою каждой Камчадалъ носилъ съ собою, и нынѣ носятъ, предпочитая ихъ нашимъ огнивамъ для того, что они не могутъ изъ нихъ такъ скоро огня вырубать, какъ достаютъ своими огнивами. Но другіе желѣзные инструменты, топоры, ножи, иглы и прочее, и отъ нихъ такъ высоко почитаются, что съ начала ихъ покоренія и тотъ себя почиталъ за богатаго и щасливаго, у кого былъ какой нибудь желѣзной обломокъ. Не пропадетъ у нихъ

и нынѣ даромъ ни иверешокъ изъ перегорѣлыхъ котловъ желѣзныхъ; могутъ они дѣлать изъ нихъ клепики, стрѣлы, или что нибудь полезное; при чемъ то удивительно, что они не калятъ желѣза, но холодное положа на камень куютъ камнемъ же вмѣсто молота. Такимъ образомъ поступаютъ съ желѣзомъ не токмо Камчадалы, но и Коряки и другіе дикіе народы, особливо же Чукчи, которые покупая у нашихъ желѣзные котлы дорогою цѣною перекавываютъ въ копья и стрѣлы: ибо имъ, какъ немирному народу, никакихъ желѣзныхъ инструментовъ продавать не велѣно, но о посудѣ никто прежде не думалъ, чтобъ они покупали на сей конецъ. Тожъ дѣлаютъ они и съ оружіемъ огненнымъ, которое отбивать имъ у нашихъ случается: ибо они стрѣлять изъ него не умѣютъ, покрайней мѣрѣ скоро его портятъ, не зная какъ замки разбирать и чистить, и какъ винтовки смазывать. Иглы, у которыхъ уши отломятся, умѣютъ они весьма искусно починивать, каковыбъ онѣ малы ни были. Расклепываютъ кончикъ, гдѣ уши были, камнемъ, и другою иглою просверливаютъ новыя, и такъ дѣлаютъ, пока уже одно почти острее только останется.

Желѣзную и мѣдную посуду еще во время моей бытности токмо тѣ употребляли, которые знали, что честь и чистота, и старались Россійскому житію послѣдовать; въ томъ числѣ были знатнѣйшіе новокрещенные Тоіоны, которые живутъ близь Россійскихъ остроговъ, и часто имѣютъ съ нашими обхожденіе, а прочіе деревянной своей посуды и донынѣ не оставляютъ.

Сказываютъ, будто желѣзные инструменты знали Камчадалы еще до покоренія Россійской державѣ, а получали ихъ отъ Японцовъ, которые пріѣжжали къ Курильскимъ островамъ, а однажды и на Большую рѣку моремъ, и будто Камчадалы Японцовъ Шишаманъ называютъ для того, что чрезъ нихъ узнали желѣзныя иглы; ибо игла по Камчатски *Шишъ* называется. Что касается до Курильскихъ острововъ, то сумнѣнія нѣтъ, что прежде сего пріѣжжали туда Японцы на бусахъ (1), и торговали: ибо я самъ досталъ съ Курильскихъ острововъ Японскую саблю, лаковой подносъ и серебреныя серги, которыя ни откуда получены, какъ только изъ Японіи (2); а бывала ли

(1) Мореходное мачтовое судно, похожее на ладью.

(2) Японцы имѣли торгъ на южныхъ Курильскихъ

когда Японская буса на Большей рѣкѣ, о томъ заподлинно утверждать не льзя, для того что кажется трудно повѣрить, чтобъ такіе мореходы, каковы Японцы, отважились итти для купечества въ незнаемыя страны, и провѣдывать пристанищъ съ трудомъ и опасностію; развѣ (1) можетъ быть, приносило когда такое ихъ судно погодою, какъ то не рѣдко случается.

Изъ всей работы сихъ дикихъ народовъ, которую они каменными ножами и топорами весьма чисто дѣлаютъ, ничто мнѣ такъ не было удивительно, какъ цѣпь изъ моржовой кости, которая привезена на боту-Гавріилѣ съ Чукоцкаго носа. Оная состояла изъ колецъ, гладкостію подобныхъ точенымъ, и изъ одного зуба была сдѣлана; верхнія кольца были у ней больше, нижнія меньше, а длиною была она не много меньше полуаршина. Я могу смѣло сказать, что по чистотѣ работы и по искус-

островахъ, еще до покоренія сихъ островов подъ свою державу, и откупали у тамошнихъ жителей рыбную ловлю, какъ о семъ упоминаетъ флота Капитанъ В. М. Головнинъ въ своихъ запискахъ. В.

(1) Тѣмъ паче, когда Японское правительство въ исходѣ 16 вѣка запретило своимъ подданнымъ плавать въ чужія земли. В.

ству никтобЪ не почелЪ оную за труды дикаго Чукчи, и за дѣланную каменнымЪ инструментомЪ, но за точеную подлинно. ВЪ разсужденiи недостатка вЪ инструментахЪ Чукоцкой оной художникЪ конечно не скучливЪ былЪ кЪ работѣ, и имѣлЪ довольно свободнаго времени, которое могЪ употребить на сiю бездѣлицу: ибо смотря по другимЪ вещамЪ, сколько продолжительно онѣ дѣлались отЪ КамчадаловЪ, сумнѣваться не можно, что онЪ употребилЪ на сiю работу не меньше года времени. А кЪ чему сiя цѣпь была употребляема, о томЪ не извѣстно, ибо козаки нашли оную вЪ пустой Чукоцкой юртѣ.

Коряцкiе куяки, которые они изЪ мѣлкихЪ продолговатыхЪ косточекЪ сшиваютЪ ремнями, и ихЪ такЪ называемыя костяныя троерогiя (1) *чекуши*, которыя насаживаютЪ они на долгiя ратовища, и вЪ военное время употребляютЪ, также не недостойны примѣчанiя, ибо кость такЪ гладко обдѣлана, что лоснится.

Что касается до санокЪ ихЪ, какимЪ образомЪ ихЪ дѣлаютЪ, о томЪ писано будетЪ вЪ главѣ о собачьей ѣздѣ; а здѣсь сообщимЪ мы извѣстiе о лодкахЪ, гдѣ какiя

(1) РодЪ остроги.

вЂ тѣхЂ мѣстахЂ употребляются, и изЂ какого дерева обыкновенно бываютЂ.

Камчатскія лодки, или по тамошнему *баты*, дѣлаются двоякимЂ образомЂ, и по разности образцовЂ разными именами называются, однѣ *КояхтахтымЂ*, а другія *Тахту*. КояхтахтымЂ отЂ нашихЂ рыбачьихЂ лодокЂ никакой не имѣютЂ отмѣны, ибо и носЂ у нихЂ выше кормы́, и бока́ разложисты, а у лодокЂ тахту носЂ и корма сЂ боками равны или и ниже, бока не разведены, но внутрь вогнуты, чего ради кЂ ѣздѣ весьма неспособны, а особливо вЂ погоду, ибо вода вЂ нихЂ тотчасЂ заливается. КояхтахтымЂ употребляются по одной рѣкѣ Камчаткѣ отЂ вершины до самаго устья, а вЂ другихЂ мѣстахЂ какЂ по Восточному, такЂ и по Пенжинскому мо́рю Тахту́.

Когда кЂ лодкамЂ тахту́ пришиваются набои, что обыкновенно дѣлается у жителей Боброваго мо́ря, тогда онѣ *Байдарами* называются, и жители вЂ нихЂ гоняются по морю за морскими звѣрями. Дны у такихЂ байдарЂ колютЂ они нарочно, и зашивЂ китовыми усами конопатятЂ мохомЂ или мягкою кропивою: ибо примѣчено ими, что нерасколотыя байдары на морскихЂ валахЂ колются, и бываютЂ промы

шленикамъ причиною погибели. Островные Курильцы и на Лопаткѣ живущіе, байдары строятъ съ килемъ, доски пришиваютъ усамижъ, а конопатятъ мохомъ.

По всей Камчатской землѣ не дѣлаютъ лодокъ ни изъ какого де́рева кромѣ тополя, выключая Курильцовъ, которые того не наблюдаютъ: ибо они строятъ байдары свои́ изъ лѣса выбрасываемаго изъ мо́ря, которой приноситъ изъ Японіи, Америки и съ береговъ Китайскихъ, потому что у нихъ не ростетъ лѣсу къ строенію удобнаго. Сѣверные Камчатскіе народы, сидячіе Коряки и Чукчи дѣлаютъ свои байдары изъ кожъ лахташныхъ, какъ уже́ выше объявлено, а причина тому можетъ быть недостатокъ же въ удобномъ лѣсѣ, или что неимѣвшимъ желѣ́за коженыя дѣлать способнѣе было.

Въ батахъ и рыбу ловятъ, и кладь возятъ по два человѣка, изъ которыхъ одинъ на носу, а другой на кормѣ сидитъ. Вверьхъ по рѣкамъ взводятъ баты на шестахъ съ превеликою трудностію, ибо на быстрыхъ мѣстахъ стоятъ иногда съ полчетверти часа всѣ вытянувшись на шесты, которыми опираются, пока лодка на поларшина подастся. Однако не смотря на всѣ трудности, удалые Камчадалы взводятъ та-

кимъ образомъ баты и съ грузомъ верстъ по двадцати вверхъ, а на легкѣ переходятъ верстъ по тридцати и до сорока. Чрезъ рѣки перегребаютъ обыкновенно стоя, какъ Волховскіе рыбаки въ челночкахъ своихъ.

Клáди на большихъ батахъ можно возить пудъ по тридцати и по сороку. Когда кладь легка, но озойна, каковá напримѣръ сухая рыба, то перевозятъ оную на паромахъ сплотивъ два бата вмѣстѣ, и намостя мостъ, однако вверхъ по быстрымъ рѣкамъ паромы проводить и трудно и продолжительно; чего ради употребляются онѣ токмо по рѣкѣ Камчаткѣ, которая по глубинѣ своей и умѣренной быстринѣ къ тому способна; а по другимъ рѣкамъ только внизъ по рѣкѣ на паромахъ ѣздятъ, а вверхъ рѣдко, и то по нуждѣ, когда по окончаніи рыбныхъ промысловъ у мóря надобно переѣжжать въ острогъ со всѣмъ домашнимъ приборомъ и съ малолѣтными, или когда кладь такова, что въ батъ умѣстить не льзя, какъ напримѣръ бочки и кадки съ рыбою, которую насаливаютъ у моря.

ГЛАВА VI.

О мужской и женской работѣ.

Въ Камчатскомъ житьѣ, какъ въ крестьянствѣ, въ разныя времена и работа бываетъ различная. Лѣтнее время мущины трудятся въ ловлѣ рыбы, въ сушеніи ея, въ перевозкѣ отъ моря на свои жилища, въ припасѣ собакамъ корму, костей и кислой рыбы; а женщины между тѣмъ чистятъ изловленую рыбу, пластаютъ, а иногда и въ ловлѣ мужьямъ способствуютъ. Излишнее время употребляютъ онѣ на собираніе разныхъ травъ, коренья и ягодъ не токмо на пищу, но и въ лѣкарства; дѣлаютъ сладкую траву (1), которую прежде

(1) Въ 1773 году покупка въ казну сладкой травы была не свыше трехъ рублей за пудъ; а изъ двухъ пудъ травы выкуривано раки по одному ведру съ осьмухою. Сія рака, которую впрочемъ противъ хлѣбной почесть можно, продается тотчасъ по выгонѣ, или не позже двухъ или трехъ дней; тогда бываетъ она вкусомъ нѣсколько горьковата; но ежели застоится долѣе, то дѣлается хуже, и на послѣдокъ, по противному запаху, оказывается къ

токмо на пищу, а нынѣ и для сидѣнія вина употребляютъ; готовятъ кипрей и (1) траву, изъ которой плетутъ ковры свои, епанчи, мѣшечки и другія домашнія мѣлочи, и всѣ какъ съѣстные, такъ и другіе припасы имѣютъ на рукахъ своихъ.

Когда осень настанетъ, тогда мущины упражняются въ ловлѣ осенней рыбы, въ промыслѣ различныхъ птицъ, гусей, лебедей, утокъ и прочая, водятся съ своими собаками, вывязывая и выдерживая ихъ, какъ Якуты лошадей своихъ; заготовляютъ лѣсъ, къ дѣланію саней и другой работѣ потребный; а женщины водятся съ крапивою, рвутъ, мочатъ, мнутъ, обдираютъ и кладутъ подъ балаганы; ходятъ по тундрамъ и вынимаютъ изъ мышьихъ норъ лилейные коренья, или по тамошнему сарану, разнаго рода.

Зимою мущины ходятъ за соболями и лисицами, вяжутъ сѣти для ловли рыбы, дѣлаютъ санки, ѣздятъ за дровами, перевозятъ запасъ свой изъ разныхъ мѣстъ, гдѣ лѣтомъ приготовили, а не успѣли перевезти осенью; а женщины наибольше тру-

---

употребленію негодною. Въ 1773 году была она въ продажѣ отъ казны по двадцати до двадцати двухъ рублей за ведро. В.

(1) Secale spiculis geminatis Linn. Svec. pag. 36.

дятся въ сученіи нитокъ на сѣти. И сія ихъ работа такъ продолжительна, что одна баба едва насучить столько можетъ, чтобъ мужу достало потребныхъ сѣтей на лѣто, а у которыхъ семья побольше, тѣ готовятъ и съ излишествомъ, и мѣняютъ другимъ на угодныя себѣ мѣлочи, каковы напримѣръ иглы, шелкъ, наперстки, ножики, и прочая.

Весною, когда рѣки проходятъ, и рыба, которая въ нихъ зимовала, къ мо́рю подъимается, мущины упражняются въ ловлѣ ея или ѣздятъ къ морю, и промышляютъ вахню, которой по морскимъ губамъ бываетъ тогда великое довольство; а нѣкоторые и въ дальнія мѣста́ на Восто́чное море и на Курильскую лопатку для ловли морскихъ бобровъ и другихъ морскихъ звѣрей отлучаются, а женщины ходятъ по тундрамъ, собираютъ черемшу и другія молодыя тра́вы не токмо для награжденія обыкновеннаго тогдашняго недостатка въ пищѣ, но и для забавы; ибо они зелень такъ любятъ, что во все вешнее время почти изъ роту не выпускаютъ. Женской полъ весь тогда по тундрамъ ходитъ, и вечеромъ съ превеликими ношами домой возвращается, однако тѣхъ ношъ не станетъ имъ на сутки.

Сверхъ того до мужеской работы при-

надлежитъ юрты и балаганы строить, юрты топить, стряпать, собакъ кормить, при случаѣ гостей подчивать, собакъ обдирать и другихъ звѣрей, когда кожи понадобятся на платье, и въ приготовленіи домоваго и военнаго снаряда; а женская работа состоитъ въ выдѣлываніи кожъ на платье и обувь, въ шитьѣ платья и обуви: ибо онѣ у Камчадаловъ и портные и сапожники, а мущинѣ за то приняться такое безчестіе, что тотчасъ почтется за коекчуча. Чего ради съ первыхъ временъ всѣхъ козаковъ, у которыхъ иглу въ рукахъ или шило видали, почитали они за коекчучей, ибо у нихъ шьютъ токмо однѣ бабы и коекчучи, которые и въ женскомъ платьѣ ходятъ, и женскую работу отправляютъ, мужской отнюдь не прикасаясь. До нихъ же касается, красить выдѣланныя кожи, также лѣчить и шаманить. А какимъ образомъ выдѣлываютъ онѣ кожи, и красятъ, чѣмъ шьютъ и клеятъ, о томъ здѣсь же сообщить должно.

Всякія кожи, которыя на шубы употребляютъ, напримѣръ оленьи, тюленьи, собачьи, бобровыя, дѣлаютъ онѣ одинакимъ образомъ. Сперьва мочатъ мездру водою, и камнемъ утвержденнымъ въ средину палки сбиваютъ болонь и жилы, которыя остают-

ся при сниманіи; по томъ намазываютъ жеваною икрою квашеною или свѣжею, и свернувъ кожу топчутъ ногами по тѣхъ поръ, пока мездра провянетъ; послѣ опять скоблятъ и напираютъ, продолжая работу до тѣхъ поръ, пока мездра мягка и чиста будетъ.

А которыя кожи ровдугами или замшею сдѣлать намѣрены, съ тѣхъ сперьва сбиваютъ жилы и болонь объявленнымъ же образомъ, потомъ коптятъ ихъ въ дыму съ недѣлю, послѣ мочатъ и парятъ, чтобъ шерсть отопрѣла, а наконецъ намазываютъ икрою, мнутъ, топчутъ и скоблятъ камнемъ, какъ выше показано.

Оленьи и собачьи кожи на платье красятъ ольхою чрезъ многократное напираніе мѣлко изрубленною корою. а тюленьи, которыя на платье, обувь или на ремни, которыми санки обвиваются, особливымъ образомъ: оправивъ съ кожи шерсть, сшиваютъ оную мѣшкомъ вверьхъ шерстью, и сваря крѣпко ольховой рубленой коры вливаютъ въ помянутой мѣшокъ, и зашиваютъ. Спустя нѣсколько времени вѣшаютъ мѣшокъ оной на дерево, и бьютъ палкою, потомъ опять даютъ лежать нѣкоторое время, а послѣ опять вѣшаютъ и бьютъ палкою, и сіе продолжаютъ по тѣхъ поръ, пока краска въ кожу довольно вѣстся; тог-

да расшиваютъ мѣшокъ, растягиваютъ кожу и сушатъ на воздухѣ, а наконецъ мнутъ до мягка руками, и употребляютъ въ дѣло. Такія кожи на сафьянъ много походятъ, однако Ламутки, какъ пишетъ Стеллеръ, лучше ихъ умѣютъ выдѣлывать, а называютъ ихъ *Мандарами*, и каждую кожу продаютъ до осьми гривенъ.

Тюленью шерсть, которую просто называютъ краскою, и окладываютъ ею платье и обувь, красятъ онѣ брусничнымъ сокомъ сваря его съ ольховою корою, съ квасцами и съ каменнымъ масломъ, и сія краска бываетъ жаркаго цвѣта.

Платье и обувь шивали онѣ костяными иглами, а вмѣсто нитокъ употребляли оленьи становыя жилы, которыя раздѣля сучатъ какъ нитки, сколь тонки или толсты надобны.

Клей дѣлаютъ онѣ изъ рыбьихъ сухихъ кожъ, а особливо изъ китовой. Оныя кожи обвертываютъ въ бересту, загребаютъ въ горячей пепелъ, и не много спустя вынимаютъ, и употребляютъ на что надобно. Имъ можно клеить стольже крѣпко, какъ лучшимъ мерлужчатымъ клеемъ.

ГЛАВА VII.

О камчатском платьѣ.

Матерія, изъ которой Камчадалы прежде сего носили платье, и нынѣ по большей части носятъ, оленьи, собачьи, нерьпичьи и другихъ какъ морскихъ, такъ и земныхъ звѣрей, и птичьи кожи, которыя они безъ разбору въ одну шубу сшивали, что еще и мнѣ въ Курильскихъ паркахъ случилось видѣть, но въ верхнемъ платьѣ имѣютъ отмѣну, хотя оная и не весьма велика.

Верхнее платье по козачьи называется *кухлянка*, отъ сѣверныхъ Камчадаловъ *Коавúсъ*, а отъ южныхъ *Кахлитачь*: а дѣлаются кухлянки двумя разными покроями, у однѣхъ подолъ бываетъ ровной, а у другихъ назади съ нарочитою выемкою и съ хвостомъ долгимъ: первыя подъ именемъ кухлянокъ круглыхъ, а другія подъ именемъ кухлянокъ съ хвостами извѣстны. Впрочемъ шьются изъ кожъ оленьихъ длиною нѣсколько нúже колѣнъ съ широкими рукавами и съ кулемъ, которой на голову въ случаѣ вьюги поверьхъ шапки надѣвается. Вóротъ у нихъ какъ только головѣ прой-

ти, къ вороту пришиваются собачьи лапы, которыми въ погоду лице закрываютъ. Вкругъ подола, рукавовъ и вкругъ куля опушиваются куклянки рослою бѣлою собочиною, что выше всякаго пуха почитается. На спинѣ пришиваются къ нимъ ряски изъ ремешковъ распестреныхъ краскою, а иногда и по двѣ великія шишки, расшитыхъ шелками или различныхъ цвѣтовъ ремешками и распестренныхъ краскоюжъ. Надѣваются обыкновенно па́рами, нижняя шерстью, а верхняя мездрой внизъ. У нижней мездра красится ольхою, а на верхнюю выбираются кожи такихъ шерстей, каковы въ чести у нихъ, а именно черная, бѣлая и пѣгая, которая выше всѣхъ почитается. Однако сего платья за сущее Камчатское почесть не можно, ибо они отъ Корякъ его получали, а сами шивали наиболѣе изъ собачьихъ кожъ, изъ соболей, лисицъ, еврашекъ и изъ каменныхъ барановъ, впрочемъ тѣмъ же покроемъ, какъ выше показано.

Есть еще платье называемое *камле́и*, которое па́рами же носится, а разность его отъ куклянокъ состоитъ въ одной длинѣ, что оно дѣлается почти по пяты, сверьхъ того никакими красками не красится. Но и сіе отъ Корякъ же получается.

Лучшее платье, которымъ и козаки и

Камчадалы щеголяютъ, по козачьи называется *па́рка*, отъ сѣверныхъ Камчадаловъ *тингекъ*, а отъ южныхъ *танга́къ*, длиною бываетъ съ кухлянку, въ подолѣ ширѣ, а подъ мышками у́же, съ рубашечнымъ воротомъ и съ рукавами узкими. Вкругъ подола, во́рота и вокругъ рукавовъ обшивается подзорами, и окладывается бобровымъ пухомъ.

Подзоры у сѣверныхъ Камчадаловъ *Чи́сту*, а у южныхъ *Егане́мъ* называемые, шьются слѣдующимъ образомъ. Замшеной ремень шириною пальца на полтора разчерчивается клѣтками въ три ряда: клѣтки длиною бываютъ около полувершка, и каждая разнымъ шелкомъ разшивается, выключая верхній рядъ, который черезъ клѣтку вышивается бѣлыми волосами изъ бороды оленьей. Къ такому ремню сверху и снизу пришиваютъ по красному или черному мандарному ремню, изъ собачья горла выдѣланному на подобіе лайки; такой ремень распестренъ узорамижъ. Къ ремнямъ пришиваютъ собачьежъ горло вырѣзанное зубцами и обложенное крашеною шерстью. Но шелковые подзоры начали шить по покореніи, а до того распестряли ихъ оленьими волосами, крашеною шерстью и собачьимъ горломъ.

Вышепомянутое платье и мущины и женщины безъ разбора носятъ, а разность

между мужскимъ и женскимъ состоитъ въ нижнемъ платьѣ и въ обуви. Женское нижнее платье, въ которомъ онѣ дома обыкновенно ходятъ, содержитъ и штаны и душагрѣйку вмѣстѣ сшитыя. Штаны длиною и шириною подобны Голландскимъ брюкамъ, и также подвязываются ниже колѣна, а душагрѣйка съ воротомъ, которой на веревочкѣ и стягивается и распускается. Сіе платье называется *хоньбами*, и съ ногъ надѣвается. Оно бываетъ лѣтнее и зимнее: лѣтнее шьется изъ ровдугъ или изъ кожъ морскихъ звѣрей, выдѣланныхъ на подобіе ровдугъ, а зимнее изъ оленьихъ, и изъ кожъ каменныхъ барановъ, которое онѣ носятъ иногда вверхъ, а иногда внизъ шерстью. Мужское покоевое или домашнее платье есть ременной поясъ, по ихъ *Мáхва*, у котораго на переди пришитъ мѣшечекъ для прикрытія тайнаго у́да, а назади ременныя мохры для прикрытія зада; впрочемъ бываетъ оной раскрашенъ и нерпичьею крашеною шерстью. Въ семъ платьѣ хаживали прежде сего Камчадалы не токмо дома, но и на промыслахъ въ лѣтнее время; но нынѣ употребляется оно токмо у отдаленныхъ отъ Россійскихъ остроговъ, а ближніе носятъ рубахи, которыя покупаютъ у Рускихъ.

Лѣтніе штаны какъ у мужескаго, такъ и у женскаго пола одинакіе: шьются изъ разныхъ кожъ на подобіе портковъ, каковы носятъ мужики деревенскіе, токмо поуже. Зимніе мужскіе штаны хотя тѣмъ же покроемъ бываютъ, какъ лѣтніе, однако съ тою отмѣною, что ширѣ и что огузье у нихъ въ низъ шерстью, а сопли, на которыя обыкновенно оленьи или волчьи кáмасы употребляются, вверхъ шерстью. По конецъ соплей бываетъ ровдужной, или суконной опушень, въ которой ремень продѣвается для завязыванія обуви, на которую надѣваются, чтобъ снѣгъ за оную не засыпался.

Мужская обувь отъ женской вообще разнствуетъ тѣмъ, что у мужской голенища коротки, а у женской по колѣно долги, впрочемъ шьется изъ различныхъ кожъ; которую носятъ лѣтомъ въ мокрую погоду, та дѣлается изъ сырой тюленьей кожи вверхъ шерстью наподобіе портней, каковы носятъ Сибирскіе козаки и Татары, когда бечевой ходятъ, ибо и портни шьются изъ сырой же лошадиной или коровьей кожи вверхъ шерстью. Зимнюю обувь, въ которой ходятъ на промыслы, шьютъ изъ сушеной рыбьей кожи, а особливо Чавычьей, Кайковой и Няркиной, но

она хороша токмо вЪ морозы, а вЪ мокрую погоду тотчасЪ распалзывается. Наиболѣе употребляютЪ на зимнюю обувь оленьи камасы, которые носятЪ вверхЪ шерстью; подошва у нихЪ бываетЪ изЪ лахташной кожи, а для бо́льшаго тепла собираютЪ ихЪ и изЪ лоскутья оленьихЪ камасовЪ, у которыхЪ шерсть долга, и изЪ медвѣжьихЪ камасовЪ, вЪ которыхЪ подошвахЪ сверхЪ тепла и сія есть выгода, что можно ходить и по скользкимЪ мѣстамЪ безЪ опасности.

Лучшая обувь, которою также какЪ па́рками козаки и Камчадалы щеголяютЪ, шитые торбасы, которые походятЪ нѣсколько на упуки, и также подвязываются ремнями. Подошва у нихЪ бываетЪ изЪ тюленьей бѣлой кожи, го́ловы изЪ красной мандары, взъемы изЪ бѣлой лайки или по ихЪ собачьи горла, а голенища изЪ замши или изЪ тюленьей крашеной кожи, кЪ которымЪ на верху широкіе подзоры пришиваются, каковы кЪ паркамЪ. Сія обувь такой важности, что естьли на холостомЪ ее увидятЪ, тотчасЪ будетЪ подозрѣніе, что у него есть любовница. Такіе торбасы по Камчатски называются *ЗгоейнутЪ* и *ДзилетЪ*.

Чулки носятЪ они изЪ собачьихЪ кожЪ,

а называютъ ихъ *чажами*, но наибольше обвиваютъ ноги тоншичемъ, отъ чего, по сказкамъ ихъ, не меньше чажей тепла, а при томъ сія выгода, что не потѣютъ ноги.

Шапки носятъ такіяжъ какъ Якутскія; но господинъ Стеллеръ объявляетъ, будто прежде сего бывали у нихъ шапки изъ птичьихъ перьевъ и изъ звѣриныхъ кожъ безверхія, на подобіе старинныхъ нашихъ треуховъ бабьихъ, токмо съ тою отмѣною, что уши у Камчатскихъ шапокъ не сшивались вмѣстѣ. Лѣтомъ носятъ они берестеные умбракулы, которые завязываются на затылкѣ, а у Курильцовъ лѣтнія шапки плетеныя изъ травы наподобіе вѣнчика.

Женской лучшій головной уборъ парикъ, о которомъ выше упомянуто. Сіи парики такъ любы имъ бывали и милы, что, по объявленію Стеллера, препятствовали многимъ къ воспріятію православной вѣры, для того что при крещеніи снимали съ нихъ такое странное украшеніе, а у которыхъ натуральные волосы по париччному расшиты были, тѣхъ остригали къ чувствительной ихъ печали и горести. Дѣвки расплетали волосы свои на мѣлкія косы, которыя для лоску мазали тюленьимъ жи-

ромъ. Но нынѣ все отмѣнилось, ибо какъ женщины такъ и дѣвки по Россійски убираются. Носятъ тѣлогрѣи и юпки, носятъ рубахи съ манжетами, носятъ кокошники, чепцы, и золотыя ленты, а своимъ развѣ токмо тѣ не гнушаются, которымъ лѣтъ по 80 отъ роду.

Женщины всякую работу дѣлаютъ въ перчаткахъ, которыя шьются безъ пальцовъ, и никогда ихъ не скидаютъ.

Лица́ прежде сего умывать не знали, но нынѣ бѣлятся и румянятся. Вмѣсто бѣлилъ употребляютъ гнилое дерево, которымъ мѣлко изтертымъ натираются, а румянятся (1) травою морскою, которая видомъ какъ Елочка. Сію траву мочатъ онѣ въ тюленьемъ жиру, и намазываютъ що́ки столь же красно, какъ румянами.

Большее щегольство и наряды бываютъ у нихъ зимою, когда много проѣзду. Естли появился сторонній, то всѣ за нарядъ принимаются, моются, бѣлятся, и одѣваются въ лучшее платье.

Но естьли которой Камчадалъ пожелаетъ и себя одѣть и домашнихъ, то ему

---

(1) Fucus marinus abietis forma.
Pinus maritima s. fucus teres &c. Dood. abb. 326 Raj Lyn.

понадобится не меньше ста рубли на самое росхожее платье: ибо тамъ и шерстяные чулки, которые здѣсь по двадцати копеекъ продаются, меньше рубля купить ему не льзя, для того что и Россійскіе жители ни́же того не покупаютъ; изъ чего о другихъ вещахъ разсуждать можно. Курильцы всякое дорогое платье покупать больше въ состояніи, нежели Камчадалы: ибо они на одного бобра морскаго, которые и на Камчаткѣ отъ 15 до 40 рублевъ продаются, столько могутъ купить, сколько Камчадалъ лисицъ на двадцать; а бобра Курильцу легче достать, нежели Камчадалу пять лисицъ, для того что въ самой хорошій годъ и звѣремъ довольной, лучшій промышленикъ едва десять лисицъ въ зиму промыслитъ, а Курилецъ и въ худой годъ поимаетъ трехъ звѣрей, не упоминая о морскихъ привалахъ, при которыхъ случаяхъ получаютъ они великое богатство (1).

(1) Морскіе бобры уже перевелись около Лопатки и сѣверныхъ Курильскихъ острововъ; посему тамошніе жители не имѣютъ нынѣ столь великихъ выгодъ отъ промысла какъ прежде. Стеллеръ упоминаетъ: что и Камчадалы мужескаго пола, уже въ его время, были охотники до Рускаго платья, и наряжались въ оное когда пріѣжжали они въ Россійскіе остроги, или Рускіе къ нимъ. В.

ГЛАВА VIII.

О пищѣ и питіи Камчатскаго народа и о приуготовленіи оныя.

Уже́ выше сего объявлено, что Камчадалы питаются кореньемъ, рыбою и морскими животными, а во второй части описаны и самые оные предметы, которые служатъ къ ихъ содержанію. Чего ради здѣсь должно упомянуть объ одномъ только ихъ приуготовленіи, и различныхъ каждой пищи наименованіяхъ, зачиная отъ рыбы, которая за хлѣбъ ихъ почесться можетъ.

Главная ихъ пища, которую должно поче́сть за ржаной хлѣбъ, есть *юкола*, которую дѣлаютъ они изъ всѣхъ рыбъ лососья роду. Каждую рыбу разнимаютъ они на шесть частей, бока́ съ хвостомъ особливо вѣшаютъ и сушатъ на воздухѣ; и сія сушеная рыба свойственно *юколою* называется; спинки и тіоши, или по ихъ *пупки*, особливо готовятъ, а больше паровятъ. Головы квасятъ въ я́махъ, пока весь хрящъ покраснѣетъ, и ѣдятъ ихъ вмѣсто соленыхъ, почитая за пріятное кушанье, хотя во́ни отъ нихъ терпѣть почти не можно. Тѣло, которое

по снятіи боковъ остается на костяхъ, особливо снимаютъ и сушатъ вязками, которое въ толченіе употребляютъ, а кости на особливыхъ же вязкахъ сушатъ для содержанія собакъ своихъ. Такимъ образомъ готовится юкола и у другихъ народовъ изъ всякихъ рыбъ, и вездѣ извѣстна подъ именемъ юколы, а ѣдятъ оную наибольше сухую. Камчадалы своимъ языкомъ называютъ ее, *за́алъ*.

Второе Камчатское любимое кушанье икра рыбья, по ихъ именуемая *инетоль*, которая трояким образомъ приуготовляется. 1) Сушится на воздухѣ вязками; 2) вынимается изъ перепонки, въ которой какъ въ мѣшечкѣ содержится, и наливается въ стебли или дудки различныхъ травъ, а особливо сладкой травы́, и у огня сушится; 3) дѣлается пряпьями и въ листьѣ травяномъ сушится. Никто не ходитъ на промыселъ или въ дорогу безъ сухой икры́, какъ безъ надежнаго содержанія. Буде у Камчадала фунтъ икры́, то онъ долго жить можетъ безъ другой пищи; всякая береза и ива запасъ его, и онъ корку съ сихъ деревъ съ икрою столь же пріятно ѣсть можетъ, какъ другія кушанья, но икро́ю и коркою порознь питаться долго не можетъ. Ибо икра́ безмѣрно клейка, и такъ въ зубахъ вязнетъ, что трудно и вычистить; а кора

суха такъ что и тому надивиться доволь-
но не льзя, когда они для забавы и безъ икры иногда ѣдятъ ее вмѣсто конфектовъ; ибо другой, сколько бы ни жевалъ ее, подлинно не свободно проглотитъ; но когда оба сіи кушанья вмѣстѣ употребляются, то одного недостатокъ, какъ они говорятъ, другимъ награждается.

Есть еще четвертой образецъ приуготовленія икры, но оной не у однихъ Камчадаловъ, а и у Корякъ примѣчается. Свѣжую икру кладутъ они въ ямы устланныя травою, и закрывъ травоюжъ и землею квасятъ, и сія кислая икра почитается у нихъ за такоежъ пріятное кушанье, какъ у насъ зернистая икра свѣжая. Но Коряки квасятъ оную въ мѣшкахъ кожаныхъ, а не въ ямахъ.

Третье кушанье Камчатское называется *Чуприки*, которые готовятъ изъ разныхъ рыбъ слѣдующимъ образомъ. Въ юртахъ, въ балаганахъ и въ барабарахъ надъ очагомъ дѣлаютъ они помостъ изъ колья, и кладутъ на оной рыбы въ вышину до трехъ аршинъ, послѣ того натапливаютъ юрту или балаганъ, какъ баню, и скутываютъ жарко; естьли рыбы на помостахъ не много накладено будетъ, то она поспѣваетъ скоро, и бываетъ тогда готова, какъ юрта простываетъ; въ противномъ же случаѣ натапли-

вають ихъ по нѣскольку разъ перемѣшивая рыбу. Такая рыба бываетъ полужареная и копченая, и вкусомъ весьма пріятная, такъ что сей вымыселъ приуготовленія рыбы можетъ почесться за самой лучшій на Камчаткѣ, ибо весь сокъ и жиръ весьма тихо, и какъ бы въ вольной печи выжаривается. Тѣло рыбье въ кожѣ, какъ въ мѣшкѣ лежитъ, которую снять можно безъ трудности. Потрохъ и кишки вынимаются изъ рыбы, когда она поспѣетъ. Тѣло растирается мѣлко, сушится на рогожахъ до суха, и кладется въ мѣшки, изъ травы плетеные. И сіе есть настоящая Камчатская *порса*, которую и Тунгусы около Охотска также готовятъ. Вяжутъ же такую жареную рыбу и плетенками не растирая тѣла, и ѣдятъ сухую какъ юколу.

Самое пріятное Камчатское кушанье кислая рыба, которую они квасятъ въ ямахъ такимъ же образомъ, какъ о кислой икрѣ показано, а называютъ оную *Куйгугъ*. Можно за истинну сказать, что сквернѣе духу не бываетъ отъ *упади* (падали), однако Камчадаламъ кажется оный ароматнымъ. Иногда сія рыба такъ въ ямахъ изгниваетъ, что не инако ее, какъ ковшами черпаютъ; но такая для собакъ употребляется, и подбалтывается въ опанги ихъ вмѣсто муки овсяной.

Господинъ Стеллеръ пишетъ, что и Самоядь рыбу квасипъ же, и для мерзлой земли́ бываетъ рыба ихъ гораздо лучше. И Якуты такое же имѣютъ обыкновеніе; роютъ глубокія ямы, наполняютъ рыбою, пересыпаютъ золою, покрываютъ листьемъ, и засыпаютъ землею, и сей ихъ вымыселъ гораздо лучше; ибо отъ рыбы не бываетъ вони. Тунгусы и Козаки въ Охотскѣ такимъ же образомъ какъ и Якуты готовятъ рыбу, токмо съ сею отмѣною, что вмѣсто древянаго пепла употребляютъ пепелъ изъ пережженой морской травы. Свѣжую рыбу варятъ въ корытахъ, выбираютъ на лотки, и простудя ѣдятъ съ прихлебкою, которая дѣлается изъ сладкой травы, въ водѣ моченой.

Что касается до мясъ морскихъ и земныхъ звѣрей, то варятъ ихъ въ корытахъ съ разными кореньями, а особливо съ сараною; похлебку пьютъ ковшами или чашами, а мясо съ лотка ѣдятъ руками, и похлебки всѣ вообще, въ томъ числѣ и собачью, называютъ *Опа́нга*. Китовой и нерпичій жиръ ѣдятъ вареной съ кореньямижъ и паровленой въ я́махъ. Вареной жиръ, а наипаче нерпичій, кроятъ ремнями, и сколько въ ротъ захватятъ, столько ножемъ отрѣзываютъ у самыхъ губъ, и цѣлкомъ глотаютъ, какъ крохали или чайки рыбу.

Главное и богатое кушанье, которое готовится на пирахъ или въ праздники, называется *Села́га*, а по козачьи *толкуша*. Дѣлается изъ различныхъ кореньевъ и всякихъ ягодъ толченыхъ съ икрою, съ нерпичьимъ и китовымъ жиромъ, а иногда и съ вареною рыбою. Толкуши изъ кислыхъ ягодъ и сараны весьма пріятны, по тому что и кислы, и сладки и сытны; но нестерпима скверность въ приуготовленіи, а особливо тѣхъ толкушъ, которыя дѣлаются жидкія: ибо баба, которая вѣкъ свой рукъ не мывала, потолокши коренье въ поганой чашѣ, разбиваетъ оное по локоть обнаженною грязною рукою, которая потомъ бываетъ какъ снѣгъ бѣла въ разсужденіи тѣла. Кратко сказать, брезгливому не снести и приуготовленія сего кушанья безъ движенія внутреннихъ (1).

---

(1) Камчадалы стараются во всѣмъ Рускимъ подражать; посему послѣдовала уже нѣкоторая перемѣна и въ ихъ пищѣ, ибо нынѣ начали они употреблять отъ части хлѣбъ и огородные овощи, особенно же картофель. Сіе послужитъ имъ сильнѣйшимъ поощреніемъ къ разпространенію въ удобныхъ мѣстахъ хлѣбопашества, которое составляетъ благонадежнѣйшій источникъ народнаго пропитанія. Многіе изъ нихъ охотчики нынѣ до чая, особливо женщины, и содержатъ коровъ. В.

Что касается до питья, то Камчадалы не знали кромѣ воды до самаго своего покоренія; для веселья пивали они мухоморъ въ водѣ настоянный, о чемъ ниже будетъ объявлено, а нынѣ пьютъ и вино, какъ и тамошніе Россійскіе жители, и совсѣмъ на немъ пропиваются. Воды пьютъ много послѣ обѣда. Въ вечеру никто не ложится спать не поставя у постéли ведра воды, при томъ кладутъ въ нее много льду и снѣгу, чтобъ не нагрѣвалась, по утру ни у кого ни капли воды не увидишь въ посудѣ. Зимою особливо забавляются они снѣгомъ, бросая часто по горсти въ ротъ; и женихамъ, которые работаютъ у будущихъ тестей своихъ, лѣтомъ самая трудная служба довольствовать ихъ снѣгомъ, ибо они должны бываютъ ходить за снѣгомъ на высокія гóры, въ какую бы ни случилось погоду, въ противномъ же случаѣ можетъ досадить имъ непростительно.

ГЛАВА IX.

О ѣздѣ на собакахъ, и разныхъ къ оной принадлежащихъ приборахъ.

Что Камчадалы и тамошніе козаки зимою собакъ вмѣсто лошадей къ ѣздѣ употребляютъ, о томъ уже выше упомянуто. А здѣсь объявить должно, каковы ихъ собаки, что къ ѣздѣ на нихъ требуется, и какъ на нихъ ѣздятъ.

Камчатскія собаки отъ нашихъ дворовыхъ простыхъ собакъ ничѣмъ не разнствуютъ, ростомъ онѣ по большей части среднія, и шерстью такъ какъ наши различныя; однакожъ можно вообще сказать, что тамъ бѣлыхъ, черныхъ и сѣрыхъ больше, нежели другихъ шерстей.

Къ ѣздѣ употребляются кладеныя, а запрягаютъ ихъ обыкновенно по четыре въ санки, по двѣ въ корени, и по двѣ на переди, и четверня собакъ называется тамъ *нартою*, такъ какъ здѣсь шесть лошадей цугомъ.

Приборы, надлежащіе къ ѣздѣ на нихъ, санки, алаки, побѣжникъ, узда, ошейники, вязки и оштолъ.

Санки, по ихъ *Шéжхедъ*, дѣлаются о двухъ копылахъ. Копылье гнутся изъ криваго березоваго дерева, наподобіе раздвинутаго циркуля, вышиною въ три четверти, а разстояніе между ножекъ въ низу на полъаршина. На каждомъ копылѣ въ изгибѣ проверчены по двѣ дырочки. Ножки у нихъ близь нижняго конца зарублены, а на самомъ концѣ вырѣзаны. Сквозь помянутыя дырочки продѣваются въ оба копыла тоненькіе батожки, которыми оныя связываются, разстояніемъ на аршинъ между собою. Къ каждому батожку приплетается ремнями другой батожокъ равной длины и толщины. Передніе концы оныхъ батожковъ съ задними такъ крѣпко стягиваются ремнемъ, что съ обоихъ концовъ становятся дугою. Въ доль по батожкамъ привязываются лучки вверхъ рожками, одинъ отъ другаго на четверть и меньше. Рожки у помянутыхъ лучковъ зарублены, за которыя зарубки прикрѣпляются оные къ ремнямъ, коими концы батожковъ стянуты. По концамъ батожковъ кладутся поперечныя палочки, и увиваются ремнямижъ. Такимъ образомъ оснуется рѣшетка, которая бываетъ на подобіе долгаго, глубокаго и узкаго лотка, длиною аршина полутора и долѣ, а шириною въ поларшина и у́же. Полозье, на

которое ставится объявленная рѣшетка, длиною бываетъ четвертей въ 11, шириною вершка въ полтора, а толщиною едва въ полдюйма. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ стоятъ копылье, оставляются горбки, къ верху острые, а въ срединѣ прорѣзанные, на которые поставленное копылье привязывается продѣваемыми сквозь прорѣзанные горбки, и къ зарубкамъ, на ножкахъ копылья находящимся, прикрѣпляемыми ремнями. Головки у полозья бываютъ не круты, но отлоги, и по концамъ вмѣсто вязка поперечною палкою перевязаны.

Алаки или лямки дѣлаются изъ широкихъ, мягкихъ и въ двое изогнутыхъ ремней, которые на собакъ черезъ переднюю лопатку накладываются, правой собакѣ черезъ лѣвую, а лѣвой черезъ правую. Къ концамъ алаковъ привязывается долгой и тонкой ремень съ кляпомъ на концѣ, потягомъ называемый, который объявленнымъ кляпомъ въ кольцо находящееся на поперечинѣ у головашекъ вкладывается.

Побѣжникъ называется долгой ремень, у котораго на одномъ концѣ привязывается кляпъ, который вкладывается въ кольцо на срединѣ поперечины головашекъ укрѣпляемое, а на другомъ цѣпочка, у коей какъ по концамъ, такъ и на срединѣ коль-

ца. Оной побѣжникъ служитъ вмѣсто дышла, а цѣпочка на немъ вмѣсто коромысла, ибо имъ коренныя собаки связываются, чтобъ врознь не разбѣгались.

Уздою называется такойже ремень съ кляпомъ и цѣпочкою, которою переднія собаки связываются, токмо гораздо долѣ: ибо конецъ его съ кляпомъ къ кольцужъ на головашкахъ прикрѣпляется.

Ошейники дѣлаются изъ широкихъ же ремней, а на нихъ по кляпу висячему на короткихъ ремняхъ, которые въ кольца цѣпочки на уздѣ или побѣжникѣ продѣваются. Дѣлаютсяжъ ошейники и изъ медвѣжьей кожи вверхъ шерстью, и для прикрасы на собакъ надѣваются.

Вязки, на которыя собакъ вяжутъ, дѣлаются костяныя или деревянныя, у которыхъ на одномъ концѣ дырочка, а на другой зарубка. Въ дырочку вкладывается кляпъ отъ ошейника, а за зарубку привязывается долгой ремень, чтобъ собакѣ около столба ходить было можно. Оныя вязки для того употребляются, что собаки отъ ремней или отъ веревокъ отъѣдаются, а желѣзныхъ цѣпей у нихъ не бываетъ.

Осталомъ называется кривая палка, длиною аршина въ полтара, которымъ собакъ погоняютъ, останавливаютъ и правятъ.

Для понужденія собакъ дѣлаются на головкѣ оной палки побрякушки или колокольчики, останавливаютъ же ихъ уткнувъ оштолъ передъ копыломъ переднимъ и бороздя дорогу. А правятъ: буде надобно въ лѣво, то бьютъ оштоломъ по снѣгу, и кричатъ *угá*, буде же въ право, то бьютъ въ передней копылъ, и кричатъ *Хнá Хнá Хнá*; между тѣмъ ногами бороздятъ, и собакъ одерживаютъ. Какъ оштолъ, такъ и санки для прикрасы увиваются разноцвѣтными ремнями, и оное за немалое щегольство почитается.

Санки, по Камчатски называются *Шéжхедъ*, копылье *Отóдъ*, алаки *Тéнаунъ*, потяги *Игошежидъ*, узда *Кýйгулы*, а побѣжникъ *Конóпошана*.

Сидятъ на санкахъ опустя ноги на правую сторону, а осѣдлавъ санки сидѣть почитается за великой порокъ, ибо такимъ образомъ сидятъ на нихъ Камчадальскія женщины; таковожъ безчестно и то, ежелибъ кто взялъ къ своимъ санкамъ проводника, для того, что бабы съ проводниками ѣздятъ.

Нарта добрыхъ собакъ покупается на Камчаткѣ рублевъ по пятнадцати, а со всѣмъ заводомъ становится около 20 рублевъ. Я зналъ одного на Камчаткѣ охот-

ника, которому обходилась нарта собакъ и по шестидесяти рублевъ.

О неспособности ѣзды на собакахъ изъ одного строенія санокъ разсудить можно, что ѣздоку необходимо должно быть осторожному, и стараться хранить равновѣсіе; въ противномъ же случаѣ узкія и высокія санки и на самыхъ малыхъ раскатахъ или ухабахъ опрокидаются, при чемъ ѣздокъ подверженъ бываетъ не малому страху, особливо на пустомъ мѣстѣ, ибо собаки убѣгаютъ, и не станутъ, пока въ жилье придутъ, или за что нибудь на дорогѣ зацѣпятся, а онъ принужденъ бываетъ пѣшъ итти; чего ради въ такихъ случаяхъ всякой старается, какъ можно, за санки схватиться, и таценъ бываетъ иногда съ версту, пока собаки выбившись изъ силы остоятся. Въ которыхъ сей наибольше порокъ, что оныя какъ въ семъ случаѣ, такъ и въ опасныхъ мѣстахъ, какъ то на крутыхъ спускахъ, на нужныхъ чрезъ рѣчки переѣздахъ бѣгучи надрываются, и ни чѣмъ ихъ остановить не можно, и для того на объявленныхъ спускахъ собакъ выпрягаютъ, и въ поводу водятъ оставя токмо одну, которая бы санки правила, чтобъ дорогой катились, а подъ полозье подвязываютъ ременныя кольцы, чтобъ не катки были.

На крутыя горы поднимаясь должно итти пѣшкомъ, ибо собаки и простыя санки взвозятъ съ нуждою. Глухой клади возятъ на нартѣ по пяти пудъ не считая корму, которой подводчики для себя и для собакъ берутъ на дорогу. Съ кладью по торной дорогѣ переѣжжаютъ верстъ по 30 на день и больше, а на легкѣ, особливо же весною по насту, на костяныхъ полозьяхъ верстъ по полтораста.

Когда выпадаетъ глубокой снѣгъ, то не проложа дороги на собакахъ ѣхать не можно; прокладываютъ дорогу подводчики, а по тамошнему *каюры*, на лапкахъ, которые бродовщиками называются.

Лапки дѣлаются изъ двухъ не весьма толстыхъ брусковъ на срединѣ двумя поперечинами распертыхъ, а по концамъ вмѣстѣ стянутыхъ, и напереди къ верху загнутыхъ, и ремнями часто переплетенныхъ. На вторкахъ привязывается путло, которое на ногу надѣвается. Бродовщикъ долженъ имѣть на обѣихъ ногахъ по объявленной лапкѣ, и оставя собакъ на мѣстѣ итти впередъ на нѣкоторое разстояніе, а потомъ воротиться тою же дорóгою къ собакамъ, и весть ихъ по проложенной дорогѣ. А потомъ оставя ихъ паки итти впередъ, и такъ мучиться до са-

**

маго жилья. Въ семъ случаѣ ѣзда бываетъ толь медленна, что въ день едва десять верстъ переѣхать можно. Употребляютсяжъ къ прокладыванію дорóги и обыкновенныя лыжи, однакожъ не столь часто. Ни одинъ подводчикъ безъ лыжъ или безъ лапокъ въ дальнюю дорогу не ѣздитъ.

(1) Вящшее неспокойство въ ѣздѣ бываетъ, когда на пустыхъ мѣстахъ застанетъ вьюга. Тогда съ возможнымъ поспѣшеніемъ надлежитъ съ дорóги въ лѣсъ сворачивать, и лежать вмѣстѣ съ собаками, пока утихнетъ погода, которая иногда по недѣлѣ продолжается. Собаки лежатъ весьма тихо, но въ случаѣ голоду объѣдаютъ всѣ ремни, узды, побѣжники и прочіе санные приборы. Буде погода захватитъ нѣсколько человѣкъ вмѣстѣ ѣдущихъ, тогда проѣжжіе имѣютъ сію выгоду, что они могутъ шалашь себѣ сдѣлать, и окопаться снѣгомъ; но Камчадалы шалашей мало дѣлаютъ, а отлеживаются наибольше въ я́махъ устланныхъ съ деревъ вѣтвями, обернувшись въ свою́ кухлянку и рукава спустя: при чемъ такъ ихъ заноситъ снѣгомъ, что ни рукъ, ни ногъ, ни головы не видно. Подъ снѣгомъ оборачиваются они

---

(1) Изъ Стеллерова описанія.

какъ шаръ, однако весьма осторожно, чтобъ снѣгу, которымъ занесены, не разсыпать; ибо они подъ снѣгомъ лежатъ какъ въ юртѣ, имѣя скважину для дыханія, которая надъ ртомъ протаиваетъ. Естьли платье на нихъ узко и подвязано поясомъ, то сказываютъ они, что стужи не можно тогда вытерпѣть, для того что платье отъ паровъ намокнетъ и грѣть не будетъ.

Когда погода застанетъ на чистой тундрѣ, въ такомъ случаѣ ищутъ какого нибудь бугорка, и подъ него ложатся; а чтобъ не занесло и не задушило снѣгомъ, то каждую четверть часа вставши отрясаются. Но понеже въ восточные и южно-восточные вѣтры бываетъ обыкновенно мокрой снѣгъ, то проѣжжіе обмокнувъ часто замерзаютъ, ибо такія погоды наибольше кончатся сѣвернымъ вѣтромъ и стужею.

Кромѣ сильныхъ вѣтровъ зимняя ѣзда и потому опасна, что многія рѣки или не вездѣ становятся, или съ полыньями превеликими, которыя и въ самые жестокіе морозы не замерзаютъ. А понеже дорóга наиболѣе по рѣкамъ бываетъ, для того что берегá гористы, и индѣ почти непроходимы, то рѣдкой годъ проходитъ, чтобъ людямъ въ ѣздѣ не случилось урона, ибо индѣ

должно пробираться по самымъ узкимъ закраинамъ, а буде обломятся, или санки въ воду скатятся, то нѣтъ никакого спасенія. Быстрина рѣки не допуститъ справиться; а хотябъ въ томъ кому и пощастливилось, то обмокнувъ погибаетъ съ бо́льшею му́кою, когда нѣтъ жилья въ близости.

Немалая же трудность состоитъ и въ томъ, что много случается ѣздить чрезъ частой ивнякъ, гдѣ надлежитъ опасаться, чтобъ не потерять глазъ или не переломать рукъ и ногъ; особливо же что собаки въ трудныхъ и бѣдственныхъ мѣстахъ всю силу употребляютъ, чтобъ бѣжать скорѣе, и сброся хозяина свободиться отъ тяжести, какъ уже́ выше объявлено.

Лучшая и спокойная ѣзда въ мѣсяцахъ Мартѣ и Апрѣлѣ по на́сту; однако при томъ сіе неспокойство, что по двѣ и по три ночи принуждено иногда ночевать на пустомъ мѣстѣ; а Камчадаловъ трудно принудить, чтобъ они расклали огонь для варенія или для обогрѣнія, ибо они съ своими собаками ѣдятъ сухую рыбу сидя на цыпочкахъ спустя штаны и кухлянку. При чемъ довольно надивиться не льзя: 1) что они могутъ и сладко спать въ семъ бѣдномъ положеніи; 2) теплотѣ ихъ природ-

ной, что они стужи мало чувствуютъ, ибо они вставши по утру столь теплы и красны бываютъ, какъ бы въ тепломъ покоѣ спали. Но сія теплота почти всѣмъ тамошнимъ дикимъ народамъ свойственна. Я видалъ нѣкоторыхъ иновѣрцовъ, коимъ образомъ они на пустыхъ мѣстахъ: съ вечера ложились къ огню голою спиною, а какъ уснули, и огонь потухъ, то хотя спина и заиндѣвѣла, однако они спали безъ просыпу, будто бы ихъ огнемъ пригрѣвало.

ГЛАВА X.

О военномъ Камчатскомъ ополченіи.

Хотя Камчадалы до покоренія Россійскому государству не были властолюбивы, и о распространеніи границъ ни малаго не имѣли попеченія, какъ уже выше показано; однако столь часто между собою воевали, что году не проходило, въ которомъ бы сколько нибудь острожковъ раззорено не было. Главное намѣреніе браней ихъ состояло въ томъ, чтобъ получить плѣнниковъ, которыхъ они въ тяжкія работы употребляли, а особливо женскаго пола, которыхъ они брали въ наложницы и въ супружество, а о причинѣ, была ли какая или нѣтъ, законна ли или незаконна, не много они разсуждали. Иногда сосѣдственные остроги и за то другъ противъ друга вооружались, что дѣти между собою поссорились, а естьли кто кого позвавъ въ гости не столько какъ надлежало, подчивалъ, то сіе вмѣнялось за такую обиду, которую мстить надлежало не инако, какъ погубленіемъ всего острога, въ которомъ случалось толь непріятельское дѣйствіе.

Но въ войнѣ дѣйствовали они больше обманомъ нежели храбростію, ибо они такъ робки, что явно напасть не отважатся, кромѣ необходимой нужды; а сіе тѣмъ удивительнѣе, чѣмъ сей народъ меньше жалѣетъ о своей жизни, ибо они и добровольно умирать не сомнѣваются. Въ непріятельскіе острожки врывались они ночнымъ временемъ, что могли дѣлать безъ препятствія для того, что карауловъ у нихъ не бываетъ. Такимъ образомъ и малолюдствомъ губили они знатное число непріятелей безъ всякой себѣ опасности и сопротивленія. Вся трудность къ одержанію побѣды состояла въ томъ, чтобъ ускорить взбѣжать на юрту не выпустя изъ нее ни человѣка, и стать надъ окномъ съ палкою или съ чекушею, ибо осажденнымъ по состоянію строенія юртъ должно выходить тѣмъ окномъ по человѣку, которыхъ осаждающіе и бить и вязать могли въ небольшемъ числѣ.

Съ плѣнниками мужеска пола, особливо знатнѣйшими поступали они съ обыкновеннымъ всѣмъ тамошнимъ народамъ безчеловѣчіемъ. Жгли, рѣзали, кишки изъ живыхъ мотали, вѣшали за ноги, и всякія дѣлали наругательства, торжествуя при томъ о побѣдѣ надъ непріятелями. Такое мученіе случилось терпѣть

и нѣкоторымъ козакамъ во время большаго бунта, когда вся Камчатка находилась въ движеніи.

Тогдашнія ихъ междуусобія не мало способствовали козакамъ къ покоренію всего народа; ибо когда они въ виду одного острожка приступали къ другому, то не должно было козакамъ опасаться, чтобъ осажденные получили помочь; напротивъ того сосѣди радовались ихъ погибели, или смотрѣли съ удовольствіемъ, какъ козаки на приступахъ дѣйствуютъ, а послѣ и сами были побѣждаемы.

Противъ козаковъ употребляли они обыкновенную свою хитрость, которою больше ихъ губили, нежели оружіемъ. Когда козаки требовали ясаку съ какого нибудь непокореннаго острожка, то весьма рѣдко имѣли сопротивленіе, но почти всегда приниманы были съ честію и любовію какъ пріятели; дарены щедро, почиваны довольно, и ни въ чемъ не имѣли отказа. Такимъ образомъ приведши ихъ въ оплошность побивали въ ночное время, или выбравшись всѣ вонъ изъ юрты зажигали оную съ козаками. Такою хитростью въ двухъ мѣстахъ погибло человѣкъ до семидесяти, которое число въ разсужденіи тамошняго малолюдства можно почесть за великое. Случалось

же иногда, что Камчадалы не улуча способа побить козаковъ при перьвомъ покореніи, по два и по три года съ ряду ясакъ платили, а послѣ побивали зборщиковъ, которые обыкновенно въ малолюдствѣ посылаются.

Но хитрости ихъ, которыя козакамъ прежде бѣдственны были, нынѣ служатъ къ предосторожности. Ибо они чрезмѣрно ласковыхъ пріемовъ опасаются, и почитаютъ ихъ за знакъ несумнѣнной измѣны. Тожъ разумѣютъ, когда Камчадалки ночью изъ юрты вонъ выбираются, ибо онѣ не могутъ смотрѣть на кравопролитіе, чего ради и мужья ихъ никогда при нихъ убійства не дѣлаютъ. Когда Камчадалы сны разсказываютъ, что мертвые имъ видѣлись, и когда часто разъѣжжаютъ въ дальные гости, то изъ того бунтъ и измѣна немалая заключается; по крайней мѣрѣ не одинъ острогъ, но нѣсколько вмѣстѣ отложатся.

Въ такихъ случаяхъ бьютъ они козаковъ, гдѣ ни попадутся, также и Камчадаловъ, кои стороны ихъ не оставляютъ, и съ измѣнниками не вступаютъ въ согласіе. А когда прослышатъ на себя походъ, то не къ сопротивленію готовятся, но къ долговременной осадѣ. Выбираютъ мѣста высокія и утесы, строятъ тамъ свои острожки, и укрѣпясь ожидаютъ своихъ не-

пріятелей. Приступающимъ храбро противятся, стрѣляя изъ луковъ, и употребляя всякіе способы къ защищенію. А когда увидятъ, что непріятель премогаетъ, то всякой Камчадалъ заколовъ жену и дѣтей своихъ или стремглавъ низвергается, или съ оружіемъ устремляется на непріятеля, чтобъ не умереть безъ отмщенія. И сіе на ихъ языкѣ, *постелю подъ себя достать*, называется. Въ 1740 году при мнѣ была привезена съ Утколоки дѣвка, которую тамошніе измѣнники въ торопливости не успѣли дорѣзать, когда острожекъ ихъ приступомъ брали; прочіе отъ мала до велика были перерѣзаны, а сами измѣнники съ горы, на которой сидѣли, побросались въ море.

Съ начала покоренія Камчатки были токмо два явныя на Камчаткѣ нападенія, первое въ Большерѣцкомъ острогѣ 1710 года; а другое въ 1713 году, когда отправленіе было для покоренія Камчадаловъ Авачинскихъ, однако оба случая были имъ весьма неудачны; ибо при осадѣ Большерѣцка, хотя они и надѣялись на великое свое множество, такъ, что козаковъ, которыхъ сидѣло въ осадѣ 70 человѣкъ, шапками замѣтать не сумнѣвались; однако какъ 35 человѣкъ выслано было на вылазку, то не могли они

и перваго стремленія выдержать, но всѣ обратились въ бѣгство, кому куда способно было. А понеже они приплыли къ острогу на батахъ, то бросаясь въ оные, иные перетонули, а иные побиты; и сія ихъ погибель столь была велика, что рѣки запрудились трупами. Авачинскіе иноземцы не меньше имѣли надежды побѣдить походчиковъ; ибо каждой имѣлъ при себѣ ремень, на которомъ бы вести́ плѣнниковъ, однако вмѣсто того сами побиты или въ плѣнъ взяты. Въ Авачинской походъ отправлено было козаковъ сто двадцать, да сто пятьдесятъ человѣкъ Камчадаловъ; изъ чего можно разсуждать о множествѣ непріятелей, когда они такое множество по рукамъ разобрать надѣялись.

Военное оружіе и збруя ихъ состоитъ въ сайдакакъ, стрѣлахъ, чекушахъ, копьяхъ и куякахъ. Сайдаки у нихъ дѣлаются изъ де́рева лиственичнаго, и оклеиваются берестою, а тетивы изъ китовыхъ жилъ. Стрѣлы обыкновенно бываютъ въ аршинъ и въ три четверти съ костяными или каменными копейцами, а называются онѣ разными именами по разности копейцовъ. Стрѣла съ костянымъ тонкимъ копейцомъ *пеньшъ*, съ широкимъ *аглпыншъ*, съ каменнымъ копейцомъ *кауглачь*, тупая стрѣла съ ко-

стяною головкою или томаръ *комъ*, деревянной томаръ *тылшкуръ*. Стрѣлы ихъ хотя и весьма плохи, однако опасны въ сраженіи, ибо онѣ ядомъ бываютъ намазаны, отъ котораго раненой человѣкъ тотчасъ опухаетъ, и въ сутки умираетъ почти обыкновенно. И сей бѣды инымъ образомъ не можно избавиться, какъ высасываніемъ изъ раны яду. У копей ихъ копейца бывали каменныяжъ и костяныя, какъ уже́ и выше объявлено. Чекуши, по ихъ *уа́карель*, называются у нихъ костяныя рогульки о четырехъ рожкахъ, которыя насаживаются на долгія ратовья.

Куяки или латы дѣлали они изъ рогожъ своихъ или чиреловъ, также изъ нерпичьихъ и моржовыхъ кожъ на ремни изкроенныхъ, которые ремни одинъ подъ другой подвязывали такъ, что они могли складываться какъ фижмы. Надѣвали ихъ съ лѣваго боку, и какъ душагрѣйку завязывали на правомъ. Съ зади пришивали высокую доску, для защиты головы, а съ переди такуюже къ груди токмо короче.

Въ дальные походы ѣжжали они на собакахъ, а въ ближніе пѣшкомъ ходили. Въ лѣтнее время, гдѣ способно было, тамъ наибольше употребляли паромы, на которыхъ могли сидѣть во многолюдствѣ.

Въ пѣшей ихъ ходьбѣ сіе достойно примѣчанія, что они по двое въ рядъ никогда не ходятъ, но всегда по одиначкѣ, а при томъ всегда по однимъ тропамъ, которыя вездѣ глубоко пробиты. Необыкновенному по ихъ тропамъ ходить крайнее мученіе, для того что оныя такъ узки, что одна только нога и то прямо уставливается, ибо сей народъ ступень въ ступень ходитъ.

Господинъ Стеллеръ причиною междоусобныхъ браней тамошнихъ народовъ ненависть же и роскошь объявляетъ, но съ нѣкоторыми особливыми обстоятельствами, которыя сообщимъ здѣсь въ дополненіе.

Хотя, пишетъ онъ, въ Камчаткѣ главнаго начальника прежде и не было, но всякъ жилъ по своей волѣ; однако двѣ внутренніе страсти, ненависть и роскошь причиною были, что Камчадалы сами свой покой и мирное житіе отвергали, и тѣмъ время отъ времени больше умалялись, и приходили въ изнеможеніе. Къ непріятельскимъ дѣйствіямъ побуждали ихъ женщины, властолюбіе и всякія домовыя вещи и уборы. Но чтобъ каждой могъ непріятелю противиться, то поддавались они старшимъ, храбрѣйшимъ и умнѣйшимъ людямъ, и по одержаніи нѣкоторыхъ побѣдъ начальни-

камЪ своимЪ оказывали такую любовь, какая потребна была кЪ намѣренію ихЪ, чтобЪ мщеніемЪ, полученіемЪ добычи и равномѣрнымЪ ея раздѣленіемЪ укрѣпиться во своей власти. Чего ради и между сими народами есть знаки, что они имѣли вЪ мысли своей нѣчто высочайшее, то есть чтобЪ быть владѣтелями, отЪ чего наконецЪ послѣдовало одного народа раздѣленіе на разные, и учинились многія равносильныя стороны.

Сперва начали Коряки, и отЪ Тигиля вошедЪ вЪ Камчатку слѣдовали западнымЪ берегомЪ до Большей рѣки́. Послѣ того возстали Шантальцы подЪ предводительствомЪ умнаго и храбраго мужа Ша́нтала. А какЪ сей власть свою распространить вознамѣрился, желая получить ласкою то, что зависѣло отЪ силы и оружія, то есть чтобЪ наложить дань на всѣхЪ КамчадаловЪ мужеска пола и женска, то сдѣлались паки двѣ стороны, одна у вершинЪ рѣки Камчатки, которая продолжалась до прихода РоссіянЪ, а другая вЪ КронокахЪ, которая простиралась жилищами до самой Лопатки. НаконецЪ живущіе отЪ Голыгиной рѣки до Компановой отпали отЪ жителей Курильской Лопатки. И хотя сіи люди малочисленнѣе были, однако всѣхЪ другихЪ пре-

восходили силою, храбростію и разумомъ; нападали на различные остроги, отводили въ плѣнъ женской полъ и малолѣтныхъ; ибо мать нынѣшняго тоіона перваго Курильскаго острова, именемъ *Кулини*, была плѣнница, родомъ изъ Ичинскаго острожка, которой Лопатскіе жители погромили уже по прибытіи Россіянъ въ ту сторону; чего ради островскіе жители Ичинскихъ Камчадаловъ почитаютъ за родню свою.

Около рѣки Апалы есть нѣсколько горъ, которыя имена получили отъ происходившихъ тамъ сраженій. А сіи Лопатскіе жители, или просто Курилы, потому были непобѣдимы, что они нападали нечаянно, пригребая на байдарахъ своихъ по морю, и отходя съ полученіемъ корысти безъ опасности погони, ибо Камчадалы морскихъ судовъ не имѣютъ.

Что касается до властолюбія, которое въ сихъ извѣстіяхъ господина Стеллера упоминается, аки бы оно главною причиною было раздѣленія тамошняго народа; то хотя сіе и вѣроятно, ибо кто можетъ подумать, чтобъ и въ самыхъ дикихъ народахъ не было властолюбія, или по крайней мѣрѣ тщанія о преимуществѣ, когда оное и въ безсловесныхъ животныхъ примѣчается? однако предпринимать учрежденіе са-

модержавнаго владѣнія, и налагать дани, кажется потребно бо́льшее разсужденіе, нежели каково Камчадалы имѣютъ. Что они ходили войною другъ на друга, что въ плѣнъ брали, и похищали съѣстные припасы и имѣніе, изъ того заключить нельзя такого важнаго предпріятія, каково о учрежденіи самодержавства, тѣмъ наипаче, что такому человѣку, какимъ описывается Ша́нталъ, надлежало прежде власть свою утвердить надъ своимъ родомъ, и имѣть въ совершенномъ послушаніи, котораго однакожъ и съ самаго начала покоренія Камчатки нигдѣ ни слѣду не примѣчено, но напротивъ того вездѣ совершенное равенство. А раздѣленіе народовъ, и разсѣяніе по разнымъ мѣстамъ Камчатки могло сдѣлаться и по другой причинѣ, какъ напримѣръ по тѣснотѣ мѣста, по недостатку довольнаго къ пропитанію для множества, и прочая. Самое имя Шанталъ весьма мнѣ сумнительно, былъ ли когда Камчадалъ такъ называемый, для того что ежели бы такое имя у Камчадаловъ было, то бы оно не вышло и по нынѣ изъ употребленія, однако нѣтъ его между мужескими и женскими имена-ми нигдѣ въ Камчаткѣ. Мнѣ кажется, что подъ симъ именемъ должно разумѣть всѣхъ Шантальскихъ жителей, которые

живутъ около урочища Шантaлы, какъ подъ именемъ Кончата всѣхъ Еловскихъ жителей. Ибо сіе правда, что оные Шантальцы были прежде сего и славны и многолюдны, такъ что одинъ острогъ ихъ болѣе двухъ верстъ въ длину простирался, и балаганы толь тѣсно построены были, что по балаганамъ хаживали они чрезъ все помянутое разстояніе, да и нынѣ оной острожекъ почти всѣхъ Камчатскихъ острожковъ многочисленнѣе народомъ.

О храбрости тамошнихъ народовъ можно вообще сказать, что тѣ, кои далѣе живутъ къ сѣверу, наглѣе и отважнѣе. Изъ Камчадаловъ за военныхъ людей почитаются Еловцы и Шантальцы, по нихъ Курильцы и Авачинцы, съ которыми козаки много труда имѣли при завоеваніи.

ГЛАВА XI.

О Богѣ, о сотвореніи земли и о догматахъ Камчатской вѣры.

Богомъ Камчадалы почитаютъ нѣкоего *Кутху*, отъ котораго произошелъ народъ ихъ. Кто сотворилъ небо и свѣтила небесныя, не вѣдаютъ, токмо сказываютъ, что оныя прежде земли были, о сотвореніи которой объявляютъ двояко. Иные говорятъ, что Кутху сотворилъ землю изъ своего сына называемаго *Сымскалинъ*, котораго родила жена его *Илькхумъ* гуляя съ нимъ по морю; а другіе, что Кутху съ сестрою *Хутлыжичъ* землю снесли съ неба, утвердили на морѣ, а море сотворилъ *Утлейгынъ*, который и понынѣ въ немъ пребываетъ. Однако въ томъ всѣ вообще согласны, что Кутху до сотворенія земли жилъ на небѣ. Которые поставляютъ морскаго бога, тѣхъ мнѣніе нѣсколько сходно съ Якутскимъ суевѣріемъ, которые владѣніе неба и земли особливымъ богамъ приписываютъ; сверхъ того призываютъ и адскаго бога, и почитаютъ ихъ за родныхъ братьевъ, также какъ древніе Греки и Римляне.

Кутху, по сотвореніи земли, оставилъ небо, и поселился на Камчаткѣ, гдѣ родилъ другаго сына именемъ *Тыжилъ-Кутху*, да дочь *Си́дуку*, которые пришедши въ совершенной возрастъ сочетались бракомъ. Между тѣмъ какъ самъ Ку́тху, такъ и жена его и дѣти носили платье изъ листья шитое, и питались березовою и таловою коркою, ибо звѣри, по ихъ объявленію, сотворены тогда не были, а рыбы ловить не умѣли ихъ боги.

Кутху, оставя сына своего и дочь, съ Камчатки отбылъ, а куда дѣвался не вѣдаютъ, токмо то объявляютъ, что онъ пошелъ съ Камчатки на лыжахъ, и что го́ры и долы сдѣлались отъ его путешествія; ибо земля подъ нимъ гнулась, какъ тонкой ледъ, и такимъ образомъ лишена своей равности и плоскости.

У Тыжилъ-Кутхи послѣ отца родился сынъ *Амле́я*, да дочь *Сидукамшичь*, которые на возрастѣ вступили въ супружество, а болѣе родословія они не знаютъ. То утверждаютъ за истинну, что народъ ихъ размножился отъ объявленныхъ праотцевъ.

Тыжилъ-Кутху, при умноженіи своего рода, на́чалъ размышлять о лучшемъ содержаніи, вымыслилъ вязать изъ кропивы сѣ-

ти и ловить рыбу, а какъ лодки дѣлать, оное ему еще отъ отца показано. Сотворилъ же онъ и звѣрей земныхъ, и опредѣля пастухомъ надъ оными нѣкоего *Пиля́чуча*, подъ котораго вѣденіемъ состоятъ они и донынѣ, на́чалъ шить изъ кожъ ихъ кухлянки и па́рки.

О Пилячучѣ сказываютъ, что онъ ростомъ весьма малъ, носитъ платье россомашье, которое у Камчадаловъ весьма высоко почитается, ѣздитъ на птицахъ, особливо же на куропаткахъ, и будто нѣкоторымъ понынѣ случается видать и слѣды его.

Стеллеръ описываетъ тамошніе народы многобожными, то есть что они почитаютъ многихъ боговъ, и сказываютъ объ нихъ, будто прежде сего многіе ихъ видали; чего ради нѣтъ у нихъ въ языкѣ слова духъ, ибо они не имѣютъ о томъ и понятія, такъ какъ и о величествѣ Божіи и непостижимой его премудрости.

Впрочемъ никого глупѣе не представляютъ, какъ своего Ку́тху, чего ради и не воздаютъ ему никакого почтенія, ничего у него не просятъ, и ничемъ такъ, какъ именемъ его не забавляются, разсказывая про него такія непристойности, о которыхъ и писать гнусно. Между прочимъ и то въ порокъ

ему ставятъ, что онъ столько горъ и стремнинъ сдѣлалъ, и столько мѣлкихъ и быстрыхъ рѣкъ, что столько дождей и бурь производитъ, и беспокоитъ ихъ. И для того всходя зимою на высокія горы, или спускаясь ругаютъ его всякою бранью. Тожъ дѣлаютъ и при другихъ трудныхъ обстоятельствахъ.

Бога вообще называютъ они *Дустехтичь,* которое имя нѣкоторымъ образомъ и почитаютъ такъ, какъ Аѳиняне невѣдомаго бога. Ставятъ столбъ на пространныхъ ровныхъ и тундристыхъ поляхъ, обвязываютъ его тоншичемъ, и не проходятъ мимо не бросясь куска рыбы или чего другаго; не собираютъ ягодъ, которыя ростутъ въ близости, и не бьютъ около того мѣста ни звѣря ни птицы, и думаютъ они, что сею жертвою жизнь ихъ продолжается, которая бы безъ того умалилась. Однако не бросаютъ они на жертву годнаго, но или шаглу или хвостъ рыбій, что и безъ того надлежало бросить. Въ чемъ согласны съ ними и всѣ Азіатскіе народы, которые также приносятъ въ жертву негодное; а что ѣсть можно, тѣмъ пользуются сами. Такихъ столбовъ два видѣлъ господинъ Стеллеръ токмо около Нижняго острога, а индѣ нигдѣ не примѣчено: впро-

чемъ далѣе къ сѣверу много такихъ мѣстъ и я видалъ, гдѣ мимоходящіе бросаютъ жертву, якобы врагамъ тамъ пребывающимъ, но столбовъ и идоловъ не ставятъ.

(1) Сверхъ того всѣ мѣста́, по ихъ мнѣнію опасныя, какъ напримѣръ огнедышущія и другія высокія и крутыя го́ры, кипячія во́ды, лѣса и прочее населены отъ нихъ нѣкоторыми бѣсами, которыхъ они болѣе, нежели боговъ своихъ опасаются и почитаютъ.

Горныхъ боговъ называютъ они *Ка́мули* или малыя ду́ши, ибо душа по Камчатски *Ка́мулечь*. Сіи боги, или по тамошнему враги, живутъ на высокихъ, особливоже дымящихся и огнедышущихъ горахъ, чего ради Камчадалы не токмо всходить на нихъ, но и близко̀ приступиться не смѣютъ. Питаются они, по мнѣнію ихъ, рыбною ловлею, сходя по воздуху на море въ ночное время, приносятъ на каждомъ пальцѣ по рыбѣ, варятъ и пекутъ ихъ по обычаю Камчадаловъ, вмѣсто дровъ употребляя китовое сало и кости. Такія мѣста́ проходя Камчадалы бросаютъ что нибудь съѣстное врагамъ онымъ въ подарокъ.

Лѣсныхъ боговъ называютъ они *Ушахчу*,

---

(1) Изъ Стеллерова описанія.

и сказывають, якобы они походять на человѣка. Жéны ихъ носять младенцевъ къ спинѣ приросшихъ, которые непрестанно плачуть. Они, по Камчатскому суевѣрію, людей съ пути сводять, и дѣлають глупыми.

Морскаго бога называють они *Митгъ*, и приписывають ему рыбій видъ. Онъ, по ихъ мнѣнію, владѣетъ моремъ и рыбами, которыхъ посылаетъ въ рѣки, однако не для того, чтобъ люди имѣли отъ того пропитаніе, но будто за лѣсомъ на баты́ себѣ; ибо они отнюдь не вѣрять, чтобъ имъ отъ бога могло быть какое благодѣяніе.

О Пилячучѣ, или какъ Стеллеръ пишетъ, *Билюка́ѣ*, о которомъ выше объявлено, баснословять они, будто живетъ онъ на облакахъ со многими камулами, и будто громъ, молнію и дождь ниспускаетъ; а радугу почитають за подзоръ на его платьѣ. Сей Билюкай, по ихъ суевѣрію, опускается иногда съ облаками на гóры, ѣздитъ въ саняхъ на куропаткахъ, и бываетъ причиною великаго щастія тому, кто слѣдъ его увидитъ; но мнимой оной слѣдъ Билюкаевъ ничто иное есть, какъ струйки на поверьхности снѣга, которыя дѣлаются отъ вихрей. Напротивъ того имѣютъ отъ него и опасеніе: ибо сказываютъ, будто онъ въ вихри дѣтей ихъ чрезъ слугъ своихъ уноситъ, и

употребляетъ вмѣсто подставокъ, на которыхъ плошки съ жиромъ вмѣсто свѣчь поставляются. Жена у него *Тира́нусъ*.

Они, по объявленію Стеллера, признаютъ и бѣса, котораго представляютъ весьма хитрымъ и обманчивымъ, и для того называютъ *Ка́нною*. Около нижняго Камчатскаго остро́га показываютъ весьма старую и высокую ольху, которая за жилище его почитается; и Камчадалы ежегодно въ нее стрѣляютъ, отъ чего она вся стрѣлами изтыкана.

Гаечъ, по ихъ есть начальникъ подземнаго свѣта, куда люди по смерти преселяются, которой прежде сего жилъ на здѣшнемъ свѣтѣ.

Нѣкоторому изъ первыхъ дѣтей Кутховыхъ приписываютъ власть надъ вѣтрами, а женѣ его *Сави́нѣ* твореніе вечерней зари и утренней.

Туила трясенію земли причиною ставятъ, будто оно происходитъ отъ того, когда Туилова собака *Козе́й*, на которой онъ ѣздитъ подъ землею, отрясаетъ снѣгъ съ себя.

Но всѣ мнѣнія ихъ о богахъ и о діаволахъ беспорядочны, глупы и столь смѣшны, что не зная Камчатскихъ фантазій не можно сперьва и повѣрить, чтобъ они за

истинну утверждали такую нескладицу. Однако они по своему разуму всему дают причину, о всем разсуждают, и стараются изведывать самыя мысли птиц и рыб. Но при том имеют они сей порок, что ни о каком мнении никогда не думают, справедливо ли оно или несправедливо, и можно ли тому статься или не можно, но все принимают за истинну.

Главное основание веры их утверждается на древних преданиях, которыя наблюдают они паче закона, не приемля ни каких доказательств в опровержение. Стеллер пишет, что он больше ста человек спрашивал, не приходило ли им когда на мысль, смотря на небо, на звезды, луну и солнце и на другия вещи, что есть тому Творец, который все толь премудро устроил, и котораго должно как почитать, так и любить за власть его и благодеяние; но они на отрез ему ответствовали, что никогда о том не помышляли, и как любви, так и страху не чувствовали, и не чувствуют.

О Боге разсуждают они, что он ни щастию, ни нещастию их не бывает причиною, но все зависит от человека. Свет почитают вечным, души безсмертными, которыя с телом соединившись возста-

нутъ, и вѣчно жить будутъ въ такихъ же трудахъ, какъ и на здѣшнемъ свѣтѣ, токмо съ тою выгодою, что будетъ тамъ во всемъ вящшее изобиліе, и никогда не имѣютъ терпѣть голода.

Всѣ твари до малѣйшей мухи послѣ смерти возстанутъ, и подъ землею жить будутъ. Свѣтъ поставляютъ плосковиднымъ. Подъ землею полагаютъ подобное нашему небо, а подъ небомъ другую землю. Нашу землю почитаютъ за изнанку подземнаго неба; когда у насъ бываетъ лѣто, тогда у нихъ зима; а когда у нихъ лѣто, то у насъ зимнее время.

О воздаяніи будущемъ сіе токмо говорятъ, что бѣдные здѣшняго свѣта будутъ тамъ богатыми, а богатые убогими. А чтобъ Богъ за грѣхи наказывалъ, того по ихъ мнѣнію не надобно: ибо, говорятъ они, кто худо дѣлаетъ, тотъ терпитъ и отмщеніе.

А по чему они такія преданія и отъ кого приняли, о томъ сказываютъ слѣдующую басню: будто въ подземномъ свѣтѣ, куда люди по смерти преселяются, есть великой и сильной Камчадалъ Гаечь именемъ, которой родился отъ Кутхы, и прежде всѣхъ на Камчаткѣ умеръ; жилъ въ подземномъ свѣтѣ одинъ по тѣхъ поръ, пока двѣ дочери его умерли, и къ нему преселились;

и будто онъ, желая научить свое потомство, приходилъ на нашъ свѣтъ, и взошедъ къ нимъ на юрту, о всемъ томъ, чему нынѣ Камчадалы вѣрятъ, расказывалъ. Но понеже многіе отъ того страху, что мертвой къ нимъ приходилъ, скоро умерли, то Камчадалы начали потóмъ юрты свои оставлять, въ которыхъ человѣкъ умретъ, и новыя строить, чтобъ мертвой пришедши къ нимъ по подобію Гаеча, не нашелъ новаго ихъ жилища.

Сей Гаечь, по ихъ объявленію, есть главной въ подземномъ свѣтѣ. Принимаетъ всѣхъ Камчадаловъ умершихъ; и кто прибудетъ въ новой и богатой собачьей кукдянкѣ, и на хорошихъ собакахъ, тому даетъ худое платье и худыхъ собакъ, а кто въ худомъ платьѣ и на худыхъ собакахъ, тому даруетъ хорошее платье, хорошихъ собакъ, и хорошее отводитъ мѣсто къ поселенію. Тогда умершіе начинаютъ строить себѣ юрты и балаганы, упражняться въ звѣриной, птичьей и рыбной ловлѣ, пить, ѣсть и веселиться по здѣшнему, токмо съ тѣмъ различіемъ, что они на ономъ свѣтѣ такого, какъ здѣсь, безпокойства не чувствуютъ; для того что тамъ меньше бурь, дождей и снѣгу, и во всемъ такое изобиліе, каково было на Камчаткѣ во времена Кутховы:

ибо они думаютъ, что свѣтъ отъ времени до времени становится хуже, и все противъ прежняго умаляется, по тому что животныя купно съ промышлениками своими поспѣшаютъ переселяться на тотъ свѣтъ.

Что касается до пороковъ ихъ и добродѣтелей, то они такоежъ имѣютъ развращенное о томъ понятіе, какъ и о Богѣ. Все то почитаютъ за дѣло дозволенное, чемъ они могутъ удовлетворить желанію и страстямъ своимъ, а въ грѣхъ ставятъ токмо то, отъ чего опасаются или истинной, или мнимой погибели по своему суевѣрію: такимъ образомъ не ставятъ они въ грѣхъ ни убійства, ни самоубійства, ни блуда, ни прелюбодѣянія, ни содомства, ни обидъ; однимъ словомъ ничего того, что по закону Божію запрещается. Напротивъ того за смертной грѣхъ почитаютъ утопающаго избавить отъ погибели, для того что, по ихъ суевѣрію, тѣмъ, кои его изловятъ, самимъ утонуть будетъ. Засыпанныхъ снѣгомъ съ горъ, которымъ случается выбиться, принимать въ жилье страшное беззаконіе по тѣхъ поръ, пока они съѣдятъ всѣ свои припасы дорожные, а потóмъ надлежитъ имъ раздѣться до нáга, и брося свое платье, какъ скверное, войти въ свою

юрту. Пить горячія воды, мыться въ нихъ, и всходить на огнедышущія горы за несумнѣнную почитаютъ погибель, и слѣдовательно за грѣхъ вопіющій на небо, и прочіе такіе безчисленные забобоны, о которыхъ и писать гнусно. Грѣхъ у нихъ и надъ кислою рыбою драться, или ссориться; грѣхъ съ женою совокупляться, когда съ собакъ сдираютъ кожи: грѣхъ соскабливать снѣгъ ножемъ съ обуви; грѣхъ мясо различныхъ звѣрей и рыбъ варить въ одной посудѣ; грѣхъ ножи или топоры точить въ дорогѣ, и другія подобныя сему мѣлочи, отъ которыхъ опасаются какого нибудь противнаго приключенія; какъ отъ драки и ссоры надъ кислою рыбою совершенной погибели, отъ совокупленія съ женою во время сниманія собачьихъ кожъ коросты, отъ соскабливанія снѣгу съ обуви бури, отъ варенія разныхъ мясъ вмѣстѣ нещастія въ ловлѣ и чирьевъ, отъ точенія ножей и топоровъ въ дорогѣ погодъ и бури. Что однакожъ не столь удивительно: ибо во всѣхъ народахъ довольно суевѣрій у простыхъ людей, какъ то, что они такое множество заповѣдей могутъ содержать всегда въ памяти.

Кромѣ помянутыхъ боговъ своихъ почитаютъ они и разныхъ животныхъ п

другую тварь, отъ которой бываетъ опасность. Огню приносятъ они въ жертву норки собольи и лисьи. Китовъ и касатокъ уговариваютъ они словами, когда увидятъ на промыслѣ, ибо они опрокидываютъ лодки ихъ; также медвѣдя и волка; и ни котораго изъ оныхъ звѣрей не называютъ по имени, только говорятъ, *Сипангъ*, бѣда; и въ семъ сходны они съ нашими соболиными промышлениками, которые во время промысла, многихъ вещей не называютъ своимъ именемъ, будто бы отъ того дѣлается въ ловлѣ нещастіе.

Въ такомъ крайнемъ заблужденіи находился сей народъ еще и въ первыхъ годахъ моей бытности; но нынѣ тщаніемъ всемилостивѣйшія нашея Государыни Императрицы ЕЛИСАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ и высокоматернимъ ЕЯ о всѣхъ подданныхъ попеченіемъ, всѣ Камчадалы приняли Христіянскую вѣру, и многіе изъ сѣверныхъ Коряковъ: ибо въ 1741 году прибыли туда отъ Святѣйшаго Синода отправленные проповѣдники съ довольною церьковною утварью и со всѣмъ, что потребно было къ обращенію толь дикаго народа, которые имѣли столь желаемой успѣхъ во ученіи, что не токмо обратили ихъ въ Христіянскую вѣру, но и возбудили желаніе ко ученію: за-

вели школы по разнымъ мѣстамъ, въ которыя Камчадалы отдаютъ дѣтей своихъ безъ всякаго принужденія; а нѣкоторые учатъ ихъ на своемъ иждивеніи. По такимъ обстоятельствамъ сумнѣваться не можно, что Христіянская вѣра по всему Сѣверному мо́рю чрезъ нѣсколько лѣтъ распространится.

ГЛАВА XII.

О Шаманахъ Камчатскихъ.

У Камчадаловъ нѣтъ особливыхъ шамановъ, какъ у другихъ тамошнихъ народовъ, но всякая баба, а наипаче старуха, и всякой Коéкчучь волхвомъ и толкователемъ сновъ почитается. При шаманствѣ не бьютъ они ни въ бубны, ни платья нарочно для того сдѣланнаго не надѣваютъ, какъ у Якутовъ, Корякъ, Тунгусовъ, Бурятовъ и всѣхъ Сибирскихъ язычниковъ въ обычаѣ; но нашептываютъ на рыбью шаглу (1), на сладкую траву, на тоншичь, и тѣмъ лѣчатъ болѣзни, тѣмъ отвращаютъ несчастіе, и будущее предвозвѣщаютъ. А какія слова при наговорахъ употребляютъ, или кого призываютъ на пóмощь, того я, какъ великой тайны, не могъ вывѣдать.

Главное ихъ шаманство бываетъ такимъ образомъ: двѣ бабы садятся въ уголъ, непрестанно шепчутъ, одна привязываетъ

(1) Естествословы *Шаглою* называютъ жаберную крышечку у рыбъ (opercula branchialis).

къ ногѣ крапивную нитку, раскрашенную красною шерстью, и качаетъ ногу. Естьли ей ногу подымать легко покажется, то сіе почитается за счастливое предзнаменованіе, и за будущій благополучной успѣхъ предпріемлемаго дѣла; а буде тяжело, то за несчастливое. Между тѣмъ призываетъ бѣсовъ къ себѣ словами, *гушь, гушь*, и скрежещетъ зубами; а какъ явится привидѣніе, то захохотавши кричитъ, *ахáй, хáй*. Съ полчаса спустя бѣсы прочь отходятъ, и ворожея непрестанно кричитъ, *ишки*, то есть, нѣтъ. А другая баба, какъ ея помощница, шепчетъ надъ нею, и уговариваетъ чтобъ не боялась, но прилѣжно бы примѣчала явленія, и содержалабъ въ памяти, что загадала. Нѣкоторые сказываютъ, что во время грому и молніи Билюкай къ шаманкамъ сходитъ, и вселясь въ нихъ способствуетъ имъ угадывать.

Естьли сдѣлается кому неблагополучіе, или не будетъ счастія въ промыслѣ, тотъ часъ приходитъ къ старухѣ или къ женѣ своей, бываетъ шаманство, слѣдуется причина, отъ чего произошло такое зло, и предписуются средства къ отвращенію. За вящшую же причину вмѣняется преступленіе какого нибудь суевѣрія, которое тѣмъ отвращается, что согрѣшившій дол-

женъ вырѣзать болванчика, и отнесши въ лѣсъ на дерево поставить.

Шаманятъ же они и во время праздниковъ, когда грѣхи очищаются, шепчутъ, курятъ, махаютъ, отираютъ тоншичемъ, обвязываютъ перевязками, отговариваютъ пришедшихъ въ изумленіе, и другія дѣлаютъ непристойности, о чемъ въ слѣдующей главѣ писано пространнѣе.

Естьли которой младенецъ родится въ бурю или ненастье, то на возрастѣ, когда онъ говорить будетъ, шаманятъ надъ нимъ, и примиряютъ съ бѣсами такимъ образомъ: въ жестокую бурю раздѣваютъ его до нага, даютъ въ руку раковину морскую, которую ему поднявъ къ верху должно обѣгать вкругъ юрту, балаганъ и собачьи конуры, говоря сіи слова къ Билюкаю и къ другимъ врагамъ: *Раковина привыкла къ соленой, а не къ прѣсной водѣ, а вы меня весьма мочите, и мнѣ отъ мокроты будетъ погибнуть: видите, что на мнѣ нѣтъ платья, и что я весь дрожу.* По окончаніи сего примиряется онъ съ бѣсами, а въ противномъ случаѣ бываетъ причиною погодъ и ненастья.

Такимъ же образомъ гадаютъ они и трудныя сновидѣнія; ибо Камчадалы столько въ томъ любопытны, что по утру са-

мое первое у нихъ дѣло разсказывать сны, разсуждать и заключать изъ того счастіе или злополучіе. О нѣкоторыхъ снахъ имѣютъ они вѣрныя и непремѣняемыя пра́вила, какъ напримѣръ: естьли вшей видятъ, то на другой день ожидаютъ къ себѣ козаковъ безъ сумнѣнія. Испражненіемъ желудка предзнаменуется прибытіе гостя изъ ихъ народа; плотскимъ совокупленіемъ предвозвѣщается счастіе въ промыслѣ.

Кромѣ шаманства упражняются они въ Хиромантіи, и разсуждаютъ о счастливыхъ и несчастливыхъ приключеніяхъ по черта́мъ на рукѣ, но пра́вила свои въ тайнѣ содержатъ. Естьли у кого появится на рукѣ точка, пятно или черта́, или вдругъ пропадетъ, то спрашиваютъ о томъ у старой шаманки, какъ то самъ Стеллеръ примѣтилъ притворясь соннымъ.

ГЛАВА XIII.

О праздникахъ и наблюдаемыхъ при томъ обрядахъ.

У всѣхъ Камчадаловъ одинъ токмо годовой праздникъ, въ которой они грѣхи очищаютъ; а отправляется оный неотмѣнно въ Ноябрѣ мѣсяцѣ, чего ради и очистителемъ грѣховъ называется. Стеллерово мнѣніе о семъ праздникѣ, что оный отъ предковъ ихъ уставленъ былъ въ благодареніе Богу за его благодѣянія, но послѣ сущая причина празднованія помрачена дурацкими смѣхами и нелѣпыми баснями. Мнѣ кажется мнѣніе его основательно, тѣмъ наипаче, что по окончаніи лѣтнихъ и осеннихъ трудовъ не принимаются они ни за какую работу прежде праздника, не ѣздятъ въ гости и на промыслы, почитая все то за великой грѣхъ. Ежели же кому преступить случится, волею или по нуждѣ, то во время праздника необходимо долженъ очиститься, ежели не очистился прежде. Изъ сего нѣсколько видѣть можно, что предки сего народа, по заготовленіи въ зиму съѣстныхъ припасовъ, имѣли обычай начало трудовъ

своихъ приносить богу на жертву, а потомъ сами между собою веселиться, приходя другъ къ другу въ гости. При праздновании бываетъ у нихъ между прочимъ много и такихъ мѣлочей, которыя не достойны воспоминанія; но понеже всему у нихъ непремѣнной порядокъ, то опишу я всѣ обряды ихъ съ начала до конца праздника обстоятельно, не опуская никакой бездѣлицы не столько для удовольствія читателя, ибо такія мѣлочи читать больше скуки, нежели пріятности, но наипаче для того, чтобъ не погибла память толикаго ихъ заблужденія, изъ котораго они выведены высокоматерьнею милостію Ея Императорскаго Величества, Всемилостивѣйшія нашея Государыни: ибо нынѣ всѣ оные языческіе обряды оставлены, и чрезъ нѣсколько лѣтъ совершенному предадутся забвенію къ нѣкоторому ущербу Исторіи.

И понеже южные Камчадалы имѣютъ нѣкоторую разность въ обрядахъ противъ сѣверныхъ; то объявлю я порознь о праздновании ихъ, начавъ отъ южныхъ Камчадаловъ, къ которымъ я въ 1738 и 1739 годахъ нарочно для того ѣздилъ, и въ знатномъ ихъ острогѣ, *Чаáпынганъ* называемомъ, что на рѣкѣ Кыкчикѣ, жилъ по трои сутки.

Дѣйствіе началось метеніемъ юрты.

ПотомЪ два старика имѣвшіе вЪ рукахЪ по повѣсму тоншича, нѣчто пошептавЪ надЪ соромЪ, приказали его вонЪ носить.

СЪ полчаса спустя выняли изЪ мѣста вонЪ старую лѣсницу, мѣсто вычистили, и старикЪ, невѣдомо что пошептавЪ, положилЪ туда щепочку обвитую тоншичемЪ, послѣ того новую привязали сЪ равнымЪ шептаніемЪ, а старую поставили кЪ стѣнѣ, ибо вонЪ ее выносить не окончавЪ праздника не дозволено.

Между тѣмЪ приборЪ кЪ ѣздѣ на собакахЪ принадлежащій, санки, алаки, у́зды побѣжники, оштолы и прочее изЪ юрты вонЪ вынесли, для того что оный ожидаемымЪ на праздникЪ врагамЪ, по ихЪ мнѣнію, противенЪ.

Не много помѣшкавЪ принесли вЪ юрту сухой травы, и постлали подЪ лѣсницею. СтарикЪ, который обыкновенно на все нашептывалЪ, пришедЪ кЪ лѣсницѣ сЪ тремя бабами, сѣлЪ по правую сторону, а бабы по лѣвую. У каждаго изЪ нихЪ была рогожка, а вЪ нихЪ юкола, сладкая трава, сухая икра, тюленій жирЪ вЪ кишкахЪ и кусками. ИзЪ юколы дѣлали они топоры, и сладкою травою увивали; а изготовя все по обычаю, старикЪ и каждая баба отправляли отЪ себя по человѣку вЪ лѣсЪ за бе-

резою навязавъ на поясы, на топоры и на голову тоншичь, и отдавъ рогожки съ объявленнымъ запасомъ на дорогу, немного себѣ изъ того оставя.

Послѣ того старикъ и бабы, вставши съ мѣстъ своихъ, обошли вкругъ лѣсницы одинъ разъ махая тоншичемъ, который въ обѣихъ рукахъ имѣли, и приговаривая, *аккáлалалай;* а за ними обходили и тѣ, коимъ надлежало итти за березою, которые обошедши и отправились въ путь свой; а старикъ и бабы тоншичь свой на очагъ положили, а оставшій запасъ бросили малолѣтнымъ какъ бы на драку, которой они разхватавши съѣли.

Между тѣмъ бабы дѣлали изъ сладкой травы и изъ юколы кита, а сдѣлавъ вынесли вонъ изъ юрты до времени, и положили на балаганѣ. Потомъ затоплена юрта, а старикъ выкопавъ передъ лѣсницею ямку, принесъ камбалу обвернутую тоншичемъ, и пошептавъ положилъ въ ямку, и сперва самъ на томъ мѣстѣ обернулся трижды, а послѣ и всѣ мущины и женщины до малолѣтныхъ.

По окончаніи сего дѣйствія другой старикъ нáчалъ сарану варить въ корытахъ каленымъ каменьемъ, которою сараною имѣли быть подчиваны враги ихъ; а между

шѣмъ, у кого были болванчики, называемые *Урилидачъ*, обвязывали ихъ сладкою шравою, а другіе дѣлали новыхъ болванчиковъ, *Итунгъ* именуемыхъ, и въ потолокъ надъ очагомъ тыкали.

Въ тожъ время нѣкоторой старикъ принесъ въ юрту березовой кряжъ, и началъ изъ него Хантая дѣлать, а сдѣланному первой Тоіонъ того острожка навязалъ сладкой травы на шею, а по немъ и прочіе сладкуюжъ траву или тоншичь приносили ему на жертву, по совершеніи которой поставили его на очагѣ вмѣстѣ съ старымъ Хантаемъ.

Частоупоминаемый старикъ взявъ два небольшіе камня, и обвернувъ въ тоншичь невѣдомо что наговаривалъ, потомъ, закопавъ ихъ, на очагѣ по разнымъ угламъ расклалъ небольшой огонь, а вкругъ лѣсницы посадилъ малолѣтныхъ, чтобъ имъ хватать болванчиковъ, которые сверху имѣли быть въ юрту брошены. Дѣти разхватавъ ихъ обвязали сладкою травою, а одинъ изъ нихъ взявъ новаго Хантая потащилъ вкругъ очага за шею, а прочіе за нимъ слѣдовали и алхалалалай кричали, а потомъ на старомъ его мѣстѣ поставили.

Послѣ того обсѣли вкругъ очага всѣ старики, сколько ихъ въ юртѣ ни было:

тотъ, который на все нашептывалъ, взявъ въ руки обвитую тоншичемъ лопату, слѣдующую рѣчь къ огню говорить началъ: *Отъ Кутхи намъ приказано воздавать тебѣ жертву по однажды въ годъ, что мы и исполняемъ; чего ради просимъ, чтобъ ты насъ хранилъ, и миловалъ, не причинялъ бы скорбей и бѣдъ, и не дѣлалъ пожару.* Сію рѣчь перерывалъ онъ нѣсколько разъ; между тѣмъ всѣ прочіе старики вставали, и топая ногами, и плеская руками кричали алхалалалай, а по окончаніи оной всѣ старики встали съ мѣстъ своихъ, и взявъ другъ друга за руки заплясали, и закричали алхалалалай, а съ ними и всѣ бывшіе въ юртѣ тоже кричали.

Во время крика начали выбѣгать изъ угловъ бабы и дѣвки, искося глаза, искривя ротъ и представляя себя какъ возможно страшными, которыя дошедъ до лѣсницы подняли руки къ верху, и дѣлая странныя тѣлодвиженія плясали и кричали во весь голосъ, а потомъ одна за другою падали на землю будто мертвыя, и разносимы были мущинами по мѣстамъ своимъ, гдѣ лежали акибы безчувственны по тѣхъ поръ, пока нѣкоторой старикъ не отшепталъ каждую порознь. Сіе позорище показалось мнѣ страннѣе и противнѣе Якутскаго шаманства:

ибо тамъ одинъ токмо шаманъ бѣсится, а здѣсь цѣлой острожекъ. Отшептанныя бабы и дѣвки весьма много кричали, и плакали, будто отъ великой болѣзни и тягости, а между тѣмъ старикъ поворожа надъ пепломъ бросалъ его дважды къ верьху лопатой, а по немъ и прочіе тожъ учинили. Послѣ того объявленный старикъ, насыпавъ пеплу въ два ковша, посылалъ съ нимъ двухъ человѣкъ дважды изъ юрты, которые выходили не обыкновеннымъ окномъ, но *шо́пхадомъ*, и усыпали пепломъ дорогу.

Нѣсколько времени спустя обтянули вкругъ всей юрты веревку изъ травы́ плетеную, къ которой мѣстами привязанъ былъ тоншичь. И такимъ образомъ день они препроводили, а въ вечеру возвратились посыланные за березою, которые, совокупясь съ нѣкоторымъ числомъ выбѣжавшихъ изъ юрты Камчадаловъ, взнесли на юрту срубленную подъ корень превеликую березу, и на́чали бить ею въ окно или въ двери юрты, при чемъ топая ногами кричали, сколько у кого было голосу; напротивъ того и бывшіе въ юртѣ отвѣтствовали равнымъ образомъ отъ мала и до велика, и сей вопль продолжался около получаса. Послѣ того выскочила изъ угла дѣвка какъ бѣшеная, и взбѣжавъ по лѣсницѣ за березу схвати-

лась, а къ ней на помощь прибѣжало было еще бабъ съ десять, но Тоіонъ того острожка стоя на лѣсницѣ не допустилъ ихъ. Между тѣмъ береза спускалась ниже, и уже съ полу достать оную возможно было; тогда всѣ бабы ухватясь за березу начали тянуть ее въ юрту съ ужаснымъ крикомъ и съ плясаніемъ, но стоящіе на юртѣ держали крѣпко. Напослѣдокъ весь женскій полъ, аки пораженный нечистымъ духомъ, попадалъ на землю, выключая ту дѣвку, коя прежде всѣхъ за березу схватилась; ибо она по тѣхъ поръ висѣла на ней и кричала, пока береза концомъ на полу стала; тогда и она по примѣру прочихъ на землю поверглась какъ мертвая.

Всѣхъ бабъ и дѣвокъ старикъ по прежнему отговаривалъ, и всѣхъ отшепталъ скоро, кромѣ одной дѣвки, надъ которою онъ трудился долгое время. Она очнувшись закричала необычнымъ голосомъ, что ей весьма тошно, при томъ исповѣдывала грѣхъ свой, что она до праздника собакъ обдирала. Старикъ утѣшая ее совѣтовалъ болѣзнь нести великодушно, которой сама она причиною, что грѣха своего до праздника не очистила, и рыбьей шаглы въ огонь не бросила.

По прошествіи одного или полутора

часа брошено въ юрту восемь тюленьихъ кожъ, въ которыхъ навязана была юкола, сладкая трава и пузыри съ тюленьимъ жиромъ, а за ними брошены и четыре рогожи, которыя даваны были съ кормомъ посыланнымъ за березою, а въ нихъ находились березовые обрубки и запасъ остаточной. Рыбу изъ тюленьихъ кожъ, сладкую траву и жиръ Камчадалы раздѣлили по себѣ, кожи послали передъ лѣсницею, а изъ березовыхъ обрубковъ начали дѣлать остроголовыхъ болванчиковъ, *Камуда* называемыхъ, во образъ тѣхъ бѣсовъ, кои въ женской ихъ полъ вселяются во время пляеанія. Помянутыя кожи тюленьи отсулены были тѣмъ бѣсамъ еще съ осени, когда Камчадалы снаряжались на тюленьи промыслы, чего ради и не употребляютъ ихъ ни на что кромѣ того, что подъ себя стелютъ.

Сдѣлавъ 55 болванчиковъ посадили ихъ рядомъ, и сперва вымазали брусницею лице имъ, послѣ того поставили передъ нихъ въ трехъ посудахъ толченой сараны, и передъ каждаго положили маленькую ложку; такимъ образомъ стояло кушанье нѣсколько времени, а какъ болванчики, по мнѣнію Камчадаловъ, уже довольны были, то сарану съѣли они сами, а болванчикамъ надѣвъ на головы травяные колпаки, и навязавъ слад-

кой травы и тоншича на шеи, связали ихъ въ три пучка, и каждой пучекъ по два человѣка съ воплемъ и плясаніемъ въ огонь бросали, а съ ними вмѣстѣ жгли и щепы, которыя при дѣланіи ихъ нарублены.

Около полуночи вошла въ юрту шопхадомъ или выводомъ баба, у которой на спинѣ привязанъ былъ китъ изъ сладкой травы и рыбы, сдѣланный въ началѣ еще праздника, и ползла въ кругъ очага; за нею слѣдовали два Камчадала съ тюленьими кишками, сладкою травою перевитыми, и крича по вороньи, кишками по киту били. Какъ баба очагъ миновала, то бросились всѣ бывшіе въ юртѣ малолѣтные, и кита у ней растерзали, а баба побѣжала вонъ тѣмъ же выводомъ; но стоявшій внѣ юрты нарочно для того Камчадалъ поималъ ее, и взведши на юрту началъ спускать по лѣсницѣ внизъ головою. Для принеманія ея бросились нѣсколько бабъ и дѣвокъ съ такимъ же, какъ прежде воплемъ, а послѣ всѣ вмѣстѣ плясали и кричали до тѣхъ поръ, пока на землю попадали, при чемъ было и отшептыванье по прежнемужъ; а между тѣмъ Камчадалы растерзаннаго малолѣтными кита по себѣ дѣлили и ѣли.

Вскорѣ послѣ того затопили юрту, и бабы стряпать начали. Каждая принесла

свою посуду и толкушу, и стали толочь шеламайное коренье, икру и кипрей съ нерпичьимъ жиромъ; а какъ все оное истолкли какъ тѣсто, то старикъ взявъ *хомягу* (посуда) ходилъ по всѣмъ бабамъ, и съ каждой бралъ по ложкѣ толкуши, а собравъ отдалъ хомягу другому старику, который на все нашептывалъ, и бабъ падающихъ на землю отговаривалъ. Оный старикъ сѣлъ къ огню съ толкушею, и невѣдомо что наговаривая, по обычаю, бросилъ изъ толкуши нѣсколько въ огонь, а остальное отдалъ обратно тому, кѣмъ толкуша была сбирана, а старикъ разносилъ паки по бабамъ, и каждой давалъ по ложкѣ вмѣсто жертвеннаго. Между тѣмъ вся ночь прошла, и никто изъ Камчадаловъ спать не ложился.

На другой день, то есть Ноября 22 числа, около 9 часа по утру, постланы передъ лѣсницею двѣ нерпичьи кожи, а между ими рогожа, на которыхъ сѣли три старухи. Каждая изъ нихъ имѣла пучекъ тоненькихъ ременныхъ гайтановъ, раскрашенныхъ нерпичьей шерстью и тоншичемъ. Въ прислужникахъ у нихъ былъ старикъ, который, обравъ гайтаны и обжегши на огнѣ, обратно имъ отдалъ. Старухи вставъ съ мѣстъ своихъ ходили одна за другою по юртѣ, и окуривали вездѣ обожженными оными гай-

танами, а Камчадалы, жены ихъ и дѣти во время прохожденія старухъ хватались за гайтаны, какъ за нѣкоторую вещь освященную, и трясли ихъ. Окуря всѣхъ сѣли старухи по своимъ мѣстамъ, и одна взявъ у прочихъ гайтаны вторично пошла по юртѣ, прикладывая ихъ ко всѣмъ столбамъ и подпорамъ въ юртѣ; между тѣмъ всѣ Камчадалы кричали, а всѣ старухи, у которыхъ пучки съ гайтанами были, плясали, и бѣсились по прежнему; тожъ учинила обшедъ юрту и третья, а наконецъ всѣ попадали замертво.

Прислужникъ взявъ гайтаны у лежащей старухи приложилъ ихъ къ лѣсницѣ, и по тѣхъ поръ держалъ, пока всѣ бывшіе въ юртѣ отъ мала до велика къ нимъ прикоснулись. Напослѣдокъ роздалъ ихъ по угламъ, гдѣ бабы разобрали гайтаны, каждая по числу семьи своей, и надѣвали ихъ на каждаго человѣка, окуривъ прежде мужа, себя и дѣтей своихъ.

Спустя полчаса Камчадалы постлали передъ лѣсницу нерпичью кожу, а къ двумъ столбамъ, что по сторонамъ лѣсницы, привязали по мальчику; послѣ того вошли въ юрту два старика, и спрашивали у мальчиковъ: *когда пріѣжжаетъ отецъ ихъ*? на что отъ всѣхъ Камчадаловъ отвѣтствова-

но имъ: *зимою*. Старики положа передъ мальчиками по кишкѣ съ нерпичьимъ жиромъ, которыя сладкою травою обвиты были, вонъ вышли, но вскорѣ возвратились въ юрту, и начали кричать и плясать, а съ ними и всѣ бывшіе въ юртѣ кричали.

Между тѣмъ вошла топахдомъ баба, у которой подъ пазухой былъ сдѣланной изъ сладкой травы волкъ, и набитой медвѣжьимъ жиромъ, кишками съ тюленьимъ жиромъ и другими съѣстными ихъ припасами, о которыхъ выше упомянуто. За бабою шелъ Тоіонъ того острожка съ натянутымъ лукомъ, у которыхъ и голова и руки обвязаны были тоншичемъ; сверьхъ того у Тоіона на поясу, на сайдакѣ и на стрѣлѣ навѣшенъ былъ тоншичь же повѣсмами. Какъ баба обошла подлѣ стѣны вкругъ юрты съ послѣдовавшими ей всѣми жителями того острожка мужеска пола и женска скачущими, и кричащими, и дошла до лѣсницы, то нѣсколько человѣкъ Камчадаловъ выхватили у ней волка изъ подъ пазухи, и взбѣжали съ нимъ по лѣсницѣ подъ самой верьхъ юрты; чего ради всѣ бабы обступя лѣсницу, всякими образы домогались взойти на оную, и достать волка, но стоявшіе на лѣсницѣ мужики до того ихъ не допускали, и хотя онѣ нѣкоторыхъ силою

съ лѣсницы низвергали, однакожъ намѣренія своего не могли произвесть въ дѣйство, но утрудясь и обезсилѣвъ всѣ попадали и за мертво разнесены по мѣстамъ, и отговариваны по прежнему. Послѣ того Тоіонъ, который съ натянутымъ своимъ лукомъ стоялъ между тѣмъ ôдаль, приступилъ къ лѣсницѣ, и стрѣлилъ въ волка, а прочіе мужики стащили его на полъ, и растерзавъ съѣли, удѣля нѣкоторое число медвѣжья жиру для подчиванія хантаевъ.

О семъ дѣйствіи, такъ и о китовомъ, о которомъ выше объявлено, хотя сами Камчадалы сказать и не умѣютъ, касается ли оно до ихъ суевѣрія или нѣтъ, и для чего бываетъ; однакожъ мнѣ кажется, что оное представляется вмѣсто комедіи только для увеселенія, или чтобъ имъ настоящихъ китовъ и волковъ промышлять и ѣсть, какъ съ травяными поступали. А басня, которую они представляютъ, есть слѣдующаго содержанія:

На нѣкоторой рѣкѣ жилъ одинакой Камчадалъ, и имѣлъ у себя двухъ малыхъ сыновей. Отходя на промыселъ принужденъ онъ былъ дѣтей однихъ оставлять въ юртѣ, и для безопасности, чтобъ не ушиблись, привязывать къ столбамъ. Въ небытность его приходили къ дѣтямъ его волки,

и спрашивали, скоро ли отецъ ихъ будетъ, которымъ они отвѣтствовали, зимою. Дѣти его отъ того страха чрезъ долгое время безъ ума были. Между тѣмъ отецъ съ промысла возвратился, и увѣдавъ, что во время его отлучки происходило, пошелъ промышлять волка, и застрѣлилъ его изъ лука. Что же касается до китоваго дѣйствія, то травяной китъ дѣлается во образъ носимаго волнами мертваго кита, вóроны изъ кишекъ во образъ вóроновъ клюющихъ трупъ его, а малые ребята терзающіе его во óбразъ Камчадаловъ рѣжущихъ жиръ его.

По окончаніи игры о волкѣ, старикъ обжигалъ тоншичь, котораго съ каждой семьи по повѣсму огню на жертву собралъ, и окуривалъ онымъ юрту два раза. Обожженной тоншичь положилъ онъ весь на очагъ, выключая одно повѣсмо, которое на потолокѣ надъ очагомъ повѣсилъ, гдѣ оно виситъ во весь годъ.

Вскорѣ послѣ того нанесли въ юрту березоваго прутья, по числу семей, изъ котораго каждый Камчадалъ взялъ на свою семью по одному пруту, и изогнувъ кольцомъ пропускалъ сквозь оное жену и дѣтей своихъ по два раза, которые выступя изъ кольца вонъ, обертывались кругомъ. Сіе почитается у нихъ за очищеніе грѣховъ ихъ.

Какъ всѣ очистились, то Камчадалы пошли съ прутьями вонъ изъ юрты жупаномъ, а за ними слѣдовали и всѣ сродники ихъ мужеска и женска пола. Внѣ юрты проходили сквозь кольца вторично, а по томъ оное въ снѣгъ втыкали приклоня на востокъ вершинами. Камчадалы сброся на томъ мѣстѣ весь тоншичь, и отрясши платье свое возратились въ юрту настоящимъ входомъ, а не жупаномъ.

Изъ бывшихъ на мѣстѣ очищенія случилась одна больная дѣвка, которую старикъ посадя на снѣгъ съ полчаса отговаривалъ, прикорнувъ передъ нею и опершись о палку, напослѣдокъ обтрясши платье ея прутомъ, опустилъ въ юрту.

Послѣ очищенія принесли Камчадалы малую сухую птичку, да гольца, нарочно для того изготовленныхъ, и пожаря на огнѣ по частямъ раздѣлили, и пришедъ къ огню бросили въ огонь въ три раза на жертву тѣмъ врагамъ, кои на праздникъ приходятъ и въ бабъ вселяются. Они, сказываютъ Камчадалы, живутъ на облакахъ, видомъ какъ люди, только остроголовы, возрастомъ съ трехлѣтняго младенца, ходятъ въ лисьемъ, собольемъ и россомашьемъ платьѣ.

Понеже они сказываютъ, что враги

къ бабамъ въ ротъ входятъ до 50 и больше, то спросилъ я у нихъ, какъ можно толикому числу враговъ величиною съ трехлѣтняго младенца въ одной бабѣ умѣститься, и какъ пройти въ такое узкое горло, въ которое рукѣ такого младенца пройти кажется не возможно. Намъ де и самимъ, отвѣтствовали они, то дивно, можетъ де быть они весьма малы, да намъ такими кажутся.

Потомъ затопили юрту, и накаля каменья начали сухую рыбу варить въ корытахъ, а сваря обливали щербою хантаевъ, обрѣтающихся при нихъ болванчиковъ и березу, которая еще въ юртѣ стояла, а рыбу сами ѣли.

Напослѣдокъ должно имъ было березу изъ юрты вынесть, чего ради два человѣка взлѣзши по ней на юрту (а по лѣсницѣ выходить грѣхъ) подали оную сидящимъ въ юртѣ, которые обнесши вкругъ всей юрты, отнесли оную на балаганъ, гдѣ лежитъ она во весь годъ, а почтенія ей никакого не отдается. Такимъ образомъ праздникъ ихъ окончился.

У сѣверныхъ Камчадаловъ есть въ обрядахъ немалая отмѣна въ разсужденіи южныхъ. На праздникъ ихъ пріѣхалъ я Ноября 19 дня по утру, однако не засталъ начала:

ибо до моего еще прiѣзда юрта у нихъ была выметена, надъ полками сдѣланы грядки, а на нихъ накладены поперечныя колья съ обтесаными головками, которыя по ихъ называются *Урилыдачь*. Сверхъ урилыдачей около очага накладены были сухiя дрова для праздничнаго употребленiя. За дровами и за кольемъ на урилыдачей ѣздили Камчадалы съ обрядами, какъ вышеописанные Камчадалы за березою.

Не много спустя по моемъ прiѣздѣ всѣ бабы изъ юрты вонъ вышли, и разошлись по балаганамъ, и нѣсколько помѣшкавъ возвратились. Въ юрту входили сперва старухи, послѣ малыя дѣвочки и бабы, а напередъ себя опущали онѣ сладкую траву, къ которой у нѣкоторыхъ привязанъ былъ кипрей и юкола. Оные припасы принимали у нихъ нарочно опредѣленные къ услуженiю при праздновании два Камчадала, которыхъ я называть буду ниже сего служителями, и вѣшали на урилыдачей надъ ихъ мѣстами. Каждая баба вшедъ въ юрту клала на очагъ по немногу тоншичу, а потомъ отходила на свое мѣсто.

Между прочими спустилась въ юрту одна баба съ двумя двойнишными дѣвочками. У бабы была въ рукахъ сладкая трава, а у дѣвочекъ и въ рукахъ и на головѣ тон-

шичь. Баба снявъ у дѣвочекъ съ головы тоншичь положила на очагъ, а послѣ нее и дѣвочки тоншичь изъ рукъ на огнище бросили. Помянутая баба не мать онымъ дѣвочкамъ была, но нянька, а мать ихъ одна входила въ юрту.

Послѣ того привели къ очагу дряхлую старуху, у которой и въ рукахъ и на головѣ, такъ какъ и у другихъ былъ тоншичь, которой она сброся на огнище отрясалась приговаривая невѣдомо что.

Вскорѣ потомъ вышли два мужика изъ угловъ, сѣли по сторонамъ лѣсницы съ топорами и съ деревянными чурками. Служители приносили къ нимъ со всякаго угла по пластинѣ юколы, которую они положа на чурки топорами надрубливали, приговаривая, чтобъ юкола была спора, и изъ балагановъ не убывала. Надрубленую юколу разносили служители по тѣмъ же угламъ, и раздавали обратно, у кого взяли, отломя сперьва по малому кусочку, и на огнище брося. Послѣ того стали они ѣсть, подчивая другъ друга съ угла на уголъ. И перьвой день праздника ихъ въ 11 часу по полудни тѣмъ окончился.

На другой день по утру рано отъ каждой семьи мужикъ или баба поѣхали по сосѣднимъ острожкамъ къ друзьямъ своимъ,

для сбиранія корму на праздникЪ. Ибо хотя у нихЪ и своего довольно, однакожЪ по обыкновенію ихЪ припасы на то время у сосѣдей сбираютЪ, подобно какЪ у нашихЪ подЪ насѣдку я́ица.

ВЪ острожекЪ возвратились они уже вечеромЪ, и затопя юрту бабы начали стряпать, толочь ягоды и коренье, и оная стряпня продолжалась почти во всю ночь. Между тѣмЪ огонь на очагѣ не угасалЪ, но безпеременжно курился. Ибо, по ихЪ обычаю, должно быть неугасимому огню по тѣхЪ порЪ, пока стряпня окончится, и угашеніе огня приономЪ случаѣ за великой грѣхЪ почитается.

Изготовя кушанье, что учинилось часа за два до свѣту, юрту скутали, и бабы начали вить изЪ травы веревки, головы рыбьи обвертывать вЪ тоншичь, накладывать на шеи травяныя плетешки, а при всемЪ томЪ невѣдомо что наговаривая пробавились до самаго свѣту.

По окончаніи помянутаго дѣйствія служители начали со всѣхЪ сбирать рыбьи головы оберченныя вЪ тоншичь огню на жертву, и класть на очагЪ, а при положеніи каждой головы́ присѣдали подлѣ лѣсницы на колоду. По́слѣ того всѣ бывшіе вЪ юртѣ обоего пола отЪ мала и до велика

приходили къ очагу, и бросали съ себя тоншичевыя перевязки, а нѣкоторыя семьи, изогнувъ кольцомъ объявленныя травяныя веревки, сквозь нихъ проходили, а послѣ на огнище клали. Сіе у нихъ за очищеніе грѣховъ почитается.

Вскорѣ послѣ очищенія пришелъ къ очагу старикъ, и пошептавъ надъ травою и тоншичемъ, которыя на очагъ набросаны были, началъ изъ нихъ веревки вить, а свивши махалъ два раза по юртѣ, крича изо всей силы невѣдомо что, а по немъ и прочіе тожъ дѣлали. Сіе значитъ у нихъ изгнаніе всѣхъ болѣзней изъ юрты.

Напослѣдокъ Камчадалъ очищалъ у очага двойнишныхъ дочерей своихъ, положа на оной Хахалчу рыбку и омегу изъ четырехъ мѣшечковъ, которые надъ постелей своей повѣсилъ.

Не много времени спустя служители со всѣхъ четырехъ угловъ юрты крестъ на крестъ брали юколу, и подчивали урилыдачей, а за ними слѣдовали и всѣ Камчадалы, и мазали ихъ иной толкушею, иной сараною, иной сниломъ, или что у кого пристряпано было. А послѣ стали другъ друга подчивать, переходя съ одной стороны юрты на другую, Подчиваются они кормя другъ друга изъ своихъ рукъ ложкою.

Какъ обѣдъ ихъ окончался, то Камчадалы раздѣвшись до нага взяли по хомягѣ (посуда съ чемъ по воду ходятъ) въ руки, а вмѣсто платья получа отъ служителей по тоншичной перевязкѣ на шеи, которыя сняты съ урилыдачей, вышли изъ юрты вонъ, и пошли на рѣку по воду, слѣдуя одинъ за другимъ рядомъ. У передовщика была въ рукахъ хомяга да толкуша, а у другаго хомягажъ да лучина. При выходѣ изъ юрты двое Камчадаловъ, изъ которыхъ одному на переди, другому на зади итти надлежало, садились на малое время подлѣ лѣсницы, а пришедъ на прорубь передовщикъ околотя оную толкушкою, черпалъ воду спрева оборачивая хомягу противъ воды, потомъ по водѣ, а по немъ и всѣ тожъ дѣлали; и сколько кто въ одинъ разъ зачерпнуть могъ, то и несъ съ собою. Съ проруби шли они тѣмъ же, какъ и прежде порядкомъ, и взошедъ на юрту спускались въ оную по веревкамъ съ великою осторожностію, чтобъ не разплеснуть, ибо оное за грѣхъ почитается, а принимали у нихъ двое подростковъ нарочно для того оставленныхъ, потому что служители сами за водою ходили. На юртѣ стояли они по тѣхъ поръ, пока отъ всѣхъ посуда съ водою принята была. Между тѣмъ четыре раза кри-

чали они изо всей силы плеща руками и топая ногами. А вшедъ въ юрту тотъ, которой ходилъ съ лучиною, обжигалъ оную на огнѣ, и обмакивалъ во всѣ посуды съ принесенною водою. Напротивъ того изъ воды вынувъ кусокъ льду въ огонь бросилъ, и воду давалъ всѣмъ пить вмѣсто освященной.

Потомъ бабы съ остальнымъ отъ подчиванія кушаньемъ пошли по своимъ балаганамъ, и тамъ остались. Напослѣдокъ старики и мужиковъ всѣхъ вонъ выслали, и мы по прозьбѣ ихъ вытти принуждены были, для того что имѣло у нихъ происходить тайное дѣйствіе, при которомъ кромѣ нѣкоторыхъ стариковъ и двухъ служителей никому быть не должно. Однакожъ я упросилъ, чтобъ они толмачу моему при томъ быть позволили, которой разсказалъ мнѣ, что у нихъ происходило.

Сперва старики приказали служителямъ затопить юрту, а когда она истопилась, то служители принесли по горсти сухой травы́, и разбросали по юртѣ, потомъ всю юрту и полки устлали чирелами, (травяными рогожами) въ двухъ углахъ зажгли по жирнику, а напослѣдокъ всѣ старики начали вязать тоншичь, и помѣнявшись другъ съ другомъ повѣсили оной на спицы, служителямъ от-

дали приказъ, чтобъ въ юрту и изъ юрты никого не пускали, и юртеную дверь на глухо закрыли, а сами легли, и имѣли между собою разговоры о промыслахъ звѣриныхъ и рыбныхъ.

Нѣсколько времени спустя приказали они одному служителю за дверь пощупать; а послѣ открыть, и принесть съ балагану рыбью щеку, да цѣлуюж рыбьюжъ голову, а самому ему на балаганъ ходить не велѣли.

Принесенную щеку и голову рыбью принялъ старикъ, и обвертя въ тоншичь нѣчто пошепталъ на нихъ, и сѣлъ у очага, а къ нему приходили прочіе старики, и потоптавъ объявленную щеку и голову, перешедъ черезъ огнище возвращались на свои́ мѣста́. Потомъ служители вышли изъ юрты вонъ, и тѣмъ окончилось первое тайное ихъ дѣйствіе.

По прошествіи двухъ часовъ собрались въ юрту всѣ мужики, бабы и малые ребята, которые того года или хворали или тонули. Бабы всѣмъ мужикамъ и малымъ ребятамъ обвязали го́ловы тоншичемъ, и давъ имъ въ одну руку тоншичу, въ другую сладкой травы́ выслали вонъ изъ юрты. При выходѣ обносили они сладкую траву вкругъ лѣсницы, и взошедъ на юрту обошли вкругъ оной три раза по солнцу, а

послѣ того стоя на верху юрты рвали на мѣлко сладкую траву и тоншичь, и бросали въ юрту, а перебросавъ и сами входили, и снявъ съ себя тоншичевыя перевязки на огнище клали, и потоптавъ ногами тѣ, которые хворали, отходили по своимъ мѣстамъ; а которые тонули, тѣ легли на огнище, и все то представляли, что они въ то время, какъ тонули, дѣлали, и кликали поименно, отъ кого тогда требовали помощи, которые пришедъ къ очагу съ пеплу ихъ, акибы изъ воды таскали.

Напослѣдокъ принесена была рыбья шека, и брошена на огнище съ приговоромъ, *тў тў тў*, и изломаны на обѣихъ сторонахъ юрты по двѣ рыбки рагатки, и разбросаны по полу. Между тѣмъ служители побывавъ на дворѣ жирники загасили, чирелы, которыми юрта устлана была, собрали, и расклали маленькой огонь, а въ него положили камень, и сжегши всѣ перевязки бывшія на головахъ у больныхъ и у утопленниковъ, приказали ребятамъ погасить оной каменьемъ. Такимъ образомъ тайное ихъ дѣйствіе окончилось, и того дня ничего больше не происходило. На третей день по утру рано затопили юрту, и положили передъ огнемъ два пука сухой травы или соломы и трутья вмѣстѣ связанныхъ,

и праздничные служители стали, одинъ у одного, а другой у другаго пука. Какъ огонь разгорѣлся, то они помѣнявшись пуками начали ихъ развязывать, и прутье роздали по мущинамъ, изъ которыхъ иные ихъ намѣлко домали, а иные въ кольцы вили съ нѣкимъ наговоромъ. Солому всю перенесли на одну сторону очага, и стали дѣлать *По́ма*.

Что значитъ оный *Помъ*, и для чего дѣлается, того и сами Камчадалы сказать или не умѣли, или не хотѣли, впрочемъ сдѣлали его на подобіе человѣка вышиною около полуаршина, а тайной удъ приплели ему сажени въ двѣ и долѣ, и положили его головою къ огню, а тайной удъ къ потолоку привязали. Между тѣмъ, какъ По́ма дѣлали, нѣсколько человѣкъ взявъ по одной травинкѣ, выходили вонъ изъ юрты, и обтерши столбы у своихъ балагановъ возвратились въ юрту, и бросили оныя въ огонь, а съ ними вмѣстѣ и раздаванное прутье сожженожъ было.

Какъ По́мъ нѣсколько времени повисѣлъ, то старикъ пришедъ отвязалъ его, и согнувъ тайной удъ кольцомъ обжегъ на огнѣ, и махалъ имъ по юртѣ приговаривая, *Уфа́й*, а за нимъ и всѣ бывшіе въ юртѣ тоже кричали, напослѣдокъ сожгли реченнаго По́ма.

По сгорѣніи По́ма стали месть юрту пригребая весь соръ къ лѣсницѣ, изъ котораго каждой Камчадалъ бралъ помаленьку, и относилъ въ лѣсъ усыпая дорогу, по которой на промыслы ходятъ. Въ тоже время и бабы всѣ на юрту вышли, и стали въ кучу.

Камчадалы возвратясь изъ лѣсу кричали стоя на юртѣ, четыре раза плеща руками и топая ногами, а послѣ вошли въ юрту, а на ихъ мѣста сѣли бабы и многократно кричали, *Алулулу*.

Между тѣмъ юрта истопилась, и оставшіяся головни по обыкновенію начали выметывать, но сидѣвшія на верху бабы ухватя оныя обратно въ юрту метали, и чтобъ мущинамъ ни одной головни вонъ не выбросить, то закрыли они дверь или окно рогожами, а по краямъ ихъ испосѣли сами. Мущины взбѣжавъ по лѣсницѣ силою двери раскрыли, и вышедъ на юрту бабъ долой сгоняли, между тѣмъ другіе го́ловни метать успѣвали. Но понеже бабы мущинъ числомъ превосходили, то иныя ихъ таскали, иныя го́ловни обратно въ юрту бросали, чего ради въ юртѣ отъ дыму и искръ и сидѣть почти не возможно было: ибо головни какъ ракеты то вверхъ, то внизъ безпрестанно летали, и продолжалось сіе

веселіе ихъ съ полчаса. Напослѣдокъ бабы попустили головни выбросать, а тѣхъ мужиковъ, которые выбѣжали ихъ отбивать, по тѣхъ поръ таскали, и мучили, пока они отъ другихъ вышедшихъ на помочь не выручены были.

Послѣ объявленной потѣхи бабы попѣвъ нѣсколько на верху, стали спускаться въ юрту, а мужики стояли по обѣ стороны лѣсницы фрунтомъ, и каждая сторона домогалась сходящихъ бабъ перетащить на свою сторону, отъ чего произходило между ими сраженіе; и которая сторона перемогала, та бабу какъ въ полонъ отводила.

Когда случается, что бабы взяты бываютъ на противныя стороны; то каждая сторона выкупаетъ своихъ плѣнницъ равнымъ числомъ завоеванныхъ: а ежели одна сторона овладѣетъ большимъ числомъ, такъ что другой нѣчемъ выкупить будетъ, то оная ходитъ какъ бы войною для ихъ освобожденія, при чемъ немалой бой произходитъ. Однако при мнѣ такъ сдѣлалось, что плѣнницъ на обѣихъ сторонахъ было поровну, чего ради Камчадалы и въ походъ ходить не имѣли нужды.

По окончаніи объявленной потѣхи расклали они небольшей огонь, и сожгли съ Урилыдачей и по другимъ мѣстамъ висѣв-

шій тоншичь, а служители принесли по два маленькихъ голичка, и испекши мѣлко на ложкѣ изкрошили, и поставили у лѣсницы по правую сторону. Послѣ того пришелъ старикъ, и перебросалъ въ огонь большую половину рыбы приговаривая: *та*, то есть *возми*, а остатки раздѣлили служители по Камчадаламъ, имѣющимъ у себя маленькихъ болванчиковъ, Урилыдачь называемыхъ. Головни послѣ сего огня вонъ не мечутся, но перегораютъ въ юртѣ.

Наконецъ дѣлили они по себѣ омегъ, который остался въ мѣшечкахъ послѣ очищенія двойнишныхъ дѣвокъ. Самое послѣднее дѣйствіе ихъ праздника сходить въ лѣсъ и поимать маленькую птицу, которая жарится, и дѣлится по куску всѣмъ Камчадаламъ, и которую каждой надкушавъ въ огонь бросаетъ. Сей праздникъ, по объявленію Стеллера, праздновали Камчадалы до прибытія Россіянъ по цѣлому мѣсяцу, начиная съ новолунія.

ГЛАВА XIV.

О пирахъ и забавахъ Камчатскихъ.

Пиры у нихъ бываютъ, когда одинъ острогъ сосѣдей вздумаетъ подчивать, особливо когда гдѣ бываетъ свадьба, или великой какой промыселъ; а препровождаются наибольше въ объяденіи, въ пляскѣ и пѣніи. Въ такихъ случаяхъ хозяева подчиваютъ гостей большими чашами опанги столь довольно, что ихъ рветъ по нѣскольку разъ.

Иногда употребляютъ для веселья и мухоморъ, извѣстной оной грибъ, которымъ у насъ обыкновенно мухъ морятъ. Мочатъ его въ кипрейномъ суслѣ, и пьютъ оное сусло, или и сухіе грибы свернувъ трубкою цѣлкомъ глотаютъ, которой способъ въ бóльшемъ употребленіи.

Первый и обыкновенный знакъ, по чему усмотрѣть можно человѣка, что его мухоморъ разнимаетъ, есть дерганіе членовъ, которое по прошествіи часа или меньше послѣдуетъ; потомъ пьяные какъ въ огневой брѣдятъ, и представляются имъ различныя привидѣнія страшныя или веселыя, по раз-

ности темпераментовЪ; чего ради иные скачутЪ, иные пляшутЪ, иные плачутЪ, и вЪ великомЪ ужасѣ находятся; инымЪ скважины большими дверьми, и ложка воды моремЪ кажется. Но сіе о тѣхЪ разумѣть должно, которые чрезЪ мѣру его употребляютЪ, а которые не много, тѣ чувствуютЪ вЪ себѣ чрезвычайную легость, веселіе, отвагу и бодрость, такЪ какЪ сказываютЪ о ТуркахЪ, когда они опія наѣдаются.

Сіе примѣчанія достойно, что всѣ, кои мухоморЪ ѣдали, единогласно утверждаютЪ, что какія они сумозбродства тогда ни дѣлаютЪ, все дѣлаютЪ по приказу мухомора, который имЪ повелѣваетЪ невидимо. Но всѣ дѣйствія ихЪ столь имЪ вредны, что естьли бы за ними не было присмотру, то бы рѣдкой оставался вЪ живѣ. Я о проказахЪ КамчатскихЪ, каковы они дѣлаютЪ, не упомяну, ибо самЪ ихЪ не видывалЪ, и Камчадалы сказываютЪ о томЪ не охотно. Но можетЪ быть, что у нихЪ дальнихЪ и не бываетЪ, для того что они вЪ его вЪѣлись, или что не употребляютЪ чрезЪ мѣру. ЧтожЪ касается до козаковЪ, которые оной ѣдали, то сообщу я нѣкоторыя сумозбродства, которыя я отЪ части самЪ видѣлЪ, а отЪ части слышалЪ отЪ самыхЪ

тѣхъ, кои ихъ дѣлали, или отъ другихъ людей, коимъ не вѣрить не льзя.

Деньщику Подполковника Мерлина, который былъ на Камчаткѣ у слѣдствія и розыску, приказалъ мухоморъ удавиться съ такимъ представленіемъ, что всѣ ему дивиться будутъ. И сіе дѣйствительно бы учинилось, естьли бы не сберегли его товарищи.

Другому изъ тамошнихъ жителей показался адъ и ужасная огненная пропасть, въ которую надлежало быть низвержену; чего ради по приказу мухомора принужденъ онъ былъ пасть на колѣни, и исповѣдывать грѣхи свои, сколько могъ вспомнить. Товарищи его, которыхъ въ ясашной избѣ, гдѣ пьяной приносилъ покаяніе, было весьма много, слушали того съ великимъ удовольствіемъ; а ему казалось, что онъ въ тайнѣ предъ Богомъ кается о грѣхахъ своихъ. По сей причинѣ подверженъ онъ былъ нарочитому посмѣянію, ибо между тѣмъ сказывалъ то, о чемъ не всякому знать надлежитъ.

Нѣкоторой служивой ѣдалъ, сказываютъ, мухоморъ умѣренно, когда ему въ дальній путь идти надлежало, и такимъ образомъ переходилъ онъ знатное разстояніе безъ всякаго устатку, наконецъ наѣвшись

его до-пьяна раздавилъ себѣ яица, и умеръ.

Бывшій у меня въ толмачахъ Большерѣцкой козачій сынъ опоенный мухоморомъ въ незнаніи, разрѣзалъ бы себѣ брюхо по приказу мухоморову, отъ чего на силу его избавить успѣли, ибо уже въ самомъ замахѣ руку ему сдержали.

Камчадалы и Сидячіе Коряки ѣдятъ мухоморъ и тогда, когда убить кого намѣряются. Впрочемъ у Сидячихъ Коряковъ мухоморъ въ такой чести, что пьяному не даютъ мочиться на полъ, но подставляютъ посуду, и мочу его выпиваютъ, отъ чего также бѣсятся, какъ и тѣ, кои грибъ ѣли: ибо они мухоморъ получаютъ у Камчадаловъ, а въ ихъ сторонахъ не родится. Умѣренное употребленіе четыре гриба или меньше, а для пьянства ѣдятъ до десяти грибовъ.

Женской полъ, какъ не обѣѣдается, такъ и не употребляетъ мухомору, чего ради все веселіе онаго состоитъ въ разговорахъ, въ пляскѣ и пѣніи.

Пляска, которую мнѣ случилось видѣть, происходила такимъ образомъ: двѣ бабы, которымъ плясать надлежало, постлали на полу посреди юрты рогожку, и стали одна противъ другой на колѣняхъ, имѣя въ рукахъ по повѣсму тоншичу, и сперва

начали поводить плечами и взмахивать руками припѣвая въ тактъ тихимъ голосомъ; потомъ часъ отъ часу большія тѣлодвиженія представляли, и громче пѣли, и по тѣхъ поръ не перестали, пока и изъ голосу вышли и изъ силы выбились. Мнѣ казалось оное дѣйствіе страннымъ, дикимъ и противнымъ, но Камчадалы смотрѣли съ крайнимъ удовольствіемъ. Такимъ образомъ природныя забавы сильны произвесть во всякомъ нѣкоторое движеніе, хотя бы другимъ казались и странными.

Другіе роды пляски сообщимъ мы изъ описанія господина Стеллера, который упоминаетъ объ нихъ пространно и обстоятельно, такъ какъ и о нѣкоторыхъ пѣсняхъ ихъ, которыя у него и на ноты положены.

Первой родъ пляски, пишетъ онъ, вобще употребителенъ у Курильцовъ на Лопаткѣ, также и у всѣхъ Камчадаловъ, кои морскихъ звѣрей на байдарахъ ловятъ. Оная пляска принята изъ давныхъ лѣтъ отъ Курильцовъ дальнихъ острововъ, и почитается за пляску мореходовъ. Козаки называютъ оную *Хаюшки*, а плясать, *Хаюшки сказывать*, которое происходитъ отъ Камчатскаго слова *Хаюшкукингъ*. Южные Камчадалы называютъ оную *Ирскина*, а Ку-

рильцы *Римзегъ*. Сей родъ пляски состоитъ въ томъ, что десять человѣкъ мущинъ и женщинъ холостыхъ и женатыхъ становятся вкругъ въ лучшемъ своемъ платьѣ, ходятъ кругомъ тихо, подъимая одну ногу за другою по тактѣ, одинъ за другимъ говоритъ слова такъ, что когда половина выговоритъ послѣднія слова, то другая говоритъ первыя, подобно какъ бы кто стихи по стопамъ читалъ. Употребляемыя при томъ слова всѣ принадлежатъ до ихъ промысла, и Камчадалы хотя ихъ и говорятъ при пляскѣ, однако большей части не разумѣютъ, ибо иныя слова въ нихъ Курильскія. Они ихъ не поютъ, но выговариваютъ однимъ голосомъ, какъ на примѣръ:

Типсаинку фравантагъ ткеани тифрорпа.
Отчаль байдару, стрѣляй близко берегу.

Сколь дики помянутыя пляски, столь страненъ крикъ при томъ произходящій; однако они столько отъ того забавы имѣютъ, что ежели плясать начнутъ, то по тѣхъ поръ не перестанутъ, пока не запышатся и не обезсилѣютъ. Великая честь тому, кто всѣхъ перепляшетъ. Иногда они безпрестанно пляшутъ часовъ по 12 и по 15 съ вечера до самаго утра, и ни одинъ въ юртѣ не остается, кто бы не пожелалъ

тѣмъ забавляться; самые дряхлые старики не жалѣютъ терять при томъ послѣдней силы. Впрочемъ ежели сію пляску снесть съ описаніемъ Американскихъ плясокъ Барона Лагондона въ Канадѣ, то сыщется между оными и сими великое сходство.

У женщинъ есть особливой танецъ: онѣ становятся двумя рядами женщина противъ женщины, и кладутъ обѣ ру́ки на брюхо, и подъимаясь наноскахъ поводятъ плечами не шевеля руками, и не сходя съ своего мѣста.

Третій родъ пляски состоитъ въ томъ, что всѣ мущины по разнымъ угламъ прячутся, и не взначай выскоча сперва одинъ, какъ бѣшеной бьетъ въ ладоши, послѣ въ грудь, по бедрамъ, подъимаетъ руки къ верьху, и дѣлаетъ диковинныя тѣлодвиженія; послѣ того выбѣгаетъ другой, третій и четвертый, и представляютъ такіяжъ дѣйствія, а при томъ всѣ кругомъ вертятся.

Четвертой родъ пляски, что они стоя на колѣняхъ, какъ лягушки, вкругъ прыгаютъ плеская руками, и представляя странныя фигуры. И сія пляска однимъ человѣкомъ начинается, а другіе изъ угловъ припрыгиваютъ къ нему послѣ.

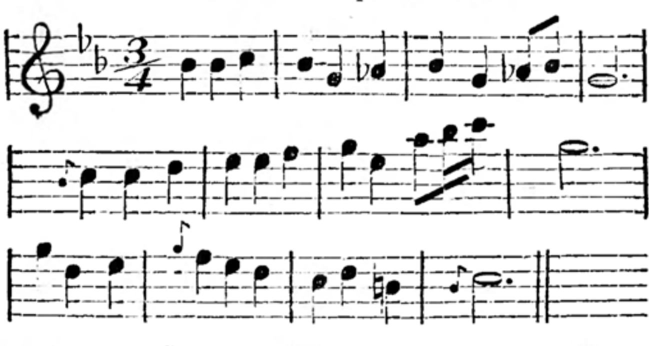
Камчадалы имѣютъ еще старинные, и какъ бы собственные свои танцы, которые

отъ Южныхъ называются *Хаютеля*, а отъ Сѣверныхъ *Кузелькинга*. Главнѣйшій танецъ, когда дѣвки и бабы садятся вкругъ, послѣ одна встаетъ, и запѣвши пѣсню махаетъ руками, а въ рукахъ на середнихъ пальцахъ имѣетъ тоншичь, движетъ всѣми членами столь проворно, что надивиться тому довольно не льзя, и кричитъ голосами различныхъ звѣрей и птицъ столь хитро, что въ одномъ голосѣ три разные слышатся. Есть же у нихъ и круговой танецъ, только и Спеллеру и мнѣ видѣть его не случалось.

Что касается до пѣнія, то можно сказать, что оное не непріятно: ибо въ немъ ничего дикаго не примѣчается, какъ можно видѣть изъ сообщенныхъ ниже сего нѣкоторыхъ пѣсенъ на нотахъ; но въ матеріи пѣсенъ нѣтъ никакихъ замысловъ, токмо однѣ простыя понятія о вещахъ, которыя имъ странными кажутся или смѣшными, или достойными удивленія. Во всякой почти пѣснѣ употребляютъ слова *Ганика́* и *Баю́нъ*, такъ какъ козаки *здунай*, Якуты *нага́*; которыя раздѣляя по членамъ иногда сокращаютъ, иногда продолжаютъ, какъ того голосъ пѣсни требуетъ.

Въ любовныхъ пѣсняхъ изъявляютъ онѣ склонность къ своимъ любовникамъ, печаль,

надежду и другiя обстоятельства; а всѣ пѣсни сочиняютъ наибольше дѣвки и бабы, которыя имѣютъ весьма чистые и прiятные голосы. Изъ чего видѣть можно, что сей народъ имѣетъ къ музыкѣ великую склонность; токмо то удивительно, что сей народъ никакого инструмента не выдумалъ кромѣ дудокъ дягильныхъ, на которыхъ однакожъ пѣсенъ не можетъ наигрывать.

Пѣсня на Подполковника Мерлина, Маiора Павлуцкаго и Студента Крашенинникова.

Маiора коказолъ таалагегъ кирхулъ куэкаретъ тамбезенъ

Ежели бы я былъ маiорской поваръ, тобъ снялъ съ огня котелъ съ кушаньемъ.

Прапаршикъ коказолъ теслезикъ кисгарулилелъ кукаретъ там-я-бе-зе-нъ.

Ежели бы я былъ прапорщиковъ поваръ, тобъ всегда снималъ котелъ въ перчаткахъ.

— ◡ ◡ — — —◡ ◡ — — ◡ ◡ — ◡ ◡
Павлоцка кеинцегъ теелезикъ гинкало галстугалъ
— ◡ ◡ —
кинингизикъ

Ежели бы я былъ Павлуцкой, то бы повязался бѣлымъ галстукомъ.

— ◡ ◡ — ◡ ◡ —◡ ◡ — — ◡ ◡ — — — ◡
Павлоцка иваннель теелезикъ чачало чулкилъ кининк-
◡ —
гизикъ.

Ежели бы я былъ Павлуцкаго Иванъ, то бы носилъ чулки красные.

— ◡ ◡ —◡ ◡ — — — — ◡ — ◡ —
Студенталь теелезикъ битель читешъ киллизинъ.

Ежели бы я былъ Студентъ, тобъ описалъ всѣхъ дѣвокъ.

— ◡ ◡ — — —◡ ◡ — — ◡ — ◡ —
Студенталь кеинцехъ теелезикъ ерагутъ киллизинъ

Ежели бы я былъ Студентъ, то бы описалъ быка рыбу.

—◡ ◡ — — — —◡ ◡ — ◡ —
Студенталь теелезикъ битель адонотъ килизинъ.

Ежели бы я былъ Студентъ, то бы описалъ всѣхъ морскихъ чаекъ.

— ◡ ◡ — ◡ ◡
Студенталь теелезикъ битель силлеги іиретъ тамбезенъ.

Ежели бы я былъ Студентъ, то бы поснималъ всѣ орлиныя гнѣзда.

— ◡ ◡ — ◡
Студенталь теелезикъ битель питгапецъ кавъечавъ киллизинъ.

Ежели бы я былъ Студентъ, то бы описалъ горячіе ключи.

— ◡
Студенталь теелезикъ битель ензитъ киллизинъ

Ежелибъ я Студентъ былъ, тобъ описалъ всѣ горы.

Студенталь теелезикъ битель дечумъ кулецъ киллизинъ
Ежели бы я Студентъ былъ, тобъ описалъ всѣхъ птицъ.
Студенталь теелезикъ кеинцегъ игекуенгнъ ечубецъ киллизинъ
Ежелибъ я Студентъ былъ, тобъ описалъ всѣ морскія рыбы.

Такимъ образомъ всѣ ихъ пѣсни составлены, въ которыхъ упоминаются токмо нѣкоторыя дѣйствія или другія какія обстоятельства безъ всякаго складу.

Другая пѣсня называемая Аангичь, сложена на голосъ морской утки, Аангичь называемой. И хотя подведенныя слова съ нотами несходны, однако Камчадалы дополняютъ, и исправляютъ оныя прибавленіемъ нѣкіихъ ничего незначущихъ слоговъ, которые при семъ подчеркнутыми литерами означены.

1. Гнакоеде олосконга ворока а хитецъ зинтесъ бине зонесъ
Комчулъ белоонъ
2. Капанинача угаренъ: Бине зонесъ Комчулъ беллонъ.

Весь смыслъ пѣсни состоитъ въ томъ: *Я потерялъ жену свою и душу, съ печали пойду въ лѣсъ, буду здирать кору съ дерева и ѣсть, послѣ того встану по утру, погоню утку Аангичъ съ земли на море, и*

на всѣ стороны поглядывать буду, не найду ли гдѣ любезнаго моего сердца.

Непослѣдняяжъ ихъ забава представлять другихъ людей точно, какъ кто говоритъ, ходитъ, какъ что дѣлаетъ, словомъ по всѣмъ пріемамъ. Какъ скоро кто на Камчатку пріѣдетъ, то во первыхъ даютъ ему новое имя на своемъ языкѣ, потомъ высматриваютъ всѣ его дѣйствія, и при такихъ веселіяхъ представляютъ точно, а при томъ не забываютъ табакъ курить, сказывать сказки; и всѣ такія веселія больше ночью, нежели днемъ у нихъ бываютъ. Сверьхъ того есть у нихъ и шуты, которые забавляютъ другихъ своими проказами, но оныя столь скверны, что и упоминать гнусно и непристойно.

ГЛАВА XV.

О сведенiи дружбы и о частном подчиванiи гостей.

Когда один съ другимъ подружиться желаетъ, то зоветъ будущаго своего друга въ гости, и топитъ для него юрту весьма жарко, и готовитъ всякаго кушанья, какое у нихъ за лучшее почитается, такъ много, что десятерыхъ удовольствовать можно.

По вступленiи гостя въ юрту, и гость и хозяинъ раздѣваются до нага. Хозяинъ скутавъ юрту подчиваетъ его приуготовленнымъ кушаньемъ, наливаетъ щербу въ превеликую чашу, а между тѣмъ, какъ гость щербу пьетъ или хлѣбаетъ, хозяинъ поливаетъ воду на лежащее на очагѣ каленое каменье, чтобъ былъ несносной жаръ. Гость старается все, что у хозяина пристрапано, съѣсть, и жаръ его вытерпѣть, а хозяинъ старается принудить, чтобъ гость взмолился, и просилъ бы свободы отъ пищи и жару. Въ противномъ случаѣ сколько гостю то за удовольствiе, столько хозяину за скупость и безчестiе почитается. Хозяинъ въ то время ничего не ѣстъ, и

изъ юрты выходить воленъ. Но гость по тѣхъ поръ не выпускается, пока побѣжденнымъ себя не признаетъ. Во время ѣды рветъ его разъ до десяти, отъ чего послѣ того подчиванья дни по три не токмо ѣсть, но и глядѣть на пищу безъ движенія не можетъ.

Какъ гость изъ силы выдетъ, такъ что ни жару терпѣть, ни ѣсть ему не можно будетъ, то откупается отъ того собаками, платьемъ или что хозяину нравно; и такимъ образомъ получаетъ свободу. Напротивъ того получаетъ отъ хозяина вмѣсто хорошаго своего платья обноски, вмѣсто добрыхъ собакъ худенькія сученки, которыя о себѣ почти ходить не могутъ. Однакожъ оное за обиду не почитается, но за знакъ дружества, когда въ томъ съ обѣихъ сторонъ равнымъ образомъ поступается. Ежели же тотъ, которой друга своего помянутымъ образомъ оберетъ, а самъ къ нему не будетъ въ гости, то обранной пріѣжжаетъ вторично въ гости, однакожъ не съ тѣмъ, чтобъ ѣсть, но чтобъ за свое получить отдарки. Хотя гость, какъ у нихъ обычай, ничего о причинѣ пріѣзда своего не объявляетъ, однако хозяинъ о томъ уже вѣдаетъ, и отдариваетъ ему по возможности. А буде ничемъ не подаритъ, то гость переночевавъ у него за-

прягаетъ собакъ своихъ на самой юртѣ, и сидитъ на санкахъ потыкая оштоломъ въ землю, пока что нибудь получаетъ отъ своего друга. Ежели же другу его или отдарить случится не чѣмъ, или отъ скупости не захочется, то гость уѣжжаетъ домой съ великимъ неудовольствіемъ, и бываетъ его крайнимъ непріятелемъ; но сіе весьма рѣдко случается, ибо обидѣть друга своего за такое почитается безчестіе, что никто съ обидѣвшимъ вѣкъ не похочетъ дружиться. Таковожъ безчестно и другому за подарки свои требовать отдарковъ.

Такимъ же образомъ подчиваютъ гостей, когда случается у нихъ какая пирушка, однакожъ жаромъ не морятъ, и подарковъ не требуютъ. Ежели подчиваютъ нерпичьимъ или китовымъ жиромъ, то хозяинъ, накроя жиру ремнями, становится передъ сидящимъ гостемъ на колѣни, въ одной рукѣ жиръ, а въ другой ножъ имѣя. Жиръ суетъ въ горло крича будто съ сердцовъ: *Та* (*на*), а ножемъ отрѣзываетъ, сколько онъ въ ротъ захватитъ.

Завидной вещи и любимой самому, у кого она есть, почти ни чемъ кромѣ объявленнаго способа достать не можно: ибо при томъ случаѣ, чегобъ хозяинъ у гостя

ни потребовалъ, отказать ему стыдно; чему въ доказательство можно объявить здѣсь смѣшной примѣръ, которой учинилъ нижняго Камчатскаго острога нѣкоторой козакъ изъ новокрещенныхъ Якутовъ. Онъ имѣлъ у себя, по тамошнему обычаю, друга изъ Камчадаловъ, и провѣдавъ, что онъ промыслилъ нарочитую лисицу, домогался всякими образы достать оную; однакожъ Камчадалъ крѣпился, и не взирая ни на какіе его подарки, не хотѣлъ лишиться своего сокровища. Козакъ видя, что другъ его ни на что не склоняется, поступилъ съ нимъ по Камчатскому обыкновенію: зазвалъ его въ гости, вытопилъ баню весьма жарко, наварилъ рыбы довольно, и посадя его на верхней полокъ на́чалъ подчивать не поддавая на каменку. Но какъ примѣтилъ, что Камчадалъ недовольной жаръ почитаетъ за бѣдное подчиваніе, то началъ онъ поддавать, и столько наподдалъ, что и самому въ банѣ быть нестерпимо было. Чего ради вышелъ онъ, какъ хозяинъ, которому сіе дозволяется, изъ бани вонъ и стоя́лъ въ передбанникѣ; а между тѣмъ отворяя двери безпрестанно поддавалъ на каменку, и такимъ образомъ вскорѣ принудилъ Камчадала взмолиться; но козакъ мучилъ его по тѣхъ поръ, пока Камчадалъ

обѣщалъ ему отдать, о чемъ онъ старался.

Не можно сказать, сколь оное подчиваніе Камчадалу пріятно было; онъ утверждалъ, что съ роду не имѣлъ такого жару, и никогда не могъ надѣяться, чтобъ козаки гостей такъ изрядно могли подчивать, и лишенія своего сокровища не токмо не почелъ себѣ за убытокъ, но козака онаго дружество, яко доброе, прославлялъ у своихъ товарищей, объявляя имъ, что Камчадалы въ разсужденіи Русскихъ ни мало не умѣютъ гостей подчивать. Сіе я не токмо отъ самаго того козака, но и отъ прочихъ того острога служивыхъ слышалъ, которые тѣмъ надъ нимъ смѣялись; а происходило оное не задолго до моего въ Нижнешантальской острогъ пріѣзда.

ГЛАВА XVI.

О сватаньѣ и свадьбахъ.

Когда Камчадалъ пожелаетъ жениться, то высмотря себѣ невѣсту обыкновенно въ другомъ, а не въ своемъ острожкѣ, преселяется жить туда, и объявя невѣстину отцу или матери о своемъ намѣреніи, нѣсколько времени работаетъ, оказывая удальство свое и проворство, и услуживая всѣмъ паче холопа, наиболѣе же будущему своему тестю, тещѣ и невѣстѣ, а потомъ требуетъ позволенія хватать невѣсту. И ежели поступки его родителямъ невѣсты и сродникамъ, также и самой ей понравятся, то получаетъ онъ соизволеніе; въ противномъ же случаѣ или вовсе пропадаютъ его услуги, или съ нѣкоторымъ награжденіемъ отпускается. Иногда случается, что такіе женихи никому ничего не сказавъ приходятъ жить въ чужой острогъ, и работаютъ; и хотя всякой по услугамъ ихъ можетъ признать, съ какимъ намѣреніемъ они то дѣлаютъ, однако никто ихъ о томъ не спрашиваетъ, и не говоритъ ни слова, пока они или сами, или чрезъ другихъ объ-

явятъ родителямъ невѣсты о своемъ изволеніи.

Когда женихъ получаетъ позволеніе хватать невѣсту, то онъ ищетъ такого случая, чтобъ гдѣ нибудь напасть на нее въ малолюдствѣ: ибо она бываетъ подъ охраненіемъ всего женскаго пóла того острожка, которыя рѣдко отъ ней всѣ отлучаются. Сверхъ того во время хватанья бываетъ она одѣта въ двои или въ трои хоньбы, опутана сѣтьми рыболовными и ремнями увязана такъ, что она не можетъ поворотиться какъ статуя. И естьли женихъ улучитъ въ малолюдствѣ свою невѣсту, то бросается съ великимъ стремленіемъ, деретъ на ней хоньбы и сѣти, чтобъ коснуться тайнаго уда: ибо сіе у нихъ вмѣсто вѣнчанія почитается. Между тѣмъ какъ отъ самой невѣсты, такъ и отъ другихъ бабъ и дѣвокъ происходитъ ужасной крикъ; и хотя сама невѣста при томъ не противится, да и противиться не можетъ, однако охранительницы поступаютъ съ женихомъ немилосердо, бьютъ его, таскаютъ за волосы, терзаютъ лице, и всякія средства употребляютъ, чтобъ ему не дать схватать невѣсты. И буде жениху пощастливится предпріятіе свое произвесть въ дѣйство, то онъ самъ отбѣгаетъ прочь

отъ невѣсты, а она даетъ знакъ его побѣды умильнымъ и жалостнымъ голосомъ: *ни ни*. Въ семъ состоитъ вся важность брачнаго ихъ сочетанія. Однако сіе получить жениху не въ одинъ разъ случается, но между тѣмъ проходитъ иногда цѣлой годъ или больше, а послѣ каждаго хватанья принужденъ онъ бываетъ нѣсколько времени справляться съ силою и раны залѣчивать. А есть примѣры, что нѣкоторые по седьмилѣтномъ хватаньѣ вмѣсто невѣсты получили увѣчье, будучи сброшены отъ бабъ съ балагановъ.

Кто схватаетъ невѣсту, то въ слѣдующую ночь приходитъ къ ней невозбранно, на другой день увозитъ ее въ свой острожекъ безъ всякихъ церемоній; а для празднованія брака возвращается къ невѣстинымъ сродникамъ по прошествіи нѣкотораго времени, при чемъ бываютъ слѣдующіе обряды, которые въ 1739 году въ Камчатскомъ острожкѣ, что на рѣчкѣ Ратугѣ, и мнѣ случилось видѣть.

Молодой съ сродниками своими и съ женою ѣхалъ къ тестю въ трехъ батахъ. Въ батахъ сидѣли женщины, въ томъ числѣ и молодая, и при нихъ довольное число съѣстныхъ припасовъ, юколы, нерпичья и китоваго жиру, сараны и прочаго; а му-

щины, не выключая и молодаго, вели оные баты на шестахъ нагіе.

Не доѣхавъ до острожка саженъ за сто, вышли они на берегъ, и начали пѣть пѣсни, шаманить, тоншичь на прутье вѣшать, и нѣчто на сухую рыбью голову наговаривать, которую потомъ обертя въ тоншичь, отдали бывшей при нихъ старухѣ.

По окончаніи шаманства надѣли на молодую сверхъ ея платья бараньи хоньбы, а на нихъ натянули четыре кухлянки, такъ что она стояла какъ чучела разширя руки, и съ нуждою могла двигаться. Послѣ того сѣли паки въ баты свои, и шли до самаго острожка, гдѣ къ берегу пристали. Отъ пристани до самой юрты велъ молодую подъ руку высланной изъ острожка небольшой парень, а за нею слѣдовали прочія свиты ея женщины.

Взведши на юрту перевязали молодую поперекъ ремнемъ, и наономъ опустили въ юрту; а прежде ея вошла въ юрту помянутая старуха, которой рыбья голова отдана была, коя положена передъ лѣсницу, и отъ всего ихъ поѣзду мужеска и женска пола, въ томъ числѣ и отъ молодаго съ молодою, была топтана, а наконецъ сама старуха потоптавъ ее положила на очагъ ме-

жду дровами, которыя для топленія юрты были приготовлены.

Пріѣжжіе гости сѣдши по мѣстамъ сняли съ молодой излишнія кукляньки, а молодой затопилъ юрту, и настряпавъ кушанья изъ привезеннаго запасу, подчивалъ жителей того острожка. На другой день хозяинъ подчивалъ гостей по обыкновенію со излишествомъ, на третій день гости разъѣхались, а молодой съ молодою остался работать нѣсколько времени тестю.

Вышеписанныя снятыя съ молодой излишнія кукляньки раздариваются сродникамъ, которые за нихъ отдаривать должны, а у кого отдарить нѣчемъ, тотъ долженъ отъ даровъ отговориться.

Все вышеозначенное касается токмо до первобрачныхъ, а когда на вдовахъ женятся, то сватанье и свадьба состоитъ въ однихъ договорахъ безъ всякихъ дальнихъ обрядовъ; однако вдовы за себя никто не возметъ, пока съ ней грѣха не будетъ снято, что состоитъ въ одномъ совокупленіи съ нею человѣка сторонняго. А понеже сіе почиталось у нихъ за такое безчестіе, что никто грѣховъ не снимывалъ, кромѣ такихъ людей, кои не смотрятъ на то, что имъ вѣкъ жить въ поруганіи и презрѣніи, какихъ однакожъ между ими не

много; то бѣдныя вдовы принуждены бывали въ прежніе годы искать грѣхоснимателей съ великимъ трудомъ и убыткомъ, а иногда и вдовѣть вѣкъ свой. Но какъ козаки на Камчатку наѣхали, то оная трудность миновала.

Запрещенные роды супружества токмо мать да дочь, а пасынкамъ мачихъ, вотчимамъ падчерицъ, братьямъ двоюродныхъ сестръ въ жены брать позволяется.

Разводятся съ женами безъ всякихъ обрядовъ: ибо весь разводъ состоитъ въ томъ, что мужъ съ женою не будетъ спать вмѣстѣ. Въ такомъ случаѣ мужъ женится на другой женѣ, а жена за другова выходитъ безъ хватанья и безъ грѣхониманья.

Камчадалы имѣютъ жены по двѣ и по три, которыхъ иногда содержатъ въ одной юртѣ, а иногда по разнымъ мѣстамъ, и живутъ съ ними попеременно. Всякую должно ему хватать вышеписаннымъ образомъ. Впрочемъ сей народъ хотя и женолюбивъ, однако не столько ревнивъ, какъ Коряки. При бракахъ знаковъ дѣвства не наблюдаютъ, а нѣкоторые сказываютъ, что зятевья въ порокъ тещамъ своимъ ставятъ, когда женъ получаютъ дѣвицами, однако я не могу утверждать сего заподлинно. Неревнивы же и бабы ихъ, что можно видѣть изъ то-

го, что нетокмо двѣ или три жены одного мужа живутъ между собою согласно, но сносятъ и коекчучей, коихъ нѣкоторые изъ нихъ держатъ вмѣсто наложницъ.

Женщины ходятъ закрывъ лице кулемъ куклянки, и ежели случится на дорогѣ встрѣтиться съ мущиною въ такомъ мѣстѣ, гдѣ разойтись не можно, то не хотя показать лица отворачиваются въ сторону и стоятъ, пока мущину пропустятъ. Въ юртахъ сидятъ за рогожными или изъ крапивы плетеными занавѣсками; а у которыхъ занавѣски предъ собою нѣтъ, а случится притти стороннему въ юрту, то отворачиваются онѣ въ уголъ лицемъ, и дѣлаютъ свою работу. Но сіе токмо о тѣхъ разумѣется, которыя старой своей грубости не оставили, ибо другія не столь зазорны; впрочемъ всѣ вообще говорятъ грубо и противно, и какъ бы съ великаго сердца.

ГЛАВА XVII.

О рожденіи и воспитаніи дѣтей.

О Камчатскомъ народѣ можно вообще сказать, что они не весьма плодородны; по крайней мѣрѣ не случалось слышать, чтобъ у какого Камчадала было десятеро дѣтей съ одною женою.

Женщины ихъ, какъ сказываютъ, легко родятъ, выключая нещастливые случаи, когда младенецъ не на прямомъ пути бываетъ. При Стеллерѣ родила одна Камчадалка, которая вышла изъ юрты вонъ не съ тѣмъ, чтобъ родить, но съ четверть часа спустя возвратилась въ юрту съ младенцемъ безъ всякой въ лицѣ перемѣны. Онъ же пишетъ, что видѣлъ другую женщину, которая по тридневномъ мученіи, къ великому его удивленію, родила младенца, у котораго прежде всего задъ оказался. Шаманки приписывали отцу причину нещастія, что онъ въ то время, когда младенцу надлежало родиться, сани дѣлалъ, и дуги гнулъ на колѣняхъ; изъ чего можно разсуждать о другихъ Камчатскихъ смѣшныхъ вымыслахъ.

Раждаютъ онѣ стоя на колѣняхъ при всѣхъ людяхъ, сколькобъ въ острожкѣ ни случилось, не выключая никакого пола, ни возраста. Новорожденнаго обтираютъ тоншичемъ, пупокъ перевязываютъ крапивною ниткою, и отрѣзываютъ ножемъ каменнымъ, а мѣсто бросаютъ собакамъ. Къ отрѣзанному пупку прикладываютъ кипрей жеваной, а младенца обвиваютъ вмѣсто пеленокъ тоншичемъ. Послѣ того всѣ жители любуются младенцемъ, берутъ его на руки, цѣлуютъ и обнимаютъ сорадуясь родителямъ, однако кромѣ того никакихъ не бываетъ обрядовъ.

При родахъ есть у нихъ и бабки повивальныя, однако ненарочныя; у которой женщины есть мать, та у ней обыкновенно и бабка повивальная.

Которыя женщины дѣтей желаютъ, тѣ ѣдятъ пауковъ, какъ уже выше показано; нѣкоторыя родильницы ѣдятъ и пупокъ съ кипреемъ, чтобъ послѣ очреватѣть скорѣе. Напротивъ того много и такихъ, кои младенцевъ выгоняютъ отравами, и другія страшныя средства употребляютъ: давятъ младенцовъ въ утробѣ, ломаютъ имъ ру́ки и ноги чрезъ старухъ искусныхъ въ такомъ злодѣяніи, и послѣ выкидываютъ мертвыхъ часто съ своею погибелью.

Такія Медеи хотя иногда и въ утробѣ не вредятъ младенцамъ, однако рожденныхъ давятъ, или живыхъ собакамъ бросаютъ. Для неплодородія же пьютъ декоктъ травы называемой *Кутахжу*, и разныя волшебства употребляютъ. Иногда причиною безчеловѣчія бывали и ихъ суевѣрія: ибо когда онѣ раждали двойни, то по крайней мѣрѣ одному умереть надлежало; тожъ дѣлалось и съ рожденными въ худыя погоды, которые оба случая почитались несчастливыми. Однако послѣдній иногда и нѣкоторыми шаманствами исправляется.

Послѣ родовъ оправляются онѣ опаною, то есть рыбьею ухою вареною съ листьемъ произрастающаго называемаго *Гале*, а по нѣсколькихъ дняхъ паки за юколу и за обыкновенную свою работу принимаются.

Младенцамъ имена даютъ отцы умершихъ своихъ сродниковъ безъ всякихъ же обрядовъ; которыхъ дѣти не перемѣняютъ и на возрастѣ.

Имена мужескія:

Ке́шлея,	не умирай.
Камакъ,	озерная букашка на подобіе жука.
Ле́мшинга,	земляной.
Ши́куйка,	паукъ.
Ча́качь,	толмачь не умѣлъ перевесть.

Кана, врагъ.
Брючь, живосгорѣвшій, отъ того названъ, что нѣкоторой сродникъ его сгорѣлъ въ юртѣ.
Имаркинъ, трава, которая весьма скоро загарается: можетъ быть плаунъ.
Быргачь, родъ нѣкоторой болѣзни.
Талачь, котъ морской.

Имена женскія:

Каналамъ, враговка.
Кенилля, мышеловка.
Кыгмачь, неразраждаемая, отъ того, можетъ быть, такъ названа, что какая нибудь свойственница ея родами замучилась.
Кайручь, колотье.

Но большая часть женщинъ мужескими именами называются, какъ напримѣръ: Брючь, Быргачь, Чекава и прочая.

Колыбели у нихъ есть, токмо рѣдко, однако не для качанья, ибо они дѣтей не качаютъ, но вмѣсто кровати дѣтской дѣлаются коробками изъ досокъ, у которыхъ бываетъ на переди желобокъ, которымъ моча сбѣгаетъ. Когда дѣти заплачутъ, то матери сажаютъ ихъ въ кухлянки за плеча, которыя въ такомъ случаѣ подвязываютъ, и качаютъ, пока заснетъ младенецъ. Та-

кимъ же образомъ ходятъ съ ними въ дорогу и на работу. Впрочемъ онѣ дѣтей своихъ не пеленаютъ, но въ ночное время спятъ съ ними вмѣстѣ. И хотя онѣ сонливы и неосторожны, однако нѣтъ примѣровъ, чтобъ дѣтей засыпа́ли.

Грудью кормятъ младенцевъ по три и по четыре года. На другомъ году учатъ ихъ ползать; тѣшатъ юколою и икрóю, березовою и таловою коркою, а наипаче сладкою травою, и часто случается, что дѣти приползши къ собачьимъ корытамъ остатками опаны забавляются. Когда они начнутъ лѣпиться по лѣсницѣ, тогда вящшее утѣшеніе родителей, которые смотря на нихъ смѣются, и разговариваютъ съ веселіемъ.

Дѣти носятъ платье подобно самоѣдскому, которое съ ногъ надѣвается, и состоитъ изъ торбасовъ, чулковъ, шапокъ и шубы вмѣстѣ сшитыхъ, на зади съ прорѣхою и съ клапаномъ.

Что касается до воспитанія дѣтей, то пишетъ Стеллеръ, что родительская любовь къ дѣтямъ столь велика, сколь велико ихъ презрѣніе къ родителямъ, а особливо къ престарѣлымъ и дряхлымъ. Они бранятъ родителей всякими скверными словами, ни въ чемъ ихъ не слушаютъ, и

нимало на нихъ не смотрятъ; чего ради родители не смѣютъ ни бранить ихъ ни наказывать, ниже́ въ чемъ препятствовать. Когда родители не видавшись долго съ дѣтьми своими увидятъ ихъ, то обнимаютъ ихъ съ изъявленіемъ сердечной своей радости; напротивъ того дѣти совсѣмъ противно тому поступаютъ. Дѣти ни когда ничего не просятъ у своихъ родителей, но берутъ сами, что имъ угодно. Ежели хотятъ жениться, то не токмо не совѣтуютъ о томъ съ родителями, но и не даютъ знать имъ. Надъ дочерями власть ихъ состоитъ токмо въ томъ, что могутъ жениху сказать: *хватай, буде можешь, и на себя надѣешься*. Право первородства нѣсколько и у нихъ примѣчается: ибо большей сынъ всѣмъ по́слѣ отца своего владѣетъ, а другимъ ничего не достается, для того что все наслѣдство состоитъ въ одной перемѣнѣ платья, въ топорѣ, въ ножѣ, въ корытѣ, въ санкахъ и собакахъ; изъ того числа́ платье всегда бросали съ мертвымъ, чтобъ надѣвъ самимъ не умереть, которое суевѣріе и понынѣ еще не вывелось.

ГЛАВА XVIII.

О болѣзняхъ и лѣкарствахъ.

Главныя на Камчаткѣ болѣзни: цынга, чирьи, разслабленіе, ракъ, желтуха и нечисть, которыя, по мнѣнію ихъ, отъ враговъ напускаются, живущихъ по березникамъ и ракитникамъ въ то время, когда кто кусты тѣ въ незнаніи рубитъ. Лѣчатъ ихъ больше наговорами, однако не презираютъ травъ и коренья.

Отъ цынги пользуются листьемъ нѣкоторой травы́ *Мыткажунъ*, которое къ деснамъ прикладываютъ, и пьютъ декоктъ брусничной травы́ и водяницы. Козаки пьютъ вмѣсто чаю тамошній сланецъ или кедровникъ съ великою пользою, и ѣдятъ дикой чеснокъ, *Черемшею* называемый: и оба сіи лѣкарства отъ цынги за дѣйствительныя признала вся Камчатская экспедиція.

Чирьи по ихъ называются *донъ*, опаснѣйшая болѣзнь на Камчаткѣ, ибо отъ нихъ по большѐй части люди умираютъ. Въ діаметрѣ бываютъ оные двухъ или трехъ дюймовъ, и когда отворятся, то по 40 и по 50 скважинъ примѣчается. За смертель-

ной знакъ почитаютъ, когда матерія изъ нихъ не пойдетъ; впрочемъ которые отъ нихъ и не умираютъ, лежатъ въ постелѣ по шести и по десяти недѣль. Камчадалы разгнаиваютъ ихъ сырою зайчиною, а когда отворятся, то стержни стараются выдавить.

Разслабленіе, ракъ и Французская болѣзнь почитаются за неисцѣлимыя, и о сей послѣдней сказываютъ Камчадалы, что она появилась у нихъ по прибытіи Россійскихъ людей. Разслабленіе называютъ они *На́лачь*, ракъ *Ка́йкчь*, а Французскую болѣзнь *Аро́жичь*.

Есть еще у нихъ болѣзнь *Су́жучь* (ящерица), которая подобна коростѣ, и бываетъ подъ грудью на подобіе пояса. Когда оная короста не загноившись пропадаетъ, то смерть послѣдуетъ; а по объявленію ихъ не обходитъ она никого, какъ у насъ оспа.

Шелечь или орелъ болѣзнь, которая подъ видомъ коросты все тѣло заражаетъ, напускается отъ врага того имени, иногда бываетъ причиною смерти. А короста, которая у нихъ по большей части на младенцахъ бываетъ, по ихъ *Те́уедъ* называется.

У господина Стеллера о болѣзняхъ и лѣкарствахъ пространнѣе писано, чего ради

сообщимъ мы здѣсь изъ его описанія все потребное.

Морскую губку, пишетъ онъ, прикладываютъ Камчадалы къ чирьямъ, чтобъ вытягивало матерію, съ добрымъ успѣхомъ: ибо содержащаяся въ ней алкалическая соль не допускаетъ рости дикому мясу. Но токмо лѣченіе произходитъ трудно, за тѣмъ, что не разбиваетъ она матеріи.

Козаки прикладываютъ къ чирьямъ сладкую траву, которая послѣ сидѣнія вина въ котлахъ остается, и ею съ добрымъ успѣхомъ разбиваютъ матерію и выгоняютъ.

Малину морскую употребляютъ женщины для скорѣйшаго разрѣшенія отъ бремени.

Нигну, что по Руски рѣпою морскою называется, трутъ они какъ самую раковину, такъ и ея иглы, и тѣмъ порошкомъ пользуются отъ теченія сѣмени, однако онымъ лѣкарствомъ одна токмо моча выгоняется.

Жиръ морскаго волка употребляютъ они отъ жестокаго запора съ великою пользою.

Курильской чай, (Pentaphilloides fruticosum), пьютъ отъ рѣзу и отъ боли въ животѣ съ простуды, не безъ успѣха.

Корку тамошняго кедровника привязы-

ваютъ они ко всякимъ порѣзамъ, и сказываютъ, что ею можно выгнаивать изъ ранъ и стрѣлы.

Отъ запору варятъ кислую юколу, и пьютъ вонючую уху́ оную. Отъ поноса ѣдятъ бѣлую глину, которая *земляною сметаною* называется, и по многимъ мѣстамъ въ Камчаткѣ находится; отъ тогоже употребляютъ шеламайное и завязное коренье.

У кого моча не держится, тѣмъ велятъ мочиться въ кольцо изъ тоншича плетеное, у котораго въ срединѣ рыбья икра́ кладется; но можетъ быть, что при томъ бываютъ и наговоры.

У кого отъ болѣзни въ горлѣ сохнетъ, то съ добрымъ успѣхомъ пьютъ кипрейное сусло. Сіежъ лѣкарство употребляютъ родильницы и для способнѣйшаго разрѣшенія.

Толченое листье шеламайника (Ulmaria) прикладываютъ они къ ранамъ, когда волкъ укуситъ или собака, пьютъ же то листье и вареное, и похваляютъ какъ отъ живота, такъ особливо отъ цынготной болѣзни, а листье вмѣстѣ съ стеблями толченое употребляютъ отъ ножогу.

Отъ головной болѣзни лѣчатся мерзлою брусницею; отъ зубной декоктомъ шеламайника, которой сваря съ рыбою во рту держатъ, а корень ея кладутъ на зубы.

Сéгельгъ, каменной попоротникЪ жуютЪ они отЪ одышки; пьютЪ же нынѣ и вареной отЪ харканья кровью, когда внутренняя повреждаются, или упадаютЪ сЪ высокаго мѣста. Беременныя пьютЪ для здравія младенца и для плодородія. Нѣкоторые думаютЪ, что отЪ него и голосЪ бываетЪ свѣтлѣе и чище.

Камчатской звѣробой (Gentianae spec.) пьютЪ они отЪ цынготной и отЪ всякой нутренной скорьби. А пьяную траву (Chamaerrhododendros) по ихЪ *Кетенано или Мúскута*, отЪ Французской болѣзни, токмо безЪ пользы.

Морскую капусту (Quercus marina) пьютЪ отЪ поноса; *Кутахжу* мущины отЪ цынги и отЪ лому вЪ членахЪ, а женщины для неплодія. Траву моченую вЪ рыбьемЪ жиру прикладываютЪ кЪ больнымЪ членамЪ теплую, и тѣмЪже сгоняютЪ синія пя́тна отЪ побой и уразовЪ.

Траву *Чéхбонъ* (Drymopogon) пьютЪ отЪ опухоли и отЪ цынги вЪ ногахЪ. ОтЪ безсонницы ѣдятЪ плоды травы́ Ефемера. Глаза́ лѣчатЪ припаривая травою *Зúзомъ*, которую кладутЪ женщины и вЪ тайные у́ды для тепла и благовонія.

Лопатскіе жители ставятЪ и клистиры, что переняли безЪ сумнѣнія отЪ Ку-

риловъ. Декоктъ изъ разныхъ травъ иногда съ жиромъ, а иногда и безъ жира наливаютъ въ тюленій пузырь, и обтягиваютъ отверстіе его около какой ни будь дудки, которую ставятъ по обыкновенію, между тѣмъ больной лежитъ на брюхѣ внизъ головою. И сіе лѣкарство почитаютъ они столь высоко, что употребляютъ во всякихъ болѣзняхъ.

Отъ желтухи имѣютъ они надежное лѣкарство: берутъ коренье лѣсной фіялки, чистятъ и свѣжіе толкутъ съ теплою водою; сокъ, которой бываетъ какъ молоко, въ нерпичій пузырь наливаютъ, и въ клистирахъ употребляютъ по два дни сряду, а на каждой день по три раза; послѣ чего слабитъ, и фіялковой сокъ по всѣмъ членамъ разходится. Сіе лѣченіе не безъ основанія, когда извѣстно дѣйствіе фіялки.

Крови ни жильной ни рожечной не пускаютъ, и совсѣмъ о томъ не вѣдаютъ, а пускаютъ оную особливымъ образомъ: около больныхъ мѣстъ оттягиваютъ кожу щипцами деревяными, и прокалываютъ оную насквозь хрустальными нарочно для того дѣлающимися ланцетами, и выпускаютъ крови сколько надобно.

Естьли у нихъ болитъ спина, то трутъ оную корнемъ омега или цикуты передъ ог-

немъ, наблюдая при томъ, чтобъ не коснуться поясницѣ, отъ чего послѣдуетъ судорога: и симъ лѣкарствомъ такъ они хвалятся, будто тотъ же часъ бываетъ имъ польза, однако то не вѣроятно.

Отъ лому ставятъ ядна (тоха) изъ березоваго трýту на больныхъ мѣстахъ. Когда оной трутъ догораетъ до тѣла, то отскакиваетъ съ великимъ стремленiемъ, а тѣло отъ того разгнивается, и бываетъ великая язва, къ которой иные присыпаютъ труто вой пепелъ, а иные ни чемъ не лѣчатъ. И сiе лѣкарство извѣстно по всей Сибири.

Корень лютика травы́, и омегъ употребляютъ они къ порчѣ своихъ непрiятелей и къ умерщвленiю. Лютикомъ намазываютъ и стрѣ́лы какъ совершеннымъ ядомъ.

ГЛАВА XIX.

О погребеніи умершихъ.

Погребеніе умершимъ, буде можно назвать погребеніемъ бросать собакамъ на съѣденіе, отъ всѣхъ тамошнихъ народовъ отмѣнно: ибо другіе народы или жгутъ тѣла́ умершихъ, или кладутъ въ землю съ нарочитыми обрядами; напротивъ того Камчадалы трупы мертвыхъ своихъ, привязавъ ремень за шею вытаскиваютъ изъ юрты, и почти на самой юртѣ бросаютъ ихъ собакамъ на съѣденіе, объявляя тому двѣ причины: 1) что котораго съѣдятъ собаки, тотъ на другомъ свѣтѣ ѣздить будетъ на добрыхъ собакахъ; а на юртѣ и близь юрты бросаютъ они покойныхъ своихъ для того, чтобъ враги, которые, по ихъ мнѣнію, людей умерщвляютъ, видя мертвыхъ довольствовались ихъ гибелью, а другимъ бы не вредили. Но другая причина кажется мнѣ невѣроятна: ибо они тѣ жилища, въ которыхъ умирать кому случалось, всегда оставляли, и переселялись въ новыя юрты, которыя строили въ знатномъ отъ прежнихъ разстояніи, а труповъ, которыми бы по ихъ объявле-

нію могли отъ враговъ обороняться, не таскаютъ съ собою; развѣ можетъ быть сіе почитаютъ они за оборону отъ нихъ на то одно время, пока они новую юрту дѣлаютъ.

Съ умершими выбрасываютъ вонъ все платье ихъ и обувь, не съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобъ было имъ что носить на другомъ свѣтѣ, какъ другіе нѣкоторые язычники думаютъ, но отъ одной опасности: ибо по ихъ мнѣнію и тому необходимо умереть должно прежде времени, кто надѣнетъ ихъ платье. Особливо живущіе на Курильской лопаткѣ въ томъ суевѣрны: не возмутъ въ ру́ки никакой вещи, сколь бы она ихъ ни льстила, ежели услышатъ, что осталась послѣ мертваго. Чего ради козаки, которые важивали къ нимъ похожіе товары, какъ напримѣръ Нѣмецкое и Руское суконное платье, фанзовыя и камчатныя рубахи и прочая, неинако купцовъ отъ другихъ отбивали, какъ сказывая, что платье и другіе ихъ товары послѣ мертвыхъ остались.

Очищеніе послѣ похоронъ бываетъ слѣдующимъ образомъ: наломавши какого нибудь прутья приносятъ они въ юрту, и надѣлавъ колецъ по дважды сквозь ихъ пролазятъ, а потомъ относятъ въ лѣсъ, и бросаютъ на западъ. Которой мертваго вонъ

тащилъ, тому должно изловить какія нибудь двѣ птички, и одну изъ нихъ всю сжечь, а другую съѣсть со всѣми жителями вмѣстѣ. И сіе очищеніе бываетъ у нихъ тогоже дня, котораго и погребеніе, а до того ни сами они не выходятъ изъ юрты, и никого къ себѣ не допускаютъ.

Вмѣсто поминокъ бросаютъ они въ огонь шаглы перьво-промышленой рыбы, что за даръ умершему почитается, а тѣло сами съѣдаютъ.

Младенцовъ хоронятъ въ дуплеватыхъ деревьяхъ по большей части безъ всякихъ же особливыхъ обрядовъ. По умершихъ сожалѣютъ, и плачутъ, токмо безъ вопля.

ГЛАВА XX.

О различныхъ нарѣчіяхъ Камчатскаго народа.

Въ заключеніе извѣстій о Камчатскомъ народѣ сообщимъ мы нѣкоторое собраніе словъ трехъ главныхъ Камчатскихъ нарѣчій, о которыхъ выше сего упомянуто, чтобъ сходство и несходство ихъ было видимо.

Въ столбѣ А, содержится нарѣчіе сѣверныхъ Камчадаловъ, Б, южныхъ, а въ столбѣ, В, живущихъ отъ Воровской рѣки на сѣверъ почти до Тигиля. При чемъ надлежитъ вѣдать, что г съ палочкою на верьху какъ Латинское g, произносить надобно.

Собраніе словъ разныхъ Камчатскихъ нарѣчій.

	А	Б	В
Богъ	Кушъ	Ку́тхай	Ку́тха.
Дьяволъ	Ка́на	Ка́на	Ткана.
Небо	Ко́галъ	Ко́халъ	Ке́нсъ.
Облака	Гу́ренгуръ	У́ншаа	Мы́йжа.
Вѣтръ	Ша́пелъ	Чи́хуча	Ке́ппкъ.
Буря	Ка́калатъ		
Дождь	Чу́хчухъ	Ча́хчу	Чу́хчухъ.

	А	Б	В
Снѣгъ	Корѣлъ	Ко́лаалъ	Ко́лаалъ.
Градъ	Ка́кумчелъ	Коа́да	Коа́лле.
Громъ	Кы́хкыгъ	Кы́хкыгъ	Кыхшигына́.
Молнія	А́мроншчина-чичъ	У́мечькыши	Мытлкы́жи-гына.
Солнце	Гале́нъ-кулечъ	Коа́чъ	Лачъ.
Луна	Гу́пнганъ ку-ле́чъ	Коа́чъ	Лаа́нлгыиъ.
Звѣзда	Еже́нгынъ	Ашаа́нгыпъ	А́гажинъ.
День	Таа́жъ	Кусга́лъ	Кулха́лла.
Ночь	Ку́нпукъ	Ку́лкуа	Ку́нку или Лыху́югуна.
Утро	У́йдумкулель	Бо́кочожъ	Е́мколалю.
Полдень	Куну́кулечкуй	Пеннокъ-хал-ла	Хпа́дыжа-гына.
Вечеръ	Ашакулель	Аашыку	Та́лбакъ.
Полночь	Куну́гунигучъ или	Ке́ды ку́лкуа Пельхучикъ.	Нуулхуюгу-ла.
Годъ	Та́тгажъ	(не знаютъ)	Тхажъ.
Земля	Шемтъ	Семтъ	Шемтъ.
Гора	Е́ель	Наму́дъ	Аа́ла.
Пригорокъ	Пыну́жидычъ	Таа́коричъ	І́жулганъ.
Огонь	Бру́мичъ	Па́нгычъ	Па́нгычъ.
Дымъ	Га́жунгажъ	Нгарангачъ	Нгачажъ-нгачажъ.
Вода	А́жамъ	І́и	І́и.
Поле	Ба́шаранъ	У́ша	У́съ.
Дорога	Ши́жичъ	Е́шичумъ	Ку́чажа.
Лѣсъ	У́удъ	О́ода	Ла́гыланъ.
Дерево	У́а	О́о	У́у.
Море	Ке́йга	Ни́нгель	Ке́йга.

	А	Б	В
Озеро	Ко́рро	Кшчу	Ку́лхуа.
Рѣка	Кигъ	Кыга	Кигъ.
Рѣчка	Ки́гыдычь	Кы́гыдачь	Ки́гыгачь.
Источникъ	Пидадычь	Ка́кеда	Ке́яка.
Песокъ	Бы́жымшъ	Ка́шемтъ	Сымы́жымчь.
Грязь	Кы́лшшамъ	Има́гай-Акчинашумшъ	Ко́ола.
Камень	Куа́лъ	Ува́чу	Уа́чь.
Человѣкъ	Кро́шчуга	У́шкамжа	Ушка́мжа.
Отецъ	И́нинъ	А́пачь	Ишхъ.
Мать	А́нхуакъ	Аа́лгачь	Ла́гшха.
Сынъ	Пе́ечь	Пе́ачь	Пача́.
Дочь	Чи́декечь	Сувы́нгъ	Шугуинга́.
Братъ	Ты́я	Куша́хушка	Ты́я.
Сестра	Ихтумъ	Кутхаа́нъ	Ли́лихлчь.
Мужъ	Ке́игишъ	Е́лку	Ка́мжанъ.
Жена	Чи́хенгучь	Игы́нгычь	Иѓычь.
Отрокъ	Па́ачучь	Пеа́гачучь	Па́нахча.
Младенецъ	Па́ачучь	Пеа́пчичь	На́нача.
Дѣвка	Чи́хуачучь	Хучи́чу	Ухчума́хча.
Господинъ	Крошчу	Армъ	Ху́йжучь.
Слуга	Ха́ро	Чикоачь	Линажхча.
Служанка	Че́дахаро		Хоа́лу.
Голова	Ха́бель	Чы́ша	Кшхынъ.
Волосъ	Черонъ	Ку́біинъ	Ку́йба.
Борода	Е́лунъ	Куу́кунъ	Луу́лла.
Глаза	Е́ледъ	На́ннинъ	Ле́лла.
Уши	И́людъ	И́гіадъ	И́лла.
Носъ	Каякд	Канкы́	Канка́нъ.
Губы	Ша́кши	Кысса	Ке́шха.
Уста	Те́лунъ	Цхыдда	Чанна.

	А	Б	В
Языкъ	Ды́чилъ	Ни́чилъ	Ече́лла.
Щеки	У́анъ	У́аадъ	Хоау́да.
Подбородокъ	Пе́гангучь	Пахыхычь	Кы́мкычь.
Плечо	Тено́дъ	Та́нпукъ	Тыны́нга.
Рука	То́но	Сынпу	Хкачь.
Перстъ	Ке́ко	Ку́йда	Пко́нча.
Грудь	Лу́шенгъ	И́нгыша	Ке́ншачь.
Сердце	Гуллугу	Ну́уюгу	Луго́лгучь.
Брюхо	Колидъ	Ксухъ	Ка́лшки.
Черева	Шу́жичь	Сыхшидъ	Сыгыжинъ.
Пузырь	И́шурю	Елкуай	Кшулхъ.
Тайной удъ мужеской	Ка́ллака	Ка́лка	Калка̀.
— женской	Койпіонъ	Куанпа́нъ	Коа́панъ.
Спина	Карогъ	Ча́гта	Ки́гачь.
Ноги	Кашхе́инъ	Чкуа́да	Кшха́да.
Шапка	Га́лалучь	Халя́лучь	Па́халъ.
Штаны	Ку́е	Ко́ау	Ко́а.
Чулки	Па́иманъ	Паиманъ	Па́ймадъ.
Шуба, кухлянка	Коа́бежъ	Танга́къ	Ка́пхачь.
Торбасы	Чилхенъ	Сыпанукъ	Шхунъ.
Острогъ	А́тынъ	Та́па	А́тынумъ.
Юрта	Кистъ	Кишипъ	Кистъ.
Окно и дверь, что въ юртахъ	А́пхыжичь	О́кнучь	О́кнучь.
Постеля	Ла́жушъ	Аашпъ	Аншепъ.
Лукъ	Ичетъ	Ча́сху	Чхчъ.
Стрѣла	Кагъ	Ка́ха	Калхъ.

	А	Б	В
Санки	Шишхенъ	Шаашанъ	Шхлишхъ.
Лодка	Та́шхамъ	Тахшымъ	Тахшама́.
Веревка	Алчолъ	Ку́лхсумъ	Ушхтъ.
Топоръ	Ко́ашу	Куа́шуа	Ко́ашу.
Листъ	Кромъ	Пашаадь	Пеллаакела.
Корень	Пынгылпын-гылъ	Пынге́лпынъ	Пынгылпын-гылъ.
Трава	Шишчь	Се́еда	Ижула.
Голодный	Еку́жичь	Куушипкъ	Кшаккъ.
Жадный	Тыкужегужикъ	Тугі́улаекъ	Чхча́хычь.
Сытой	Тымга́ушп	Чигышикъ	Чихлихъ.
Пьяной съ мухомора	То́анкужикъ	Това́нкошкъ	Хылпа́шки-чамъ.
Ѣсть	Балолкъ	Чихы́шкикъ	Дыкыжу.
Пить	Би́гылпкъ	Ты́кушхушкъ	Тыкушку.
Спать	Ты́чкажикъ	Тунгукалашкъ	Нуйкушку.
или Бу́нгуяку спать хочу			
Говорить	Ка́жинухша-жикъ	Ха́ждухчь	Ка́жилгу-кышъ.
Молчи	Ку́йжцжичь	Кыйсушихчь	Ко́йшунгы-шихучь.
Ѣхать на собакахъ	Кошлъ-кокш-хажикъ	У́шашичь	Хо́пикожи-мыкъ.
Иши	Тылледжкъ	У́шашишъ	Тла́ламъ.
Я стою	Ку́ме-шыжи-шикъ	Ке́мма-шыжі-шикъ	Ке́махшажу́-кышь.
Ты стоишь	Кы́же жи-шунъ	Кышьшишичь	Ке́жа хшажу-жичь.
Онъ стоитъ	Ду́гудъ жи-шичь	У́дда шиш-кикъ	Да́нгунъ хша-жу́жичь.

	А	Б	В
Мы стоимъ	Буже житiшимкъ	Мушъ ушишамгъ	Можишъ хтажужимкъ.
Вы стоите	Iхуже жишижъ	Сушъ шишикъ	Дагунадъ хтажужигинъ.
Они стоятъ	Трунъ жишичь	Ишхую шишикикъ	Iшха хтажужигинъ.
Сплю	Тынгуюкужикъ	Тунгыкушикъ	Тунгуйкушкукъ.
Вижу	Тыллчкужикъ	Тышшикуйшикъ	Тылчкуйжча.
Не вижу	Гыичь купкгъ	Ишкъ Ешкуйкакъ	Елчкуикъ.
Не сплю	Гыннгуикуллакъ	Ишкъ нуйкушкакъ	Игуикулкукъ.
Смѣюся	Тыжiшикъ	Ташiукашкъ	Лижинкшчичь.
Плачу	Тынтажикъ	Туушикъ	Синичь.
Бѣлой	Гылкало	Ашшыхъ	Ашхала.
Черной	Дрелу	Тыгганъ	Кигала.
Красной	Чачалъ	Чеанъ	Чачалъ.
Зеленой	Дулхкаралло	Пулусанну	Кухлелага.
Большей	Толло	Хычинъ	Пеллага.
Малой	Дынелу	Чунгуюнгъ	Пянюкала.
Высокой	Дашелу	Куунъ	Кынгылла.
Низкой	Дыжулу	Ишунгъ	Iжула.
Свѣтлой	Датхылу	Аттыгъ	Чажу.
Темной	Духулу	Духшанну	Чуникъ.
Теплой	Номла	Киканъ	Умела.
Студеной	Дыкеплу	Саккенигъ	Лкелага.
Мокрой	Дыкчкелу	Акчину	Чкалага.
Сухой	Демлу	Кашигу	Кыжгела.
Живой	Кыжуныллинъ	Какова	Каколинъ.

Мертвой	Кырiннъ	Кычикинъ	Кыжаннъ.
Рано	Тымколинъ	Мокочушъ	Амколчелъ.
Поздо	Тухтанинъ	Аатыку	Тхтаданъ.
Сего дни	Денгу	Даңгу	Дадъ.
Завтра	Дымколаку	Бокуанъ	Ажушкъ.
Послѣ завтра	Кораптыжкъ	Чiе сулунгакъ	Дуганъ-иншнжингъ.
Вчера	Ѣтелъ	Аапты	Атенгъ.
Третьяго дни	Кыхы-кораташъ	(не знаютъ).	
Впередъ	Дуклкъ	Коазаку	Кулхенчки.
Назадъ	Шалкъ	Саккы	Шааликинъ.
1.	Дызыкъ	Дызыкъ	Конингъ.
2.	Каажъ	Кааcсъ	Касса.
3.	Чоокъ	Чоокъ	Чоукъ.
4.	Чаакъ	Чаакъ	Чаакъ.
5.	Коомнакъ	Коомнакъ	Кугумнукъ.
6.	Кылкогъ	Кылкоакъ	Келкугъ.
7.	Ѣтактанакъ	Итаатукъ	Ѣтуктунукъ.
8.	Чооктунукъ	Чокутукъ	Чооктунукъ.
9.	Чаактанакъ	Чаактакъ	Чаактанакъ.
10.	Чумхтукъ	Кумхтукъ	Тогосса.
11.	Дызыкъ }	ши- Дызыкъ }	ши- Конингъ } шина-
12.	Каажъ }	на- Каассъ }	на- Касса } жинъ.
13.	Чокъ }	жичь Чокъ }	ши Чоукъ }
14.	Чаактанакъ }	Чаактанъ }	Чаактанакъ }
20.	Каажъ }	Каассъ }	Кашъ }
30.	Чоокъ }	Чоокъ }	ку- Чоокъ }
40.	Чаакъ }	Чаакъ }	мх- Чаакъ }
50.	Коомнакъ }	Чум- Коомнакъ }	ту- Кугумнукъ } ту-
60.	Кылкогъ }	хту- Кылкоакъ }	ка- Келкугъ } жадъ.
70.	Ѣтактанакъ }	къ. Итаатукъ }	ды- Ѣтуктунукъ }
80.	Чооктунукъ }	Чокутукъ }	кы- Чооктунукъ }
90.	Чаактанакъ }	Чаактакъ }	дъ. Чаактанакъ }

100 Чу́мхтукъ- Чу́мхта-Ку́мхту-кум- Чушъ-тогу-
канъ хтаканъ шайнъ

У господина Стеллера въ запискахъ нашелъ я и молитву Отче нашъ на языкѣ южныхъ Камчадаловъ, но не всю, безъ сумнѣнія для того, что послѣднія слова, каково: оставленіе долговъ, избавленіе отъ лукаваго и прочая, Камчадаламъ непонятны были; однако сообщимъ мы здѣсь для удовольствованія любопытства читателей, сколько нашлося.

Аначь бу́рынъ кизегъ и́тзунъ кра́накъ ко́галгу
,,*Отче нашъ, которой живешъ на небѣ высоко,*
сы́гзулъ книгнъ го́уренчь тѣге битель на́калкъ
,,*буди твое имя всегда. у всѣхъ*
кабилтака́ кататтока̀ ко́тшикъ ко́гльсытъ
,,*славно почитаемо, повели прінти*
бо́ренако книгнъ ко́неналагнъ е́лконому, кизе́къ
,,*къ намъ твоему жилищу вѣчному, что ты*
енакчъ оллогтичазенъ енду́ детгакенъ лацготусъ
,,*ни изволишъ, буди по твоей волѣ, какъ*
каго́лкъ де́липгамъ симскъ, а́донномъ бу́ринъ
,,*на небѣ, такъ на землѣ, пищу нашу,*
пыгнъ гуллсъ су́глкапзенъ сугнетъ ка́толкъ
,,*отъ которой всегда живемъ, дай*
борена́ко денгу́ше́нъ дагсъ.
,,*намъ нынѣшняго дня.*

ГЛАВА XXI.

О Коряцком народѣ.

Излишнее дѣло было бы, естьли бы какъ о семъ, такъ и о Курильскомъ народѣ писать пространно, ибо родъ житія ихъ весьма сходствуетъ съ Камчатскимъ: всѣ вообще они язычники (1), всѣ крайніе невѣжды, и отъ другихъ животныхъ однимъ токмо видомъ человѣческимъ почти разнствуютъ, какъ уже выше показано; чего ради довольно будетъ и того, когда мы о каждомъ народѣ объявимъ кратко, выключая такія обстоятельства, въ чемъ они несходны съ Камчадалами.

Коряки, какъ уже выше показано, на Оленныхъ и Сидячихъ раздѣляются. Оленные кочевной народъ, а Сидячіе живутъ въ земляныхъ юртахъ, какъ Камчадалы, съ которыми и больше житіемъ и обрядами

(1) Жители осьмнадцати сѣверныхъ Курильскихъ островов, подъ Россійскою державою состоящихъ, воспріяли православный Грекороссійской законъ; но Курильцы прочихъ четырехъ острововъ, Японцами занимаемыхъ, остались по нынѣ въ язычествѣ. В.

сходствуютъ, нежели съ Кочевными Коряками; чего ради все, что о Корякахъ объявлено будетъ, о Оленныхъ разумѣть должно, развѣ гдѣ точно Сидячіе Коряки будутъ упомянуты.

Сидячіе Коряки жилища свои имѣютъ по берегу Восточнаго моря отъ рѣки Уки почти до Анадыря, а по берегу Пенжинскаго моря отъ усть-Тигиля до Пенжины, и отъ Пенжины вкругъ Пенжинской губы до хребта Нукча́нунинъ, изъ котораго течетъ въ море Нукчанъ рѣчка, и по тѣмъ рѣкамъ имѣютъ они особливыя названія, по которымъ между собою раздѣляются, какъ на примѣръ: Укинскіе Коряки по рѣкѣ Укѣ, Карагинскіе по Карагѣ, Олюторскіе по Олютору, Акланскіе по Аклану и прочая; а Оленные съ табунами своими кочуютъ по всему пространству земли, которое съ востока Океаномъ, съ запада вершинами Пенжины и Омолона, съ сѣвера Анадыремъ рѣкою, а съ юга Лѣсною и Карагою рѣками заключается. Иногда прикочевываютъ они и ближе къ Камчаткѣ, особливо когда есть опасность отъ Чукочъ, бѣдственныхъ ихъ непріятелей, однакожъ рѣдко. И такъ въ сосѣдствѣ имѣютъ они съ одной стороны Камчадаловъ, съ другой Чукочъ, съ третьей Юкагирей, а съ четвертой Тунгусовъ или Ламутовъ.

Естьли Чукоцкой народъ причислить къ Корякамъ, какъ то учинить должно по самой справедливости, ибо и Чукчи сущіе Коряки (1), то Коряцкіе предѣлы гораздо далѣе

(1) Сіе очень вѣроятно, ибо языкъ кочующихъ Чукочъ весьма сходенъ съ языкомъ Оленныхъ Коряковъ, какъ явствуетъ изъ слѣдующаго сравненія, сдѣланнаго по словарю находящемуся въ путешествіи Капитана *Биллингса*, изданномъ Вице-Адмираломъ Г. А. Сарычевымъ.

	Нарѣчіе Оленныхъ Чукчей.	Нарѣчіе Оленныхъ Коряковъ.
Мать.	Илліа.	Елла.
Сынъ.	Экукъ.	Акыкъ.
Дочь.	Нейвекукъ.	Нгавакыкъ.
Сестра.	Чакыгычь.	Чакыгетъ.
Мужъ.	Ояхучь.	Оехучь.
Жена.	Неувганъ.	Неванъ.
Дѣва.	Невычхаиль.	Неветхаль.
Младенецъ.	Кминга.	Кемингенъ.
Голова.	Леутъ.	Леутъ.
Глазъ.	Лиллетъ.	Лилатъ.
Ухо.	Вилютъ.	Велутъ.
Ротъ.	Гикыргинъ.	Гыкыргенъ.
Языкъ.	Гіилъ.	Гіигелъ.
Рука.	Мынгитъ.	Миннегетъ.
Грудь.	Мачо.	Мачу.
Спина.	Каптынъ.	Каптыпъ.
Нога.	Гиткалникъ,	Гиткалнинъ.

и прочая. В.

распространятся; потому что Чукчи не токмо живутъ далѣе Анадыря къ сѣверу на такъ называемомъ Чукоцкомъ носу, но и по островамъ около лежащимъ (1). Въ семъ слу-

(1) Въ упомянутомъ выше сочиненіи содержится краткое, но достопримѣчательное описаніе Чукотскія земли, составленное изъ Журналовъ Капитана *Биллингса* и нѣкоторыхъ другихъ чиновниковъ, совершившихъ съ нимъ сухопутное путешествіе чрезъ сію еще весьма мало извѣстную землю. Мы помѣщаемъ здѣсь оное описаніе, поелику Крашенинниковъ ничего о сей странѣ не сообщаетъ. „Чукотская земля лежитъ между сѣверными широтами 64° и 71°. Долготою (отъ Греенвича) 173° и 190°; простирается въ длину отъ Берингова пролива къ западу на 700 верстъ до земли кочующихъ Коряковъ; самая большая ея ширина отъ юга къ сѣверу 500 верстъ, заключается между морями Анадырскимъ и Ледовитымъ. Сей материкъ составляютъ каменистыя горы простирающіяся грядами, которыя раздѣлены отчасти долинами, расширяющимися къ сѣверу; чрезъ оныя протекаетъ множество мѣлководныхъ рѣкъ и рѣчекъ, имѣющихъ каменистое дно. Долины по большой части болотисты и наполнены множествомъ малыхъ озеръ. Горы средней величины покрыты бѣлымъ мохомъ, но вершины высокихъ и крутыхъ горъ представляютъ голый камень, и мѣстами лежитъ на нихъ вѣчно-нетающій снѣгъ, а особливо по сѣвернымъ скатамъ горъ и въ долинахъ закрытыхъ тѣнію отъ

чаѣ Анадырь рѣка, какъ граница между Коряками подданными Россійскими и немирными Чукчами; для того что наши Коряки не живутъ далѣе Анадыря къ сѣверу, а Чукчи къ югу:

солнечныхъ лучей. Лѣсу нигдѣ не ростетъ, кромѣ ивовыхъ кустарниковъ, и то мѣстами по берегамъ рѣчекъ. Ягоды родятся только голубика, брусника и водяница называемая шикшею. Изъ животныхъ водятся олени, горные бараны, медвѣди, волки, лисицы и песцы; при морскихъ же берегахъ показываются иногда и бѣлые медвѣди. Земноводныя животныя ловятся при берегахъ сѣверовосточной, восточной и отъ части южной стороны, какъ то: сивучи, моржи и тюлени. Моря, окружающія Чукотскую землю, изобилуютъ рыбою разныхъ родовъ, и большею частію таковою же, которая ловится при берегахъ Охотскаго моря. Птицы прилетаютъ изъ теплыхъ странъ весною, и осенью опять улетаютъ; зимою же видны однѣ только вороны, куропатки и снѣжники.

Чукотская земля обитаема одними только Чукчами оленными и сидячими: первые изъ нихъ составляютъ большую часть жителей, и разсѣяны по всему пространству сей земли; имѣютъ большія стада оленей, и ведутъ кочевную жизнь, переходя съ мѣста на мѣсто. Народъ Чукотскій, кажется, не многолюденъ: по дневнымъ запискамъ Капитана Биллингса и бывшихъ съ нимъ видно, что во время ихъ путешествія чрезъ всю Чукотскую землю, они

однако Чукчи часто переходятъ сію границу, и раззоряютъ нашихъ Коряковъ, убивая, отводя въ плѣнъ, и табуны оленьи отгоняя. Въ лѣтнее время промышляютъ они рыбу и по самой рѣкѣ Анадырю не токмо близъ устья, но и вверхъ по ней на знатное разстояніе отъ моря, такъ что нашимъ Анадырскимъ жителямъ часто съѣжжаться съ ними случается не безъ опасенія (1).

Коряцкой народъ по разности житія разнствуетъ и тѣлеснымъ видомъ. Оленные

встрѣчали весьма мало жителей. Бывшіе походы Россіянъ въ сію землю, предпринимаемые для покоренія Чукчей, подтверждаютъ также малочисленность ихъ; ибо Маіоръ Павлуцкій съ 400 Россіянъ, Коряковъ и Юкагирей, проходя чрезъ всю Чукотскую землю отъ устья Анадыря до Берингова пролива и обратно, въ семимѣсячное время не встрѣчалъ нигдѣ сильнаго сопротивленія отъ жителей, которое бы доказывало многочисленность оныхъ. Самыя большія ополченія, каковыя только могли Чукчи выставлять противу Россіянъ, простирались не болѣе 3000 человѣкъ; по сему можно съ нѣкоторою вѣроятностію заключить, что и въ тѣ времена число всѣхъ жителей Чукотской земли не превосходило и 10 тысячъ, а нынѣ, по признанію самихъ Чукчей, ихъ очень умалилось.,, В.

(1) Анадырской острогъ уже давно уничтоженъ. В.

Коряки, сколько мнѣ случалось видѣть, росту малаго, сухощавы; головы у нихъ посредственныя, волосы черные, которые ежедневно брѣютъ; лица продолговаты и нѣсколько клиномъ; глаза узкіе и малые, брови навислыя, носы короткіе, однако не столь плоски, какъ у Камчадаловъ, ротъ большой; бороды клиномъ черныя, которыя выщипываютъ часто. Напротивъ того Сидячіе Коряки хотя и не великорослы, однако толсты и присадисты, особливо которые живутъ далѣе къ сѣверу, въ чемъ Чукчи предъ другими имѣютъ преимущество, чего ради и больше сходны съ Камчадалами.

Есть же между ими разность и въ разсужденіи склонностей и обычаевъ. Оленные Коряки пребезмѣрно ревнивы, такъ что можетъ убить жену за одно только подозрѣніе, а когда приличится въ прелюбодѣяніи, то лишаются живота оба прелюбодѣйцы; чего ради Коряцкія женщины всѣми мѣрами стараются придать себѣ безобразіе: не моютъ ни лица, ни рукъ: волосовъ, которые плетутъ въ двѣ косы, и по вискамъ распускаютъ, никогда не чешутъ, на верху носятъ платье гнусное, ветхое и залосклое, а подъ исподомъ хорошее; ибо и въ томъ у нихъ подозрѣніе, когда женщина ведетъ себя почище, а особливо когда надѣваетъ

сверху новое и незагаженое платье. На чтобъ, говорятъ Коряки, имъ краситься, когдабъ не желали онѣ другимъ казаться хорошими: ибо мужья и безъ того ихъ любятъ? Напротивъ того у Сидячихъ Коряковъ, а наипаче у Чукочъ, вящшая дружба состоитъ въ томъ, когда взаимно прiѣжжая другъ къ другу, гости спятъ съ женами или дочерями хозяйскими; на которое время хозяинъ нарочно отлучается, или отъѣжжаетъ къ женѣ своего гостя, Несносная обида хозяину, когда гость съ женою его не пребудетъ: ибо въ такомъ случаѣ можетъ онъ убитъ быть, какъ гнушающiйся прiязнiю хозяина; что съ нашими Анадырскими козаками, которые оныхъ обрядовъ ихъ не знали, случалось, какъ сказываютъ, не однократно. Чего ради и женщины ихъ по своему обыкновенiю щеголять стараются: бѣлятся и румянятся, носятъ хорошее платье; а Чукоцкiя сверьхъ того разшиваютъ узорами не токмо лица, но лядвѣи и руки; ибо онѣ дома сидятъ нагiя, хотя бы при томъ случились и стороннiе люди.

Всѣ вообще прегрубые, сердитые, несклонные, злопамятные и немилосердые люди; а Оленные при томъ горды и хвастливы, такъ что они никому въ томъ не вѣрятъ, что есть въ свѣтѣ благополучнѣйшее

житіе человѣческаго состоянія, и почитаютъ такихъ за сущихъ лженовъ и обманщиковъ; что случалось часто съ нашими купцами въ проѣздѣ изъ Якуцка на Камчатку чрезъ Анадырскъ, которымъ они вмѣсто улики дѣлали язвительныя возраженія. Естьли бы, говорили Коряки, жить у васъ было лучше нашего, то бы де вы такъ далеко къ намъ не ѣздили, какъ намъ нѣтъ нужды къ вамъ ѣздить, для того что у насъ всего довольно; а то де можно видѣть, что вы пріѣжжаете къ намъ для одной жирной оленины, которой де вамъ во всю жизнь вашу нигдѣ индѣ и видать не случается.

Немалой поводъ къ спѣси дается имъ и отъ Коряковъ Сидячихъ, которые ихъ боятся и почитаютъ, такъ что хотя бы пастухъ къ нимъ пріѣхалъ, всѣ выбѣгаютъ вонъ изъ юрты, встрѣчаютъ, довольствуютъ, провожаютъ, и сносятъ всякую обиду, какую бы ни показалъ Корякъ. Не слыхалъ я такихъ примѣровъ, чтобъ Сидячіе убили когда Оленнаго Коряка, чего ради Ясашные наши зборщики къ Олюторамъ никогда безъ нихъ, какъ безъ надежной обороны, не ѣздятъ; въ противномъ же случаѣ нерѣдко отъ несовершенно покоренныхъ бываютъ убиваемы; и сіе тѣмъ наипаче удивительно, что Сидячіе Коряки гораздо сильнѣе Олен-

ныхъ и отважнѣе. Но сего почтенія и опасности кажутся мнѣ двѣ причины: 1) застарѣлой обычай почитать богатыхъ, и служить имъ, который они можетъ быть имѣли будучи сами Оленными, такъ какъ и нынѣ убогіе Оленные Коряки. 2) Что они получая отъ Оленныхъ Коряковъ все свое одѣяніе раздражить ихъ опасаются, чтобъ не претерпѣть холоду.

Оленные Коряки всѣхъ ихъ называютъ своими холопами, а особливо Олюторовъ: ибо Олюторы испорченное имя изъ Коряцкаго *Алютоклаулъ*, что значитъ холопа. Да и сами Сидячіе Коряки почти отъ того не отрекаются. Одни Чукчи ихъ не почитаютъ, но вмѣсто того столь имъ ужасны, что двадцати человѣкамъ Чукочъ пятдесятъ Оленныхъ Коряковъ противиться не отважутся, и ежели бы не было имъ защищенія изъ Анадырска, то бы Чукчи раззорили ихъ до основанія, и изъ господъ всѣхъ бы претворили въ холопей, лиша табуновъ ихъ, принудя жить въ земляныхъ юртахъ, и питаться кореньемъ и рыбою, по примѣру Сидячихъ Коряковъ, какъ то въ 1738 и 1739 годахъ учинили они съ Капырскими и Апукинскими Коряками. Впрочемъ какъ всякой народъ имѣетъ предъ другимъ въ чемъ нибудь преимущество, такъ и у Коряковъ сіи особливыя

отъ Камчадаловъ добродѣтели, что они правдивы и трудолюбивы, знаютъ стыдъ, и отъ блудодѣянія удаляются, хотя можетъ быть и по неволѣ.

Сколько родовъ Оленныхъ Коряковъ, и сколько числомъ ихъ, о томъ на Камчаткѣ не вѣдомо, потому что они подсудны Анадырскому острогу; однако думать можно, что сей народъ купно съ Сидячими, многочисленнѣе Камчадаловъ.

Живутъ по такимъ мѣстамъ, гдѣ моху довольно, которымъ питаются олени ихъ, не взирая на то, что водою и лѣсомъ скудно, а наипаче въ зимнее время: ибо они снѣгъ тогда вмѣсто воды́ употребляютъ, а варятъ мохомъ или сырымъ сланцомъ, котораго вездѣ довольно. Я могу сказать, что зимнее ихъ житье въ разсужденіи Камчатскаго гнусно и безпокойно. Въ юртахъ, съ которыми они часто кочуютъ, отъ сырыхъ дровъ, и отъ того, что земля отъ огня таетъ, до самаго по́лу такой дымъ, что человѣка на другой сторонѣ не можно видѣть, а притомъ столь ѣдкой, что непривычной глаза́ потеряетъ въ одинъ день. Я не могъ пробыть у нихъ ни пяти часовъ; и хотя между тѣмъ отъ дыму часто выходилъ вонъ изъ юрты, однако безъ глазной болѣзни не обошелся.

Юрты у нихъ подобны юртамъ другихъ Кочевныхъ народовъ, каковы напримѣръ Калмыцкія, токмо гораздо меньше. Зимою покрываютъ ихъ олеными новыми кожами для тепла, а лѣтомъ старыми ровдугами, которыя юртовыя крышки *гума́ми* называются. Внутри юртъ ихъ нѣтъ никакихъ половъ, ни перегородокъ, токмо по срединѣ четыре колышка съ поперечинами вколочены, между которыми огнище. Къ колышкамъ обыкновенно привязываются собаки, которыя во время стряпанья и изъ котловъ мясо таскаютъ, и съ лотко́въ, когда оное вынимается, не смотря на то, что хозяйки бьютъ ихъ уполовникомъ и отнимаютъ. При чемъ сіе можно утвердить за истинну, что крайній голодъ человѣку надобенъ, чтобъ ѣсть мясо ихъ варенія. Котелъ и лотки у нихъ вмѣсто мытья собаки лижутъ; бабы и собакъ бьютъ уполовникомъ, и въ котлѣ мѣшаютъ; мясо немытое въ шерсти какъ въ кожѣ, а о чистотѣ стряпающихъ и упоминать нѣчего.

Чукоцкія зимнія юрты въ разсужденіи ко́поти не лучше Коряцкихъ, однако въ томъ имѣютъ преимущество, что весьма теплы. Дѣлаются на подобіе Камчатскихъ въ землѣ, но несравненно больше: ибо живутъ въ нихъ

по множеству народа (1). Каждая семья имѣетъ особливой свой пологъ изъ оленьихъ кожъ, въ которыхъ пологахъ и сидятъ и спятъ. Во всякомъ пологу денно и нощно огонь горитъ въ поставленной среди полога плошкѣ. Жгутъ жиръ различныхъ морскихъ звѣрей, а вмѣсто свѣтильни мохъ употребляютъ. И хотя для выходу копоти оставляется на верху продушина, однако такой же дымъ бываетъ, какъ въ Коряцкихъ юртахъ, но при томъ столь тепло, что въ холодныхъ оныхъ и самыхъ сѣверныхъ мѣстахъ бабы сидятъ всегда нагія, какъ выше показано,

(1) По замѣчанію спутниковъ Капитана *Биллингса*, зимнія юрты сидячихъ Чукочъ походятъ на Алеутскія; внутренняя ихъ часть имѣетъ видъ продолговатаго четвероугольника, и довольно пространа; сводъ надъ юртою дѣлается изъ китовыхъ ребръ и жердей, покрывается травою, дерномъ, и засыпается землею; входъ въ юрту сверху сквозь малое отверстіе. По срединѣ юрты находится очагъ изъ четырехъ большихъ камней; на ономъ разводятъ огонь для варенія только пищи; за неимѣніемъ дровъ жгутъ китовыя кости, поливая ихъ время отъ времени рыбьимъ жиромъ. Лѣтомъ живутъ сидячіе Чукочи сверхъ земли въ шалашахъ, сдѣланныхъ изъ китовыхъ ребръ и жердей, и покрытыхъ кожами морскихъ звѣрей; оные очень малы и къ зимѣ разбираются. В.

прикрывъ токмо срамъ свой пятою, красуясь узорами на тѣлѣ, какъ бы богатымъ или покойнымъ платьемъ.

Платье всѣ носятъ изъ оленьихъ кожъ, въ которомъ нѣтъ никакой отмѣны отъ Камчатскаго; ибо и Камчадалы отъ нихъ же получаютъ оленье платье, какъ уже выше объявлено.

Питаются мясомъ оленей, которыхъ у богатыхъ Коряковъ тысячь по десяти, по тридцати и больше, а у Тоіона Этеля Сопляковa сына до 100000 считаютъ, однако при всемъ томъ они столь скупы, что оленя для себя убить жалѣютъ, а довольствуются звѣроядиною и мертвечиною, чего въ такомъ великомъ множествѣ случается со излишествомъ. Госхожимъ гостямъ не стыдятся они говорить, что у нихъ подчивать нѣчемъ, для того что по ихъ несчастію олени у нихъ не падутъ, и отъ волковъ не давятся. Для другихъ убиваютъ оленей, и въ то только время сами до сыта наѣдаются. Впрочемъ они не доятъ своихъ оленей, и молокомъ пользоваться не знаютъ.

Ѣдятъ наибольше вареное мясо, а за излишествомъ сушатъ и коптятъ въ юртахъ. Лучшая у нихъ пища *Янгаю*, которая слѣдующимъ образомъ приготовляется. Когда

убивают оленя, тогда кровь из него вливают в желудок с калом, и положа оленьяго жиру сбивают вмѣстѣ, и нѣсколько времени квасят, пóслѣ того коптят, и ѣдят вмѣсто калбасов копченых. Козаки называют оную пи́щу *Манялом*, и многіе ѣдят похваляя. Ѣдят же Коряки и других звѣрей, каких ни промыслят кромѣ собаки да лисицы.

Трав, коренья и коры с дерев не употребляют в пи́щу, развѣ бѣдные, и то в случаѣ голода; рыбу одни пастухи ловят, и то весьма мало. Ягод в зиму не запасают же, но токмо ѣдят в лѣтнее время. Бóльшей сладости в пищѣ понять не могут, как голубица толченая с оленьим жиром и сараною. Мнѣ самому случилось видѣть, как знатной Корядкой князец, которой пріѣжжал в Болшерѣцкой острог по случаю, дивился, когда дали ему сахару. Сперва назвал он его солью, но как ему прикушать велѣли, то он изумился от такой чрезвычайной сладости, и хотѣл отвезти его нѣсколько женѣ своей для опыта, однако не имѣл столько терпѣливости чтоб не истратить его в дорогѣ: ж нѣ своей хотя он и клялся, что ему в Россійском острóгѣ дана такая сладкая соль, которой он ни к чему примѣнить не мо-

жетъ, однако она ему въ томъ не повѣрила, утверждая, что ничего на свѣтѣ не можетъ быть слаще объявленной толкуши.

Ѣздятъ на оленяхъ токмо въ зимнее время, а лѣтомъ, по примѣру Тунгусовъ верьхами, какъ сказываютъ, не умѣютъ ѣздить. Сани называются по ихъ *Ча́угу-уе́тикъ*. Длиною дѣлаются онѣ около сажени. Полозья подъ саньми шириною вершка въ полтретья, токмо у головашекъ, гдѣ загибается, нѣсколько у́же. Копылье изъ одного дерева гнутое прямо ставится, выключая передняго, которое нѣсколько назадъ наклоняется. При каждомъ копылѣ пришивается поперекъ брусочекъ, на брусочки кладутся во всѣ сани широкія дощечки вмѣсто нащеповъ, которые къ головашкамъ полозья прикрѣпляютъ. На каждомъ брускѣ по двѣ дырочки, сквозь которыя во всѣжъ сани батожки продѣваются. Какъ сіи батожки, такъ и до́ски назади изогнуты къ верху, и покрыты особливымъ нащепомъ; и такимъ образомъ бываютъ они будто съ козыремъ, въ которомъ мѣстѣ сидятъ обыкновенно женщины.

Впрягаютъ въ сани по два оленя. Лямки, которыми они тянутъ, подобны собачьимъ *Алакамъ*; надѣваются обоимъ оленямъ на правую лопатку. Праваго оленя потягъ или ремень къ лямкѣ привязанной прикрѣ-

пляется къ санной рѣшеткѣ близь правой стороны, а послѣ привязывается къ лѣвому нащепу, а лѣваго къ лѣвой токмо, а за правой нащепъ не утверждается. Потягъ праваго оленя долѣе лѣваго, чего ради правой олень не много впереди ходитъ, а оба по лѣвую сторону саней.

Узды оленьи подобны обратямъ конскимъ. У узды праваго оленя бываетъ на лбу по три и по четыре косточки на подобіе коренныхъ зубовъ съ четырьмя шипами, а накладываются на узду для того, чтобъ оленя на бѣгу остановить скорѣе; ибо въ такомъ случаѣ Корякъ крѣпко за узду тянетъ, а шипами оленя въ лобъ колетъ, и удерживаетъ отъ бѣгу. У узды лѣваго оленя нѣтъ такихъ зубовъ, ибо въ немъ нѣтъ большей силы; ибо когда правой остановится, то не побѣжитъ и лѣвой.

Корякъ сидитъ на саняхъ близь головашекъ, и правитъ ихъ уздою; когда вправо поворотить надобно, то узду токмо дергаетъ, а когда влѣво, то хлещетъ ею оленя по всему боку. Погоняютъ ихъ тонкою палкою длиною аршина въ полтора или и долѣе, у которой на одномъ концѣ костяная головочка, а на другомъ крючокъ. Головочкою оленей бьютъ, а крючкомъ отдѣваютъ потяги, когда оленю заступить случается.

Такія палочки по тамошнему *клюсками* называются.

Оленные сани, по Коряцки *Ча́уку уе́тикъ*, какъ уже́ выше объявлено, рѣшетка *гы́ву*, брусочки *уякау*, головки у саней *гы́погынгенъ* или *я́кыи*, копылье *гынгу*, мѣсто, гдѣ сидятъ женщины, *мо́ингенъ* (хвостъ) узда праваго оленя *коилгненъ*, лѣваго *явилиганъ*, потяги *илгенъ*, ключка *ело́ель*, головка на ней *ты́мпету*, крючокъ на ней же *ка́лнкалъ*.

Ѣзда на оленяхъ скорѣе собачьей; на хорошихъ можно легко переѣхать въ день полтораста верстъ, токмо часто кормить ихъ должно, и часто останавливать на дорогѣ, чтобы мочились; а въ противномъ случаѣ въ одинъ день такъ испортятся, что или къ ѣздѣ будутъ негодны, или издохнутъ.

Оленей къ ѣздѣ приучаютъ какъ коней. Самцовъ ѣжжалыхъ кладутъ, перекусывая сквозь ровдугу жилы на ядрахъ, а ихъ не вынимаютъ. Олени всѣ вмѣстѣ пасутся, и неѣжжалые и ѣжжалые. Когда *Коряку* надобно однихъ отъ другихъ отдѣлить, то сгоняетъ онъ весь табунъ въ одно мѣсто, и кричитъ изо всего горла кусая ключу свою, отъ котораго крику олени съ возможною скоростію на двое раздѣлются. Ежели которые не въ свою ста́ю замѣшаются, тѣхъ бьютъ немилосердо.

Есть олени и у Сидячихъ Коряковъ, токмо у рѣдкихъ и не помногу, а употребляютъ они ихъ токмо для выѣзду. У Чукочъ ихъ табуны превеликіе, однако они не взирая на то больше морскими звѣрями питаются. Естьли Корякъ лишится своихъ оленей, то бѣднѣе Камчадала бываетъ. Нѣтъ ему другаго способа къ пропитанію, какъ задаться въ пастухи къ богатому, ибо рыбы онъ промышлять не умѣетъ, а хотя бы и могъ по нуждѣ, то не льзя лодками, сѣтьми и собаками завестися въ скорости, а въ пастухахъ пища ему и платье готовое; при томъ естьли у него малое число своихъ оленей, то можетъ онъ пасти ихъ съ хозяйскими, и не употребляя себѣ на пищу расплодить со временемъ нарочитое стадо.

Коряки на оленей своихъ и на кожи ихъ вымѣниваютъ у другихъ народовъ самыхъ лучшихъ тамошнихъ дорогихъ звѣрей, которыхъ у многихъ Коряковъ такое множество, что возятъ ихъ съ собою чемоданами; напротивъ того у Сидячихъ Коряковъ и Камчадаловъ сотой человѣкъ имѣетъ въ запасѣ лисицу или соболя.

Въ разсужденіи вѣры своей Коряки такіежъ невѣжды, какъ Камчадалы, буде не ху-

же; по крайней мѣрѣ тотъ Князекъ, съ которымъ мнѣ случилось разговаривать, не имѣлъ о Богѣ понятія. Дьяволовъ, которыми населены, по ихъ мнѣнію, рѣки и горы, почитаютъ больше для того, что ихъ боятся. Сидячіе Коряки признаваютъ богомъ Камчатскаго Кутта.

Жертву приносить уреченнаго времени не имѣютъ, но когда имъ вздумается, тогда убиваютъ оленя или собаку, которую со всѣмъ на колъ втыкаютъ, и оборачиваютъ рыломъ къ востоку; а отъ оленя одну голову, да часть языка. Но кому сію жертву приносятъ, сами не знаютъ, токмо приговариваютъ: *Ваіо коїнгъ якнилалу гангева*, то есть: *на тебѣ, да и намъ что нибудь пошли*. Котораго оленя или собаку отсулятъ бѣсамъ, тѣхъ убивъ повергаютъ со всѣмъ на землю.

Горамъ и рѣкамъ, гдѣ по ихъ суевѣрію живутъ дьаволы, жертву даютъ тогда, когда случается проходить мимо ихъ. Не дошедъ за нѣсколько, колютъ оленя, и съѣдаютъ, а головную голую кость взоткнувъ на колъ оборачиваютъ къ мнимому дьявольскому жилищу.

Ежели Коряки убѣгаютъ отъ какой нибудь болѣзни, которая имъ опасна покажется; то убиваютъ они собаку, и растянувъ

на двухъ шестахъ черева ея, межъ нихъ проходятъ.

При жертвоприношенiи шаманы или волхвы ихъ бьютъ въ бубны, которые подобны Якутскимъ и другихъ тамошнихъ языческихъ народовъ. Но платья особливаго не имѣютъ шаманы, какъ у прочихъ язычниковъ. Есть же шаманы и у Коряковъ Сидячихъ, которые почитаются и за лѣкарей; ибо они бьютъ въ бубны и въ случаѣ болѣзней, чемъ оныя по ихъ суевѣрiю отгоняются. Впрочемъ сiе весьма удивительно, что нѣтъ такого дикаго народа, въ которомъ бы шаманъ не лукавѣе другихъ былъ. 1739 году случилось мнѣ видѣть въ Нижнемъ Камчатскомъ острогѣ славнаго Укинскаго шамана, именемъ *Карымляча*, котораго не токмо тамошнiе язычники, но и козаки за великаго знатока почитаютъ, наипаче для того, что онъ колетъ себя ножемъ въ брюхо, и пьетъ кровь свою; однако все оное было толь грубой обманъ, что всякому бы можно было примѣтить, естьли бы кто не былъ ослѣпленъ суевѣрiемъ. Сперва билъ онъ нѣсколько времени въ бубенъ на колѣняхъ своя, послѣ того ножемъ кололъ себя въ брюхо, и выманивалъ рукою кровь изъ раны, коей не было; наконецъ таскалъ изъ подъ шубы по цѣлой горсти крови, и ѣлъ

облизывая персты. Я между тѣмъ доволь-но смѣялся, что онъ свое дѣло такъ худо знаетъ, что къ нашимъ Ташеншпилерамъ не годится и въ школу. Ножъ, которымъ онъ колоть себя притворялся, спускалъ онъ внизъ по брюху, а кровь вынималъ изъ пузыря, которой былъ подъ пазухою. По окончаніи шаманства надѣялся онъ насъ привесть въ удивленіе, чего ради поднялъ свою куклянку, и показалъ кровью вымаранное брюхо, увѣряя насъ, что кровь оная, которая была изъ нерпы, текла изъ его брюха, а рану изцѣлилъ онъ своимъ шаманствомъ. При томъ сказывалъ намъ, что дьяволы приходятъ къ нему изъ различныхъ мѣстъ и въ различномъ видѣ, иные изъ моря, иные изъ горѣлой сопки, иные большіе, а иные малые, иные безрукіе, иные обгорѣлые, а другіе о полубокѣ. Морскіе прочихъ богатѣе и въ платьѣ изъ травы шелковника сдѣланномъ, которая по рѣкамъ ростетъ: а онъ ихъ какъ во снѣ видитъ, для того что, когда они приходятъ къ нему, тогда мучатъ его столь жестоко, что онъ бываетъ почти внѣ ума.

Ежели такой шаманъ больнаго лѣчитъ, то по шаманствѣ предписываетъ, чѣмъ болящему выпользоваться можно; иногда приказываетъ ему убить собаку, иногда ста-

вить внѣ юрты прутье и другія тому подобныя бездѣлицы. Собакъ въ такомъ случаѣ колютъ въ бокъ ножемъ или копьями, а держатъ ихъ по два человѣка, одинъ за голову, а другой за хвостъ. Убитыхъ втыкаютъ на колъ, и ставятъ оборотя рыломъ къ горѣлой сопкѣ.

Оленные Коряки не имѣютъ праздниковъ, а Сидячіе празднуютъ въ одно время съ Камчадалами, но кому и для чего, столь же мало вѣдаютъ, какъ и Камчадалы. Вся причина состоитъ въ томъ, что предки ихъ такъ поступали. Праздникъ недѣли по четыре продолжается; между тѣмъ они ни къ себѣ никого не пускаютъ, ни сами не ѣздятъ, и никакой работы не дѣлаютъ, но ѣдятъ довольно, и веселятся, бросая въ огонь отъ всякой ѣствы по малу въ даръ горѣлой сопкѣ.

Въ другихъ дѣлахъ такіежъ они невѣжды, какъ и въ законѣ. Раздѣленіе времени на годы и мѣсяцы имъ неизвѣстно, токмо знаютъ четыре времена въ году, и лѣто называютъ *Алáалу*, зиму *Лáкалянгъ*, весну *Ки́ткетикъ*, а осень *Гéтига*. Вѣтрамъ не болѣе какъ четыремъ имѣютъ названія: Восточной вѣтръ по ихъ *Кóнгекатъ*, Западной *Гéипекывгъ*, Сѣверной *Гыгигольioioa*, Южной *Еýтельioioa*. Изъ звѣздъ знаютъ большаго

медвѣдя, котораго называютъ дикимъ оленемъ, на ихъ языкѣ *Елце-кыгингъ*; Плеяды или утячье гнѣздо *Атага*; Оріонъ *Юлтаутъ*, криво уронилъ; Юпитеръ *Ичиваламакъ*, красная стрѣла; Млечной путь *Чигей-ваемъ*, дресвяная рѣка.

Разстояніе мѣстъ счисляютъ по днямъ, такъ какъ Якуты по днищамъ, то есть, во сколько дней отъ одного до другаго мѣста перекочевать можно, а на каждой день можно положить отъ тридцати верстъ до пятидесяти. У богатыхъ разстояніе одного дня больше, нежели у бѣдныхъ: для того что они надѣются тѣмъ доказать, что у нихъ олени хорошіе, когда они со всѣми своими тяжестьми и съ домомъ столько могутъ переѣхать, сколько бѣдные налегкѣ, по причинѣ худыхъ оленей.

Владѣльцовъ до покоренія Россійскому скипетру у нихъ не было, по томъ власть нѣкоторую имѣлъ тотъ, кто былъ оленьми богатѣе; чего ради и незнали они до тѣхъ поръ, что есть присяга. Козаки приводятъ ихъ къ присягѣ вмѣсто креста и Евангелія къ ружейному дулу съ такимъ объявленіемъ, что тому не миновать пули, кто присягаетъ не искренно. Такимъ же образомъ и сумнительныя дѣла рѣшатся; ибо виноватой будучи увѣренъ, что заряженое ружье

убьетъ за неправду, охотнѣе признавается, нежели предается въ чаемую опасность жизни. Въ другихъ случаяхъ клятвы у нихъ нѣтъ больше, какъ *Инмоконъ кеимъ метынметикъ*, то есть: *правда, что я тебѣ не солгу.*

Учтивства въ словахъ и поздравленія не знаютъ; гостéй, кто къ кому прiѣдетъ, не встрѣчаютъ, но поступаютъ съ ними какъ большие господа съ подчиненными. Гость выпрягши своихъ оленей сидитъ на саняхъ ожидая хозяйскаго повелѣнія войти въ его юрту какъ на аудіенцію; однакожъ соизволеніе хозяйское не отъ самаго хозяина объявляется, но отъ жены его такими словами: *Елкó*, то есть: *въ юртѣ, или хозяинъ дома*. Какъ гость такимъ образомъ встрѣченный войдетъ, то хозяинъ сидя на своемъ мѣстѣ говоритъ ему *коіонъ* (сюда); потомъ указываетъ мѣсто, гдѣ сѣсть, съ такимъ учтивствомъ, *катвáганъ*, то есть: *садись.*

Въ подчиванѣ гостей наблюдаютъ токмо то, чтобъ ихъ удовольствовать, а по Камчатскому обычаю не поступаютъ, чтобъ гостей принуждать къ объяденію. Лучшее кушанье жирное мясо и маняло: и сіе не недостойно примѣчанія, что всѣ дикіе и кочевные народы жиръ почитаютъ за пріятнѣйшее кушанье. Якутъ дастъ себѣ глазъ

выколоть за жирную кобылятину, а Чукча за жирную собаку. Якутъ хотя вѣдаетъ, что лишится всего имѣнія, ежели украдетъ скотину, однако не взирая на то не удержится отъ жирной кобылы, и въ случаѣ нещастія тѣмъ утѣшается, что онъ ѣдалъ жирную кобылятину.

Воровство у всѣхъ дикихъ народахъ кромѣ Камчадаловъ похвально, только бы оно было не въ своемъ родѣ, и такъ искусно, чтобъ не быть пойманнымъ; въ противномъ случаѣ поступается жестоко, не за кражу, но за неумѣніе. Чукоцкая дѣвка не можетъ себѣ получить мужа, ежели въ воровствѣ не окажетъ искуства.

Смертноубійство въ своемъ же родѣ токмо опасно, для того что сродники не оставляютъ убіеннаго безъ отмщенія, а впрочемъ ни кому до того нѣтъ нужды.

Всего достохвальнѣе въ семъ народѣ то, что они дѣтей своихъ хотя и чрезмѣрно любятъ, однако издѣтска къ трудамъ приучаютъ; чего ради и содержатъ ихъ не лучше холопей, посылаютъ по дрова и по воду, приказываютъ на себѣ носить тяжести, пасти оленьи табуны, и другое тому подобное дѣлать.

Женятся богатые на богатыхъ, а скудные на скудныхъ, не взирая на разумъ и на

пригожство. Женъ берутъ наиболѣе изъ своего роду, двоюродныхъ сестръ, тетокъ и мачихъ, токмо не женятся на матеряхъ, на родныхъ дочеряхъ, на родныхъ сестрахъ и на падчерицахъ. Невѣстъ хватаютъ по Камчатски, чего ради и малолѣтныхъ, которые не могутъ хватать невѣсты, не женятъ.

Жениху, каковъ бы кто богатъ оленьми ни былъ, должно работать за невѣсту отъ 3 до 5 лѣтъ, между тѣмъ вмѣстѣ имъ спать дозволяется, хотя невѣста и не схватана; въ прочемъ она до совершенія брачной ихъ церемоніи для обряду бываетъ по надлежащему опутана. При свадьбахъ не бываетъ у нихъ никакихъ, обрядовъ достойныхъ примѣчанія.

Женъ имѣютъ по двѣ и по три, и содержатъ ихъ по разнымъ мѣстамъ, давъ пастуховъ и табуны особливые. Все удовольствіе жизни въ томъ полагаютъ, чтобъ переѣжжая съ мѣста на мѣсто осматривать скотъ свой. При томъ сіе весьма удивительно, что Корякъ, счету почти незнающій въ великомъ множествѣ оленей, тотъ часъ примѣтитъ уронъ свой, и скажетъ, какого оленя нѣтъ и какою шерстью.

Наложницъ у нихъ нѣтъ, токмо нѣкоторые содержатъ коекчучей, которые по

ихъ *Кеіевъ* называются, однако не въ чести, какъ Камчадалы, но въ презрѣніи: ибо у Коряковъ за великую брань почитается назвать кого *Кеіевъ*.

Сидячіе Коряки по странному своему суевѣрію имѣютъ вмѣсто женъ простые камни: одѣваютъ ихъ въ платье, кладутъ спать вмѣстѣ, и временемъ шутятъ съ ними, и забавляютъ, какъ бы чувствующихъ забавы. Такихъ два камня получилъ я отъ Укинскаго жителя Скерача: одинъ изъ нихъ, которой называлъ онъ женою, былъ больше; а другой, которой сыномъ, былъ меньше. Большему имя *Яйтель-камакъ* (цѣлительной камень), а другому *Кáлкакъ*. А какимъ случаемъ и по какой причинѣ понялъ онъ такую достойную жену, разсказывалъ онъ мнѣ слѣдующее обстоятельство. Лѣтъ за десять былъ онъ въ огноищѣ немалое время; между тѣмъ будучи на рѣкѣ Адкѣ, которая течетъ въ Уку съ южно западной стороны отъ устья Уки въ 10 верстахъ, нашелъ онъ помянутой большей камень токмо одинъ, и какъ взялъ въ руки, то камень на него будто человѣкъ дунулъ. Онъ испужавшись бросилъ камень въ воду, отъ чего болѣзнь его такъ усилилась, что онъ лежалъ все то лѣто и зиму. На другой годъ принужденъ онъ былъ искать съ великимъ трудомъ объявленнаго камня,

и нашелъ его не въ томъ ужé мѣстѣ, гдѣ бросилъ, но далеко оттуда лежащей на плитѣ купно съ Калкакомъ или съ малымъ камнемъ, которые онъ взявъ съ радостію принесъ въ острогъ свой, и здѣлавъ имъ платье отъ болѣзни избавился, и съ того времени держитъ онъ ихъ у себя, и любитъ каменную жену паче настоящей, а Калкака всегда беретъ съ собою въ дорогу и на промыслы. Правда ли то, что каменная жена милѣе ему настоящей, утверждать не льзя; въ прочемъ то могу сказать, что онъ камни отдалъ мнѣ не съ охотою, не взирая на мои подарки: ибо говорилъ онъ, что онъ лишаяся ихъ лишается купно и здравія, которое отъ нихъ зависѣло.

Дѣтей своихъ безмѣрно любятъ, однако съ младенчества не нѣжатъ, какъ ужé выше объявлено. Какъ скоро родятся, то богатые отдѣляютъ имъ нѣсколько оленей на ихъ щастіе, которыми однакожъ не могутъ дѣти пользоваться до возраста совершеннаго.

Младенцамъ даютъ имена старыя бабы съ слѣдующимъ колдованіемъ. Ставятъ двѣ палочки, и перевязываютъ ниткою, на срединѣ вѣшаютъ на ниткѣжъ камень обвитой въ кожу каменнаго барана, а при томъ невѣдомо что шепчутъ, и спрашиваютъ у камня, какъ звать младенца, напоминая име-

на его сродниковъ, и на которомъ имени покачается камень, то бываетъ младенцу и имя.

Имена мужескія.	*Имена женскія.*
А́йга.	Я́кыи, головки у саней.
Ля́ктеле, возвращенъ.	Ямга, моровое повѣтріе.
Кыя́угынгенъ, пробужденъ.	Юимачь.
Ге́йчале.	Экымъ.
Ве́лля, воро́на.	Ва́галъ.
У́ммевы.	Ке́піонъ.
Я́каякъ, Чайка.	Каля́янъ.

Родильницы дней по десяти не выходятъ изъ юрты и не кажутся. При кочеваньѣ возятъ ихъ въ саняхъ закрытыхъ. Дѣтей кормятъ грудью до трехъ лѣтъ и больше, а по́слѣ приучаютъ къ мясу. Колыбелей и пеленокъ не знаютъ, но кладутъ ихъ на землѣ, а во время кочеванья возятъ ихъ за плечами и за пазухой.

Съ болящими водятся прилѣжно. Всѣ болѣзни шаманы лѣчатъ, какъ выше показано, а травами пользоваться не знаютъ.

Умершихъ тѣла́ сожигаютъ съ нижеписанными обрядами. Сперьва наряжаютъ ихъ во все ихъ лучшее платье, и отвозятъ на мѣсто сожженія на тѣхъ оленяхъ, кои

по суевѣрію ихъ умершимъ любы, кладутъ съ ними на великой костеръ дровъ всю збрую ихъ военную и домашнюю, то есть, копья, сайдаки, стрѣлы, ножи, топоры, котлы и прочая, и зажигаютъ. Между тѣмъ, какъ костеръ горитъ, колютъ они оленей, на которыхъ привозятъ мертвыхъ, и съѣдаютъ, а остатки въ огонь бросаютъ.

Любимыми оленьми почитаются, которые будучи впряжены въ сани перевозятъ ихъ чрезъ нарочно подложенной колъ безъ скрыпу полозья. Такимъ образомъ перемѣняютъ они подъ умершимъ паръ по десяти оленей, избирая угодныхъ. Лямки такимъ оленямъ кладутъ на лѣвыя плеча, а не на правыя, какъ сами ѣздятъ.

Поминовеніе усопшимъ бываетъ токмо однажды, спустя годъ по смерти ихъ. Сродники ихъ берутъ съ собою двухъ *каргинъ*, то есть неѣжжалыхъ оленей и великое множество оленьихъ роговъ, которые во весь годъ нарочно копятъ, и пришедъ на мѣсто сожженія, или на другое какое высокое мѣсто, когда мѣсто сожженія въ дальнемъ разстояніи, закалаютъ каргины и съѣдаютъ; а рога втыкаютъ въ землю, которые шаманъ во образъ табуна отсылаетъ къ умершему. При возвращеніи въ домы проходятъ между двумя прутами, которые ставятся нарочно

для очищенія, и шаманъ стоя при нихъ бьетъ проходящихъ прутомъ же, отговаривая, чтобъ умершіе ихъ къ себѣ не брали.

Что касается до другихъ обстоятельствъ и житія сего народа, то нѣтъ между ими и Камчадалами разности. Военное ихъ ополченіе, збруя, труды мужескіе и женскіе во всемъ сходствуютъ: ибо и Коряки побольшей части нечаянно нападаютъ на своихъ непріятелей, и военное ихъ оружіе состоитъ въ лукахъ, стрѣлахъ и копьяхъ, которые прежде сего изъ костей же и изъ камней дѣлали; и женщины ихъ въ такихъ же трудахъ упражняются какъ Камчадалки: ибо на нихъ лежитъ вся кожевная, портная и сапожная работа; токмо Коряцкія бабы и ѣсть варятъ, чего Камчадалки не дѣлаютъ. Кожи выдѣлываютъ онѣ лучше и мягче Камчатскаго, а вмѣсто икры намазываютъ ихъ оленьимъ каломъ. Шьютъ оленьими становыми жилами.

Оленьимъ кожамъ какъ отъ Россіянъ, такъ и отъ Коряковъ разныя названія. Рослыя кожи Россіяне *постелями*, а Коряки *наманъ* называютъ. Кожи большихъ оленей осенніе по Россійски *недоросьти*, а по Корядки *Гаингай-нагланъ*. Кожи телячьи, то есть, молодыхъ оленей по Россійски *пыжики*, а по Корядки *хаюй-налганъ*. Кожи выпоротыхъ

оленей изъ брюха по нашему *выпоротки*, а по ихъ *кѝлкаю юналганъ*. Замша по Россійски *ровдуга*, а по Коряцки *нагеиганъ*.

Главная разность сего народа отъ Камчадаловъ состоитъ въ языкѣ, въ которомъ по численію господина Стеллера три нарѣчія. Первымъ нарѣчіемъ или коренымъ языкомъ говорятъ Сидячіе Коряки у Пенжинскаго моря и Оленные, и сей языкъ выговаривается мужественно и крѣпко. Другое нарѣчіе, которое употребляется у Олюторовъ, и отъ Россіянъ вторымъ морскимъ Коряцкимъ языкомъ называется, весьма крѣпче помянутаго. Третіе Чукоцкое, которое выговаривается легче, мягче и съ свистомъ (1). Впрочемъ между всѣми нарѣчіями такое сходство, что Коряки, Чукчи и Олюторы безъ труда другъ друга разумѣть могутъ.

Но естьли Олюторское нарѣчіе почесть за особливое, то столько почти будетъ нарѣчій въ Коряцкомъ языкѣ, сколько острожковъ; ибо нѣтъ такого острожка, въ которомъ бы не было противъ другихъ знатной отмѣны; такимъ образомъ Укинской,

---

(1) Сіе есть нарѣчіе оленныхъ Чукчей; сидячіе же Чукчи говорятъ особеннымъ языкомъ, коего нарѣчія находятся въ Сѣверной Америкѣ, о чемъ будетъ ниже. В.

Карагинской, островной Карагинской и Чендонской могутъ назваться особливыми нарѣчіями. Я за коренной Корядкой языкъ почитаю тотъ, которымъ говорятъ Оленные Коряки, для того, что въ немъ нигдѣ нѣтъ большей разности, какъ можно видѣть въ собраніи Корядкихъ словъ подъ литерами А и Б. О прочихъ можно вообще сказать, что Сидячіе Коряки чѣмъ далѣе живутъ къ Сѣверу, тѣмъ чище говорятъ по Корядки, а чѣмъ далѣе къ Югу, тѣмъ больше Камчатскихъ словъ употребляютъ, и больше имѣютъ разности въ окончаніяхъ (1).

Для удовольствія любопытныхъ читателей прилагается собраніе словъ разныхъ Корядкихъ нарѣчій. Подъ литерою А содержатся слова Оленныхъ Коряковъ, которые живутъ въ Сѣверѣ. Подъ литерою Б слова́ Оленныхъ же Коряковъ, которые не въ давные годы лишась табуновъ своихъ поселились на рѣкѣ Авачѣ. Подъ литерою В слова́ сидячихъ Коряковъ, которые живутъ на Укѣ рѣкѣ (2), а подъ литерою Г слова островныхъ

(1) Нарѣчіе подъ литерою В, почесться можетъ болѣе Камчатскимъ нежели Корядкимъ. В.

(2) Рѣчка Ука течетъ въ рѣку Озерную, которая при Укинскомъ мысѣ устьемъ впадетъ въ Камчатское море. В.

Карагинцовъ. При чемъ надлежитъ вѣдать 1) гдѣ пишется глаголь съ палочкою на верьху (ґ), тамъ оной произносить должно какъ g Латинское; 2) гдѣ противъ словъ столба А въ столбѣ Б, или противъ словъ столба В въ столбѣ Г ничего не писано, но токмо точки поставлены, тамъ сходство въ словахъ разумѣется.

Собраніе словъ различныхъ Коряцкихъ нарѣчій.

	А	Б	В	Г
Богъ	А́нганъ	Ку́йкынияху	Куишху́нчучь	(не знаютъ)
Дьяволъ	Ка́ла, Я́ицетыга	Нингбетынга	Охшкана	Нимфитъ
Небо	Ія́ганъ.	Ха́пнъ	Ко́галь	Ши́лхенъ
Облака	Гингай.	Хе́шчаанъ	Ґычаанґыча	Шамка́жонъ
Вѣтръ	Кыпѐгъ.	Кытмыхъ		
Буря	Ка̀пвугынга́й	Уіалъ	Ше́пель	Гы́шхшачганъ
Дождь	Куму́хату.	Муха́пму	Е́чхучь	Куфы́лкишенъ
Снѣгъ	Калатыгъ.	Га́лаалъ	Ко́лаалъ	Ланґу́лкыша
Градъ	Не́клеуенъ.	Ни́келаутъ	Како́мчу	Кахо́хвахтынъ
Громъ	Кыйгала.	Кукы́гылаты	Кыгы́хличь	Кгы́галъ.
Молнія	Кумылгылатъ.	. . .	Абромшламчи	Ми́лхжеличь.
Солнце	Ты́йтыку.	. . .	Куле́ачь	Шага̀лхъ.

	А	Б	В	Г
Луна	Гейлыгенъ.	. . .	Цыкуеа-кулеачи	Шагалхъ.
Звѣзда	Леляпи-чанъ.	. . .	Еженпчь	Енгышъ.
День *	Галуй.	. . .	Галѣлъ	Телух-татъ.
Ночь	Никиныкъ.	. . .	Цыкуиль	Тенкиты.
Утро	Якамитыхъ.	. . .	Цымколели	Тушин-тнифкъ.
Полдень	Гинона-талу.	. . .	Кунпухи-лечьки	Хну - те-лухтатъ.
Вечеръ	Ангевинге.	Апбын-гытъ	Аатынуль	Тынгфоу-тыя.
Полночь	Агунна-кыта.	. . .	Кунну-ды-купиль	Хніу-тен-киты.
Годъ	Гивынъ.	Гевегын-танъ	Колколя-хляшъ	Тиханш-кикъ.
Земля	Нутеле-канъ.	. . .	Бышимтъ	Нуты-нютъ.
Гора	Наю.	. . .	Енжалхенъ	Мышанко-фи.
Пригорокъ	Генупнела-ку.	Генны-бетъ-кын	Пекухчудъ	Миган-кафи.
Огонь	Милыганъ.	. . .	Бильгы-мильчъ	Милханулъ.
Дымъ	Ипіцпъ.	Конгалатъ	Гажунгажъ	Тгатка.
Жаръ	Оенеганъ-Гемилгали.	Вылкавылъ гемылгитъ	Дичемтъ	Тханкалъ.
Вода	Мимелъ.	. . .	Ажамъ	Йинъ.
Поле	Гечыгынъ.	. . .	Ашхадъ	
Дорога	Кетвѣна.	Геатъ	Шижичъ	Шпшифи.
Лѣсъ	Уттуме-канъ.	Уттуутъ	Уудъ	Нгуфтлинъ

	А	Б	В	Г
Дерево	У́ттепель.	У́ттуутъ	У́а	Нгуфтъ.
Море	А́нканъ.	. . .	Е́жгу	Нюнгенъ.
Озеро	Гыттыгынъ.	. . .	Колхъ	Гычь.
Рѣка	У́еемъ.	. . .	Кигъ	Гы́хы.
Рѣчка	Каигоямпиль.	. . .	Кигы́чукочи	Гыхы́мтемъ
Источникъ	Акка́имель.	. . .	Ку́нчучукочь	Амла́итеу.
Песокъ	Ге́нчаамъ.	. . .	Быжымтъ	о о о
Грязь	Геме́лкенъ.	Ла́кавелла	Итка́нъ	А́улхафе.
Каменъ	Гу́гунъ.	. . .	Куа̀лъ	о о о
Золото, Серебро	не знаютъ.			
Мѣдь	Теттелу	Те́че Пылгуитенъ	Не знаютъ, но все желѣзомъ называютъ съ прибавленіемъ цвѣту металла, напримѣръ: красное, бѣлое и проч. такъ какъ и другіе Коряки.	
Тазовая мѣдь	Утте́лигеля	Нуутелякъ-пылгуитенъ		
Олово	О́тага-пылгуитенъ. плавкое желѣзо.	. . .		
Свинецъ	Ми́лгама.			
Желѣзо	Пылгу́нтенъ.	. . .	Ва́лачь	Вала́валъ.
Сталь	Маль-пылгуитенъ.	Ныттаканъ-пылгу́итенъ	(и сіе слово, новое,	у нихъ не знаютъ)
Человѣкъ	Уи́мтагула	. . .	Келго́ла	Ота́мчагалъ.
Отецъ	Е́мписъ	. . .	Епъ	Па́па

	А	Б	В	Г
Мать	Е́лла	. . .	Иля́	Е́лли.
Сынъ	А́кыкъ	. . .	Пе́ечъ	Икуку.
Дочь	Нгава́кыкъ	. . .	Укчи́пеечь	Гуфикуку.
Братъ большой	Енинеція	Ени́нела	Е́чежъ	Енинихшъ.
— меньшой	Етча́нги	Елла́нги	Е́лчекочь	Ни́нихшъ.
Сестра большая	Енинель-чакыгетъ	. . .	Ечичь	Гуф-тю́мшъ.
— меньшая	Ича́нги-ча-кыгетъ	. . .	Ечи́чекочь	Ни́нихшъ.
Мужъ	Хуя́кучь	. . .	Ке́нгиль	И́ихсли-хылшъ.
Жена	Пе́гуенъ	. . .	Ди́нгычь	Ны́фныхшъ
Младенецъ	Ло́вела	Каякыми́н-генъ	На́камхачь	Ику́кумшъ.
Отрокъ	Ка́якаплъ	. . .	Кога́мна-ханкачь	Уя́кли-кафтъ.
Отроковица	Хая́нгаба-кыкъ	Хая́нга-бышкутъ	Ухчи́мкачь	Уфта́ю-канъ.
Господинъ	Аймаклау	Аймачанъ	У́нжачучь	Афы́л-тнафа
Слуга	У́иняпиль	У́инги	Коа́лу	Муша́х-тамнъ.
Служанка	Елю́тен-гинъ	Пуе́льпилъ	Охчяко́алу	Нгафа́ла.
Голова	Ле́утъ	. . .	Колчъ	Те́инакалъ.
Волосы	Кычигу̀й	. . .	Челгадъ	Ла́ухчахъ.
Борода	Лелу̀	. . .	Елунъ	Ли́люфъ.
Глаза	Лела́шъ	. . .	Еледъ	Е́ллифа.
Уши	Вилютъ	Вилю́ги	И́люд	Флюфи.
Носъ	Е́нигыл-тамъ	. . .	Каяко́	Е́ику.

	А	Б	В	Г
Ротъ	Икы́инге̄нъ	. . .	Ша́кша	Ше́кшенъ.
Губы	Уамы́лкалугенъ	. . .	Кумоонъ	Ганю́лкалъ.
Языкъ	Гі́игелъ	. . .	Ептчилъ	Ла́кша.
Щоки	Ва́лкалты	Е́лпу	Ене́лудъ	Люхлю́хуфе.
Подбородокъ	Пее́	Ку́лпынилипу	Пе́гыша	(не знаютъ)
Плечо	Ге́лпылге̄нъ	. . .	Тенодъ	Тыла́нкаланъ.
Рука	Ма́ннагилгенъ	. . .	Шотдигъ	Ко́нменегланъ
Перстъ	Ге̄лыгатъ	Ге̄лу́гу	Кикӗчь	Ты́лхуфи.
Грудь	Ма́чу	У́ачимъ	У́ая	Вашанхашъ.
Сердце	Ли́инге̄линъ	. . .	Нугу́лгу	Ла́нпага.
Брюхо	На́нканъ	. . .	Ке́лидка	На́нкнангъ.
Чере́ва	Ги́гынгъ	. . .	Ши́гыжидъ	Ши́хши.
Пузырь	Епты̀учинин	. . .	Дыколишъ	Ичичи.
Тайной удъ мужеской	Алка	. . .	Ка́ллака	Е́лка.
Женской	Пе́нненъ	. . .	Коніонъ	У́ата.
Спина	Ка́пшынъ	Гі́илакъ	Ка́ланге̄	Ишкипкашъ
Ноги	Гы́ткатъ	. . .	Ка́тхадъ	Хтка́фе.
Платье Руское	Маны́гӣчанъ	. . .	Коа́быжъ (ихъ шубы)	Куклянка.
Шапка	Пе́нке	. . .	Га́лалючь	Ке́лламъ.
Штаны	Хона́иты	. . .	Ку́е	К[illegible]шкашъ.
Чулки	Па́меадъ	. . .	Пайманъ	Ана́нгпаміафъ.
Торбасы, ихъ обувь	Пла́ку	. . .	Чи́лхенъ	о о о

	А	Б	В	Г
Острогъ	Уина		Шулдъ	не знаютъ
Заимка	Каинем-пиль	Каниму	Адымчанъ	не знаютъ
Юрта	Яянга	. . .	Кистъ	Шиштiу.
Дверь	Тылатылъ	. . .	Духчечъ	Тахшангъ.
Постеля	Анкулъ	. . .	Лажунчь	Аначь.
Котелъ	Кукеенга	. . .	Кукъ	(не имѣютъ)
Кужня	Хаманга	Уилганъ	Бумбу	Ксо.
Ножъ	Уала	. . .	Уалачь	Валавалъ.
Ложка	Упнъ	. . .	Кептъ	Каликалъ.
Лукъ	Игитъ	. . .	Ечетъ	Иштъ.
Стрѣла	Макымъ	. . .	Калхъ	Макма.
Сани	Уетикъ	. . .	Шишидъ	Гатхы.
Лодка	Аттвутъ	. . .	Котхымъ	о о о
Веревка	Игелытъ	Учигы	Анашелъ	о о о
Топоръ	Аалъ	. . .	Коашу	о о о
Узда оленья	Хоилгенъ	. . .	(имени нѣтъ)	Ахъ-келкнявель. Тожъ узда собачья
Трава	Уиай	. . .	Шилшилъ	Шишишифи
Корень	Кинмакинъ	. . .	Пынгылдъ	о о о
Листъ	Гутуутъ	. . .	Бехлумель	о о о
Мясо	Хоятаулъ	. . .	Талтъ	Тоултулъ.
Рыба	Еннаакъ	Енноенъ	Ипчудъ	Тагатага.
Икра	Лелкитенъ	. . .	Куичунгъ	Алиянгфъ.
Соль	Анкамемиль	новыя имена	не знаютъ	
Вино	Екамемиль	Мемiлюгаканъ	не знаютъ	

	А	Б	В	Г
Сытой	Гегéюли	Гынгеіукъ	Тымгáуши	Тынгéюкъ.
Голодной	Купи́ла-гетъ	Гештагин-генъ	Екýжичь (ѣсть хо-чу)	Текш-ты́нглшъ
Жаждущій	Немéега-шекопанъ	Ткóпаанъ	Ты́кушху-жикъ (пить хо-чу)	Тáмх-шингъ.
Пьяной	Гéллелали	Тыкулле-лаатъ	Тыапкожкъ	(не зна-ютъ)
Пить	Ми́гучикъ	Кýики	Би́гыликъ	о о о
Ѣсть	Мéвупкъ	Кóтуа	Бáлолкъ	о о о
Спать	Мі́илка-тыкъ	Кейлкашъ	Бунгуяку, (спать хо-чу)	Мамфыл-кышкъ.
Говорить	Камы́гуму-гатъ	. . .	Кажинухш-хажикъ (говорить хочу)	Пáнлкукъ.
Молчи	Кыгýмагы	Кáуштвы-гы	Куи́шу-жихчь	Тинг-чингъ.
Ѣхать	Кыгé-кен-гелаты	Мынáла-кала	Кошхъ кокшха-жикъ ѣхать на собакахъ)	Мы́лка-тыкъ áт-хо.
На оленяхъ ѣхашь	Коáша-Кыгéнкен-гелаты	Аштака-ганъ Мынала-кала		
Итти	Віичита-халкатъ	Мыннагá-каула	Алты́н-гылшкъ	Тингчингъ.
Я стою	Гымма-тыкотвела	. . .	Кемъ-ты-жи́лижкъ	Гамъ-теп-фитлягачь
Ты стоишь	Гыча-Кóт-вела	. . .	Кыже-жи-шунъ	Гежъ-Тфи-тлягачь.

	А	Б	В	Г
Онъ стоитъ	Енноль-Котвела	. . .	Дугудъ-жишичь	Гешігуиш-кинъ Тфитлягачь
Мы стоимъ	Мую-Мыткошвелалэ	. . .	Бужъ-Лижилишумкъ	Мушханшенъ Тетфитлягачь.
Вы стоите	Тучу, или Тую, котвелада	. . .	Шуже-жилижъ	Туш-хантъ-Тфитлягачь
Они стоятъ	Ичу коппвелала	. . .	Тылу-Ежиличижъ	Ичантъ-Тфитлягачь
Сплю	Тыкуплкатъ	. . .	Тунгуникулшкъ	Танфилгалятъ.
Вижу	Тыкулогонъ	. . .	Тылшижкъ	Тухчаганъ.
Не вижу	Елауки-Тыкунтыгь	Унига Еплкатке	Каалчкохъ-Тынхлижа	Ухеклятахъ
Смѣюся	Тыкаачачигатыкъ	. . .	Тыделишхылжкъ	Тытанкычь.
Плачу	Тыкотеингатынъ	. . .	Туелижкъ	Тахтытфатъ.
Бѣлой	Ніліакынъ	. . .	Датхало	Ляплянъ.
Черной	Нуукынъ	. . .	Дыжаелунгъ	Лвулклекъ.
Красной	Ничичакынъ	. . .	Чачалъ	Литамфлі.
Зеленой	Аплеля	Нуутелякъ	Духлкараллo	Ихчичи.

	А	Б	В	Г
Синій	Нуутéли-гыякъ	Нýукынъ	Килхтке-жу	(не знаютъ)
Желтой	Лилиль . .	. . .	не знаютъ	Шéмечемъ.
Большой	Немéянкынъ	. . .	Кутхóл-лунъ	Лукáклинъ.
Малой	Éппулукынъ	. . .	Куáмка-лунъ	Лáмклинґамтъ.
Высокой	Негенґелохенъ	Нíулакынъ	Дáшелу	Лыхнóланъ.
Низкой	Дигыштаkы	Нíутакынъ	Дыжулу	Лю́хтлю.
Свѣтлой	Нéчигакынъ	. . .	Дáтхылу	Лáтхплянъ.
Темной	Нувýткакынъ	. . .	Ухтà	Лвýлклинґъ.
Теплой	Нóмкынъ	. . .	Нóмлинґъ	o o o
Студеной	Накáялґакынъ	Ничаккынъ	Дыкéилинґъ	o o o
Мокрой	Гíиткаяули	Нíилакынъ	Кыжýалингъ	Жегáпалька.
Сухой	Гавáлпинъ	Никúчигакынъ	Дéмелингъ	Гы́кшкытыинъ.
Живой	Кукíюлаатпу	. . .	Кыжунылинъ	Ю́лгачь.
Мертвой	Вíала	. . .	Úжа	Вúсигла.
Рано	Чýтча-кымы́тты	. . .	Бенкóманъ	o o o
Поздо	Айґыбынґеты	. . .	Ухтà (темно)	o o o
Сего дня	Учéчинъ	Éчиґы	Дéнґу	Ингутъ.
Завтра	Мíиныу	. . .	Дымколаку	Гáслунгатъ.

	А	Б	В	Г
Послѣ завтра	Митуянния-кынякъ	Гольинъ-миттынъ	Колашажъ	(не знаютъ)
Вчера	Аигыве	. . .	Еатынумъ	Тингфи.
Третьяго дня	Явеколеалъ	Нгiiокаллу-гуннъ	Колгатажъ	(не знаютъ)
Впередъ	Янотынъ	. . .	Дуклкъ	Нутѣлганъ.
Назадъ	Явалетъ	Явалъ	Шалкъ	Калгышил-кышъ.
1	Енненъ	. . .	. . .	Иншинякъ.
2	Нiнегъ	. . .	. . .	Ниттякавъ.
3	Нiокынъ	. . .	. . .	Нгжокавъ.
4	Нiакенъ	. . .	. . .	Нгжакавъ.
5	Мылленге	. . .	счи-	Мынланка.
6	Еннанъ-мылленге	. . .	. . .	Ингыана-шитъ.
7	Нiаколе-тенгакъ	. . .	сленiе	Нгытт-тыака-шитъ
8	Нiоколе-менгакъ	. . .	. . .	Нгышо-акашитъ
9	Хоняан-чиканъ	. . .	все	Нгышаака-шитъ
10	Мынни-гыткенъ	. . .	. . . ни	Тамалгаша.
11	Мынни-гыткенъ-Енненъ	Енненъ-копаюланги	. . .	Прочее по
12	— Нiiегъ	Нiiегъ-копаюланги	вѣчемъ	примѣру
13	— Нiокынъ	Нiокынъ		Коряковъ людьми

	А	Б	В	Г
19	Мынни- гыткенъ- хонянни- чинканъ	Хонян- чинкавъ- копа́юлаиги	отъ	считаютъ, какъ:
20	Олъ-ка- лыкъ (цѣлой	Оппа-калау человѣкъ)	сѣверныхъ	двадцатъ, одинъ чело-
30	Калы́ка- мынны- гы́ткенъ	Ніокы- мынны- гыткенъ	Кам-	вѣкъ, а по
40	Ніегъ-ка́- лаулатъ (два чело- вѣка)	Ніа́кенъ- мыннигы́т- кенъ	ча-	ихъ Уча́мча- галъ.
50	Ніегъ-ка- лыкатъ (два чело- вѣка	Мы́лленге- мыннигы́т- кенъ и десять)	да-	40 два человѣка и
60	Ніокъ-ка- ла́улатъ	Е́ннанъ- мылленге- мыннигыт- кенъ	ловъ	прочая, а къ неравно- му числу
70	Ніокъ-ка- лыкатъ- мыннигыт кенъ	Ніа́коле- менгакъ- мыннигыт кенъ	не	прилага- ютъ 10
80	Ніа́-калы- катъ	Ніоколе- менгакъ- мыннигы́т- кенъ	разнству- етъ	какъ на- примѣръ 30 по ихъ
90	Ніа́-калы- катъ-мын-	Хонянчин- канъ-мын-		одинъ чело-

	А	Б	В	Г
100	нигыткенъ Мылленге-калыкатъ (пять	нигыткенъ Мыллен-генъ-колау человѣкъ)		вѣкъ и десять

Коряцкія названія рыбамъ, звѣрямъ, птицамъ, плодамъ и произрастающимъ, которыя имъ знаемы:

Красная рыба, уювай.
Чавыча, евочь.
Кета, кетаакатъ.
Горбуша, калалъ.
Мальма, уитывытъ.
Мыкызы, ямколанъ.
Харіузы, кытчагу.
Бѣлая рыба, иканнаканъ.
Кунжа, оканча.
Гольцы рѣчные, канивытыгу.
Камбала, алпа.
Вахня, уяканъ.
Уйки, гутыгыкъ.
Рамжа или быкъ, илаалъ.
Мокой, макаю.
Касатка, инуапу.
Сука рыба, аттаганъ.
Раки морскіе, яетъ.
Киты, юунги.
Тюлени обыкновенные, мемель.
— лахтаки, калыла.
— малые, уитувытъ.
— полосатые, мутчунъ.
Бѣлуги, Гиттыгыитъ.
Сивучи, улу.
Бобры, калага.
Коты, талача.
Соболи, кыттыгымъ.
Лисицы, яюнъ.
Медвѣди каинга.
Волки, егылунгунъ.
Горностаи, имягчакъ.
Выдры, ненгетъ.
Зайцы, милутъ.

Песцы, иппунъ.
Россомахи, хае́ппей.
Бараны каменные, кытыпъ.
Олени, лу́гаки.
Тарбаганы, гепе́у.
Еврашки, ги́лаакъ.
Бѣлки, яву́лла.
Лебеди, ка́нчанъ.
Гуси, гейто́антъ.
Селезни, Острохвосты, } Гейчогачи.
Чернети, Аингагалъ.
Плутоносы, уалпигали.
Чирки, у́галгапылъ.
Крохали, я́ллалъ.
Го́голи, и́лыгали.
Гагары, iова́ю.
Лутки, яла́лгалгапинъ.
Немки, Вечопоалъ.
Орлы, ти́лмыти.
Соколы, ты́лмытылъ
Мышеловы, ече́учики.
Ястребы, иху́ланъ.
Во́роны, тоха́учававалууе́лле.
Воро́ны, химе́лла-уе́лле.
Соро́ки, уикыттыгынъ.
Ласточки, Стрижи, } Кавалингекъ.
Трясогуски, говы́нку.
Куропатки, iе́уевъ.
Тетеревы глухiе, кына́ту.
Дятлы, Желны, } у́икичикычанъ.
Кулики, чеiея.
Снигири, и́лкываша.
Жаворонки, ге́ачеей.
Кокушки, ка́икукъ.
Чайки, я́каякъ.
Мартышки, каны́чугу
Кедровки, кака́чу.
Савки, а́алыкъ.
Игылмы, кычугунгаллы.
Ару, каю́ку.
Урилы, ги́лкулъ.
Старики, и́нытилалапъ.
Березникъ, лугу́нъ.
Топольникъ, яка́лъ.

Вѣтельникъ, ты́кылъ.
Ольховникъ, ни́кыліонъ.
— — каменной, у́ичугуй.
Рябинникъ, ело́енъ.
Сланецъ, катчивокъ.
Можжевельникъ, ва́лвакычу.
Боярышникъ, пиштикича.
Черемушникъ, елоенъ. тожъ по ихъ что рябина.
Шиповникъ, пичку́чанъ.
Жимолостникъ, ныч ивоу.
Тальникъ, іа́и.
Морошка, етты́етъ.
Голубица, Лингалъ.
Водяница, гечу́бана.
Брусница, гыйнаанъ.
Княженица, уя́итъ.
Толокнянка, Кычаммуна.
Клюква, еме́лкевына.

Сими именами рыбу, птицъ и прочая называютъ Сидячіе Коряки; а Оленные не столь любопытны, чтобъ они и то знать или называть могли, чѣмъ не пользуются. И хотя впрочемъ много изъ того имъ извѣстно, однако какъ ихъ имена писать, такъ Укинскія и Карагинскія разсудилось мнѣ за излишнее; ибо Укинцы называютъ всѣ вещи отчасти по Камчатски, а отчасти по Курильски, а Карагинцы по Коряцки съ нѣкоторою малою отмѣною.: такъ напримѣръ, гусь по Камчатски кейшугышь, по Укински кейшугашь, по Коряцки ге́йтуантъ, а по Карагински е́тегету.

Которые живутъ на рѣкѣ Карагѣ, а не на острову, тѣ отъ жителей островныхъ въ томъ наипаче отмѣнны, что вмѣсто ф произносятъ г, вмѣсто Е въ началѣ произносятъ И: такъ на примѣръ, вмѣсто вихуфи, ногти, вегевуги, вмѣсто етегету, гусь, итуитъ.

Тигильскіе Сидячіе Коряки также какъ и Укинскіе больше имѣютъ сходства въ языкѣ съ Сѣверными Камчадалами, нежели съ Оленными Коряками, хотя слова ихъ такъ испорчены, что едва и узнать можно, а особливо въ разговорахъ. Кратко сказать, всѣ Сидячіе Коряки чѣмъ ближе живутъ къ Камчадаламъ, тѣмъ больше имѣютъ и сходства съ ними въ языкѣ, а чѣмъ далѣе къ сѣверу, тѣмъ чище говорятъ по Коряцки.

ПРИБАВЛЕНІЕ

КЪ ПРЕДЪИДУЩЕЙ ГЛАВѢ.

Сочинитель упомянулъ, описывая выше сего народъ Корякскій, что къ оному по справедливости причислить должно Чукчей, ибо ихъ языкъ мало разнствуетъ отъ Корякскаго; мы здѣсь однако замѣтимъ, что сіе мнѣніе относится только къ Оленнымъ Чукчамъ. Сидячіе же Чукчи составляютъ особенный народъ, по со всѣмъ отличному ихъ языку, коего нарѣчія свойственны жителямъ острова *Кадьяка*, *Нортонова* и *Чугацкаго* заливовъ, *Ескимамъ* и *Гренландцамъ*, какъ мы сіе увидимъ ниже изъ сравнительной таблицы, при описаніи *Конягов*. По сему думать должно, что Сидячіе Чукчи суть Американцы, кои только по обстоятельствамъ принуждены были переселиться въ Азію. Сіе утверждается еще на слѣдующихъ обстоятельствахъ: Американскія байдары, Вице-Адмираломъ Г. А. *Сарычевымъ* примѣченныя у мыса *Родней*, точно такія, какія употребляются Сидячими Чукчами. По замѣчанію *Кука*, похожи и луки Чукчей на употребляемые *Ескимами*, и на тѣ, кои сей славный мореходецъ видѣлъ на Американскомъ берегу (вѣроятно нѣсколько сѣвернѣе *Бристольской* губы и *Невенгамскаго* мыса). И такъ нельзя сумнѣваться въ томъ, что такъ называемые Сидячіе Чукчи имѣютъ общее произхожденіе съ нѣкоторыми приморскими народами Сѣ-

веро-Западной и Сѣверо-Восточной Америки.

Между Оленными и Сидячими Чукчами нѣтъ вѣроятно очень большой разности въ наружномъ ихъ видѣ; ибо въ противномъ случаѣ Вице-Адмиралъ Г. А. *Сарычевъ* не преминулъ бы о томъ упомянуть въ своемъ путешествіи. "Чукчи, по описанію сего мореплавателя, какъ мущины, такъ и женщины роста средняго, но отъ части есть нѣкоторые и довольно высокаго; собою статны и здоровы; видъ имѣютъ откровенной и не столь суровой, каковъ бываетъ по большой части у дикихъ; лицемъ они очень похожи на Американцевъ, обитающихъ у мыса *Роднея*, волосы обрѣзываютъ, и платье носятъ такое же; только мущины не украшиваютъ лицъ, подобно тѣмъ, вставливаемыми въ губы косточками". Американцы же у мыса *Роднея*, съ коими, по его же замѣчанію, Чукчи лицемъ сходны "роста средняго, лицемъ смуглы, но нѣкоторые изъ нихъ есть и бѣлокурые; волосы они вообще всѣ обрѣзываютъ, такъ какъ Якуты, съ которыми нѣсколько сходны, только расположеніемъ лица подходятъ ближе къ Европейцамъ; видъ имѣютъ веселой и показывающій болѣе откровенности, нежели Американцы обитающіе въ *Чугацкой* губѣ". Сверьхъ сего, *Кукъ*, который въ губѣ Св. *Лаврентія* видѣлъ Сидячихъ Чукчей, упоминаетъ, что лица ихъ продолговаты, и волосы черные, которые или брѣютъ, или очень коротко обрѣзываютъ, и не имѣютъ бородъ; въ чемъ они сходствуютъ съ Оленными Коряками, какъ видно изъ предъидущей главы.

Адъюнктъ Стеллеръ, часто упоминаемый *Крашенинниковымъ*, замѣтилъ на возвратномъ пути во второй *Беринговой* морской Экспедиціи въ 1741 году, что Американцы, коихъ видѣлъ на одномъ изъ *Шумагинскихъ* острововъ, очень сходствуютъ съ Коряками, ростомъ, лицемъ, волосами, платьемъ, и выговоромъ изъ всего горла; сверхъ сего нашелъ онъ на Американскомъ берегу у мыса *Св. Иліи*, тоншичь и сладкую траву, которая приготовлена была въ снѣдь такимъ же образомъ, какъ то дѣлается на Камчаткѣ, также деревянное огниво сдѣланное на образецъ Камчатскаго. Онъ же получилъ извѣстіе отъ Чукчей, что Американцы внутрь Материка живущіе, имѣютъ стада оленей, какъ и Коряки.

Все сіе показываетъ также нѣкоторое сродство Оленныхъ Чукчей и Коряковъ, съ упомянутыми народами, берега Сѣверо-Западной Америки населяющими; разность же ихъ языковъ, какъ кажется, опровергаетъ сію догадку. Но впрочемъ замѣтить должно: что черты лица долѣе сохраниться могутъ у народовъ непросвѣщенныхъ и письма не имѣющихъ, нежели ихъ языки; и что между дикими, различной родъ ихъ жизни, уже показываетъ древнее ихъ отдѣленіе. Слѣдовательно сродныхъ нарѣчій съ нарѣчіями Оленныхъ Коряковъ и Оленныхъ Чукчей, можно только ожидать у кочующихъ, а не у приморскихъ жителей Сѣверо-Западной Америки; но какъ до сихъ поръ не имѣется достовѣрныхъ извѣстій о сихъ кочующихъ народахъ, то рѣшеніе относительно къ сему предмету, предоставить должно времени.

Чукчи извѣстны нѣсколько пообстоятельнѣе изъ путешествія флота Капитана *Биллингса* и изъ путешествія же флота Капитана (нынѣ Вице-Адмирала) Г. А. *Сарычева*. Мы помѣщаемъ здѣсь краткое ихъ описаніе, извлеченное по большей части изъ сихъ сочиненій.

Что касается до наружнаго вида Чукчей, то уже сообщено выше все, что по сему предмету извѣстно; а о украшеніи женщинъ Чукотскихъ, вышиваемыми на лицѣ и тѣлѣ черными узорами, упомянуто у Автора. Одѣяніе же Оленныхъ Чукчей состоитъ изъ оленьихъ парокъ и широваровъ; оно для обоего пола одинаково, только что женщины носятъ верхнія парки короче, а нижнія сшиты вмѣстѣ съ широварами, кои гораздо ширѣ мужескихъ. Обувь ихъ лѣтняя, въ сухое время, короткіе сапоги (алачики) изъ ровдугъ, а въ дождливое, большіе длинные сапоги безъ каблуковъ (торбасы) изъ выдѣланной тюленьей кожи. Длинныя копья и луки со стрѣлами составляютъ ихъ орудія; нѣкоторые имѣютъ и латы изъ тонкихъ короткихъ деревянныхъ дощечекъ, обшитыхъ оленьею выдѣланною кожею.

Жизнь ведутъ кочевую такъ какъ Коряки, переходя съ своими оленями съ мѣста на мѣсто, смотря по изобилію моха. Живутъ также какъ и они лѣтомъ въ шатрахъ овальныхъ разной величины, поставленныхъ сверьхъ земли, и прикрытыхъ ровдужными кожами, внутри коихъ однако находятся пологи, подъ которыми спятъ. Въ срединѣ

шатра есть обыкновенно очагъ для варенія пищи, составленный изъ трехъ камней. Въ зимнее время живутъ въ палаткахъ, имѣющихъ видъ параллелепипеда, вышиною до двухъ аршинъ, а длиною и шириною сообразно числу людей, въ оныхъ помѣщаться долженствующихъ. Оныя палатки состоятъ изъ оленьихъ кожъ вдвое сложенныхъ, коя мездрами внутрь, а шерстью на внѣшнія стороны обращены; земля внутри палатокъ, выстилается оленьими же кожами шерстью вверьхъ; входятъ же въ палатку ползкомъ, приподнявъ ее съ низу. Внутри содержатъ безпрерывно огонь въ каменныхъ плошкахъ, жженіемъ моха съ жиромъ; отъ чего не только свѣтло, но и такъ тепло бываетъ, что въ самые жестокіе морозы какъ мущины, такъ и женщины, сидятъ совсѣмъ нагіе. Всю тяжелую работу отправляютъ женщины, какъ то, ставленіе и разбираніе шатровъ, переношеніе и укладываніе на санки тяжестей и прочая. Мущины же занимаются паствою оленей и упряжкою ихъ въ санки; и отъ части упражняются также въ промыслѣ звѣрей, какъ то дикихъ оленей, волковъ и разнаго рода лисицъ. При перекочеваніи везутъ тяжести на санкахъ оленьми, коими женщины управляютъ, сами же несутъ на себѣ нѣкоторую часть тяжестей, и идутъ подпираясь на копье. Поелику дорогъ никакихъ нѣтъ, то избираетъ каждый для переѣзда удобнѣйшія мѣста, по своему произволенію. Для скорой ѣзды запрягаютъ въ санки по два оленя, а для перевозки тяжестей, только по одному.

Главное пропитаніе оленныхъ Чукчей состоитъ такъ какъ и Коряковъ въ оленьемъ мясѣ, которое иногда, за недостаткомъ дровъ, ѣдятъ сырое; отъ части употребляютъ также и рыбу. Чукчи приходятъ ежегодно въ исходѣ Февраля или въ Мартѣ въ Нижне-Ковымской острогъ, а прежде также приходили и въ Ижигинскъ, для торгу съ Рускими, гдѣ получаютъ въ замѣнъ своихъ товаровъ, табакъ, желѣзныя издѣлія, бисеръ и другія бездѣлицы. Сей торговли и миролюбивому съ ними обхожденію Рускихъ приписать должно, что они нынѣ не только что не дѣлаютъ уже набѣговъ на своихъ сосѣдей Коряковъ, но и платятъ даже отъ части ясакъ въ казну. По произведеніи торгу немедлѣнно отправляются къ Ледовитому морю для промысла рыбы и морскихъ звѣрей.

Нравомъ кажутся жесточе ихъ сосѣдей Оленныхъ Коряковъ, ибо въ обидахъ очень мстительны, не уважая ни родства ни дружбы. Естественную смерть почитаютъ безчестною, и только однимъ бабамъ приличною; по сему убиваютъ иногда больныхъ по ихъ прозьбѣ, безъ сожалѣнія. Къ воровству и грабежамъ очень склонны. Обряды и жертвоприношенія ихъ нѣсколько сходны съ Коряцкими. Мы помѣщаемъ здѣсь изъ *Биллингсова* путешествія любопытное описаніе Чукотскаго жертвоприношенія, совершеннаго по случаю предпринятаго ими путешествія съ Капитаномъ *Биллингсомъ* и его сопутниками чрезъ Чукотскую землю. — ,,Чукчи совершали великое жертвоприношеніе, для испрошенія у своихъ Боговъ щастливаго путешествія.

Въ 10 часовъ утра пригнали съ горъ стада своихъ оленей и остановили ихъ за рѣчкою, не въ дальнемъ разстояніи отъ селенія. Тогда пошли туда изъ шатровъ нѣсколько Чукочь; за ними слѣдовали двѣ женщины съ лукошками наполненными жиромъ. Они развели огни въ разныхъ мѣстахъ, на навѣтренной сторонѣ отъ оленей, и окуривали ихъ происходящимъ отъ того дымомъ. Въ сіе время, близь шатровъ, сдѣлали загоны изъ разставленныхъ санокъ, перетянувъ въ промежуткахъ между оными ремнями. Каждый хозяинъ загналъ своихъ оленей въ изготовленный имъ загонъ. Не много впереди отъ сихъ загоновъ, къ морскому берегу, поставили въ одинъ рядъ 13 санокъ мускихъ и женскихъ, изъ коихъ послѣднія имѣютъ кибитки покрытыя оленьими кожами. Къ симъ санямъ приставили свои копья, и положили на санки черепы и кости давно убитыхъ оленей. По близости сего мѣста женщины развели великій огонь, доставъ его помощію тренія изъ деревянныхъ дощечекъ, обдѣланныхъ на подобіе человѣческаго образа, означающаго ихъ божество. Потомъ *Имлератъ* поймалъ изъ своего загона оленя, и отдалъ старшему изъ своихъ сыновей, который отведя его къ морю, прокололъ копьемъ въ лѣвый бокъ противъ самаго сердца и пустилъ на волю; тогда всѣ зрители стали примѣчать съ великимъ вниманіемъ, какимъ образомъ будетъ умирать заколотой олень; и какъ онъ упалъ на правую сторону и умеръ спокойно и скоро, то оное приняли за самое щастливое предзнаменованіе; напротивъ того, еже-

ли бы олень повалился на лѣвой бокъ, сталъ бы мучиться и при томъ съ судорожными движеніями, тогда почли бы сіе злополучнымъ предвѣщаніемъ. Текущую изъ раны убитаго оленя кровь брали въ пригоршни и бросали на три стороны по воздуху, обращаяся къ солнцу, къ морю и къ горамъ. Потомъ мазали кровью и мозгомъ оленьимъ своихъ идоловъ, санки и положенныя на нихъ кости, а женщины марали онымъ себѣ лица, вѣря, что сіе предохранитъ ихъ отъ всякихъ недуговъ и болѣзней.

Слѣдуя старшинѣ *Имлерату* и всѣ прочіе хозяева оленныхъ стадъ кололи своихъ оленей съ таковыми же обрядами. Когда назначенные въ жертву, числомъ 450 оленей, были убиты, тогда женщины содрали съ нихъ кожи и освѣжали. Находящуюся въ кишкахъ и желудкѣ нечистоту, смѣшавъ съ ивовыми листьями, поклали въ тюленьи кожи, и оныя зашили для лучшаго сохраненія во время пути себѣ на пищу. На мѣстахъ, гдѣ пали олени, развели вновь огни, и на оныхъ варили часть отъ жертвенныхъ мясъ.

21. (1) Въ 7 часовъ утра, Чукчи начали приготовляться къ празднику, назначенному сего дня въ шатрѣ старшины *Имлерата*. Отъ убитыхъ вчерашняго дня оленей выбрали три кожи съ ногами и цѣлыми головами, имѣвшими рога; положили ихъ посреди шатра на землю съ своими идолами. По сторонамъ шатра вокругъ обнесли занавѣсками изъ

---

(1) Августа 1791 года.

оленьихъ кожъ, и украсили ихъ ивовыми вѣтками. Въ 10 часовъ, когда всѣ званые гости на праздникъ собрались въ шатеръ, въ томъ числѣ и Капитанъ *Биллингсъ* съ докторомъ и толмачемъ, тогда *Иллератъ* и трое другихъ старшинъ взяли по бубну, пошли медлѣннымъ шагомъ одинъ за другимъ вокругъ оленьихъ головъ, произнося тихо нѣкоторыя невнятныя слова; потомъ, прибавляя постепенно шаги и возвышая голосъ, запѣли громко, и стали плясать при удареніи въ бубны. Чрезъ нѣсколько времени *Иллератъ* подошедъ къ занавѣсамъ, и показывая видъ, что хочетъ ихъ открыть, спрашивалъ сидящихъ за оными: каково вамъ? тѣ ему отвѣчали: *стейгда! стейгда! стейгда! лмономъ! лмономъ!* что значитъ: далѣ! далѣ! далѣ! хорошо! хорошо! Такимъ образомъ обошелъ онъ кругомъ всѣ занавѣски, присоединился къ прочимъ старшинамъ, и плясалъ еще съ ними довольно долгое время, наконецъ подойдя къ Капитану *Биллингсу*, и взявъ его за руку, сказалъ ему: „Мы старики объявляемъ, „что по всему нами примѣченному, предпріятія ва„ши будутъ щастливы, и кончатся съ желаемымъ „успѣхомъ. Богъ въ первой еще разъ послалъ къ намъ „Рускихъ съ дружескимъ намѣреніемъ и для пользы „нашей. Вы желаете узнать моря и земли наши, и на„градить насъ щедро; мы же будемъ навсегда вашими „неразрывными союзниками.„ —„

Когда Чукчи вступаютъ съ своими стадами оленей въ мѣста заросшія нѣкоторымъ лѣсомъ, то совершаютъ жертвоприношеніе для того, что-

бы олени ихъ находили хорошій мохъ для пищи, и чтобы не терялись въ лѣсахъ, къ коимъ непривычны. Болѣзни лѣчатъ подобно Корякамъ жертвоприношеніемъ и шаманствомъ. Головы оленей въ жертву приносимыхъ ставятъ вокругъ больнаго, такъ чтобы оныя касались до его одежды, и послѣ старуха шепчетъ оленьимъ головамъ въ уши нѣсколько словъ, и обходитъ кругомъ больнаго нѣсколько разъ, держа въ рукѣ зажженную вѣтвь можжевеловую. Если же приносятъ въ жертву любимую собаку больнаго, то разсматриваютъ съ великимъ вниманіемъ ея внутренность, вымазываютъ лице больнаго собачьею кровью, и водятъ его кругомъ жертвы. Между Чукчами и женщины предпочитаютъ иногда насильственную смерть естественной; чему былъ также примѣръ во время *Биллингсова* путешествія, гдѣ одна старуха, будучи больна, и немогши уже дѣйствовать руками, по прозьбѣ ея, была заколота ножемъ противъ самаго сердца; ее сожгли послѣ того на верьху ближней горы, въ томъ же платьѣ, въ какомъ была, вмѣстѣ съ ножикомъ, кроильною дощечкою и иголками съ нитками.

Пристающихъ къ берегу гостей, встрѣчаютъ съ крикомъ, и бросаютъ въ воду каменья, въ знакъ дружбы; послѣ того переводятъ пріѣжжихъ и ихъ поклажу чрезъ огонь, для сего разводимый, въ который подбрасываютъ куски жиру. Обрядъ сей соблюденъ былъ при вступленіи на Чукотскую землю Капитана *Биллингса* и его сопутниковъ, при которомъ случаѣ, для вящшей дружбы, помѣнялся сей море-

плаватель съ Чукотскимъ старшиною, по сего предложенію, на верхнее платье, давъ ему въ замѣнъ ровдужной камлеи, отъ него полученной, бѣлую рубашку, которую надѣлъ прежде сверьхъ своего платья.

Празднества Чукчей состоятъ иногда зимою въ ѣздѣ въ запуски на санкахъ, запряженныхъ двумя оленями; побѣдитель получаетъ награду въ съѣстныхъ припасахъ и табакѣ, которую дѣлитъ съ принимавшими участіе въ сей ѣздѣ. Кромѣ сего въ обыкновеніи также бѣганіе въ обширномъ кругѣ, и борьба; побѣдитель въ оныхъ получаетъ похвалу отъ всѣхъ, и весьма почитаемъ бываетъ за его силу и проворство.

Кукъ, зайдя въ Іюлѣ мѣсяцѣ 1778 года въ губу Св. *Лаврентія*, посѣтилъ тамъ, по всему вѣроятію, Сидячихъ Чукчей. Сей славный мореходецъ упоминаетъ въ своемъ путешествіи, (1) что ихъ платье состоитъ изъ шляпы, покрывающей лобъ, куртки, штановъ, сапоговъ и перчатокъ; всѣ сіи вещи изъ оленьихъ кожъ, очень хорошо выдѣланныхъ, или же изъ собачьихъ или тюленьихъ, изъ коихъ нѣкоторые и съ шерстью. Въ путешествіи же Вице-Адмирала Г. А. *Сарычева* упоминается, что они носятъ лѣтомъ и кишечныя камлеи; зимнее же платье и обувь шьютъ изъ оленьихъ и другихъ звѣриныхъ кожъ. Ихъ орудія состоятъ также изъ луковъ со стрѣлами, и изъ

(1) Troisième voyage de Cook, traduit de l'anglois par M. D. . . . Tome sixième Chapitre IX.

копья, которое носятъ на ремнѣ, но есть также и алебарды. По замѣчанію *Кука*, концы стрѣлъ сдѣланы изъ камня или кости, немногіе зубчаты, а нѣкоторые притуплены, вѣроятно для того чтобы не портить мѣха малыхъ звѣрковъ; концы же копья и алебардъ желѣзные или стальные, Европейской или Азіатской работы, украшены рѣзною работою и выложены для украшенія бѣлымъ металломъ. Колчаны ихъ отъ части изъ красной кожи изящно вышиты, и украшены различнымъ образомъ. Какъ въ платьѣ, такъ и въ другихъ вещахъ Сидячихъ Чукчей примѣтно отличное искуство. О ихъ жилищахъ упомянуто уже въ предъидущей главѣ. Пропитаніе же имѣютъ, подобно Сидячимъ Корякамъ, отъ промысла въ морѣ рыбы и звѣрей морскихъ. Для сего выѣжжаютъ въ море въ большихъ кожаныхъ байдарахъ, длиною отъ 20 до 25, шириною до 4, а глубиною до 2½ футовъ; основа сихъ байдаръ состоитъ изъ весьма точно выдѣланныхъ щепковъ, связанныхъ между собою волокнами изъ раздѣленныхъ китовыхъ усовъ; обтягиваютъ оную моржовою кожею, расспластанною на двое или на трое, смотря по толстотѣ. Сіи байдары столь легки, что одну несутъ два человѣка на себѣ безъ всякаго труда. Ходятъ въ нихъ въ море больше на греблѣ веслами; а когда вздумаютъ употребить паруса, то подвязываютъ подъ бока байдары надутые пузыри, для безопасности, чтобы байдара не опрокинулась; въ заливахъ же идутъ иногда около берега на бичевой, которую тянутъ собаки. И такъ

изъ сихъ промысловъ достаютъ себѣ разнаго рода рыбу и морскихъ звѣрей, и моржовые зубы, на которыя вещи получаютъ они отъ Оленныхъ Чукчей нужныя имъ оленьи и другія кожи, табакъ, желѣзныя издѣлія и разные другіе Россійскіе товары. По неимѣнію оленей употребляютъ для зимней ѣзды собакъ, которыя запрягаютъ въ сани со всѣмъ отличнымъ образомъ отъ Камчатскаго, а именно по шести рядомъ, одна подлѣ другой, и очень близко къ санямъ, дабы ихъ можно было доставать плетью. Сѣдокъ управляетъ при поворачиваніи, ударя по собакамъ и махая плетью съ противной стороны, въ которую поворотить должно. Санки же ихъ небольшія и низкія, имѣютъ полозья сдѣланные изъ моржовыхъ зубовъ.

Сидячіе Чукчи, по замѣчанію *Кука*, очень боязливы и осторожны; ихъ нравъ въ другихъ отношеніяхъ такъ какъ и ихъ обычаи и обряды, еще по нынѣ неизвѣстны. Вице-Адмиралъ Г. А. *Сарычевъ* упоминаетъ въ своемъ путешествіи, что вообще какъ Оленные такъ и Сидячіе Чукчи не имѣютъ начальниковъ или особенныхъ властей; а раздѣляются на небольшія общества, состоящія изъ нѣсколькихъ семей соединенныхъ родствомъ или дружбою. Хотя и почитаютъ въ каждомъ такомъ обществѣ одного, который богаче прочихъ и имѣетъ большое семейство, но онъ не имѣетъ власти наказывать, а можетъ только давать совѣты, и одними словами стараться отклонять отъ худыхъ поступковъ. В.

ГЛАВА XXII.

О Курильскомъ народѣ.

Курильской народъ житіемъ своимъ такъ сходенъ съ Камчадалами, что не надлежало бы особо и писать о немъ, естьли бы въ тѣлесномъ видѣ и въ языкѣ не было различія. Откуда сей народъ имѣетъ происхожденіе, о томъ столь же мало извѣстно, какъ и о другихъ Камчатскихъ народахъ; а можно ли по ихъ языку сколько нибудь изслѣдовать, оное оставляется такимъ людямъ, кои въ томъ трудятся по искуству своему и по должности: чего ради и пріобщено на концѣ сей главы собраніе словъ Курильскаго языка (1).

(1) Курильцами называются вообще жители двадцати двухъ Курильскихъ острововъ, изъ коихъ осьмнадцать сѣверныхъ принадлежатъ Россіи, южные же четыре заняты Японцами; о чемъ уже упомянуто было въ замѣчаніяхъ на главу IX первой части. Извѣстные мореплаватели *Лаперузъ*, *Крузенштернъ* и *Головнинъ* полагаютъ, что судя по обычаямъ и наружному виду жителей *Сахалина*, и по немалому сходству ихъ языка съ Курильскимъ, сіи жители общее произхожденіе имѣть должны съ Курильцами. В.

Сей народъ роста средняго, волосомъ черенъ, лицемъ кругловатъ и смуглъ, но гораздо пригожѣе другихъ народовъ. Бороды у нихъ большія окладистыя, тѣло мохнатое, въ чемъ состоитъ знатная разность отъ Камчадаловъ.

Мужеской полъ волосы напереди брѣетъ до самой верхушки, а назади ростятъ, въ чемъ съ Японцами имѣютъ сходство; отъ которыхъ, можетъ быть, по причинѣ бывшей прежде сего торговли и обычай оной приняли; а женской токмо подрѣзываетъ ихъ спереди, чтобъ глаза не закрывали. Губы у мущинъ на срединѣ токмо, а у женщинъ всѣ вычернены, и вкругъ разшиты узорами (1). Сверьхъ того и руки разшиваютъ онѣ почти по локоть, въ чемъ нѣсколько

(1) Курильцы тринадцатаго острова *Рашуа*, которыхъ флота Капитанъ Головнинъ видѣлъ въ 1811 году на островѣ *Урбитѣ*, Японцамъ принадлежащемъ, разнствуютъ нѣсколько въ семъ отношеніи; ибо по его замѣчанію мущины волосы носятъ такъ какъ Рускіе ямщики, и не имѣютъ никакихъ искуственныхъ украшеній на лицѣ и на тѣлѣ; женщины же выкрашиваютъ брови и ротъ кругомъ по губамъ на $\frac{1}{3}$ или $\frac{1}{4}$ дюйма синею краскою, испещряютъ руки, и украшаютъ парки на спинѣ, въ нѣсколько рядовъ носами топорковъ (*морскихъ попугаевъ*). Ру-

сходствуютъ съ Чукчами и Тунгусами. Всѣ вообще носятъ въ ушахъ большія серебряныя кольца, которыя прежде сего получали отъ Японцевъ же.

Платье носятъ изъ кожъ морскихъ птицъ, также лисье, бобровое и изъ другихъ морскихъ звѣрей, которое шьютъ по Тунгускому образцу, то есть распашное, а не по Камчатскому; при чемъ не наблюдаютъ того, чтобъ платье было изъ одной матеріи, но шьютъ изъ чего прилучится, такъ что и по нынѣ рѣдкую Курильскую парку увидишь, которая бы не изъ лоскутья разныхъ звѣрей и птицъ была сдѣлана.

До богатаго по тамошнему мѣсту платья, каково на примѣръ суконное, камчатое и прочая, великіе охотники, токмо

скіе Курильцы вообще брѣютъ нынѣ бороды, Японскіе же, или такъ называемые мохнатые Курильцы и Сахалинцы, имѣютъ длинныя бороды. *Матсмайскіе* Курильцы довольно высоки, статны, проворны и гораздо виднѣе и мужественнѣе *Россійскихъ* Курильцевъ и тѣхъ, кои обитаютъ на островахъ *Итурпѣ* и *Кунаширѣ*. Ихъ языкъ хотя и содержитъ еще много Курильскихъ словъ, но столь уже отъ Курильскаго отличенъ, что жители прочихъ Курильскихъ острововъ съ ними только съ большимъ трудомъ объясняться могутъ. В.

весьма небережливы. Въ лучшемъ аломъ кармазинномъ кафтанѣ тюленя на себѣ нести не устыдится, не взирая на то, что измараетъ платье, которое ему стоитъ дорого. На покрой не много же смотрятъ: все имъ равно, мѣшкомъ ли платье сшито или по-кости, только бы ему цвѣтъ былъ любъ, да надѣть на себя льзя было. Стеллеръ пишетъ, что нѣкоторому Курильцу камчатная тѣлогрѣя понравилась, въ которой онъ ходилъ обзираяся и любуюсь ею, не смотря на то, что козаки смѣялись надъ нимъ, что онъ носитъ женское платье. Ему, можетъ быть, казалось равно всякое платье: ибо у нихъ въ своемъ платьѣ разности нѣтъ между мужескимъ и женскимъ (1).

Живутъ въ такихъ же юртахъ какъ Камчадалы, токмо ихъ держатъ нѣсколько чище, убирая стѣны и полки травяными рогожами. Питаются наибольше морскими звѣрями, а рыбы промышляютъ мало.

(1) Японскіе Курильцы носятъ платье на Японскій покрой, лѣтомъ изъ пеньковой ткани, похожей на небѣленную парусину, а зимою изъ звѣриныхъ кожъ, изъ коихъ медвѣжьи и собачьи болѣе въ употребленіи; для старшинъ же шьютъ Японцы бумажное и шелковое платье. Живутъ вообще нечисто и неопрятно; лица, рукъ и платья никогда не моютъ. В.

Бога столь же мало знаютъ, какъ и Камчадалы. Въ юртахъ имѣютъ вмѣсто идоловъ кудрявыя стружки, которыя они весьма хитро дѣлаютъ. Сіи стружки называютъ они Йнгулъ или Иннаху, и содержатъ въ нѣкоемъ почтеніи; однако не могъ я того вывѣдать, за бѣсовъ ли они ихъ вмѣняютъ или за Бога. Въ жертву приносятъ имъ первопромышленнаго звѣря, при чемъ мясо сами съѣдаютъ, а кожу при нихъ вѣшаютъ, и когда юрты за ветхостію оставляютъ, то не берутъ съ собою изъ нихъ ни жертвенныхъ кожъ, ни стружекъ, впрочемъ носятъ они съ собою оныя стружки во всякіе опасные пути на морѣ, и бросаютъ въ случаѣ бѣдствія въ воду, а наипаче въ сувои, что между первымъ Курильскимъ островомъ и лопаткою, которыя тѣмъ умилостивить надѣются. Такой образъ идолослуженія приняли отъ Курилъ и южные Камчадалы, кои живутъ на первомъ Курильскомъ острову и на лопаткѣ, какъ надежное средство къ безопасному плаванію по морю (1).

---

(1) Сіе относится къ тогдашнему времени, нынѣ же Россійскіе Курильцы перекрещены въ православную Греко-Россійскую вѣру. Японскіе же Курильцы вѣрятъ двумъ духамъ, доброму и злому; перваго призываютъ, выставя на своемъ жилищѣ

Лѣтомъ ѣздятъ на байдарахъ, а зимою ходятъ на лыжахъ, ибо собакъ не держатъ и не имѣютъ (1). Мужескіе главные труды, промыселъ морскихъ звѣрей; женщины по примѣру Камчадаловъ въ шитьѣ и въ плетеньѣ чиреловъ упражняются, а въ лѣтнее время ѣздятъ съ мужьями и на промыселъ въ греблѣ (2).

пучокъ стружковъ вмѣстѣ связанныхъ; признаютъ также солнце и луну божествами, но не имѣютъ никакихъ обрядовъ поклоненія, ни храмовъ, ни священнослужителей. В.

(1) По замѣчанію Капитана Головнина, ѣздятъ нынѣ уже на собакахъ жители острововъ *Сумшу* и *Парамуширъ*, ближайшихъ къ Камчаткѣ; жители же прочихъ Россійскихъ Курильскихъ острововъ, держатъ иногда собакъ для травли лисицъ. В.

(2) Кромѣ морскихъ звѣрей, какъ то: морскихъ бобровъ (кои уже очень рѣдко попадаются) сивучей и тюленей, промышляютъ Курильцы разнаго рода лисицъ и орловъ, разныхъ морскихъ птицъ и рыбу, которая водится въ небольшемъ количествѣ. Изъ птичьихъ кожъ шьютъ себѣ парки, изъ птичьяго жиру топятъ масло, а птичье мясо копченое составляетъ ихъ зимній запасъ вмѣстѣ съ черемшею, сараною, морскими ракушками, и разнаго рода морскими растеніями. На промыслахъ употребляютъ нынѣ кромѣ луковъ со стрѣлами и ружье

Что касается до ихъ обычаевъ, то они несравненно учтивѣе другихъ народовъ, а при томъ постоянны, праводушны, честолюбивы и кротки. Говорятъ тихо не перебивая другъ у друга рѣчи, какъ сидячіе Коряки. Старыхъ людей имѣютъ въ великомъ почтеніи. Между собою живутъ весьма любовно, особливо же горячи къ своимъ сродникамъ (1). Пріятное, сказываютъ, позорище,

---

или паче винтовки; лисицъ ловятъ также въ кляпцахъ и въ петляхъ.

По запискамъ флота Капитана Головнина, жители крайнихъ Россійскихъ Курильскихъ островов имѣли прежде сего торговое сношеніе съ Японцами, живущими на южныхъ Курильскихъ островахъ, Японіи принадлежащихъ. Они привозили туда мѣха морскихъ бобровъ, тюленьи кожи, и орлиные хвосты и крылья; въ замѣнъ коихъ получали отъ Японцевъ сорочинское пшено, бумажные и шелковые халаты, табакъ, курительныя трубки, деревянную посуду и другія мѣлочи. Но нынѣ уже сія торговля прекращена, по повелѣнію Японскаго Правительства. В.

(1) Привѣтствіе ихъ состоитъ, по запискамъ флота Капитана Головнина, не въ поклонахъ, а въ поднятіи обѣихъ рукъ съ распростертыми пальцами къ лицу, которые потомъ опускаютъ весьма тихо по бородѣ, какъ бы гладя оную, до самаго жи-

когда бываетъ между живущими по разнымъ островамъ свиданіе: пріѣжжіе съ байдаръ своихъ, а жители изъ юртъ съ великими обрядами сходятся; обѣ стороны одѣты бываютъ въ военное платье и съ оружіемъ, махая саблями и копьями, натягивая другъ противъ друга луки, такъ какъ бы быть сущему сраженію, а при томъ всѣ пляшутъ. Сошедшись вмѣстѣ оказываютъ всякіе знаки радости: обнимаютъ, лобызаютъ и плачутъ отъ радости. Послѣ того приводятъ гостей въ свои жилища, сажаютъ ихъ, подчиваютъ предстоя, и слушая вѣстей о ихъ приключеніяхъ случившихся въ разлученіи. Должность разсказывать никому не поручается кромѣ старшаго. Онъ какъ ораторъ объявляетъ о всѣхъ мѣлочахъ, какъ промышляли, какъ жили, куда ходили, что видѣли, съ кѣмъ учинилось щастіе или нещастіе, кто немогъ или умеръ, и отъ какой причины; и иногда болѣе трехъ часовъ продолжаетъ рѣчь свою, а прочіе слушаютъ со вниманіемъ. Когда гость окон-

вота, при чемъ наклоняютъ немного голову смотря пристально въ глаза привѣтствуемой особы. Сіи привѣтствія повторяютъ къ почтеннымъ особамъ два или три раза. Садятся поджавъ ноги или сложа ихъ крестъ на крестъ, какъ портные. До табаку и крѣпкихъ напитковъ великіе охотники. В.

читъ рѣчь свою, то изъ тутошнихъ жителей старшій подобнымъ образомъ сказываетъ про свое житье и промыслы, и прежде того никому другъ съ другомъ говорить не льзя. Послѣ того или сѣтуютъ, или веселятся по вѣстямъ смотря, а наконецъ торжествуютъ по своимъ обычаямъ, ѣдятъ, пляшутъ, поютъ и сказываютъ сказки (1).

Что касается до прочихъ обрядовъ, каковы напримѣръ сватанье, свадьбы, родины, дѣтей воспитаніе; въ томъ они отъ Камчадаловъ не разнствуютъ. Женъ имѣютъ по двѣ и по три, и вмѣстѣ съ ними никогда не спятъ, но въ ночное время приходятъ къ нимъ какъ бы украдкою, по примѣру Татаръ Махометанскаго закона, кои къ невѣстамъ своимъ приходятъ аки бы тайно, пока калыму не заплатятъ по договору. Есть же у нихъ и Кое́кчучи, какъ у Коряковъ и Камчадаловъ.

Буде кто у нихъ приличится въ прелюбодѣяніи, то бываетъ странной поединокъ, на которомъ бьются они палкою, а вызываетъ на оной прелюбодѣецъ мужа прелюбодѣйницы: раздѣваются оба до нага, и разятъ другъ друга по спинѣ. Которой вы-

(1) Пѣсни ихъ очень непріятны, а пляска состоитъ въ однихъ кривляніяхъ. В.

зываетъ, тотъ сперва три раза отъ вызваннаго долженъ вытерпѣть, а потомъ беретъ у него палку, и бьетъ равнымъ образомъ, и такъ перемѣняются до трехъ разъ. Сіе побоище много у нихъ вѣку уноситъ: ибо бьются они, сколько есть мочи, а палка бываетъ толщиною въ руку, а длиною близко аршина. Нейти на поединокъ такоежъ безчестіе, какъ у нѣкоторыхъ Европейскихъ народовъ. Ежели же кто предпочтетъ свое здоровье, и отречется отъ бою, тотъ долженъ заплатить мужу прелюбодѣйцы такое безчестіе, какого онъ потребуетъ, звѣрьми, платьемъ, кормомъ и другими вещами.

Родины у женщинъ ихъ гораздо тяжелѣ Камчатскихъ: ибо онѣ, по объявленію самихъ Курильцовъ, мѣсяца по три оправляются. Младенцамъ имена даютъ бабки повивальныя, которыхъ они никогда не перемѣняютъ. Изъ двойнишныхъ одного всегда убиваютъ.

Имена мужескія.	*Имена женскія.*
Липа́га.	А́фака.
Етеханъ.	Заагше́мъ.
Таталъ, черной.	Чака́ва.
Пиканкуръ.	Ка́зукчь, плачущая, отъ того, что родилась она въ самое время покоренія страны ихъ.
Галга́лъ.	
Темпте.	

Умершихъ зимою хоронятъ въ снѣгъ, а лѣтомъ въ землю. Самоубійства и въ семъ народѣ не меньше бываетъ какъ у Камчадаловъ, токмо того не слышно, чтобъ они морили себя голодомъ.

Курильцовъ, которые живутъ на первомъ острову и на лопаткѣ, съ сими Курилами за одинъ народъ почитать не должно, ибо оныя сущіе Камчадалы, какъ уже́ выше показано.

Собраніе словъ Курильскаго языка.

Богъ, каму́й.
Дьяволъ, уи́нъ-камуй.
Небо, ниссъ.
Облака, уура́ръ.
Вѣтръ, кеера̀.
Буря, и́сіупу.
Дождь, сиругéнъ.
Снѣгъ, у́пашъ.
Градъ, каукигъ.
Громъ, умъ.
Молнія, камуй-сіунѐ.
Солнце, Луна, чуппу́.
Звѣзда, кета̀.
День, то.
Утро, нисіа́тъ.
Полдень, то́ананашкѝ.
Вечеръ, онуума̀нъ.
Ночь, сиркуннѐ.
Полночь, упаканнашкѝ.
Годъ, ты́юанъ.
Земля, кота̀нъ.
Гора, отгу́ръ.
Пригорокъ, о́ннанъ-отгу́ръ.
Огонь, апѝ.
Дымъ, сіупу́я.
Жаръ, а́піушатъ.
Вода, пи.
Поле, сіетъ.

Дорога, ру.
ЛѢсЪ, ни.
Дерево, янтурасни̏.
Море, атуйка̏.
Озеро, то.
РѢка, петЪ.
РѢчка, мемЪ.
ПесокЪ, опа̏.
Грязь, тейнитой.
Камень, поина.
ЖелѢзо, каани̏.
ЧеловѢкЪ, аину̏.
ОтецЪ, ми́чи.
Мать, а́апу.
СынЪ, кпугу.
Дочь, кпоммачи̏.
БратЪ большой, кіупи̏.
—— меньшой, каки̏.
Сестра большая, кса
— — меньшая, уарма́тЪ.
МужЪ, какаіѐ.
Жена, кмачи̏.
ОтрокЪ, пу́мпу.
ДѢвочка, пу́матЪ.
ГосподинЪ, тоно́.
Слуга, уси́ху.
Служанка, кусіугѐ.

Голова, паопЪ.
Волосы, чу.
Борода, трекЪ.
Глаза, сикЪ.
Уши, ксарЪ.
НосЪ, ету̏.
РотЪ, чарЪ.
Губы, чаато́и.
ЯзыкЪ, а́ху.
Щоки, нупкиху.
ПодбородокЪ, сеурѐ.
Плечо, тапсу̏шЪ.
Рука, текЪ.
ПерстЪ, моаки̏.
Грудь, рамуту́рЪ.
Сердце, сампѐ.
Брюхо, псе.
Внутреннее, канка̏.
Пузырь, псе́хчинг̄ычу.
Тайной удЪ мужеской, чи.
— — — женской, читЪ.
Спина, сету́рЪ.
Но́ги, кема̏.
Платье, урЪ.
Шапка, ко́нчи.
Штаны, оіѐ.

Обувь, киръ.
Острогъ, котануни.
Юрта, че.
Дверь, пуюръ.
Постеля, со.
Котелъ, сю.
Деревянная ихъ посуда, китчи.
Ножъ, епира.
Ложка, пасуй.
Лукъ, ку.
Стрѣла, ахи.
Санки, шкени.
Байдара, чипъ.
Причалъ, туръ.
Топоръ, укаръ.
Рыба, сіичипъ.
Икра, ома.
Мясо, камъ.
Соль, сиппу.
Трава, мунъ.
Листъ, ніепъ.
Корень, синрипъ.
Яицо, ноки.
Сытъ, касину.
Голоденъ, исіаре.
Жажденъ, ипекрейке.
Ѣсть, ишама.
Пить, кпекреигіуа.
Спать, кмоконросива.
Говорить, китокросива.
Молчи, еин-китокросива.
Ѣхать, окомокросива.
Итти, сачипеека-комонросива.
Я стою, канига-касіануа.
Ты стоишь, еа сіана.
Онъ стоитъ, еа сіануа.
Мы стоимъ, роскиеарасюга.
Вы стоите, еинкечь-роскиеирана.
Они стоятъ, окаяроски чуа.
Сплю, кмукуруа.
Вижу, кинкаруа.
Не вижу, еинъ-кинкаруа.
Не сплю, еинъ-кмукаруа.
Смѣюся, кмейнуа.
Плачу, кчишіануа.

Бѣлой, ре́шаноо,
Черной, е́куроко.
Красной, у́рапишкива.
Зеленой, ше́унинуа.
Желшой, у́рапашкикanану.
Большой, порого̀.
Малой, моіого̀.
Высокой, шрiива̀.
Низкой, орамуа̀.
Свѣшлой, сирбикируа̀.
Темной, сери́куроко.
Теплой, исе́асекка.
Сшуденой, имеранкѝ.
Мокрой, ри́кануа.
Сухой, сашгуа.
Живой, сикнуха.
Мокрой, раiуа.
Рано, насiаашъ.
Поздо, око́нууменаку.
Сего дня, шанѝ.
Завшра, насiаашша̀.
Послѣ завшра, икусiуаишо̀.
Вчера, нуума̀нъ.
Трешьяго дня, икусiуишо̀.
(шожъ что послѣ завшра)
Впередъ, ирисѝ.
Назадъ, е́нокауа.

Счешъ ихъ.

1, синѐпъ.
2, шу́упъ.
3, репъ.
4, инѐпъ.
5, асѝкъ.
6, ива̀нъ.
7, аруа̀нъ.
8, шубѝсъ.
9, синепѝсъ.
10, уупѝсъ.
11, синепъ-и́каемуа.
12, шуупича } и́касмуа
13, реепичь }
19, синеписанъ.
20, шуа́мпѐ.
30, реуампѐ.
40, инеуампѐ.
50, асикнеуампѐ.
60, ивануампѐ.

70, аруануампѐ.
80, тубисануампѐ.
90, синеписануампѐ.
100, уа́нуампе.
200, туа́нуампе.
1000, уа́нотнеуампе.
2000, туа́нотнеуампе.
10000, те́вано́ннеуампе.

Названія звѣрямъ, птицамъ, рыбамъ и другимъ извѣстнымъ имъ вещамъ натуральнымъ.

Лисицы, кимутпѐ.
Волки, оргіу.
Горностаи, таннерумъ,
Собака, стану̀.
Мышь, ерму̀.
Киты, ри́ка.
Коты морскіе, оннѐпъ.
Сивучи, етаспѐ.
Бобры морскіе, ракку̀.
Нерпы большія, ретапкоръ.
— — пестрыя, сіантораси.
——полосатыя, каа́ненъ
—— голыя, амуспѐ.
Свинки морскія, оку̀.
Бѣлуги, бе́зчурика.
Гуси, куйтупъ.
Селезни, саа́ичичъ.
Острохвосты, паакарихy.
Чернети, ячѝръ.
Чирки, туурі́уѐ.
Гоголи, чахчиръ.
Крохали, ту́ипе.
Гагары, сесъ.
Немки, ну́кеспу.
Орлы, сургу̀ръ.
Ястребы, кінкису̀пъ.
Мышеловы, расами̇̀.
Вороны, па̀скуръ.
Сороки, каку̀къ.
Ласточки, Стрижи } куякана́
Синицы, пайканчи̇̀ръ.
Куропатки, ніе́пус.
Кулики, е́чкумамус.
Зуйки, пе́торой.
Жаворонки, ри́кинчиръ.
Кокушки, какко̀къ
Чайки бѣлыя большія, о́ннемасъ.
Чайки черныя большія, по́нгапифъ.
— — малыя, керо.
Мартышки, си́чаача.

Савки, аанга.
Игылмы, ещубирга.
Ару, аара.
Урилъ, урилъ.
Старики, іекачичиръ.
Красная рыба, Сіичипъ.
Камбала, шантака.
Чавыча, чивырра.
Кета, сінне.
Горбуша, сіакипа.
Гольцы, усуркума.
Быки, сіисятки.
Бѣлая рыба, кирурта.
Кунжа, окорра.
Скатъ, уттапупару.
Сука рыба, руаниие.
Палимъ морской, сирбукъ.
Раки морскіе, еиріаръ.
Ольховникъ, асъ.
Рябинникъ, коксукени.
Сланецъ, паксенни.
Жимолостникъ, нашкурачкумамай.
Шиповникъ, конокопъ
Тальникъ, сусу.
Морошка, апнуменипъ.
Голубица, енумукута.
Водяница, ечкумамай.
Брусница, нипонкинъ.
Княженица, нукаруръ.
Толокнянка, акагкапу.
Клюква, асыпъ.
Капуста морская большая, ктусасъ.
—— малая съ краснымъ листьемъ, маруай.
—— особливаго рода, ирпѣтъ.

ГЛАВА XXIII.

О Сѣверо-западныхъ Американцахъ и о жителяхъ острововъ, лежащихъ между Сѣверо-восточною Азїею и Сѣверо-западною Америкою.

Жители Сѣверо-западной Америки суть такой же дикой народъ, какъ Коряки и Чукчи. Собою они плотны, плечисты и коренасты, росту средняго, волосы на головахъ имѣютъ черные прямые, которые они распустя носятъ. Лица у нихъ смугловатыя, и какъ тарелка плоскія, носы покляпые, токмо не весьма широкіе, глаза черные какъ уголь, губы толстыя, бороды малыя, шеи короткія (1).

---

(1) Сіе описаніе Крашенинникова составлено по запискамъ Адъюнкта *Стеллера*, который видѣлъ нѣсколько человѣкъ Американцевъ, находившихся ради промысла на одномъ изъ *Шумагинскихъ* острововъ. Оно относится, слѣдовательно только къ тамошнимъ сосѣдственнымъ жителямъ *Аляксинцамъ*. По запискамъ Академика *Лангсдорфа* (Bemerkungen auf einer Reise um die Welt in den Iahren 1803

Ходятъ въ рубахахъ съ рукавами длиною ниже колѣна, которыя ремнями подпоясываютъ подъ брюхо. Штаны и торбасы ихъ изъ тюленьихъ кожъ, выкрашенныхъ ольхою, много походятъ на Камчатскія. На поясахъ ножи желѣзные съ череньями, каковы наши мужики носятъ. Шляпы у нихъ изъ травы плетеныя, какъ у Камчадаловъ, безъ верху наподобіе Умбракуловъ, выкрашены зеленою и красною красками съ сокольими напереди перьями, или

---

bis 1807 zweyter Band pag. 202.) отличаются *Аляксинцы*, въ наружномъ ихъ видѣ, весьма мало отъ ниже сего описуемыхъ *Конягов*; кромѣ только, что имѣютъ усы и малую бороду подъ нижнею губою, такъ какъ древніе Испанцы. Нравы, обычаи и отъ части одежда и языкъ общіе у обоихъ народовъ; но въ пищи имѣютъ *Аляксинцы* важную выгоду передъ Конягами, ибо на полуостровѣ *Аляксѣ* (прежде *Аляскѣ*) водятся во множествѣ дикіе олени и дикіе бараны, коихъ промышляютъ обыкновенно осенью; кожи сихъ звѣрей служатъ имъ также для одежды. Живутъ въ малыхъ хижинахъ, землею покрытыхъ, у коихъ входъ бываетъ столь низокъ, что въ оныя только ползкомъ войти возможно; огонь разводятъ посреди хижины, которая вообще содержится опрятнѣе, нежели какъ сіе у *Конягов* въ обыкновеніи. В.

съ чесаною травою, какъ бы съ плюмажемъ, каковы употребляютъ Американцы около Бразиліи. Питаются рыбою, морскими звѣрьми и сладкою травою, которую заготовляютъ по Камчатски; сверхъ того примѣчены у нихъ тополовая и сосновая кора сушеная, которая не токмо на Камчаткѣ, но и по всей Сибири и въ самой Россіи, даже до Вятки, въ нужномъ случаѣ употребляется въ пищу, да морская трава складеная кипами, которая и видомъ и крѣпостью какъ ремни сыромятные. Вина и табаку они не знаютъ, къ истинному доказательству, что у нихъ съ Европейцами по нынѣ нѣтъ обхожденія.

За особливое украшеніе почитаютъ пронимать въ разныхъ мѣстахъ на лицѣ мочки, въ которыя вставливаютъ разныя каменья и кости. Иные носятъ въ ноздряхъ аспидныя палочки или грифели длиною около двухъ вершковъ; иные кость такой же величины подъ нижнею губою.

Народъ, которой живетъ по островамъ около Чукотскаго носа, и имѣетъ съ Чукчами обхожденіе, съ сими людьми конечно одного роду; ибо и у онаго вставливать кости за красу почитается. Покойный Маіоръ господинъ Павлуцкій, по бывшемъ нѣкогда сраженіи съ Чукчами, нашелъ между

мертвыми Чукотскими тѣлами двухъ человѣкъ того народа, у которыхъ по два зуба моржовыхъ подъ носомъ были вставлены въ нарочно сдѣланныхъ скважинахъ: чего ради тамошніе жители и называютъ ихъ зубатыми. А приходили они, по объявленію плѣнниковъ, не для вспоможенія Чукчамъ, но посмотрѣть, какъ они съ Россіянами бьются.

Изъ сего заключить можно, что Чукчи говорятъ съ ними или однимъ языкомъ, или по крайней мѣрѣ такъ сходнымъ, что другъ друга могутъ разумѣть безъ переводчика, слѣдовательно языкъ ихъ немалое сходство имѣетъ съ Корядкимъ (1); ибо Чукотской языкъ происходитъ отъ Коряцкаго, а разнствуетъ отъ него токмо въ діалектѣ; однако Коряцкіе толмачи могутъ съ ними говорить безъ всякой нужды. Чтожъ господинъ Стеллеръ пишетъ, что ни одинъ изъ нашихъ толмачей не могъ разумѣть языка Американскаго, оное происходитъ, можетъ

(1) Нынѣ напротивъ того извѣстно, что нарѣчіе ближайшихъ къ Азіи приморскихъ жителей Сѣверо-Западной Америки, и именно жителей *Нортонова* залива, отъ части сходствуетъ съ языкомъ Сидячихъ Чукчей, который совершенно различенъ отъ Коряцкаго. В.

быть, отъ великой разности въ діалектѣ, или отъ особливаго произношенія, которое не токмо между дикими жителями Камчатскими примѣчается, но и между Европейскими народами въ различныхъ провинціяхъ. На Камчаткѣ нѣтъ такого почти острожка, въ которомъ бы не было разности въ языкѣ отъ другаго самаго ближайшаго. А которые острожки въ разстояніи между собою нѣсколькихъ сотъ верстъ, тѣ уже разумѣютъ другъ друга не безъ трудности.

Между Американцами и Камчатскими народами сіи примѣчанія достойныя сходства усмотрѣны: 1) что Американцы лицемъ походятъ на Камчадаловъ (1); 2) что они сладкую траву запасаютъ такимъ же образомъ, какъ Камчадалы, чего нигдѣ индѣ никогда не примѣчено; 3) что и у нихъ огнива деревянныя; 4) что по многимъ признакамъ догадываются, что у нихъ топоры каменныежъ или костяные въ употребленіи, и господинъ Стеллеръ не безъ основанія думаетъ, что Американцы имѣли нѣкогда съ Камчатскими народами сообщеніе; 5) что платье и шляпы ихъ отъ Камчатскихъ не разнствуютъ; 6) что они кожи ольхою

(1) По запискамъ *Стеллера* походятъ они на Коряковъ. В.

красятъ по Камчатскиже, по которымъ признакамъ можетъ быть и произошли отъ одного поколѣнія. Сіе самое, по егожъ справедливому мнѣнію, можетъ служить и къ рѣшенію извѣстнаго онаго вопроса, *откуда жители въ Америкѣ?* ибо хотя положить, что между Америкою и Азіею не было никогда соединенія, однако въ разсужденіи близости обѣихъ частей свѣта въ сѣверѣ никто не скажетъ, чтобъ изъ Азіи не льзя было переселиться жителямъ въ Америку, особливо же что довольно островъ и на маломъономъ разстояніи, которые не мало способствовать могли къ преселенію.

Военныя ихъ орудія лукъ да стрѣлы. Каковы луки ихъ, того сказать не можно, ибо не случилось ихъ видѣть, но стрѣлы ихъ гораздо длиннѣе Камчадальскихъ и весьма походятъ на Тунгускія и Татарскія (1). Которыя нашимъ попались, тѣ выкрашены были черною краскою, и такъ гладко выстружены, что сумнѣваться не льзя, чтобъ у нихъ и желѣзныхъ инструментовъ не было.

Американцы по морю плаваютъ въ коженыхъ байдарахъ, такъ же какъ Коряки

---

(1) Стрѣлы бросаютъ посредствомъ дощечки, о чемъ будетъ ниже сего. В.

и Чукчи. Байдары ихъ длиною сажени по двѣ, а вышиною въ два фута, носы у нихъ острые, а дна плоскія. Внутреннее сложеніе ихъ состоитъ изъ шестовъ, которые по обоимъ концамъ вмѣстѣ сплочены и распялены поперечными впорками. Кожи, которыми онѣ вкругъ обтянуты, кажется тюленьи, выкрашенныя вишневою краскою. Мѣсто, гдѣ садятся, кругло, аршинахъ въ двухъ отъ кормы, обшивается брюшиною, которую помощію ремней, по краямъ продернутыхъ, какъ кошелекъ стягивать и растягивать можно. Американецъ сѣдши въ помянутое мѣсто протягиваетъ ноги и обвязываетъ вкругъ себя брюшину, чтобъ водѣ въ байдару попасть не можно было. Гребутъ однимъ весломъ, длиною въ нѣсколько саженъ, на обѣ стороны попеременно, съ такимъ успѣхомъ, что имъ противные вѣтры не много препятствуютъ, и съ такою безопасностью, что они не смотря на ужасное морское волненіе плавать не боятся. Напротивъ того съ нѣкоторымъ ужасомъ смотрятъ не большія наши суда, когда оныя шатаются, и совѣтуютъ сидящимъ на нихъ, чтобъ береглись, дабы суда ихъ не опрокинулись. Сіе случилось съ ботомъ Гавріиломъ, которой за нѣсколько лѣтъ ходилъ къ Чукотскому носу. Впрочемъ байдары

ихъ столь легки, что они ихъ носятъ одною рукою.

Когда Американцы незнаемыхъ людей увидятъ, то подгребая къ нимъ говорятъ долгую рѣчь; а колдовство ли то, или нѣкоторая церемонія для принятія чужестранныхъ, о томъ ничего заподлинно сказать не можно; ибо и то и другое у Курильцовъ въ употребленіи. Но прежде своего приближенія красятъ они щоки свои чернымъ карандашемъ, а ноздри затыкаютъ травою.

Въ пріемѣ гостей кажутся ласковыми, разговариваютъ охотно и дружески не спуская глазъ съ нихъ, подчиваютъ съ великимъ раболѣпствомъ, дарятъ китовымъ жиромъ и карандашемъ, которымъ щоки себѣ мажутъ, какъ выше показано, безъ сумнѣнія въ томъ увѣреніи, что объявленныя вещи и другимъ столькожъ какъ и имъ пріятны.

ПРИБАВЛЕНІЕ

КЪ ПРЕДЪИДУЩЕЙ ГЛАВѢ.

Берега Сѣверо-Западной Америки, и острова лежащіе между Сѣверо-Восточною Азіею и Сѣверо-Западною Америкою, населены разными народами, имѣющими пропитаніе отъ промысла рыбы и морскихъ звѣрей, и отъ части отъ промысла земныхъ звѣрей. Сіи народы раздѣляются на *Алеутовъ*, *Аляксинцовъ*, жителей *Нортонова* залива и прилежащихъ береговъ Сѣверо-Западной Америки, *Коняговъ*, *Кенайцовъ*, *Чугачей*, *Угалахмютовъ* и *Колюжей*; и состоятъ нынѣ подъ управленіемъ Россійской Американской Компаніи. Мы сообщаемъ здѣсь краткое ихъ описаніе, извлеченное изъ разныхъ Путешествій.

АЛЕУТЫ.

Жители острововъ *Алеутскихъ*, *Андреяновскихъ* и *Лисьихъ* называются вообще *Алеутами*. По описанію Вице-Адмирала Г. А. *Сарычева*, и отъ части по запискамъ *Кука* и Академика *Лангсдорфа*, Алеуты суть роста малаго, но статны; лица имѣютъ пріятныя и благообразныя, хотя съ выдавшимися нѣсколько скулами; шеи короткія, глаза и брови черные, носы плоскіе, волосы на головѣ черные и жесткіе, которые мущины подрѣзываютъ съ переди, а съ зади распускаютъ; женщины же завязываютъ волосы въ

пучокъ повыше затылка, а передніе отъ половины головы зачесываютъ на лобъ, и обрѣзываютъ по самыя брови. Мущины имѣютъ очень мало волосъ на бородахъ, ибо они ихъ вырываютъ съ корнемъ; и видъ ихъ нѣсколько суровый, но непротивенъ. Женщины накалываютъ и натираютъ угольемъ на щекахъ по двѣ дорожки, отъ нижней части носа къ срединѣ ушей, и по широкой полосѣ отъ нижней губы къ подбородку; которыя когда заростутъ, получаютъ синеватой цвѣтъ. Сверьхъ сего носятъ онѣ подъ губами двѣ длинныя косточки, вставляемыя въ нарочно для сего тамъ сдѣланныя двѣ дыры; вокругъ краевъ ушей пришиваютъ голубой и бѣлой бисеръ; а передъ губами носятъ родъ длинныхъ серегъ, составленныхъ изъ четырехъ нитокъ нанизанныхъ бисеромъ, кораллами и янтаремъ, которыя продѣваютъ чрезъ дыру, въ носовой мякоти подъ хрящемъ прокалываемую. Нынѣ однако многія женщины перестаютъ безобразить себя такимъ образомъ, изъ угожденія къ Рускимъ. Прежде украшали себя отъ части и мущины вставляемыми подъ губами двумя длинными косточками, и продѣваемою чрезъ мякоть носовую подъ хрящемъ длинною косточкою или грифелемъ. *Кукъ* видѣлъ еще въ 1778 году на *Уналашкѣ* нѣсколько мущинъ съ симъ украшеніемъ, которое нынѣ ими уже вовсе оставлено.

Нравомъ Алеуты вообще тихи, миролюбивы, услужливы и послушны; одарены природнымъ разумомъ, довольно понятны, и имѣютъ многія способ-

ности. Сильнымъ страстямъ не подвержены, и при чрезвычайныхъ произшествіяхъ не видно на лицахъ ихъ ни досады, ни печали, ни радости. Воровства и прочихъ худыхъ склонностей въ нихъ не примѣтно, кромѣ лѣности и неблагодарности.

Одежда мужеская состоитъ изъ парки длиною ниже колѣна, похожей на рубашку, и сдѣланной изъ кожъ морскихъ птицъ, *топорками* называемыхъ; воротникъ у сей парки круглой стоячій, безъ разрѣза, обыкновенно изъ оленьей кожи. Для украшенія пришивается къ паркѣ нѣсколько козьей шерсти, и узенкіе ремешки изъ кожи морскихъ котовъ. Мущины надѣваютъ, выѣжжая въ море, сверьхъ сей парки рубашку съ капишономъ, сшитую изъ кишекъ морскихъ звѣрей, для предохраненія себя отъ дождя и морской воды; голову же покрываютъ деревянною овальною шляпою безъ верьха, похожею на зонтикъ, и украшенною у верьху на передѣ одною или двумя костяными фигурами, и сивучьими усами нанизанными бисеромъ. По замѣчанію Академика *Лангсдорфа*, полагаютъ они большую цѣну въ великомъ числѣ сихъ усовъ, ибо оные составляютъ трофеи хорошаго промышленника; и сіе за тѣмъ, что у сивучей бываетъ только по четыре, столь длинные уса. Штаны и сапоги дѣлаютъ изъ горла сивучей. Когда мущины сидятъ въ байдарахъ во всемъ своемъ нарядѣ, то имѣютъ видъ величественный; но стоя кажутся не проворными и вялыми.

Женскія парки одинакаго покроя съ мужескими, и дѣлаются не изъ птичьихъ кожъ, но изъ кожъ

морскихъ котовъ. Воротникъ у нихъ стоячій, шириною въ ладонь, украшенъ разными узорами изъ бисеру; и отъ передней части онаго виситъ нѣсколько длинныхъ нитокъ, нанизанныхъ бисеромъ и корольками; подолъ парки и концы рукавовъ обложены подзоромъ. Нарядное платье отличается только тѣмъ, что на немъ больше бисеру, и что на немъ нашита поперекъ рядами козья шерсть, и кругомъ обвѣшено корольками, топорковыми носиками и ремешками. На рукахъ и ногахъ носятъ женщины по нѣскольку нитокъ нанизанныхъ бисеромъ, а на перстахъ кольца, и ходятъ по большой части безъ обуви.

Алеуты живутъ въ юртахъ углубленныхъ въ землю, имѣющихъ видъ не очень пространнаго четвероугольника, изъ коихъ не многія длиною больше пятидесяти, а шириною больше двадцати Англинскихъ футовъ. Крыша дѣлается плоская изъ выкидываемыхъ моремъ бревенъ и вѣтвей, ибо на сихъ островахъ не произрастаетъ никакого лѣсу; и покрывается травою, на которую дѣлается насыпь изъ земли. По обоимъ концамъ четвероугольника, въ крыши находятся отверстія, изъ коихъ одно для свѣта, а другое для входа въ юрту; къ сему послѣднему приставлено бревно съ вырубленными ступенями. Въ сихъ юртахъ разводятъ огонь весьма рѣдко, и единственно для варенія рыбы или мяса морскихъ звѣрей; но оныя освѣщаются по вечерамъ жженіемъ китоваго жира съ сухою травою, употребляемою вмѣсто светильни; посуда къ сему служащая, или плошка, состо-

итъ изъ плоскаго камня въ одномъ концѣ нѣсколько выдолбленнаго; симъ огнемъ нагрѣваютъ себя во время холода, ставя плошку подъ платье, и закрывая воротникъ у парки, чтобы теплота не выходила. Огонь достаютъ или посредствомъ ударенія камня о камень, изъ коихъ одинъ натираютъ сѣрою, или посредствомъ Камчатскаго деревяннаго огнива. Живутъ кругомъ около стѣнъ юрты семьями, въ сдѣланныхъ отдѣленіяхъ, гдѣ травяныя рогожи постланы вмѣсто постелей; средина же юрты общая, выстилается травою; ее содержатъ весьма неопрятно, ибо льютъ туда помои и всякую нечистоту, отъ чего бываетъ сырость и духота, которыя по большой части и отъ того происходятъ, что каждая семья передъ своимъ отдѣленіемъ скопляетъ въ деревянныхъ посудахъ мочу, употребляемую для крашенія травы, и для умыванія рукъ, вмѣсто мыла. Деревянная посуда ихъ состоитъ изъ лукошекъ для держанія въ нихъ воды. Жиръ китовой и тюленій хранятъ въ пузыряхъ, прочіе же сухіе припасы въ корзинкахъ или мѣшечкахъ, сплетенныхъ изъ травы. Прежде варили рыбу въ каменныхъ противняхъ, но нынѣ варятъ пищу, по большой части, въ мѣдныхъ и желѣзныхъ котлахъ, привозимыхъ изъ Сибири.

Мущины упражняются въ промыслѣ морскихъ бобровъ, (кои уже очень рѣдко попадаются близь сихъ острововъ) сивучей, тюленей, китовъ, разнаго рода рыбы и птицъ, и дѣлаютъ разныя къ сему нужныя орудія, какъ то: байдары, весла, стрѣлы, доски

для бросанія стрѣлъ, уды, веревки, и прочая. Въ досужное время занимаются также обработываніемъ разныхъ издѣлій, служащихъ для игръ, домашняго употребленія или для украшенія, именно же: дѣланіемъ бубенъ, побрякушекъ изъ носиковъ топорковыхъ, деревянныхъ чашекъ и другой посуды, деревянныхъ шляпъ, также разныхъ рѣзныхъ изображеній изъ кости, какъ то человѣческихъ фигуръ, рыбъ, морскихъ звѣрей и птицъ, и въ сей рѣзьбѣ оказываютъ нѣкоторые успѣхи. Упражненіе же женщинъ состоитъ въ плетеніи травяныхъ ковровъ, мѣшечковъ, корзинокъ и бумажниковъ, что дѣлаютъ съ отмѣннымъ искуствомъ, украшая оныя издѣлія разными симметрическими фигурами. Траву для сего раздѣляютъ на двое ногтемъ, который у каждой мастерицы отрощенъ и заостренъ бываетъ на указательномъ перстѣ. Такимъ же образомъ раздѣляютъ и жилы морскихъ звѣрей на тонкія волокны, изъ коихъ сучатъ одними пальцами самыя тонкія и ровныя нитки для шитья платья и обуви. Вышиваютъ съ великимъ искуствомъ узоры на кожѣ, выдѣланной изъ перепонки бывающей въ горлѣ птицъ; для сего употребляютъ вмѣсто нитокъ длинную козью шерсть, коею пришиваютъ волосы лошадиные, переплетая ихъ бѣлою оленьею шерстью и разныхъ цвѣтовъ шелками; отъ чего сіе шитье походитъ на самой мѣлкой низаной бисеръ. Другія ихъ занятія суть обшиваніе байдаръ кожами, шитье разнаго платья и обуви, собираніе ягодъ и коренья для зимняго запасу, сушеніе рыбы, выдѣлываніе и крашеніе кожъ и травы.

Пропитаніе имѣютъ Алеуты отъ промысла рыбы и морскихъ звѣрей; употребляютъ также въ пищу изъ корней, сарану и макаршу; изъ травъ, сладкую траву, кипрей, кутугарникъ; а изъ ягодъ голубицу, жимолость, шикшу, толокнянку и малину. Промышляютъ также морскихъ птицъ, коихъ кожи, особенно *Толорковыя*, употребляются на мужескія парки. Особенный родъ желтаго корня почитаютъ лѣкарствомъ для глазъ, и ѣдятъ оный, когда намѣрены ѣхать на промыселъ, всегда на канунѣ того дня вечеромъ; отъ чего, по ихъ увѣренію, на другой день по утру бываетъ зрѣніе столь чисто, что и въ весьма далекомъ разстояніи видятъ самые малые предметы. Къ нюхательному табаку очень пристрастны.

Главное богатство Алеута состоитъ въ кожаномъ челнокѣ, или такъ называемой байдаркѣ; ибо имѣя оную, можетъ легко достать отъ промысла все нужное для пропитанія себя и своего семейства. Но какъ на строеніе одной байдарки употребляютъ много времени, то оныя очень дороги. Основа или рѣшетка байдарки дѣлается изъ выкидываемаго моремъ лѣсу, столь тонко, что байдарка однолючная, совсѣмъ готовая, не тяжелѣе пуда. Киль длиною въ 21 футъ, составленъ изъ двухъ или трехъ плахъ; къ нему привязываются волокнами изъ расколотыхъ китовыхъ усовъ, согнутые штевни и ребра изъ прутьевъ ивовыхъ; верхніе концы ребръ связываются рамою съ поперечными распорками, шириною на сере-

динѣ фута въ полтора. Рѣшетка байдарки обтягивается кругомъ кожами тюленей или сивучей, оставя только въ верхней части въ срединѣ круглое отверстіе, или люкъ, въ которомъ садится человѣкъ, протянувъ ноги впередъ. Внутри байдарки стелютъ старыя кожи, дабы не сидѣть на самой рѣшетинѣ. Сіи байдарки весьма легки на ходу; только нельзя въ нихъ дѣлать большихъ движеній тѣломъ въ сторону, ибо отъ сего можно опрокинуться. Впрочемъ тамошніе жители отъѣжжаютъ въ нихъ до семидесяти верстъ въ море отъ береговъ, и не страшатся никакой бури; но при наступленіи оной для безопасности связываютъ нѣсколько байдарокъ рядомъ, одну подлѣ другой, положа въ промежутки надутые пузыри, для того чтобы байдарки не терло одну объ другую качкою, и становятся носами противъ волненія. Дабы въ байдарку не налилось воды волнами, обшивается накрѣпко, около закраины байдарочнаго люка, кишечная брюшина, коея верхній конецъ обвязываетъ человѣкъ плотно около пояса; на голову надѣваетъ онъ капишонъ изъ кишекъ же, и завязываетъ шнурками около рукъ рукава кишечной камлейки; и такимъ образомъ предохраняетъ себя отъ морской и дождевой воды во время самой сильной и продолжительной бури. Естли же буря захватитъ одну только байдарку, то привязываютъ по бокамъ оной надутые пузыри, дабы не опрокинулась. Весло служащее и для гребли и для удержанія равновѣсія, имѣетъ въ обоихъ концахъ по лопасти; оное держутъ въ срединѣ обѣи-

ми руками, и гребутъ то во сію, то подругую сторону, отъ чего получаетъ байдарка ходъ скорый и прямый. Сидя въ оной можно чувствовать движеніе киля и членовъ ея, которые на каждомъ валу сгибаются и разгибаются. Островитяне ѣздятъ въ байдаркахъ такъ скоро, что никакая легкая шлюпка догнать ихъ не можетъ, ибо переходятъ до четырехъ Италіянскихъ миль въ часъ.

Весьма замѣчанія достойно то, что точно такія однолючныя кожаныя байдарки и такія же двоелопатистыя весла употребляются *Гренландцами*; сіе сходство въ строеніи оныхъ вѣроятно не произошло случайно, но можетъ быть основывается на бывшемъ прежде сношеніи между обоими народами. Впрочемъ сей во многихъ отношеніяхъ достопримѣчательный родъ кожаныхъ челновъ извѣстенъ уже былъ въ Европѣ съ начала седмагонадесять столѣтія; ибо нѣсколько человѣкъ *Гренландцовъ*, вывезенныхъ изъ *Гренландіи* на отправленныхъ туда Датскимъ Королемъ Христіяномъ IV корабляхъ, не рѣдко разъѣжжали въ своихъ байдаркахъ на окрестныхъ у Копенгагена водахъ, и своимъ проворствомъ и весьма скорою ѣздою привлекали на себя вниманіе Европейцевъ. Нынѣ употребляются Рускими промышленниками въ Америкѣ троелючныя кожаныя байдары съ великою пользою.

Алеуты употребляютъ на промыслахъ разнаго рода стрѣлы, коими они не стрѣляютъ изъ луковъ, но бросаютъ оныя изъ дощечекъ, длиною въ полтора фута, шириною же въ два дюйма. Чтобы можно бы-

ло выгоднѣе держать такую дощечку, дѣлается въ нижней части ея родъ рукоятки и дыра, въ которую вставляется указательной палецъ; въ верхней же части дощечки есть углубленіе для трехъ пальцовъ и желобокъ, гдѣ кладется стрѣла, заднимъ концомъ упирающаяся на вставленной косточкѣ, имѣющей видъ гвоздика. Стрѣлъ есть пять родовъ, изъ коихъ первой длиною въ 4 фута, имѣетъ копейцо изъ лавы, длиною въ полтора, шириною въ три четверти дюйма; сіи стрѣлы служатъ для нападенія на людей и большихъ звѣрей; другой родъ меншій первыхъ съ костяными носками, употребляется на малыхъ звѣрей; третій родъ одной величины со стрѣлами перваго рода, употребляемый на птицъ, имѣетъ на переднемъ концѣ четыре костяныя спицы съ зазубринами; четвертыи родъ длиною въ 9 футовъ съ костянымъ копейцомъ на переднемъ и съ орлиными перьями на заднемъ концѣ, употребляется также на звѣрей; пятый же родъ стрѣлъ есть длиною въ 4 фута и 4 дюйма, съ костянымъ носкомъ и съ привязаннымъ на срединѣ надутымъ пузыремъ, который служитъ для того чтобы раненый звѣрь, когда умретъ, не утонулъ.

Выѣжжая въ море, кладутъ всѣ стрѣлы и дощечку на байдаркѣ, подъ прикрѣпленные тамъ ремешки передъ собою и позади себя; бросаютъ стрѣлы правою рукою, прямо съ плеча, нажимая оныя большимъ и среднимъ пальцами къ желобку, а лѣвою рукою, держа весло, сохраняютъ равновѣсіе байдарки. Мясо перваго, съ начала промысла промышленнаго звѣря разда-

етъ промысливший онаго въ своемъ селеніи всѣмъ жителямъ по частямъ, кости же онаго всѣ собравъ, бросаютъ они въ море.

Въ кита бросаютъ стрѣлы тогда, когда сіе животное голову изъ воды выставитъ для дыханія, и стараются попасть подъ переднія его перья. Если въ семъ успѣютъ, то копейцо изъ лавы остается въ ранѣ животнаго, которое уже неминуемо умретъ, по причинѣ потери крови, и тогда плаваетъ на поверхности воды, или чрезъ нѣсколько дней приваливается вѣтромъ къ берегу. Для избѣжанія споровъ, каждый промышленникъ замѣчаетъ копейца изъ лавы своимъ знакомъ, который по добываемымъ изъ ранъ кита копейцамъ служитъ послѣ въ доказательство, кому принадлежитъ добыча. Половину промышленнаго кита получаетъ Американская Компанія.

Кромѣ однолючныхъ байдарокъ, которыя Алеутами болѣе употребляются, есть и двое и троелючныя, также большія кожаныя открытыя шлюпки, въ коихъ помѣщается отъ 15 до 20 человѣкъ. Послѣднія принадлежатъ селеніямъ, или Американской Компаніи, и употребляются для буксированія приходящихъ и отходящихъ кораблей, и для привоза промышленныхъ китовъ и лѣсу, моремъ къ берегамъ приваливаемаго.

Алеуты воспріяли православную Греко-Россійскую вѣру; прежде же состояла ихъ Религія въ предразсудкахъ и шаманствѣ. Хотя и признавали они существованіе Бога Всемогущаго, но несовершали

никакихъ молитвъ ниже жертвоприношеній; болѣзни же и нещастія приписывали злымъ духамъ, и въ такихъ случаяхъ прибѣгали, да и нынѣ еще прибѣгаютъ къ шаманамъ, кои у нихъ не имѣютъ особеннаго одѣянія. Во время призыванія духовъ поетъ шаманъ съ прочими Алеутами шаманскую пѣснь, сидя спокойно на одномъ мѣстѣ, и ударяя изрѣдка въ бубенъ, который невеликъ и точно таковъ, каковъ употребляемъ бываетъ при всякихъ пѣсняхъ и пляскѣ. Чрезъ нѣсколько времени приходитъ шаманъ въ изступленіе, начинаетъ кричать громко, и наконецъ упадаетъ безъ памяти. Когда послѣ опамятуется, то разсказываетъ присутствующимъ, что происходило между имъ и явившимися ему духами, и предвѣщаетъ каковъ будетъ успѣхъ по предложенному ему предмету.

Число женъ сообразно было прежде состоянію мужа, который обыкновенно столько ихъ имѣлъ, сколько могъ безъ нужды пропитать. Обрядовъ свадебныхъ никакихъ не бывало; женихъ договаривался съ родителями невѣсты, обѣщая имъ дать что имѣетъ у себя излишняго, и по полученіи согласія начиналъ ѣздить къ невѣстѣ въ гости, и проживалъ по нѣскольку времени; наконецъ бралъ ее къ себѣ, или самъ переходилъ жить къ ней. Мужъ могъ по согласію жены уступить ее другому вовсе, или на время; что не рѣдко случается изъ корыстолюбія со времени прибытія Россіянъ. По сему одна только мать имѣла власть надъ дѣтьми, и дѣти одного отца, но разныхъ матерей не считалися родными, и мог-

ли совокупляться бракомъ; что запрещалось дѣтямъ одной матери и разныхъ отцовъ.

Игрища бываютъ зимою. Вице-Адмиралъ Г. А. *Сарычевъ* описалъ видѣнное имъ игрище на островѣ *Уналашкѣ* въ *Макушинскомъ* селеніи; по сему описанію, пріѣжжіе изъ другихъ селеній Алеуты, должны были тогда спускаться въ юрту не по лѣстницѣ, но перескакивая на три жерди, подъ отверстіемъ юрты на ремняхъ горизонтально привязанныя; изъ коихъ одна разстояніемъ отъ отверстія около трехъ футовъ, другая на сажень пониже первой, а третія отъ второй на полторы сажени, а отъ полу на четыре фута. Сіе происходило при звукѣ бубновъ и крикѣ хозяевъ. Когда же гости сѣли по мѣстамъ, то начали пляску нагіе мальчики и большіе мущины, въ шитыхъ шапочкахъ, препоясанные поясами и имѣющіе на рукахъ повязки; они скакали одинъ за другимъ, съ бубнами въ рукахъ. Потомъ выходили по двѣ женщины рядомъ, въ вышитыхъ и украшенныхъ козьею шерстью повязкахъ, и скакали, держа въ рукахъ попеременно надутую тюленью кожу или пузырь, и потрясывая иногда головами въ тактъ бубновъ. Другія женщины плясали подобнымъ образомъ, держа каждая въ рукахъ по стрѣлкѣ. Когда всѣ женщины переплясали, тогда выходили мущины одинъ за другимъ въ разныхъ личинахъ, коимъ другіе пѣли пѣсни, ударая въ бубны. Личины были разнаго вида какъ то: съ разинутымъ ртомъ и тюленею головою въ верьху; съ искривленнымъ ртомъ и по-

сохомъ въ рукѣ; съ тюленьимъ ртомъ; и объ одномъ правомъ глазѣ.

Пляска Алеутовъ съ *Андреяновскихъ* острововъ со всемъ отмѣнна отъ сей; мущины пляшутъ по одиначкѣ, въ одной рубашкѣ и портках; на голову надѣваютъ они вышитую шапку съ длинною и узкою верхушкою, высунувшеюся далеко впередъ, загнувшеюся нѣсколько къ верьху, и украшенною кругомъ козьею шерстью. Пляска производится при пѣніи пѣсней и звукѣ бубновъ; плясунъ скачетъ держа въ каждой рукѣ по пузырю, дѣлаетъ разныя движенія руками, и кривляетъ головою въ ладъ бубновъ, послѣ сего беретъ надутую тюленью кожу, и поднимая ее къ верьху, показываетъ всѣмъ; потомъ пляшетъ такимъ же образомъ съ платкомъ, держа концы его въ обѣихъ рукахъ; наконецъ взявъ палку вращаетъ ею такъ, какъ гребутъ весломъ на байдаркѣ. Сія пляска, сказываютъ, выдумана въ насмѣшку хвастовства въ промыслѣ звѣрей; ибо пузыри, надутая тюленья кожа и платокъ означаютъ промышленныхъ звѣрей. Женщина же для пляски надѣваетъ мужескую птичью парку, подпоясываетъ ее, на голову повязываетъ такую же повязку, какія употребляютъ Алеутки острова *Уналашки*, а за спиною вѣшаетъ на ремнѣ стрѣлку съ надутымъ пузыремъ. Въ семъ нарядѣ становится передъ сидящими мущинами на колѣни, посреди травяной рогожи; и когда начнутъ пѣть пѣсни, тогда она понемногу пошевеливается и привстаетъ держа руками

за поясъ; потомъ вынувъ изъ за спины стрѣлку приподнимается на ноги, и съ нею пляшетъ на одномъ мѣстѣ, потряхивая головою въ ладъ бубновъ, и поворачивая стрѣлку въ разныя стороны.

По увѣренію Алеутовъ, было прежде у нихъ обыкновеніе, при похоронахъ Тоіона или какого богатаго жителя, убивать одного изъ его любимыхъ прислужниковъ, и похоронять вмѣстѣ съ господиномъ." Нынѣ, по словамъ Г. Вице-Адмирала *Сарычева*, сей варварской обычай отмѣненъ, а кладутъ только съ покойникомъ его байдарку, стрѣлы и другія подобныя сему вещи. Брюхо изъ мертваго вынимаютъ и набиваютъ туда сѣна. Незажиточныхъ Алеутовъ хоронятъ просто въ землю, или иногда подъ утесомъ въ пещерахъ; богатыхъ же погребаютъ въ сдѣланныхъ нарочно изъ наноснаго лѣсу срубахъ, гдѣ насыпавъ нѣсколько земли постилаютъ травяные ковры и кожу съ байдарки; на оную кладутъ покойника спиною, связаннаго ремнями такимъ образомъ, какъ они обыкновенно сидятъ, колѣни пригнуты къ грудямъ и руки подъ оными; потомъ покрываютъ съ верху Черелами и засыпаютъ землею. Байдарочную решетку ломаютъ въ куски, и обломки втыкаютъ сверху могилы въ землю. Жена умершаго, ежели она любила мужа, въ знакъ печали обрѣзываетъ на головѣ свои волосы, и оплакиваетъ его нѣсколько дней; нѣкоторыя же изъ любви къ покойнику держатъ его по нѣскольку недѣль въ юртѣ, сдѣлавъ для него рамы на подобіе лежащей бокомъ, треугольной призмы. Сіи рамы

дѣлаютъ они по величинѣ мертваго, обтягиваютъ и обшиваютъ ихъ кругомъ кожами. Сажаютъ туда покойника, такъ чтобъ онъ былъ въ положеніи сидящаго человѣка, и до тѣхъ поръ хранятъ его въ отдѣленномъ мѣстѣ юрты, покуда жестокой смрадъ не принудитъ похоронить онаго. Маленькихъ же дѣтей, такъ какъ удобнѣе и крѣпче можно сдѣлать для нихъ таковое хранилище, держатъ по году и болѣе, или до тѣхъ поръ какъ родится другой ребенокъ. Украшаютъ оное снаружи бисеромъ, корольками, ремешками, топорковыми носками, и привѣшиваютъ его близь своихъ постель."

Народонаселеніе Лисьихъ и Андреяновскихъ островов простиралось въ 1791 году до 1178 человѣкъ мужескаго пола.

Мы не будемъ здѣсь упоминать объ *Аляксинцахъ*, ибо они были предметомъ содержанія предъидущей главы.

НАРОДЫ ОБИТАЮЩІЕ СѢВЕРНѢЕ АЛЯКСЫ И ВЪ НОРТОНОВОЙ ГУБѢ.

Сіи народы по сіе время еще мало извѣстны. Кукъ въ 1778 году, стоя нѣкоторое время съ своими кораблями на якорѣ близко сѣверозападнаго Американскаго берега, по ѣ 60° широты, имѣлъ случай видѣть тамошнихъ жителей, *Аглэгомюты* называемыхъ, которые приближились къ его кораблямъ, въ 27 однолючныхъ байдаркахъ. По его описанію, казались они быть одного рода съ тѣми, коихъ видѣлъ онъ съ нѣкотораго времени на сосѣд-

ственныхъ берегахъ (здѣсь разумѣетъ *Кукъ* вѣроятно Алеутовъ). Они носили такія же украшенія въ губахъ и носахъ; но были гораздо неопрятнѣе, и не такъ хорошо одѣты. Волосы у большой части изъ нихъ, были выбриты или подрѣзаны очень коротко, кромѣ двухъ пучковъ волосовъ, кои висѣли назади или на одной сторонѣ; на головахъ имѣли они капишоны изъ звѣриныхъ кожъ, и деревянныя шапки. *Кукъ* купилъ у нихъ родъ пояса, изъ звѣриныхъ кожъ съ висящимъ приборомъ, которой передѣвается между лядвіями; по сему поясу заключать должно, что они ходятъ иногда нагіе (какъ сіе прежде и у Камчадаловъ было въ обыкновеніи, см. выше стр. 64). Орудія ихъ состояли въ лукахъ, стрѣлахъ и дротикахъ; а кожаныя байдары были нѣсколько пошире Алеутскихъ, и люки оныхъ, въ которыхъ люди садятся, гораздо больше нежели у тѣхъ. Приближаясь къ кораблямъ съ робостью, кричали и протягивали руки; чѣмъ вѣроятно хотѣли изъявить свое дружественное расположеніе. Употребленіе табаку еще имъ тогда не было извѣстно, и изъ иностранныхъ издѣлій ничего не имѣли кромѣ одного куска желѣза, прикрѣпленнаго къ деревянной рукояткѣ, и употребляемаго вмѣсто ножа. Далѣе къ Сѣверу живутъ *Кыхлыгомюты*, а внутрь материка Американскаго, далѣе озера *Илямы*, *Кцялтаны*; но о сихъ народахъ, кромѣ ихъ названія, не имѣется еще никакихъ извѣстій.

Жители *Нортоновой* губы у мыса *Роднея*, что до виду лица, уже описаны выше стр. 245. По опи-

санію Вице-Адмирала Г. А. *Сарычева*, носятъ они для украшенія по два камешка алебастровые, по обѣ стороны рта въ нижней губѣ, а въ ушахъ у нихъ нанизанъ бисеръ. Платье же ихъ состоитъ изъ короткихъ оленьихъ парокъ и штановъ изъ тюленьей кожи; а обуви никакой у нихъ не примѣчено. Пляшутъ въ ладъ пѣсни и бубна, переступая съ мѣста на мѣсто, и поворачивая голову весьма проворно во всѣ стороны, при разномъ и сильномъ движеніи всемъ тѣломъ и руками. Они мѣняли Рускимъ матрозамъ на стеклянные корольки, которые почитали дороже всего, на бисеръ и пуговицы, нѣсколько красныхъ лисицъ, птичьи и еврашечьи парки, деревянныя чашки и сдѣланныя изъ моржовыхъ зубовъ разныя мѣлочи.

Байдары у нихъ величиною и постройкою своею точно такія же, какъ и у *Конягов*; но обтянуты бываютъ вмѣсто сивучей, моржовою кожею, распластанною на трое. *Кукъ* видѣлъ на островѣ *Анкѣ*, лежащемъ передъ мысомъ *Роднеемъ*, сани сихъ жителей, похожіе на Камчатскіе, имѣвшіе десять футовъ длины, и двадцать дюймовъ ширины; полозья были поддѣланы костью, и на саняхъ была рѣшетка.

Капитанъ *Кингъ*, сопутникъ *Кука*, выходилъ на берегъ въ *Нортоновой* губѣ, и имѣлъ случай видѣть одно семейство тамошнихъ жителей. По его словамъ мущина былъ статенъ, длиною въ пять футовъ Английскихъ и два дюйма; волосы имѣлъ черные короткіе и малую бороду, цвѣтъ тѣла мѣдянокраснова-

той, и въ нижней губѣ двѣ дыры, въ коихъ однако никакого не было украшенія. Женщина же была малаго роста и присадиста; лице имѣла круглое одутловатое, и подъ нижнею губою до подбородка наколотое украшеніе; одежда ея родъ короткой парки, сдѣланная изъ ланьей кожи, а обувь состояла въ весьма широкихъ сапогахъ. Тамъ же видѣлъ *Кукъ* девять мущинъ, кои къ кораблю пріѣхали въ одналючныхъ байдаркахъ. Въ чертахъ лица и въ ростѣ ихъ непримѣчено никакой отмѣны въ сравненіи съ жителями сосѣдственныхъ береговъ Америки (*Алеутовъ*, *Чугачей* и *Кенайцовъ*). Одежда ихъ состояла особенно изъ ланьей кожи, и была такого же покроя; они перекалывають также нижнюю губу, и носять въ ней украшенія. Судя по сообщенному *Кукомъ* собранію словъ (Troisième Voyage de Cook, traduit de l'anglais par M. D**** tome 8 на самомъ концѣ), нарѣчіе сихъ жителей сходствуетъ отъ части съ нарѣчіями *Конягосъ* и *Сидячихъ Чукчей*, чѣмъ доказывается сродство сихъ народовъ.

КОНЯГИ.

Сообщаемое здѣсь краткое описаніе сихъ Островитянъ, составлено большею частью изъ слѣдующихъ сочиненій, а именно: изъ путешествія флота Капитана (нынѣ Вице-Адмирала) Г. А. *Сарычева* часть II; изъ путешествія вокругъ свѣта флота Капитана Ю. Ф. *Лисянскаго* часть II 1812 года; изъ Bemerkungen auf einer Reise um die Welt von G. H. von Langsdorff 2 Band 1812; и изъ двукратнаго путешествія въ Аме-

рику морскихъ офицеровъ Хвостова и Давыдова часть II 1812 года.

Жители острова *Кадьяка*, Шелиховымъ *Кыхтакъ* наименованнаго (которое слово на ихъ языкѣ означаетъ вообще большой островъ), и островов прилежащихъ называютъ себя *Конягами*. Они роста средняго, широкоплечи, но вообще довольно статны; въ лицахъ ихъ нѣтъ ничего особеннаго, ибо есть лица круглыя, плоскія, и продолговатыя, но въ обоихъ полахъ мало пріятныя. Глаза, брови и волосы черные; послѣдніе завиваютъ мущины нынѣ въ косу или распускаютъ, а иные стригутъ ихъ съ переди, подражая Рускимъ и Англичанамъ. Прежде сего подрѣзывали мущины волосы въ кружокъ, и намазывали жиромъ, сверхъ чего иные обсыпали еще ихъ краснымъ порошкомъ, и сверху облѣпляли бѣлымъ птичьимъ пухомъ. Женщины же имѣютъ волосы весьма длинные, и завязываютъ ихъ въ пучки у самаго затылка, а съ переди обрѣзываютъ на ровень съ глазами. Цвѣтъ кожи Островитянъ смугловато мѣдный; но есть между ими многія женщины весьма бѣлыя, вѣроятно отъ того, что меньше бываютъ на открытомъ воздухѣ. Мущины имѣютъ небольшія бороды, которыя у нихъ позже расти начинаютъ, нежели у Европейцевъ.

Прежде сего украшали они себя, передѣвая чрезъ мякоть подъ носовой хрящъ костяную спицу, длиною до пяти дюймовъ, или другія какія либо вещи, и прокалывая въ нижней губѣ дыры, вставляли туда каменья или длин-

ныя кости: но нынѣ уже оставляютъ сіи украшенія, довольствуясь ношеніемъ серегъ въ ушахъ, и украшая по большей части края ушей разноцвѣтнымъ бисеромъ. Женщины вставляютъ въ носовую мякоть подъ хрящомъ кости или бисеръ и корольки; подъ нижнею губою вѣшаютъ, въ прокалываемыхъ отъ двухъ до шести дыркахъ, низанной бисеръ, или вкладываютъ бисеръ и небольшія бѣлыя косточки; сверхъ сего вышиваютъ себѣ по бородамъ черные рисунки, протягивая позакожею нитку, намазанную сажею смѣшенною съ нѣкоторымъ чернымъ составомъ; когда же за мужъ выйдутъ, то вышиваютъ въ знакъ любви на тѣлѣ или только на рукахъ узоры, по своему вкусу. Уши у нихъ вокругъ проколоты, куда вѣшаютъ бисеръ, корольки и другія украшенія, изъ коихъ янтарь и особенный родъ раковинъ, *Цуклями* называемыхъ, почитаются самыми драгоцѣнными. На шеѣ, рукахъ и ногахъ носятъ нанизанный бисеръ разныхъ цвѣтовъ; а на пальцахъ столько колецъ и перстней, сколько у нихъ есть, или умѣститься можетъ. Однако нынѣ оставляютъ и женщины прокалывать себѣ нижнюю губу и мякоть подъ носовымъ хрящомъ, и не испещряютъ бороды вышиваемыми узорами; нѣкоторыя даже, подражая Рускимъ женщинамъ, начинаютъ носить косы вмѣсто пучковъ. Щеголихи моются не только водою, но часто и мочею, приписывая ей качество дѣлать лице бѣлымъ и чище; сіе дѣлаютъ также женщины Алеутскія и Гренландскія. При важныхъ предпріятіяхъ, каковыя суть промыселъ, пріемъ гостей,

или когда должно перегресть большое разстояніе, красятъ *Конлги* свои лица краснымъ карандашомъ.

Одежда обоего пола состоитъ изъ парокъ и камлеекъ. Парки шьются или изъ птичьихъ кожъ: топорковыхъ, урильихъ, арьихъ и ипатковыхъ, или изъ еврашечьихъ кожъ; послѣднія бываютъ двойныя, шерстью вверхъ и внутрь. Еврашечьи парки употребляются больше женскимъ поломъ; рукава у нихъ очень короткіе, а подъ ними дыры, чрезъ которыя продѣваютъ руки, или въ противномъ случаѣ держатъ ихъ подъ паркою, но никогда въ рукавахъ. Нарядное женское платье, птичья парка, изъ шеекъ уриловъ, на коихъ перья малыя и гладки, такъ что не скоро можно угадать, что сіе птичьи шкуры. Оное платье украшается носиками топорковъ, изрѣзанными въ тонкіе ремешки, бобровыми или горностаевыми кожами, козьею шерстью, краснымъ и зеленымъ стамедомъ, раздерганнымъ въ нитки, орлиными перьями и другими вещами. Кромѣ сихъ парокъ носятъ также олевьи и табарганьи парки; первыя вымѣниваютъ отъ *Аляксинцовъ*, а вторыя отъ *Кенайцевъ* и *Чугачей*.

Камлеи дѣлаются изъ кишекъ сивучьихъ, тюленьихъ и медвѣжьихъ, и изъ горлъ сихъ звѣрей; шьютъ также оныя изъ кожи содранной съ языка кита, изъ коей выходитъ до осьми камлеекъ, и изъ кишокъ сего животнаго; но какъ сіи тяжелы и скоро ломаются, то камлеи изъ кишокъ или горлъ выше упомянутыхъ животныхъ имъ предпочитаются. Медвѣжьи кишочныя камлеи чище, тонѣе

и крѣпче прочихъ. Камлеи украшаются также стамедовыми нитками и козьею шерстью. Выдѣлываютъ кишки, очищенныя отъ жиру, перемывая оныя въ мочѣ, послѣ того, сполоснувъ въ водѣ и высушивъ, мнутъ руками.

Голову покрываютъ мущины весьма искусно плетеными изъ еловыхъ кореньевъ шляпами, раскрашенными разными узорами; у сихъ шляпъ тулейки низки, нѣсколько острѣе къ верху, а поля широки; носятъ также шляпы похожія на Алеутскія. Многіе употребляютъ, на ловлѣ тюленей, выкрашенныя деревянныя шляпки, сдѣланныя на подобіе тюленьихъ головъ; надѣвъ такую шляпку на голову, ложатся на морскомъ берегѣ между камней и приманиваютъ къ себѣ тюленей, крича ихъ голосомъ.

Нынѣ же *Коняги*, такъ какъ *Камчадалы*, сдѣлались охотниками до суконнаго или Китайчатаго платья, которое женщины для себя шьютъ по прежнему покрою, то есть паркою. Оныя привыкаютъ уже и къ рубахамъ; а тѣ, которыя имѣютъ мужей Рускихъ, носятъ иногда кофты и юбки, и даже длинное платье. Жены начальниковъ или Тоіоновъ покупаютъ красной бархатъ или красное сукно на парки; но и въ семъ дорогомъ платье садятся также на землю, и пачкаются въ жиру. Обуви почти всѣ не носятъ лѣтомъ и зимою; не многіе однако имѣютъ вмѣсто сапоговъ родъ мѣшковъ изъ тюленьихъ или сивучьихъ кожъ съ китовыми подош-

вами; у богатыхъ же особенно у женщинъ, есть теплые сапоги изъ еврашечьихъ и шабаргэнныхъ кожъ.

Коняги живутъ въ малыхъ углубленныхъ въ землю жилищахъ, отъ Россіянъ *жупанами* называемыхъ, которыя пристроены по сторонамъ шалаша служащаго общею кухнею; въ оный входятъ чрезъ небольшое отверстіе, закрываемое тюленьею кожею. Шалашъ сей дѣлается изъ врытыхъ въ землю, наклонно къ внутренней сторонѣ, бревенъ; а крыша онаго бываетъ плоская или кругловатая, съ отверстіемъ для выходу дыма. Въ срединѣ шалаша разводятъ огонь, а по сторонамъ ставятъ домашнюю посуду; внутри онаго великая неопрятность, хотя и выстилаютъ землю сухою травою. Изъ сей кухни есть по сторонамъ небольшія круглыя отверстія, закрываемыя досками, чрезъ которыя входятъ ползкомъ въ выше упомянутые жупаны, которые имѣютъ сверху земли въ крышѣ, или на сторонѣ, по окну, въ коемъ тонкія и прозрачныя кишки служатъ вмѣсто стекла; вдоль стѣнъ въ разстояніи отъ оныхъ на три фута кладутся не толстые брусья, отдѣляющіе мѣста для спанья и сидѣнія. Оные жупаны содержатся чисто, и полъ въ нихъ выстилается или досками или же травяными рогожами. Въ каждомъ такомъ жупанѣ живетъ отъ одного до трехъ семействъ.

Главное пропитаніе имѣютъ Коняги отъ промысла рыбы и морскихъ звѣрей. Китовой и всякой жиръ, почитаютъ лучшимъ ѣствомъ, и употребляютъ оный, подобно Камчадаламъ, въ такъ называемыя

толкуши, составляемыя съ ягодами и толчеными кореньями. Гнилая или такъ называемая кислая рыба, составляетъ на *Кадьякѣ* также любимое кушанье, какъ и въ Камчаткѣ и Охотскѣ; особливо въ великой чести заквашеная икра и гнилыя или кислыя рыбьи головы. Запасаютъ также ольховую кору, заквашенную въ жиру; кромѣ сего употребляютъ въ пищу разныя морскія раковины, черепокожыя животныя и морскія произрастенія, особенно весною, когда зимній запасъ кончится; также ягоды, сладкую траву и коренья, особенно макарши и сараны. Рыбу запасаютъ на зиму подъ названіемъ Юколы и Качемаса. Китовой жиръ и головы красной рыбы употребляются въ пищу всегда сырыя; прочее же мясо морскихъ звѣрей и рыбы, или варится въ глиняныхъ горшкахъ, или жарится на воткнутыхъ въ землю подлѣ огня палочкахъ. Коняги любятъ Европейскіе огородные овощи, и рѣдьку почитаютъ лѣкарственною; а къ табаку чрезвычайно пристрастны, который рѣдкіе нюхаютъ, но держатъ оный, какъ мущины такъ и женщины во рту; жуютъ также еловую сѣру. Въ пищѣ очень небрезгливы, и склонны къ обжорству. Къ горячимъ напиткамъ начинаютъ также чрезвычайное имѣть пристрастіе; однако и до прихода Рускихъ напивались до пьяна, заквашеннымъ сокомъ малины и черники. Рускіе двоятъ изъ бочки ягодъ по ведру хорошей водки.

Домашнія упражненія Коняговъ состоятъ въ дѣланіи деревянной крашеной посуды, глиняныхъ плошекъ, разныхъ орудій и снарядовъ для промы-

сла служащихъ. Прежнія ихъ орудія для работъ состояли въ каменномъ топорѣ и острой раковинѣ, или заостренномъ желѣзѣ. Нынѣшніе желѣзные топоры дѣлаются для нихъ на подобіе прежнихъ каменныхъ, которые имѣли видъ шляхты, и привязывались къ кривой рукояткѣ. Женщины шьютъ всякія платья, изъ коихъ иное дѣлаютъ съ довольнымъ вкусомъ; плетутъ весьма чисто снурки, рогожи, шляпы и прочее.

Байдары Конягами обыкновенно употребляемыя суть однолючныя, двоелючныя и троелючныя. Однолючныя ихъ байдарки шире и короче *Алеутскихъ*; гребутъ въ нихъ однолопатистыми веслами, и по большой части стоя на колѣнахъ; а во время бури принимаютъ тѣже предосторожности, о которыхъ упомянуто выше при описаніи Алеутовъ. Коняги ѣздятъ болѣе въ двоелючныхъ байдаркахъ; а троелючные употребляются только Начальниками селеній и Рускими. Есть также большія байдары, но въ оныхъ перевозятъ только съ мѣста на мѣсто Юколу или другіе припасы.

Оружіе Конягъ копья, луки и стрѣлы; первыя бываютъ съ желѣзными, костяными или каменными заостренными концами; а луки ихъ весьма просты и слабы, и они стрѣляютъ изъ нихъ вообще худо. Прежде имѣли Коняги также большіе щиты, кои однако легко пробиваемы были пулями. Орудія же служащія для промысла у нихъ тѣ же, кои употребляются и у Алеутовъ.

Промысломъ китовъ занимаются у нихъ особыя семейства, въ коихъ переходитъ оный въ наслѣдство послѣ отца къ тому сыну, который оказалъ въ немъ больше искуства и разторопности. Однако сей промыселъ еще не приведенъ до такого совершенства, въ какомъ оный находится у *Гренландцевъ* и другихъ народовъ. Напротивъ того Коняги весьма искусны въ промыслѣ морскихъ бобровъ, на который выѣжжаютъ въ море большими партіями. Сей промыселъ производится слѣдующимъ образомъ: когда промышленникъ увидитъ бобра, то подъѣхавъ къ нему бросаетъ въ него посредствомъ дощечки стрѣлку, и гребетъ на мѣсто, гдѣ бобръ нырнулъ, тамъ становится и поднимаетъ весло. На сей знакъ, составляютъ въ сей часъ прочіе промышленники кругъ около сего мѣста, саженъ до ста въ поперечникѣ, и ожидаютъ, гдѣ бобръ опять вынырнетъ; лишь только его увидятъ, то бросаютъ ближніе промышленники въ него стрѣлки, и ближайшій изъ нихъ становится съ поднятымъ весломъ на томъ мѣстѣ, гдѣ бобръ во второй разъ нырнулъ, прочіе же становятся кругомъ какъ въ первомъ случаѣ; и такимъ образомъ продолжаютъ, пока не достанутъ своей добычи. Бобръ нырнувъ въ первой разъ остается въ водѣ обыкновенно болѣе четверти часа; въ послѣдующія же ныряніи пребываетъ постепенно меньше времени подъ водою, пока наконецъ обезсиленный и совсемъ въ воду погружаться не можетъ. Нынѣ уже морскіе бобры по близости Кадьяка не водятся; по сему

отправляются партіи на промыселъ сихъ звѣрей весьма далеко къ Американскимъ берегамъ.

Для пріобрѣтенія щастія на промыслахъ, собираютъ промышленники весною по горамъ разныя вещи, счастливыми знаками почитаемыя, какъ то: орлиныя перья, медвѣжью шерсть, разные необыкновенные камешки, птичьи носки и прочая. Китовые промышленники даже крадутъ изъ могилъ мертвыя тѣла людей, оказавшихъ особенное искуство и расторопность; держатъ оныя потаенно въ пещерахъ, носятъ имъ иногда пищу, и стараются умножить сіе сокровище. Отецъ при кончинѣ завѣщаетъ свою пещеру съ трупами, какъ драгоцѣнное наслѣдство, тому изъ сыновей, который болѣе оказалъ искуства въ китовомъ промыслѣ. Хотя Китовые промышленики пользуются у Коняговъ особеннымъ уваженіемъ, и называются ихъ прокормителями, но при всемъ томъ во время ловли почитаются они нечистыми, и имъ непозволяется ѣсть вмѣстѣ съ прочими жителями, или прикасаться до какой нибудь вещи.

Коняги воевали между собою, до прихода Рускихъ, по большой части изъ непримиримой вражды, изъ рода въ родъ преходящей; но иногда побуждались также къ войнѣ голодомъ, или желаніемъ отнять женъ, и получить плѣнниковъ, платье, байдарки и другія вещи. Плѣнники, *калгами* у нихъ называемые, оставались вѣчно невольниками. Войну же вели не открытымъ образомъ, но нападали на своихъ непріятелей въ расплохъ, такъ какъ и

прочіе народы Сѣверо-западной Америки; впрочемъ они къ войнѣ менѣе способны, нежели сіи народы.

Селеніями ихъ, расположенными по морскому берегу вокругъ всего острова, управляли прежде, и нынѣ управляютъ Начальники, отъ Рускихъ *Тоіонами* называемые, коихъ званіе наслѣдственное, переходило прежде по выбору рѣдко на ихъ сыновей, а по большой части на одного изъ племянниковъ. Нынѣ же назначаютъ иногда правители Американской Компаніи, на мѣсто сихъ родовыхъ Тоіоновъ другихъ, но сіи у Островитянъ въ меньшемъ бываютъ уваженіи. Власть Начальниковъ была до прихода Рускихъ весьма малая, ибо каждый Коняга имѣлъ участіе въ общественныхъ дѣлахъ того селенія, въ которомъ жилъ; а нынѣ и сами Начальники состоятъ съ своими селеніями подъ управленіемъ правителя Американской Компаніи.

Коняги въ домашней жизни весьма безпечны и лѣнивы; но на промыслахъ трудолюбивы, и переносятъ голодъ и другія крайности терпѣливо. Иногда принуждаетъ ихъ буря просиживать по нѣсколько сутокъ въ байдаркѣ, въ открытомъ морѣ; но сіе почитаютъ они обыкновеннымъ произшествіемъ. Тѣло приучаютъ съ самыхъ молодыхъ лѣтъ къ терпѣнію холода и сырости; для сего и зимою, даже въ сильный морозъ, гоняютъ всѣхъ дѣтей въ море, и держатъ ихъ тамъ довольно долго; сіе морское купаніе употребляютъ и сами лѣтомъ и зимою послѣ бани, которая у нихъ еще до прихода Рускихъ извѣстна была, и нагрѣ-

вается въ ихъ жилищахъ, такъ называемыхъ жупанахъ, посредствомъ наносныхъ каленыхъ камней. Многіе приучаютъ себя также къ терпѣнію боли, разрѣзывая тѣло на рукахъ, груди и спинѣ до крови, острою раковиною; что дѣлаютъ даже и мальчики изъ хвастовства. Коняги одарены весьма хорошимъ зрѣніемъ, такъ что на морѣ узнаютъ въ довольномъ разстояніи подводные камни и въ самую бурную погоду; и даже въ густые туманы, въ довольно широкихъ проливахъ, находятъ прямо селеніе, въ которое пріѣхать желаютъ; ихъ память также весьма исправна, и по сему въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ имъ случится разъ проѣхать, знаютъ всѣ камни. По симъ качествамъ весьма они бываютъ полезны и на судахъ. Они стараются предузнавать погоду по возхожденію солнца, и для сего встрѣчаютъ сіе свѣтило, съ полнымъ на него вниманіемъ, почти каждое ясное утро, сидя на своемъ шалашѣ. Воровства между ими не бываетъ, и можно имъ ввѣрить все, кромѣ табаку, къ которому сдѣлались очень пристрастны, такъ какъ вообще и другіе сосѣдственные народы.

Къ жизни Коняги весьма равнодушны, и склонны къ самоубійству; тѣлесное наказаніе почитаютъ за великое безчестіе, во избѣжаніе коего иногда убиваютъ себя или топятся. Они также притворны и лукавы, умѣютъ скрывать сильнѣйшую страсть, и поступаютъ съ своими непріятелями жестоко.

Коняги признавали прежде сего два существа, доброе и злое, и боясь послѣдняго, приносили оному жертвы. У нихъ, такъ какъ у Алеутовъ и народовъ обитающихъ по всему Сѣверо-западному берегу Америки, находятся въ уваженіи шаманы или колдуны, которые, будто бы по внушенію нечистаго духа, предсказываютъ будущее, наблюдая при семъ нѣкоторые обряды, и исправляютъ также должность лѣкарей въ тяжкихъ болѣзняхъ. Послѣ шамановъ почитаются также *Касаты*, которые распоряжаютъ игрищами и увеселеніями, занимая на нихъ мѣсто надзирателей; они обучаютъ также дѣтей разнымъ пляскамъ.

Многоженство было прежде и на Кадьякѣ въ обыкновеніи; Начальники имѣли до осьми женъ, а шаманы по стольку, сколько имъ позволяло, по ихъ увѣренію, сверхъ естественное существо Но нынѣ, по возпріятіи православной Грекороссійской Вѣры, имѣютъ только по одной женѣ. При сватаніи и вступленіи во бракъ нѣтъ никакихъ увеселеній. Мужъ служитъ по большой части у тестя въ работникахъ, или живетъ у женниныхъ родственниковъ. Мужья рѣдко ревнуютъ къ женамъ, и нѣкоторые даже изъ нихъ, съ согласія жены, выбираютъ ей другаго мужа, Рускими *половинщикомъ* называемаго, который прислуживая и исправляя разныя работы, пользуется правомъ супружества, въ отсутствіи настоящаго мужа. Родильница почитается нечистою, и должна удалиться при приближеніи родовъ, въ нарочно для ней изъ прутьевъ сдѣланный весьма

малый шалашъ, покрытый землею. Въ семъ заточеніи остается она съ ребенкомъ двадцать дней, въ продолженіи коего времени подаютъ ей пищу и питіе не прямо изъ рукъ въ руки, но на палочкахъ. Мужъ удаляется въ сіе время въ другое селеніе, хотя не на долго. Послѣ сего срока омывается родильница съ ребенкомъ сперва на открытомъ воздухѣ, а потомъ въ банѣ. Такому карантину подвергаются также женщины и во время періодическихъ обстоятельствъ, оставаясь въ шалашѣ только до совершеннаго очищенія. Прежде прокалывали у новорожденнаго, при первомъ омываніи, мякоть подъ носовымъ хрящемъ, и всовывали туда кусокъ круглаго прутика; также дѣлали прорѣзъ или нѣсколько дыръ подъ нижнею губою.

При похоронахъ оказываютъ привязанность къ покойнику, неутѣшнымъ воемъ; тѣло же его завернувъ въ звѣриныя кожи, и обтянувъ вмѣсто гроба лавтаками, похороняютъ въ нарочно вырытой могилѣ, которую заваливаютъ каменьями и огораживаютъ невысокими деревянными досками. Надъ могилою оставляютъ изломанную байдарку покойника; а съ ловцами кладутся въ могилѣ и ихъ оружія, т. е. бобровыя, нерпичьи и китовыя стрѣлы. Въ знакъ траура ближніе родственники покойника обрѣзываютъ на головѣ волосы, и мараютъ лице сажею. Вдовецъ или вдова по совершеніи похоронъ, удаляется на нѣсколько времени изъ дому; а мать послѣ похоронъ дѣтей садится на 10 или на 20 дней въ особо построенный малый шалашъ. Въ прежнія времена было у

Ксняговъ въ обыкновеніи при похоронахъ знатныхъ жителей убивать невольника или *Калгу*, и похоронять онаго вмѣстѣ съ господиномъ или госпожею; нынѣ же тѣла и самыхъ богатыхъ осыпаются только раздавленнымъ бисеромъ или янтаремъ, что однакожъ случается весьма рѣдко. Память отличившихся на войнѣ и на промыслахъ весьма уважается; имъ въ честь говорятъ рѣчи во время игрищъ.

Игрища отправляются въ построенномъ въ каждомъ селеніи большомъ кругломъ шалашѣ, *Кажымъ* называемомъ, который освѣщается днемъ съ верьху чрезъ большое окно въ крышкѣ, сдѣланное изъ сшитыхъ кишокъ; внутри *Кажыми* вокругъ лавки. Игрища начинаются съ Декабря мѣсяца, и продолжаются почти до тѣхъ поръ, пока достанетъ съѣстныхъ припасовъ, на подчиваніе гостей; оныя открываются нѣкоторымъ таинственнымъ обрядомъ, въ коемъ промышленники просятъ духовъ, о посланіи имъ хорошей ловли звѣрей, и при коемъ женщины и дѣти присутствовать не могутъ. Въ сихъ игрищахъ бываютъ мущины безъ платья, а многіе и совершенно нагіе, дабы не столько терпѣть отъ жара. Предметомъ же игрищъ есть обыкновенно или представленіе звѣриныхъ промысловъ, или представленіе въ память какого либо извѣстнаго у нихъ человѣка, или же изображеніе разныхъ дѣяній нечистыхъ духовъ и прочая. Въ сихъ представленіяхъ употребляютъ дѣйствующія лица самыя уродливыя маски, или родъ шишаковъ изъ прутьевъ, украшенныя перьями и папоротникомъ; они раскрашива-

ютъ также тѣло краснымъ карандашемъ или угольемъ; музыка же состоитъ изъ пѣнія зрителей, сопровождаемаго звукомъ бубновъ и шумомъ побрякушекъ, сдѣланныхъ изъ топорковыхъ носовъ, навѣшанныхъ около круглыхъ двойныхъ обручей. *Касаты*, родъ Конягскихъ мудрецовъ, управляютъ игрищами, и выдумываютъ сами разныя представленія; они же выдаютъ себя свѣдущими о произшествіи жителей Кадьяка и сосѣдственныхъ острововъ, о духахъ и о прочихъ предметахъ суевѣрія, и сочиняютъ также любовныя пѣсни. Пляска единообразна и безъ большихъ движеній; а пѣніе довольно пріятно, много имѣетъ перемѣнъ, но часто уныло. Коняги пристрастны къ мотовскимъ играмъ, коихъ есть у нихъ нѣсколько родовъ; они однако никогда неспорятъ, хотя иногда проигрываютъ и все свое имѣніе.

Наконецъ должно здѣсь замѣтить, что нарѣчія: *Конягов*, *Чугачей*, жителей *Нортоновой* Губы, *Сидячихъ Чукчей*, *Ескимовъ* и *Гренландцевъ* между собою сродны. По сему судить можно, что оные народы имѣютъ одно произхожденіе, хотя нынѣ отдѣляются ихъ мѣстопребыванія великимъ пространствомъ. Нарѣчія *Алеутовъ* хотя содержатъ также нѣкоторыя слова, похожія на тѣ, кои соотвѣтствуютъ имъ въ выше упомянутыхъ нарѣчіяхъ, но оныя въ столь маломъ числѣ, и сверхъ сего счисленіе Алеутское столь отмѣнно, что вѣроятнѣе кажется, что оныя слова заняты Алеутами отъ сосѣдственныхъ народовъ. Тоже должно сказать и о

НАРѢЧІЯ

Сидячихъ Чукчей	Жителей Нортоновой губы	Коняговъ	Чугачей	Эскимовъ
...ппа, аттака	. . .	Атага, атаака	Атаака . .	Атташакъ .
...акъ . .	. . .	Анага, аанака	Аанняка .	Ананакъ .
...скокъ, кашко	. . .	Наскокъ, нашкукъ	Нашкока .	Ніякокъ .
...уякъ, нуетъ	Нуитъ . .	Нюеттъ, ногэтъ	Нуеттъ .	Мерко . .
...аблутъ .	Кемелюкъ .	Каблутъ .	. . .	Коплутъ .
...вшухкъ .	Шодекъ . .	Іудикъ . .	. . .	Сеютекъ .
...андакъ .	. . .	Ханыкъ, каннига	Канна . .	Каннекъ
. . .	Гемлюкъ .	Гамеклоъ .	. . .	. . .
...ынгиттъ, тащ-ихка	Эйшетъ .	Айха, ташліяка	Ташліяка .	Алгитъ .
...ихка . .	Деллекъ .	Гуикъ . .	. . .	Геллокъ .
. . .	Кэакъ . .	Каякъ . .	. . .	. . .
. . .	Шавикъ . .	Іявыкъ .	. . .	. . .
...екюнакъ .	Мэдше . .	Чингухукъ, .	Чингохокъ .	Секкернекъ
...ачакъ . .	. . .	Мачшакъ .		
...уна . .	. . .	Нуна . .	Нуна . .	Нуна . .
...окъ, эмакъ	. . .	Ганакъ, тангакъ	Ммакъ . .	Иммекъ .
...нюкъ .	. . .	Унукъ . .	Унукъ . .	Уннуакъ .
...щашекъ .	Адауджекъ .	Аттучикъ .	Аттучикъ .	Аттаусекъ .
...алгокъ .	Эба . .	Маллокъ, алха	Атлха . .	Маррукъ .
...ингаю . .	Пингэшукъ .	Пингаинъ, пингая	Пингайюа .	Пингасутъ .
...штамамтъ .	Шетэмикъ .	Штамю .	Чатаами .	Ситтамамтъ .
...атлитатъ .	Деллэмикъ .	Тадлимю .	Таллими .	Теллиматъ .
...улле . .	. . .	Коллинъ .	Колнъ . .	. . .

нарѣчіяхъ *Колюжей* и *Кенайцовъ*. Мы помѣщаемъ здѣсь сравнительную таблицу нѣкоторыхъ словъ на шести вышеупомянутыхъ нарѣчіяхъ, составленную по большой части изъ подобной сравнительной таблицы, находящейся въ сочиненіи: Mithridates oder allgemeine Sprachkunde von J. C. Adelung, fortgesetzt von Dr. J. S. Vater IV Theil pag. 251 Berlin 1817, а отъ части также изъ Кукова путешествія (Troisième voyage de Cook traduit de l'anglais par M. D *** Tome 8. на концѣ), изъ коего взято нарѣчіе жителей *Нортоновой* губы, и изъ краткаго словаря двѣнадцати нарѣчій въ путешествіи Биллингса.

ЧУГАЧИ И КЕНАЙЦЫ.

Чугачи, по описанію Кука, роста средняго, но есть многіе изъ нихъ и роста малаго, плечисты и съ широкою грудью; шеи у нихъ короткія и толстыя, лица широкія и плоскія, головы большія въ отношенію къ туловищу; глаза малые по ихъ лицу, носы вверхъ задартые, зубы бѣлые широкіе; волосы черные, толстые, лоснящіеся. Мущины имѣютъ мало волосовъ на бородахъ, или вовсе нѣтъ; выключая стариковъ, у коихъ бороды большія и густыя, но гладкія. Въ ихъ чертахъ примѣтно много различій, но мало есть пріятныхъ, выключая не многія женскія лица; впрочемъ черты ихъ лица обыкновенно обѣщаютъ много искренности, добродушія и живости. Цвѣтъ тѣла ихъ смуглый; хотя есть немногія женщины и дѣти бѣлыя, но оныя не имѣютъ румянца въ щекахъ. Мущины подрѣ-

зывают волосы кругомъ, женщины же связываютъ ихъ съ зади въ пучокъ. Оба пола носятъ украшенія въ носовой мякоти подъ хрящомъ, подъ нижнею губою и въ ушахъ, подобнымъ образомъ, какъ сіе прежде у Коняговъ было въ общемъ употребленіи; мущины испещряютъ часто лице красками, красною и черною, а иногда синею или сѣрою; а женщины, подражая имъ, мараютъ нѣкоторымъ чернымъ веществомъ бороду, протягивая сіе украшеніе по обѣимъ сторонамъ до щекъ.

Одежда мужеская не разнится отъ женской; она состоитъ такъ какъ у Коняговъ и Алеутовъ изъ парокъ и камлеекъ, которыя украшаются подобнымъ же образомъ. На рукахъ носятъ Чугачи рукавицы изъ медвѣжьихъ лапъ, но на ногахъ обыкновенно не бываетъ у нихъ никакой обуви; нѣкоторые носятъ родъ чулокъ изъ кожъ, которыя покрываютъ ноги до половины лядвей; шляпы ихъ соломенныя или деревянныя имѣютъ видъ усѣченнаго конуса. Оружіе ихъ и орудія для промысловъ такія же, какія у Эскимовъ и Гренландцевъ; они имѣютъ также родъ панцырей изъ легкихъ дощечекъ, связанныхъ вмѣстѣ звѣриными жилами, коими покрываютъ грудь и брюхо. Большія ихъ открытыя шлюпки, обшитыя кожами морскихъ звѣрей, походятъ на тѣ, кои употребляются женщинами въ *Гренландіи*; а байдары двоелючныя нѣсколько пошире тѣхъ, кои въ употребленіи у Эскимовъ.

Упражненія Чугачей состоятъ, подобно какъ у сосѣдственныхъ имъ приморскихъ народовъ, въ про-

мыслѣ рыбы, морскихъ и земныхъ звѣрей, отъ коего получаютъ одежду и пищу. Изъ инструментовъ для механическихъ работъ, видѣлъ *Кукъ* у Чугачей каменной топоръ, такого почти вида, какого бываютъ оные на всѣхъ островахъ Южнаго Океана, а именно на островѣ *Отаити*; кромѣ сего было у нихъ уже тогда много желѣзныхъ ножей, изъ коихъ иные были загнуты; особенный родъ большихъ ножей, длиною до двухъ футовъ, похожихъ на кинжалы, носили они въ кожаныхъ ножнахъ, привѣшенныхъ къ шеѣ на ремнѣ.

Кенайцы, также по описанію Кука, похожи во всѣхъ отношеніяхъ на Чугачей, и одежда ихъ такая же какъ и у тѣхъ, только въ нѣкоторыхъ частяхъ болѣе украшена бѣлымъ и краснымъ шитьемъ. Впрочемъ языкъ сего народа различенъ отъ Чугацкаго, хотя *Кукъ* полагаетъ сему противное; образъ же жизни и обычаи не столь отличны. Въ путешествіи Хвостова и Давыдова упоминается, что Кенайцы презираютъ птичьи парки, и подобно *Коложамъ* носятъ табарганьи накидки, имѣющія видъ четвероугольнаго одѣяла, которыя накидываются на плеча, въ видѣ плаща, и завязываются на шеѣ. Они не имѣютъ теплыхъ жилищъ, но сидятъ зимою въ большихъ шалашахъ, у разведеннаго всегда по срединѣ огня; сіи шалаши перестроиваютъ они ежегодно, и перемѣняютъ часто и самыя мѣста жилищъ.

Бракъ заключается у нихъ подобно какъ у Конягозъ. Похороны же отмѣнны тѣмъ, что у нихъ,

шакъ какъ у Тунгусовъ, кладутъ тѣла мертвыхъ на поставленную на четырехъ столбахъ крышку, гдѣ оныя согниваютъ, тѣла же богатыхъ сожигаютъ съ частію платья; при чемъ поютъ сочиненныя въ похвалу покойника пѣсни и пляшутъ. О богѣ не имѣютъ никакого понятія, но боятся злыхъ духовъ; по ихъ сужденію, души утопшихъ, и умершихъ своею смертію, живутъ подъ землею, убитыхъ же на небѣ; но они не полагаютъ въ будущей жизни ни награжденія добрымъ, ни наказанія злымъ. Нынѣ однако начинаютъ воспринимать православную Грекоросійскую Вѣру. Кенайцы занимаются болѣе промысломъ земныхъ звѣрей, ибо къ морю не очень способны. Луки у нихъ такіе же, какъ у Аляксинцовъ, стрѣлы съ различными остріями, изъ оленьяго рогу, мѣдныя, желѣзныя или каменныя. Они отправляются ежегодно въ Іюнѣ мѣсяцѣ внутрь Американскаго материка дней на 14 или 15 ходу, для ловли табаргановъ; тамъ встрѣчаются съ приходящими туда жителями Мѣдной рѣки, и производятъ съ ними торгъ, вымѣнивая у нихъ самородную мѣдь, и другіе товары.

КОЛЮЖЫ И УГАЛАХМЮТЫ.

Жители Сѣверо-западнаго Американскаго берега, отъ *Якутатской* губы до 57° сѣверныя широты, именуются *Колюжами* или *Колошами*. Они говорятъ однимъ языкомъ, но раздѣляются на разныя поколѣнія, изъ коихъ главныя суть: медвѣжье, орлиное,

воронье, касаткино и волчье или Коквонтанское; послѣднее имѣетъ разныя преимущества передъ прочими, и почитается самымъ храбрымъ и искуснымъ въ военномъ дѣлѣ.

По описанію флота Капитана Ю. Ф. *Лисянскаго* и Академика *Лангсдорфа*, *Колюжы* росту средняго и крѣпкаго сложенія, проворны и остроумны, но на взглядъ кажутся маловажны. Лице ихъ круглое съ широкими скулами, глаза по большой части великія и живыя, носъ малый плоскій широкій, губы нѣсколько толстоваты; волосы черные, жесткіе и прямые; на бородѣ у мущинъ ихъ вовсе нѣтъ или очень мало, ибо вырываютъ ихъ съ кореньями; тѣло смуглое, но многіе, особенно женщины, не уступаютъ цвѣтомъ лица и самымъ Европейскимъ. Мущины во время посѣщеній украшаютъ свое лице, дѣлая многія правильныя фигуры угольемъ, мѣломъ, киноварью и охрами; а въ волосы насыпаютъ орлинаго пуху. Женщины же вообще безобразятъ себя самымъ страннымъ образомъ: какъ скоро начнутся у нихъ мѣсячныя очищенія, то прорѣзывается подъ самою нижнею губою, въ срединѣ малое отверстіе, въ которое вставляется съ начала толстая проволока, а послѣ деревянной цилиндръ, коего концы толще. Сіе отверстіе со временемъ дѣлается отъ сего больше, такъ что послѣ вставляется туда овальная дощечка, которая нижнюю губу оттягиваетъ въ передъ, и даетъ ей видъ вросшей суповой ложки; постепенно дѣлаются вставливаемыя дощечки больше, такъ

что нѣкоторыя женщины носятъ оныя въ нижней губѣ, величиною до пяти дюймовъ длины и до трехъ дюймовъ ширины, а въ половину дюйма толщины. Какъ сіе украшеніе находится въ большемъ уваженіи у всѣхъ приморскихъ народовъ Сѣверо-западной Америки, отъ 50° до 60° широты, то знатныя женщины стараются имѣть нижнюю губу сколько возможно болѣе и длиннѣе. Впрочемъ оное, Европейцамъ весьма отвратительное украшеніе, мѣшаетъ также симъ женщинамъ употреблять пищу.

Одежда сихъ народовъ весьма проста; мужеская состоитъ, у достаточныхъ только изъ четвероугольныхъ бѣлыхъ одѣялъ, дѣлаемыхъ изъ шерсти дикихъ барановъ; оныя обыкновенно вышиты четыреугольными фигурами съ кистями вокругъ, чернаго и желтаго цвѣта; внутренняя часть бываетъ иногда украшена бобровымъ пухомъ. Иные носятъ ковры или мѣховыя одѣяла, до пяти футъ ширины имѣющія, и двумя концами около шеи обвязываемыя. Прежде привозимы имъ были изъ Американскихъ Союзныхъ Штатовъ байковыя или фризовыя шинели и сертуки, изъ коихъ цвѣтомъ красныя и синія у нихъ предпочиталися. Впрочемъ одежда употребляется только для наряда, или отъ большаго холода; а обыкновенно ходятъ нагіе. Женщины одѣваются также весьма просто, прикрывая все тѣло и груди; многія носятъ длинныя рубахи. Оныя любятъ также украшать уши и шею бисеромъ и раковинами; и носятъ много колецъ стальныхъ на рукахъ около суставовъ. Къ оде-

жде дѣтской пришиваютъ разныя побрякушки, Китайскія мѣдныя деньги, а паче всего наперстки. Жилища ихъ обширны четвероугольны, строятся изъ колотыхъ досокъ; крыши изъ досокъ же или коры, имѣютъ продолговатое отверстіе, фута на два шириною, для выходу дыма. Въ сихъ жилищахъ оконъ никакихъ нѣтъ, а двери низменны, въ которыя только нагнувшись пролѣзть можно; въ срединѣ раскладывается огонь въ выкопаной четвероугольной ямѣ. По сторонамъ около сей ямы мѣсто для жилья, надъ которымъ не высокія нары или широкія полки, для поклажи разныхъ вещей. Внутрь жилищъ большая неопрятность; дымъ и вонь отъ рыбы и жира; видъ же вымаранныхъ красками лицъ и безобразныхъ большихъ нижнихъ губъ, производитъ отвращеніе.

Оружіе ихъ состояло прежде сего въ лукахъ со стрѣлами и въ копьяхъ; но нынѣ имѣютъ уже много ружей и пороха, и даже небольшія пушки, которыя вымѣнили отъ Американцевъ Союзныхъ Штатовъ на мѣха морскихъ бобровъ и другія. Они имѣютъ также *Куяки* или полукафтанья съ желѣзными полосами, пришитыми одна подлѣ другой поперекъ груди; оныя привозились имъ также на суд хъ Американскихъ Союзныхъ Штатовъ.

Пища Колюжей состоитъ лѣтомъ въ свѣжей рыбѣ, морскихъ звѣряхъ и ягодахъ разнаго рода; а зимою въ вяленой рыбѣ, въ икрѣ особенно изъ сельдей, заготовляемой въ большемъ количествѣ, въ жирѣ звѣрей морскихъ, въ морскихъ растеніяхъ и въ ков-

рижкахъ четыреугольныхъ, толщиною около дюйма, приготовляемыхъ изъ лиственичной перепонки, покрывающей дерево подъ корою. Китовый жиръ и мясо вовсе не употребляютъ. Пищу варятъ въ Европейскихъ котлахъ; у зажиточныхъ есть также много Европейской посуды, прочіе же довольствуются своими деревянными чашами или корытцами, и большими лошками, дѣлаемыми изъ дерева или рога дикихъ барановъ.

Главнымъ упражненіемъ Колюжей есть промыселъ рыбы, морскихъ и отъ части земныхъ звѣрей; но они въ промыслѣ морскихъ звѣрей не столь искусны какъ выше упомянутые народы; ибо бьютъ ихъ изъ ружей по большей части сонныхъ. Лодки свои дѣлаютъ изъ легкаго дерева, называемаго *чагою*. Оныя бываютъ однодеревки, и разной величины; самыя большія длиною до 45 футовъ, вмѣщаютъ до 60 человѣкъ, и служатъ для перевоза семействъ, или во время войны; самыя меньшія употребляются для промысловъ; весла же у нихъ невелики. Другія ихъ упражненія состоятъ, между прочимъ, въ дѣланіи удъ и деревянной посуды, въ плетеніи корзинокъ и веревокъ для уденія рыбы, и въ разной рѣзной работѣ, въ которой оказываютъ довольное искуство; разныя шкатулки и сундуки выкладываютъ зубами морскихъ бобровъ и малыми кусками раковинъ.

Обыкновенія Колюжей сходствуютъ во многомъ съ Конягскими; большая разность примѣчается однако при похоронахъ: ибо они тѣла мертвыхъ

сожигаютъ, и оставшіяся кости и пепелъ кладутъ въ ящики, которые ставятъ обыкновенно у берега на столбахъ, украшиваемыхъ разными рѣзными фигурами. Тѣла же шамановъ почитаются незгараемыми, и потому онѣ предаются погребенію цѣлыя. Убіеннымъ на войнѣ отрѣзываютъ головы, и хранятъ оныя въ коробкахъ, а тѣла превращаютъ въ пепелъ. Говорятъ, что по смерти богатыхъ, сожигаютъ вмѣстѣ съ покойникомъ одного изъ его слугъ; при постройкѣ дома для знаменитой какой либо между ими особы, умерщвляютъ также слугъ, но зарываютъ ихъ просто въ землю.

Колюжи имѣютъ только по одной женѣ, выключая нѣкоторыхъ богатыхъ, у коихъ есть по двѣ жены, одна старая, а другая молодая. Женскій ихъ полъ весьма отличается отъ прочихъ выше упомянутыхъ сѣверчѣе живущихъ народовъ, какъ цѣломудріемъ и стыдливостію, такъ и супружескою вѣрностію. Обрядовъ богослуженія у Колюжей нѣтъ никакихъ; однако признаютъ они на небѣ или другомъ свѣтѣ существо, создавшее все; у нихъ есть также шаманы, посредствомъ которыхъ, по ихъ мнѣнію, дьяволъ на землѣ дѣлаетъ разныя пакости. Наслѣдство переходитъ у нихъ отъ дяди къ племяннику.

Выше сказано, что Колюжи раздѣляются на разныя поколѣнія; здѣсь замѣтить однако должно, что оныя поколѣнія отъ части смѣшаны въ селеніяхъ, но живутъ въ особенныхъ домахъ, надъ которыми вмѣсто герба вырѣзано фамильное животное, какъ то медвѣдь, волкъ и прочая. Начальники ихъ имѣютъ

власть ограниченную, и ихъ бываетъ иногда до пяти въ одномъ селеніи. Достоинство же сіе переходитъ къ сильнѣйшему, или къ имѣющему болѣе родственниковъ. Впрочемъ они очень привязаны къ своимъ начальникамъ, ибо отбиваютъ оныхъ изъ плѣна силою, или въ случаѣ неудачи, выкупываютъ ихъ не щадя своего имѣнія: чему примѣръ былъ въ 1801 году въ окрестностяхъ нынѣшней *Новоархангельской* крѣпости, когда взятъ былъ въ плѣнъ одинъ ихъ начальникъ Американцами Союзныхъ Штатовъ. Колюжи хотя храбры, но подобно прочимъ дикимъ народамъ, не сражаются открыто, а стараются больше напасть на непріятеля въ разплохъ. Они весьма хитры, и поступаютъ съ плѣнниками, особенно съ Европейцами жестоко, подвергая ихъ самой мучительной смерти; въ коемъ безчеловѣчномъ дѣлѣ участвуютъ самые престарѣлые люди и дѣти. Шаманы обрѣзываютъ вокрухъ черепа кожу у сихъ жертвъ, и взявъ за волосы, сдергиваютъ оную; сіи волосы служатъ послѣ украшеніемъ на игрищахъ.

Угалахмюты, (на ихъ языкѣ означаетъ сіе названіе восточное селеніе) живутъ между *Мѣдною* рѣкою и *Якутатскою* губою; о семъ народѣ еще несообщено путешественниками никакого описанія, хотя оный находится въ вѣдомствѣ Россійской Американской Компаніи. В.

КОНЕЦЪ ЧАСТИ ТРЕТЬЕЙ.

ОПИСАНІЕ КАМЧАТКИ.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

О покореніи Камчатки, о бывшихъ въ разныя времена бунтахъ и измѣнахъ, и о нынѣшнемъ состояніи Россійскихъ остроговъ.

ГЛАВА I.

О первомъ извѣстіи про Камчатку, о походахъ Камчатскихъ, и о заведеніи въ той странѣ Россійскаго поселенія.

По распространеніи Россійскаго владѣнія въ сѣверѣ, и по заведеніи селенія по знатнѣйшимъ рѣкамъ впадающимъ въ Ледовитое море, отъ Лены рѣки къ востоку до Анадырска, часъ отъ часу болѣе старанія было прилагаемо, чтобъ отъ Анадырска далѣе провѣдывать земли, и живущихъ тамъ иновѣрцовъ приводить въ подданство; чего ради всякому прикащику накрѣпко было подтверждаемо, чтобъ всѣми мѣрами домогаться

получить извѣстіе, гдѣ какой народъ живетъ, сколь многолюденъ, какое имѣетъ оружіе, какое богатство и прочая. Такимъ образомъ не могла Камчатка не быть извѣстна еще въ то время, когда нѣсколько Коряковъ Пенжинскаго и Олюторскаго морей изъ Анадырска были объясачены, ибо имъ какъ сосѣдямъ Камчатскимъ, а паче Оленнымъ Корякамъ, которые часто кочуютъ внутрь самой Камчатки, тамошній народъ довольно былъ знаемъ. Но кто первый изъ Россійскихъ людей былъ на Камчаткѣ, о томъ не имѣю достовѣрнаго свидѣтельства; а по словеснымъ извѣстіямъ приписывается сіе нѣкакому торговому человѣку Ѳедоту Алексѣеву, по котораго имени впадающая въ Камчатку Никулъ рѣчка Ѳедотовщиною называется: будто онъ пошелъ изъ устья рѣки Ковымы Ледовитымъ моремъ въ семи кочахъ; будто погодою отнесенъ отъ другихъ кочей и занесенъ на Камчатку, гдѣ онъ и зимовалъ со своимъ кочемъ; а на другое лѣто обшедъ Курильскую Лопатку дошелъ Пенжинскимъ моремъ до рѣки Тигиля, и отъ тамошнихъ Коряковъ убитъ зимою со всѣми товарищи; къ которому убійству аки бы они причину сами подали, когда одинъ изъ нихъ другаго зарѣзалъ; ибо Коряки, которые по огненному ихъ оружію выше смертныхъ почитали,

видя, что и они умирать могутъ, не пожелали имѣть у себя гостей толь страшныхъ. Извѣстіе въ разсужденіи морскаго его пути съ Ковымы рѣки подтверждается отпискою служиваго Семена Дежнева; ибо Дежневъ объявляетъ, что морское ихъ путешествіе было неблагополучно; торговаго человѣка Ѳедота Алексѣева разнесло съ нимъ погодою безъ вѣсти; его носило по морю долгое время, а напослѣдокъ выбросило на берегъ въ передній конецъ за Анадырь рѣку. Но въ разсужденіи бытности его на Камчаткѣ, и что Никулъ рѣчка Ѳедотовщиною по имени его называется, нѣсколько сумнительно: ибо въ той же его отпискѣ показано, что въ 7162 (1654) году ходилъ онъ Дежневъ возлѣ моря въ походъ, и отбилъ у Коряковъ Якутскую бабу помянутаго Алексѣева, которая ему сказывала, что Ѳедотъ съ однимъ служивымъ цынгою умерли, а иные товарищи ихъ побиты, и остались не великіе люди, и побѣжали въ лодкахъ одною душею, а куды, невѣдомо. Чтожъ касается до построенныхъ на рѣкѣ Никулѣ зимовей, то и отъ самихъ Камчадаловъ подтверждается, что оныя Россійскими людьми поставлены, а развалины ихъ до нашихъ временъ были видимы.

Но сія разность въ извѣстіяхъ кажется отвращена быть можетъ, ежели поло-

жить, что Ѳедотъ съ товарищи не на Тигилѣ погибъ, но между Анадыремъ и Олюторскимъ; ибо такимъ образомъ не противно будетъ извѣстіямъ, когда представимъ себѣ, что онъ и на Камчаткѣ зимовалъ съ кочемъ своимъ, и вокругъ Лопатки доходилъ до рѣки Тигиля, что оттуда обратно слѣдовалъ къ Анадырску или моремъ, или сухимъ путемъ по Олюторскому берегу, и на пути умеръ, а прочіе его товарищи или побиты, или безвѣстно пропали, хотя отъ убійства избавиться. Но какъ бы то ни было, однако сей походъ и не великой былъ, и не великой важности; для того что не послѣдовало отъ него никакой пользы, не токмо въ разсужденіи Государственнаго интереса, но ниже въ разсужденіи надежнѣйшаго извѣстія о землѣ Камчаткѣ; ибо, какъ выше показано, никого изъ объявленнаго похода не явилось выходцовъ; чего ради первымъ походомъ на Камчатку можно почесть походъ козачья пятидесятника Володимира Атласова.

Оный Атласовъ въ 72 3 (1605) году присланъ былъ изъ Якутска прикащикомъ въ Анадырской острогъ, и велѣно ему было, такъ какъ прочимъ прикащикамъ, ясакъ сбирать съ присудныхъ къ Анадырску Коряковъ и Юкагирей, и стараться о пріискѣ вновь людей, и о приведеніи ихъ подъ самодержавную Го-

судареву власть. Въ 7204 году посыланъ отъ него былъ къ Апутскимъ Корякамъ Лука Морозко въ 16 человѣкахъ за ясачнымъ сбо-ромъ, который по возвращеніи своемъ объявилъ, что онъ не только былъ у оныхъ Коряковъ, но и до Камчатки не доходилъ токмо за 4 дни, и въ томъ походѣ взялъ онъ Камчатской острожекъ, а на погромѣ получилъ не вѣдомо какія письма, которыя объявилъ Атласову (1).

По сему извѣстію Атласовъ, взявъ съ собою 60 человѣкъ служивыхъ, да такоежъ число Юкагирей, а въ Анадырскомъ оставя 33 человѣкъ служивыхъ, отправился въ 7205 году послѣ ясачнаго сбору на Камчатку, и въ томъ походѣ склонилъ онъ ласкою къ ясачному платежу Акланской, Каменной и усть-Таловской острожки, да одинъ боемъ взялъ (2). Послѣ того, какъ сказываютъ, раздѣлилъ онъ партію свою на двое; поло-

---

(1) Сіи письма были Японскія, дошедшія на Камчатку по случаю разбитія Японской бусы у береговъ Камчатскихъ. В.

(2) Атласовъ въ отпискѣ своей въ Якутскъ о раздѣленіи партіи не упоминаетъ, но пишетъ, что по погромленіи острога пошелъ онъ въ Олюторскую землю февраля 1 дня; однако словесное извѣстіе, что не самъ онъ туда ходилъ, но партія, отъ достовѣрныхъ людей подтверждается.

вину послалъ на Восточное море подъ командою Луки Морозки, а съ другою самъ по Пенжинскому морю слѣдовалъ. На Палланѣ измѣнили ему союзники его Юкагиры, 3 человѣкъ служивыхъ убили, да 15 человѣкъ и его Атласова ранили, однакожъ намѣренія своего, чтобъ всѣхъ побить, не исполнили; ибо козаки справясь отбили прочь оныхъ злодѣевъ, и не взирая на то, что лишились ихъ помощи, предпріятія своего не оставили; но продолжали походъ свой къ югу. На Тигилѣ рѣкѣ соединились паки обѣ партіи, и собрали ясакъ съ иноземцовъ живущихъ по Напанѣ, Кигилю, Ичѣ, Сіупчѣ и Харьузовой рѣкахъ, а до (1) Ка-

---

(1) Понеже нынѣ никакой рѣки на Камчаткѣ Каланкою не называютъ, чего ради заподлинно знать невозможно, до которыхъ мѣстъ доходилъ Атласовъ; а по словеснымъ извѣстіямъ Камчатскихъ старожиловъ, доходилъ онъ до рѣки Нынгычу, что нынѣ Голыгиною называется, по имени козака Голыгина, которой въ ономъ Атласова походѣ пропалъ безъвѣстно; чего ради думать должно, что Атласовъ подъ именемъ Каланской рѣки разумѣетъ Игдытъ или Озерную, на которую съ Голыгиной переѣжжаютъ въ третій день; а Каланскою назвалъ ее, можетъ быть, по бобрамъ морскимъ, которые тамъ промышляются, и прежде сего назывались Каланами.

ланской рѣки не дошли они токмо за три дни. Будучи же на Ичѣ взялъ онъ у Камчадаловъ полоненика Узакинскаго (Японскаго) Государства.

Оттуда возвратился онъ назадъ, и шелъ тоюже дорогою до рѣки Ичи, а съ Ичи перешелъ на Камчатку рѣку, построилъ верхній Камчатской острогъ, и оставя въ немъ служиваго Потапа Серюкова въ 15 человѣкахъ, выѣхалъ въ Якутскъ 7208 году Іюля 2 дня, и вывезъ съ собою Японскаго плѣнника и ясачную Камчатскую казну, которая состояла въ 80 сорокахъ соболей, въ собольей паркѣ, въ 10 бобрахъ морскихъ, въ 7 лоскутахъ бобровыхъ, въ 4 выдрахъ, въ 10 лисицахъ сиводущетыхъ, въ 191 лисицѣ красныхъ; да у него было собственныхъ соболей на товары, какъ пишетъ, вымѣненныхъ, 11 сороковъ. А изъ Якутска онъ отправленъ съ тою казною къ Москвѣ, гдѣ за помянутую свою службу пожалованъ козачьимъ головою по городу Якутску, и велѣно ему паки на Камчатку слѣдовать, набравъ 100 человѣкъ въ Тобольскѣ, въ Енисейскѣ и въ Якутскѣ изъ тамошнихъ козачьихъ дѣтей въ козачью службу, и для того походу указано было снабдить его какъ въ Москвѣ, такъ и въ Тобольскѣ небольшими пушками, пищалями, свинцомъ и порохомъ, и при томъ

дать ему изъ Тобольска полковое знамя, барабанщика и сиповщика. Но Атласовъ на Камчатку не отправленъ по 1706 годъ за бывшимъ надъ нимъ слѣдствіемъ: ибо онъ ѣдучи изъ Тобольска судами въ 1701 году, разбилъ на рѣкѣ Тунгускѣ дощаникъ съ Китайскими товарами гостя Логина Добрынина, въ чемъ на него прикащикъ того гостя въ Якутскѣ билчеломъ, и по тому челобитью онъ Атласовъ съ главными заводчики въ 10 человѣкахъ посаженъ въ тюрьму, а на мѣсто его 1702 году отправленъ на Камчатку по выбору служивой Михайло Зиновьевъ, которой бывалъ на Камчаткѣ, какъ въ отпискѣ изъ Якутска объявлено, еще прежде Атласова, можетъ быть съ Морозкою.

Между тѣмъ оставленной на Камчаткѣ служивой Потапъ Серюковъ жилъ въ верхнемъ Камчатскомъ острогѣ три года безъ всякаго утѣсненія отъ Камчадаловъ; ибо онъ за малолюдствомъ ясаку собирать не отважился, но подъ видомъ купца торговалъ съ ними. Наконецъ и тотъ въ Анадырскъ поѣхалъ, однакожъ Коряки не допустя его до Анадырска со всѣми товарищами убили. А выѣздъ его по видимому учинился, какъ сынъ боярской Тимоѳей Кобелевъ на Камчатку пріѣхалъ, который почитается первымъ прикащикомъ оныхъ остроговъ.

Въ бытность свою перенесъ онъ жилье верхняго Камчатскаго острога на рѣку Кали-кыгъ, которая отъ прежняго острожнаго мѣста въ полуверстѣ, да вновь построилъ зимовье на рѣкѣ Еловкѣ; а ясакъ, какъ по рѣкѣ Камчаткѣ, такъ по Пенжинскому и Бобровому морю, сбиралъ онъ повольной, и съ ясачною казною выѣхалъ въ Якутскъ въ 1704 году благополучно. Въ тожъ время партія Анадырскихъ служивыхъ людей, подъ командою служиваго Андрея Кутьина, построила шесть зимовей на впадающей въ Восточное море Укѣ рѣкѣ, и начала сбирать ясакъ съ тамошнихъ Коряковъ.

Кобелева смѣнилъ вышеписанной Михайло Зиновьевъ, которой отправленъ изъ Якутска вмѣсто Володимира Атласова, а правилъ онъ Камчатскими острогами до прибытія козачья пятидесятника Василья Колесова съ 1703 по 1704 годъ. Во время бытности своей первый онъ завелъ ясачныя книги, въ которыя Камчадаловъ поименно на́чалъ вписывать. Нижнія Камчатскія зимовья за неспособностію мѣста перенесъ на ключи, и на Большей рѣкѣ острогъ построилъ. Онъ же перевелъ изъ Укинскихъ зимовей на Камчатку Анадырскихъ служивыхъ людей по прозьбѣ ихъ. Такимъ образомъ приведши Камчатскія дѣла въ нѣкоторой порядокъ, щаст-

ливо въ Якутскъ возвратился съ ясачною казною.

Въ 1704 году подъ осень пріѣхалъ изъ Якутска на мѣсто Михайла Зиновьева козачій пятидесятникъ Василей Колесовъ, которой сидѣлъ на приказѣ по Апрѣль мѣсяцъ 1706 году, для того что отправленные на смѣну ему Якутской сынъ боярской Василій Протопоповъ въ 1704, да служивой Василій Шелковниковъ въ 1705 году убиты на дорогѣ отъ Олюторовъ, а съ ними по десяти человѣкъ служивыхъ. Во время его правленія былъ первой походъ въ Курильскую землицу, и человѣкъ съ 20 Курильцовъ объясачено, а прочіе Курильцы, которыхъ было немалое число, врозь разбѣжались.

И сей прикащикъ съ ясачною казною въ Якутскъ пріѣхалъ благополучно, хотя на него, Августа въ послѣднихъ числахъ помянутаго году, около Пенжины рѣки и было умышленіе отъ немирныхъ Сидячихъ Коряковъ Косухина острожка, который состоитъ на усть-Таловкѣ; ибо онъ будучи о семъ увѣдомленъ заблаговременно отъ Сидячихъ же Коряковъ Акланскаго острожка, который отъ Косухина верстахъ въ 15, слѣдовалъ съ надлежащею осторожностію.

Въ Акланскомъ жилъ онъ 15 недѣль, ожидая пути зимняго, въ которое время Коря-

ки Косухина острожка, и нѣкоторые другіе покушались паки убить его со служивыми, токмо не допущены отъ Акланскихъ жителей. Колесовъ въ помянутомъ острогѣ засталъ семь человѣкъ служивыхъ оставшихся послѣ Шелковникова съ подарочною и пороховою казною, посланною въ Камчатскіе остроги, которыхъ онъ, вѣдая на Камчаткѣ скудость въ свинцѣ и порохѣ, отправилъ съ двадцатью однимъ человѣкомъ своей команды, а команду поручилъ надъ ними выборному служивому Семену Ломаеву, которому и ясакъ приказалъ сбирать во всѣхъ трехъ Камчатскихъ острогахъ.

По отъѣздѣ Василья Колесова съ Камчатки не бывало у ясачныхъ иноземцовъ знатной измѣны, а послѣ его въ бытность закащиками въ Верхнемъ острогѣ Ѳедора Анкудинова, въ Нижнемъ Ѳедора Ярыгина, а въ Большерѣцкѣ Дмитрія Ярыгина, взбунтовали Большерѣцкіе Камчадалы; Большерѣцкой Россійской острогъ сожгли, и бывшихъ въ немъ служивыхъ безъ остатку побили. Въ тоже время и на Бобровомъ морѣ убитъ ясачной зборщикъ въ 5 человѣкахъ. Причина бунту ихъ была можетъ быть та, что имъ ясачной зборъ, которой ужѐ былъ и съ принужденіемъ, показался тягостенъ, тѣмъ наипаче, что у нихъ тогда прежняя воль-

ность изъ памяти еще не вышла, которую они надѣялись возвратить убійствомъ Россійскихъ людей; ибо по объявленію тамошнихъ старожиловъ Камчадалы думали, что Россійскіе козаки какіе нибудь бѣглецы; для того что всегда почти одни къ нимъ приходили, а вновь не прибывало; чего ради не сумнѣвались они всѣхъ ихъ перевесть безъ остатку, а въ непропускѣ вновь изъ Анадырска надѣялись на Коряковъ и Олюторовъ, будучи извѣстны, что они двухъ прикащиковъ Протопопова и Шелковникова съ командами на дорогѣ побили. Однако они въ томъ весьма обманулись: ибо вмѣсто пріобрѣтенія прежней вольности многіе потеряли животъ свой, отъ чего и число ихъ умалилось противъ прежняго, какъ ниже сего пространнѣе будетъ объявлено.

Козаки за малолюдствомъ своимъ принуждены тогда были жить съ крайнею осторожностію, оставя до времени измѣнниковъ въ покоѣ. Между тѣмъ въ помянутомъ же 1706 году Атласовъ свобожденъ изъ подъ караула, и отправленъ изъ Якутска на Камчатку прикащикомъ съ тѣми же преимуществами, которыя даны ему были въ 1701 году, чтобъ имѣть ему полную власть надъ служивыми, и винныхъ смотря по дѣлу батогами и кнутомъ наказывать; а велѣно

ему прежнюю свою вину, что учинилъ разбой, заслужить, и въ пріискиваніи вновь земель и неясачныхъ людей оказать крайнюю ревность; обидъ и налоговъ никому не чинить, и противъ иноземцевъ не употреблять строгости, когда можно будетъ обойтися ласкою, въ противномъ случаѣ и смертная казнь ему предписана. Но Атласовъ отправившись изъ Якутска съ немалымъ числомъ служивыхъ людей, и съ военными припасами, между которыми были и двѣ небольшія мѣдныя пушки, вскорѣ возвратился на прежнее; ибо не доѣхавъ еще до Анадырска безвинными побоями и другими предосудительными поступками привелъ служивыхъ въ такое огорченіе, что всѣ почти послали на него въ Якутскъ челобитныя. За всѣмъ однакожъ тѣмъ пріѣхалъ онъ на Камчатку щастливо въ 1707 году въ Іюлѣ мѣсяцѣ, и принялъ въ команду Верхній и Нижній Камчатскіе остроги у прежнихъ закащиковъ, купно съ собранною на тотъ годъ ясачною казною.

Въ Августѣ мѣсяцѣ тогожъ года отправилъ онъ въ походъ на Бобровое море для усмиренія измѣнниковъ, которые ясачныхъ сборщиковъ побили, служиваго Ивана Тарабина человѣкахъ въ 70, которые были на службѣ Ноября по 27 число тогоже года. Помянутые походчики отъ самаго Верхняго

острога до Авачи не имѣли никакого сопротивленія; но какъ они близь Авачинской губы, что нынѣ гавань Петра и Павла, ночевать стали, то служивые Камчадаловъ, и Камчадалы служивыхъ усмотрѣли. А понеже измѣнниковъ было въ собраніи сотъ съ восемь, то уговорились они, чтобъ служивыхъ не бить, но по рукамъ разбирать и вязать; чего ради и каждой измѣнникъ по ремню при себѣ имѣлъ; такая была у нихъ надежда на великое свое множество.

Слѣдующаго дня Тарашинъ пошелъ къ Авачинской губѣ, гдѣ измѣнничьи лодки и байдары стояли. Измѣнники между тѣмъ, скрывшись въ лѣсу по обѣ стороны дороги, ожидали его прибытія; и пропустя нѣсколько переднихъ, на самую средину напали, и бились съ служивыми такъ долго, пока большая ихъ часть легла на мѣстѣ, а прочіе принуждены были спасаться бѣгствомъ. Служивыхъ при томъ убито 6 человѣкъ, да нѣсколько ранено. Камчадаловъ взято въ полонъ токмо три человѣка изъ лучшихъ людей, изъ за которыхъ собрано съ оставшихъ измѣнниковъ ясаку не болѣе какъ 10 соболей, 4 лисицы красныхъ, да 19 бобровъ морскихъ. Однако тѣмъ оная страна совершенно не покорена; ибо до самаго главнаго Камчатскаго бунта, который учинился

въ 1731 году, тамошніе жители почти всегда въ измѣнѣ были. Оттуда походчики возвратились въ Верхній острогъ съ ясачною казною и съ помянутыми аманатами Ноября 27 дня 1707 году, какъ выше показано. До сего времени правленіе въ Камчатскихъ острогахъ нѣсколько было порядочно, для того что подчиненные командировъ своихъ такъ, какъ надлежало, почитали, и повиновались имъ безъ всякаго сопротивленія; а потомъ начали у нихъ отъимать команды, обирать пожитки, сажать въ тюрьмы и убивать до смерти, какъ въ слѣдующей главѣ пространнѣе будетъ объявлено.

———

ГЛАВА II.

О бунтѣ Камчатскихъ козаковъ, о убійствѣ трехъ прикащиковъ, о бывшемъ по тому дѣлу слѣдствіи, и объ отправленіи служивыхъ для провѣдыванія островов и Японскаго Государства, для заслуженія винъ своихъ.

Коимъ образомъ служивые люди огорчены были на дорогѣ отъ Атласова, въ прежней главѣ упомянуто. Оное огорченіе, также нападки его, и собственное служивыхъ людей своевольство побудило ихъ къ умышленію, чтобъ Атласова лишить команды; что они въ Декабрѣ мѣсяцѣ того же 1707 года и учинили. А въ оправданіе свое писали въ Якутскъ, будто Атласовъ не давалъ имъ съѣстныхъ припасовъ, которые съ Камчадаловъ сбираются; будто самъ пользовался оными, а они прогулявъ рыбную пору претерпѣвали голодъ; будто изъ корысти своей выпустилъ аманатовъ, и отъ того во всѣхъ ясачныхъ иноземцахъ учинилась такая шатость, что ясачные сборщики, посыланные на Пенжинское море, едва спаслися бѣгствомъ;

будто кололъ онъ на смерть служиваго Данила Бѣляева, и когда ему отъ служивыхъ представлено было, чтобъ онъ безвинно палашемъ не кололъ, но наказывалъ бы ихъ за вины батогами или кнутомъ, какъ Государевы указы повелѣваютъ; а онъ на то въ отвѣтъ сказалъ, что Государь ему въ вину не поставитъ, хотя онъ ихъ и всѣхъ прирубитъ; будто онъ, желая мстить козакамъ за мнимыя грубыя ихъ рѣчи, призвалъ къ себѣ лучшаго Камчадала, и говорилъ ему, аки бы кололъ помянутаго служиваго за то, что служивые хотятъ всѣхъ Камчадаловъ прибить, а женъ ихъ, дѣтей и кормы по себѣ раздѣлить; будто по той вѣдомости Камчадалы жилища свои оставили, и соединясь въ тѣсномъ мѣстѣ убили трехъ человѣкъ служивыхъ, и многихъ переранили; будто онъ посланную изъ Якутска подарочную казну почти всю употребилъ въ собственную пользу, такъ что на Камчаткѣ въ привозѣ явилось у него бисеру, а по тамошнему одекую, и олова небольше полупуда, а мѣдь всю передѣлалъ онъ въ винокуренную посуду; и будто у новокрещеннаго Камчадала вымучилъ онъ нападками лисицу чернобурую, которая въ казну была приготовлена.

Сіе оправданіе ясно показываетъ преж-

нюю злобу служивыхъ людей на Атласова, хотя не можно сказать, чтобъ не больше правды писано на него было: ибо Атласовъ могъ не давать имъ съѣстныхъ припасовъ казенныхъ, могъ *заложниковъ* изъ корысти выпустить, могъ съ палашемъ метаться пьяной и корыстоваться ясачною казною, какъ человѣкъ лакомой, которое лакомство видимо будетъ изъ обранныхъ его пожитковъ, въ краткое время приобрѣтенныхъ; но кто тому повѣритъ, чтобъ онъ желалъ возбудить иноземцовъ къ бунту, вѣдая что по убіеніи козаковъ и самому отъ смерти не избавиться? Чтожъ Камчадалы на Пенжинскомъ морѣ ясачныхъ зборщиковъ едва живота не лишили, что въ другомъ мѣстѣ трехъ человѣкъ убили, а иныхъ переранили, оное могло учиниться и безъ Атласова возмущенія, тѣмъ наипаче, что козаки, можетъ быть, чемъ огорчили ясачныхъ людей; ибо и на Пенжинскомъ морѣ ясачнаго зборщика хотѣли убить Камчадалы за то, что онъ вмѣсто одного соболя, требовалъ ясаку по два и по три съ человѣка. Что до чернобурой лисицы касается, то при обыскѣ не явилось ее у Атласова.

По сверженіи Атласова съ приказу, выбрали служивые командиромъ Верхняго острога прикащика Семена Ломаева, которому

по памяти бывшаго прикащика Колесова велѣно было быть при зборѣ ясака во всѣхъ острогахъ. Атласова посадили въ тюрьму, по ихъ въ казенку, а пожитки его въ казну обрали, которыя кромѣ множества мѣховъ собольихъ и лисьихъ, состояли въ 30 сорокахъ въ 34 соболяхъ, въ 400 лисицахъ красныхъ, въ 14 сиводущетыхъ, въ 75 бобрахъ морскихъ.

Но Атласовъ невѣдомо какимъ образомъ изъ тюрьмы ушелъ, и сбѣжалъ въ Нижній Камчатской острогъ, хотя тамъ принять команду; однако бывшій тогда въ помянутомъ острогѣ закащикомъ Ѳедоръ Ярыгинъ команды ему не отдалъ; чего ради Атласовъ принужденъ былъ жить праздно до прибытія нижеписаннаго прикащика.

Между тѣмъ дошли въ Якутскъ посланныя на него отъ служивыхъ людей съ дороги челобитныя, изъ которыхъ Якутская канцелярія тогда еще предвидѣла, что на Камчаткѣ между служивыми и Атласовымъ послѣдуетъ вящшее несогласіе; чего ради опасаясь вреда въ разсужденіи Государственной пользы, писала о всемъ въ Москву съ обстоятельствомъ, и въ 1707 году отправила на его мѣсто прикащикомъ сына боярскаго Петра Чирикова съ 1 пятидесятникомъ, съ четырмя десятниками, съ пятью-

десять человѣками рядовыхъ. А военнаго снаряду дано ему двѣ пушки мѣдныя, 100 ядеръ, пять пудъ свинцу, восемь пудъ пушечнаго пороху. Но какъ въ 1709 году въ Генварѣ мѣсяцѣ получены съ Камчатки вѣдомости о худыхъ поступкахъ Атласова, и объ отнятіи у него команды; то Якутская канцелярія отправила въ слѣдъ за Чириковымъ указную память, чтобъ ему по дѣлу Атласову учинить слѣдствіе, и оное дѣло прислать на разсмотрѣніе въ Якутскую Воеводскую канцелярію съ выборнымъ прикащикомъ Семеномъ Ломаевымъ, также зборную ясачную казну на 1707, 1708 и 1709 годы. Однако оная указная память Чирикова не застала въ Анадырскѣ, и на Камчатку не отправлена за малолюдствомъ служивыхъ людей въ Анадырскомъ острогѣ; ибо малочисленныхъ людей посылать въ тотъ путь было опасно, для того что по Слюторскому и по Пенжинскому морю дорога отъ многихъ измѣнниковъ занята была, такъ что они въ 1709 году Іюля 20 числа не взирая на знатную Чирикову команду, днемъ напасть на него отважились; бывшаго при казнѣ сына боярскаго Ивана Панютина съ товарищи въ 10 человѣкахъ убили, казну и военную аммуницію разграбили, а остальныхъ служивыхъ принудили сидѣть въ осадѣ на пустомъ мѣ-

стѣ, откуда они 24 числа тогожъ мѣсяца учиня выласку и Олюторовъ щастливо отбивъ свободились, потерявши двухъ человѣкъ на сраженіи. Чего ради Чириковъ прибывъ на Камчатку не производилъ слѣдствія, довольствуяся одною командою.

Въ бытность его учинились два обстоятельства достойныя примѣчанія: 1) нещастливой походъ на Большую рѣку козачья пятидесятника Ивана Харитонова, который посыланъ былъ для усмиренія тамошнихъ измѣнниковъ въ 40 человѣкахъ; ибо измѣнники собравшись во многолюдствѣ 8 человѣкъ убили, а большую часть переранили; чего ради оставшіе принуждены были сидѣть въ осадѣ недѣли съ 4, и едва спаслися бѣгствомъ; 2) разбитіе на Бобровомъ морѣ Японской бусы, къ которой Чириковъ въ 50 человѣкахъ самъ ходилъ. И понеже Японцы полонены были немирными Камчадалами, которые близь оной бусы жили, то Чириковъ имѣлъ случай четырехъ бывшихъ у нихъ Японцевъ выручить; ибо измѣнники увидѣвъ служивыхъ, въ бой съ ними вступить не отважились; но оставя Японцевъ разбѣжались по лѣсу. Въ томъ же своемъ походѣ усмирилъ онъ измѣнниковъ отъ Жупановой до самой Островной рѣки, и привелъ въ ясачной платежъ по прежнему.

Между тѣмъ какъ Чириковъ изъ походу своего въ Верхній Камчатской острогъ возвратился, пріѣхалъ въ Августѣ мѣсяцѣ тогожъ года на смѣну къ нему козачій пятидесятникъ Осипъ Мироновъ, который отправленъ изъ Якутска по выбору 1709 года въ 40 человѣкахъ. Такимъ образомъ собрались на Камчаткѣ три прикащика, Атласовъ, Чириковъ и помянутый Мироновъ, онъ же и Липинъ.

Чириковъ здавъ Миронову острогъ, и все, что надлежало, въ Октябрѣ мѣсяцѣ поплылъ въ Нижній Камчатской острогъ батами со служивыми и съ казною своего сбору, чтобъ тамъ перезимовавъ слѣдующаго году итти съ казною Пенжинскимъ моремъ. А Осипъ Мироновъ пробывъ въ Верхнемъ до зимы, Декабря 6 числа въ Нижній же острогъ отправился, для разряду служивыхъ людей къ судовому строенію и къ препровожденію ясачной казны, оставя закащикомъ въ томъ острогѣ Алексѣя Александровыхъ. Но какъ онъ исправя дѣла свои въ Нижнемъ, ѣхалъ обратно въ Верхній острогъ съ прежнимъ прикащикомъ Чириковымъ, то 20 человѣкъ служивыхъ, которые давно уже были въ злоумышленіи на прикащиковъ, не допустя до острога, зарѣзали его на дорогѣ. А происходило оное убійство 1711 года Генваря 23

числа. Послѣ того удумали они и Чирикова живота лишить; однакожъ по прозьбѣ его дали ему время къ покаянію. Между тѣмъ сами въ 31 человѣкѣ поѣхали въ Нижній Камчатской острогъ, чтобъ убить Атласова, и не доѣхавъ за полверсты до онаго острога стали они въ прикрытѣ, а въ острогъ послали трехъ человѣкъ, и дали имъ составное письмо къ Атласову съ такимъ приказаніемъ, чтобъ убить его въ ту пору, когда онъ письмо читать имѣетъ; но посланные вечеромъ застали его спящаго и зарѣзали. Тогда вся партія ихъ въ острогъ вступила, и стали десятками своими на три двора съ ружьями и съ копьями, а главные изъ нихъ были Данило Анцыфоровъ, да Иванъ Козыревской. Живучи въ острогѣ дѣлили они пожитки убитыхъ прикащиковъ, заводили козачьи круги, выносили знамя, призывали къ себѣ въ сообщеніе другихъ людей, и такимъ образомъ умножили до 75 человѣкъ свою партію. Данила Анцыфорова назвали Атаманомъ, Козыревскаго ясауломъ, иныхъ верстали въ ясаулыжъ и десятники, и многія другія наглости дѣлали; перевезли съ Тигиля пожитки Атласова, которыя отправилъ было онъ съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобъ весть ему Пенжинскимъ моремъ; пограбили съѣстные припасы слу-

живыхъ людей, которые на морской путь были заготовлены; расхитили парусы и снасти, которыя оставлены были отъ прикащика Осипа Миронова, для отправленія Чирикова съ казною тѣмъже Пенжинскимъ моремъ; а потомъ въ Верхній острогъ уѣхали, и Марта 20 числа Чирикова оковавъ въ воду бросили.

Того же 1711 года Апрѣля 17 дня подали они въ Верхнемъ острогѣ для отсылки въ Якутскъ повинную челобитную, въ которой объявляютъ причины, за что они побили двухъ прикащиковъ, Петра Чирикова и Миронова, а объ Атласовѣ не упоминаютъ. Вся важность челобитья ихъ состоитъ въ лакомствѣ прикащиковъ, коимъ образомъ корыстовались они Государевою казною, покупая на оную товары, и тѣмъ получая себѣ непомѣрную прибыль, какъ утѣсняли служивыхъ и ясачныхъ людей, и вымучивали изъ за побоевъ и пристрастія пожитки ихъ, какъ жалованье денежное за себя переводили, а имъ неволею давали товары по тамошней Камчатской цѣнѣ: за полной пѣшій козачій окладъ, за 9 рублей за 25 копѣекъ, по 12 аршинъ холстины, или табаку Китайскаго по 6 золотниковъ; да сверьхъ того съ каждаго окладу брали себѣ скупу по два рубли, а они служивые въ расход-

ныхъ книгахъ расписывались не въ товарахъ, но въ деньгахъ, и прочее тому подобное. А такое дерзновеніе учинили они для того, что жалоба ихъ на прикащиковъ не дойдетъ за дальнимъ разстояніемъ, особливо же что прикащики челобитчиковъ до Якутска не допустилибъ. При томъ сообщили они и опись пограбленнымъ пожиткамъ Чирикова и Миронова, а по описи ихъ досталось имъ на артель: пожитковъ Петра Чирикова 15 сороковъ соболей, 500 лисицъ красныхъ, 20 бобровъ морскихъ; Осипа Миронова 20 сороковъ соболей, 400 лисицъ красныхъ, да 30 бобровъ морскихъ.

Изъ Верхняго острога пошли они весною того же года въ помянутомъ числѣ 75 человѣкъ на Большую рѣку, чтобъ тамошнихъ измѣнниковъ усмирить, Большерѣцкой острогъ построить, и тѣмъ заслужить вины свои. Въ первыхъ числахъ Апрѣля разбили они Камчатской острожекъ между впадающими въ Большую рѣку съ правой стороны Быстрою и Гольцовкою рѣками, гдѣ нынѣ Россійской Большерѣцкой острогъ; въ которомъ они засѣли, и жили по Май мѣсяцъ безъ всякаго нападенія отъ Камчадаловъ. А Маія 22 числа приплыло къ ихъ острожку, съ верху и съ низу Большей рѣки, великое множество Камчадаловъ и Курильцовъ,

для взятья онаго острожка, и истребленія служивыхъ людей; кои обступя оной всякимъ образомъ осажденныхъ страшили, и похвалялись шапками ихъ заметать безъ оружія.

Маія 23 дня козаки отслужа молебенъ, ибо взятъ ими былъ въ объявленной походъ Архимандритъ Мартіанъ, который отъ Филоѳея Митрополита Тобольскаго и Сибирскаго въ 1705 году на Камчатку отправленъ для проповѣди слова Божія, выслали половину партіи своей на вылазку, которые выпаля нѣсколько разъ по Камчадалахъ изъ винтовокъ, бились съ ними на копьяхъ до самаго вечера; наконецъ одержали побѣду. На сраженіи побито и перетонуло измѣнниковъ такое великое множество, что трупами ихъ Большая рѣка запрудилась; а съ Россійской стороны три человѣка убито, да нѣсколько ранено. Сія побѣда тѣмъ наипаче важна была, что всѣ Большерѣцкіе острожки безъ бою покорились, и стали ясакъ давать по прежнему. Ходили же бунтовщики и къ Курильскую землицу, были за проливомъ на перьвомъ Курильскомъ островѣ, и жителей тамошнихъ въ ясакъ обложили; а до того времени никто не бывалъ на островѣ Курильскомъ.

Между тѣмъ въ 1711 году пріѣхалъ на смѣну Осипу Миронову козачій десятникъ

Василій Севастьяновъ, онъ же и Щепеткой, не вѣдая о убіиствѣ трехъ прикащиковъ, ибо отписки не дошли еще до Якутска при его отправленіи; и собиралъ ясакъ въ Верхнемъ и въ Нижнемъ острогахъ, а въ Большерѣцкомъ главной бунтовщикъ Анцыфоровъ; который подъ видомъ должности своей самъ приѣжжалъ въ Нижній острогъ съ Большерѣцкою ясачною казною, однако въ такомъ числѣ своей партіи, что могъ быть безопасенъ отъ тюрьмы и отъ слѣдствія; чего ради и отпущенъ отъ Щепеткаго на Большую рѣку паки зборщикомъ. На обратномъ пути по Пенжинскому морю привелъ онъ въ ясачной платежъ Коппаковой и Воровской рѣки измѣнниковъ, которые отложились было за нѣсколько времени; но въ 1712 году въ Февралѣ мѣсяцѣ и самъ убитъ отъ Авачинскихъ измѣнниковъ обманомъ; ибо какъ онъ въ 25 человѣкахъ на Авачу поѣхалъ, а иноземцы о томъ свѣдали, то сдѣлали они крѣпкой и пространной балаганъ съ потайными подъемными дверьми для его принятія. Съ пріѣзду приняли его честно, отвели въ помянутой балаганъ, дарили щедрою рукою, довольствовали, богатой ясакъ платить обѣщались безъ прекословія, и дали нѣсколько человѣкъ въ аманаты изъ людей лучшихъ; но слѣдующей ночи сожгли ихъ

въ помянутомъ балаганѣ купно съ своими аманатами. Злобу, каковую имѣли Камчадалы на служивыхъ людей, можно видѣть по рѣчамъ помянутыхъ аманатовъ ихъ; ибо сказываютъ, что при зажженіи балагана Камчадалы кричали имъ поднимая двери, чтобъ они, какъ можно, вонъ выбросились; но аманаты отвѣтствовали, что они скованы, и приказывали жечь балаганъ не щадя себя, токмо бы служивые сгорѣли. Такимъ образомъ бунтовщичій Атаманъ Анцыфоровъ съ нѣкоторыми смертоубійцами предупредилъ казнь свою, доказавъ смертію своею истину пословицы, которую бунтовщики обыкновенно употребляли: *что на Камчаткѣ можно прожить семь лѣтъ, что ни сдѣлаешь, а семь де лѣтъ прожить, кому Богъ велитъ.* И правда что до провѣданія пути Пенжинскимъ моремъ, за дальнимъ разстояніемъ, и труднымъ проѣздомъ чрезъ землю немирныхъ Коряковъ, въ пересылкѣ рапортовъ въ Якутскъ, и въ полученіи указовъ, проходило много времени; что бездѣльникамъ онымъ подавало немалой поводъ къ наглостямъ.

По смерти Данилы Анцыфорова, не такая уже, какъ видно, опасность была прикащикамъ отъ бунтовщиковъ; ибо Щепеткой нарочныхъ посылалъ въ Верхній острогъ,

чтобъ ловить убійцовъ, гдѣ попадутся, при которомъ случаѣ одинъ и поиманъ, и въ Нижнемъ острогѣ розъискиванъ, и во многихъ злоумышленіяхъ кромѣ убійства трехъ прикащиковъ винился, а именно: что намѣрены они были разбить Верхній и Нижній Камчатскіе остроги, прикащика Щепеткова убить, ясачную казну и многихъ зажиточныхъ служивыхъ людей пограбить, а потомъ уйти на острова и поселиться; чего ради и Анцыфоровъ пріѣжжалъ къ Щепеткому не столько для отдачи ясачной казны, какъ для похищенія собранной, и для его убійства; однако за многолюдствомъ служивыхъ противной стороны предпріятія своего въ дѣйство произвесть не отважилися.

Щепеткой оставя въ Верхнемъ прикащика Константина Козырева, а въ Нижнемъ Ѳедора Ярыгина, отправился съ Камчатки въ 1712 году Іюня въ 8 день, и шелъ съ Камчатскою казною по Олюторскому морю до Олюторской рѣки, и вверхъ оной рѣки 4 дни, и не доходя за 2 днища до Глотова жилья остановился; для того что выше того, за мѣлью рѣки и за быстротою, судами итти не можно было. Для защищенія казны отъ Олюторовъ, огородился онъ за оскудѣніемъ лѣса вмѣсто острога земляны-

ми юртами, ибо Олюторы на дорогѣ съ ними бой имѣли, а тогда по всякой день приступъ чинили. Въ острогѣ сидѣлъ онъ съ 84 человѣками команды своей Генваря до 9 числа 1713 года. Между тѣмъ послалъ онъ нарочныхъ въ Анадырскъ съ требованіемъ помощи и подводъ для перевоза ясачной казны, которая помощь въ 60 человѣкахъ состоящая, и довольное число оленей подъ казну ему и прислано. Такимъ образомъ ясачная казна едва спаслася отъ немирныхъ Коряковъ; въ Якутскъ дошла она въ Генварѣ мѣсяцѣ 1714 года, а въ вывозѣ не было ея, за объявленными бунтами и замѣшательствами, и за трудным отъ Коряковъ проѣздомъ съ 1707 году по самое объявленное время; было же ея всякихъ зборовъ прежнихъ прикащиковъ 332 сорока соболей, 3289 лисицъ красныхъ, въ томъ числѣ семь бурыхъ, сорокъ одна сиводущетыхъ, да морскихъ бобровъ 259.

По выѣздѣ съ Камчатки Василья Щепеткова взбунтовалъ Верхняго Камчатскаго острога закащикъ Кыргызовъ, и собравшись со служивыми людьми того острога, приплылъ батами въ Нижній Камчатскій острогъ, мучилъ тамошняго закащика Ярыгина свинцовыми кистенями, и клячемъ вертѣлъ ему голову, пожитки его разграбилъ, и раздѣлилъ

съ своими служивыми. Такоежъ нещастіе претерпѣлъ тамошній священникъ и нѣсколько козаковъ Нижношантальскихъ, которыхъ они били, и подымали на дыбу; чего ради Ярыгинъ принужденъ былъ команду оставить, и въ монахи постричься, а острогъ здалъ служивому Богдану Канашеву, который правилъ онымъ до вторичнаго прибытія Василья Колесова, что прежде былъ козачьимъ пятидесятникомъ, но тогда уже былъ пожалованъ дворяниномъ по Московскому списку. А Кыргызовъ, подговоря къ себѣ въ злоумышленіе 18 человѣкъ Нижношантальцовъ, возвратился въ Верхній Камчатской острогъ, и былъ страшенъ Нижнему острогу долгое время, не токмо до пріѣзда прикащика Колесова, но и въ бытность онаго.

Помянутый Колесовъ отправленъ изъ Якутска на смѣну Василью Севастьянову въ 1711 году, а въ Нижній Камчатской острогъ пріѣхалъ Сентября 10 числа 1712 года, получа на дорогѣ указъ о розыскѣ бунтовщиковъ, кои убили трехъ прикащиковъ: по которому указу два человѣка смертію казнены, инымъ вставливаны клейма. Ясаулъ ихъ Иванъ Козыревской, который по смерти Атамана Данила Анцыфорова былъ въ Большерѣцкѣ прикащикомъ, съ большею частію еди-

номышленниковъ штрафованы. Но последняго бунта начальникъ Кыргызовъ, не токмо не пошелъ подъ судъ къ Колесову, но и острога ему не отдалъ, а при томъ угрожалъ быть въ Нижній острогъ, и взявъ пушки збить дворъ его; по которому обѣщанію и приѣхалъ въ 30 человѣкахъ своей партіи, въ то самое время, какъ Большерѣцкіе козаки приѣхали къ слѣдствію; однако не могъ совершенно исполнить своего предпріятія.

Колесовъ опасаясь обѣихъ партій, не приказалъ было въѣжжать имъ въ острогъ многолюдствомъ; но Кыргызовъ не смотря на то сталъ на квартиру, и содержалъ у себя денно и ночно караулъ крѣпкой. Между тѣмъ подзывалъ Нижношантальскихъ козаковъ въ сообщеніе, и съ угрозами требовалъ отъ прикащика указу, чтобъ ѣхать ему для провѣдыванія морскаго Карагинскаго острова. Однако и козаки къ нему не пристали, и указу не дано; чего ради возвратился онъ въ Верхній острогъ безъ всякаго успѣха, и вскорѣ по томъ отъ своихъ сообщниковъ лишенъ команды, и посаженъ въ казенку; ибо оные видя постоянство Нижношантальскихъ служивыхъ, и не имѣя никакой надежды, чтобъ сдѣлавъ суда, мимо Нижняго острога проплыть въ море, раздѣ-

лились на двѣ партіи, изъ которыхъ одна держала Колесову сторону, а другая стояла за Кыргызова; но первая верхъ одержала. По сей причинѣ Колесовъ принялъ Верхній Камчатской острогъ въ команду уже въ 1713 году; бунтовщиковъ, кого надлежало, штрафовалъ; Кыргызова съ главнымъ его сообщникомъ казнилъ смертію; и такимъ образомъ бунты и розыскъ окончаны. Служивые, которые къ прежнимъ бунтовщикамъ не пристали, всѣ пожалованы въ конные козаки, а бывшіе тогда въ Верхнемъ и въ Нижнемъ острогахъ закащиками, въ дѣти Боярскіе.

Послѣ того въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ 1713 году отправилъ Колесовъ бывшаго ясаула Козыревскаго съ 55 человѣками служивыхъ и промышленыхъ, да съ 11 человѣками Камчадаловъ на Большую рѣку, давъ имъ двѣ пушки и нѣсколько военнаго снаряду, и приказалъ на Большей рѣкѣ небольшія суда построить, и заслуживать вины свои въ пріискиваніи морскихъ острововъ и провѣданіи Японскаго Царства. Однако изъ онаго отправленія дальной пользы не учинилось, только покорено и объясачено нѣсколько жителей Курильской Лопатки, и Курильцовъ перваго и втораго острововъ; да получены нѣкоторыя извѣстія о дальнихъ островахъ

Курильскихъ, что пріѣжжаютъ какъ на дальніе оные, такъ на второй и первой острова изъ города Матсмая съ торгомъ, и продаютъ имъ желѣзные и чугунные котлы, всякую лаковую деревянную посуду, сабли, также бумажныя и шелковыя матеріи, которыхъ товаровъ Козыревской нѣсколько привезъ съ собою.

ГЛАВА III.

О прикащикахъ, бывшихъ послѣ Василья Колесова до главнаго Камчатскаго бунта; что при которомъ достойнаго примѣчанія сдѣлалось; о приключеніяхъ при вывозѣ ясачной казны съ Камчатки, и о провѣданіи пути изъ Охотска на Камчатку чрезъ Пенжинское море.

Въ 1713 году въ Августѣ мѣсяцѣ пріѣхалъ на смѣну Колесову дворянинъ Иванъ Енисейской, который въ бытность свою, кромѣ правленія всякихъ дѣлъ и ясачнаго сбору, заложилъ на ключахъ церковь, съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобъ со временемъ Нижнему Камчатскому острогу быть на ономъ мѣстѣ, что и воспослѣдовало; ибо козаки не въ долгомъ времени переселились на новое, а прежнее мѣсто неспособно было къ строенію потому, что около онаго болота, и что оно водою понимается. И стоялъ Нижній Камчатской острогъ на томъ мѣстѣ до главнаго, въ 1731 году учинившагося Камчатскаго бунта; а во время бунта сожженъ

купно съ церковью и со всемъ строеніемъ, какъ въ первой части сего описанія упомянуто.

При его же бытности былъ походъ на Авачинскихъ измѣнниковъ, которые Данила Анцыфорова въ 25 человѣкахъ убили; а было въ томъ походѣ служивыхъ 12, да Камчадаловъ 150 человѣкъ. Измѣнники сидѣли въ осадѣ въ такомъ крѣпкомъ острогѣ, что козаки недѣли съ двѣ стоять подъ нимъ принуждены были, и два раза приступали безъ всякаго успѣху; наконецъ огнемъ сожгли, и всѣхъ Камчадаловъ, которые выбѣгали во время пожара, побили, оставя токмо тѣхъ, которые до зажженія къ нимъ вышли, и ясакъ платить обѣщались. Тоже учинили они и съ жителями Паратуна острожка, который приступомъ взяли. Съ того времени Авачинскіе Камчадалы начали ясакъ платить погодно, а прежде служивые довольны бывали тѣмъ, что Камчадалы имъ давали, и то не повсягодно; ибо они по большей части бывали въ измѣнѣ.

Енисейской собравъ ясакъ на 1714 годъ, весною тогоже года на судахъ по Олюторскому морю отправился, купно съ преждебывшимъ прикащикомъ Васильемъ Колесовымъ, который въ 1713 году со зборомъ своимъ въ Якутскъ не поѣхалъ за малолюд-

ствомъ, опасаясь Коряковъ немирныхъ. И тогожъ 1714 года Августа въ послѣднихъ числахъ дошли они благополучно до рѣки Олюторской, и застали тамъ дворянина Аѳанасья Петрова, который погромя Олюторовъ и разоря главной острогъ ихъ, Большій посадъ называемый, строилъ Олюторской Россійской острогъ съ немалымъ числомъ Анадырскихъ козаковъ и Юкагирей. Въ ономъ острогѣ жили они съ ясачною казною до зимняго пути; а казны у обоихъ прикащиковъ было 141 сорокъ и одинъ соболь, 751 лисица красныхъ, 10 сиводущетыхъ, 137 бобровъ морскихъ, 11 пластинъ лисьихъ, 2 выдры, 22 золотника золота въ кускахъ и въ плиткахъ съ Японскою надписью, которыя взяты прежде сего на разбитыхъ Японскихъ бусахъ, да денегъ сорокъ рублей.

Какъ зимній путь насталъ, то всѣ трое дворяне со служивыми и ясачною казною поѣхали въ Анадырскъ. Въ Олюторскѣ оставлено служивыхъ 55 человѣкъ; а съ ними было козачьихъ сотниковъ 4, рядовыхъ человѣкъ около пятидесяти, да два священника.

Декабря 2 дня 1714 года, бывшіе съ Аѳанасьемъ Петровымъ Юкагиры, не доходя до Акланскаго острожка, на Таловской вершинѣ убили его Петрова со служивыми, и

Камчатскую казну разграбили; а Камчатскіе прикащики Колесовъ и Енисейской въ 16 человѣкахъ ушли въ Акланской острогъ, но и тѣмъ отъ смерти не избавились: ибо Юкагиры обступя помянутой острогъ, склонили тамошнихъ Коряковъ угрозами къ измѣнѣ и убійству Камчатскихъ прикащиковъ. А учинилась помянутая измѣна, какъ послѣ сами Юкагиры и нѣкоторые козаки показывали, отъ несносныхъ обидъ и налоговъ Аѳанасья Петрова; особливо же, что онъ будучи при осадѣ Олюторска, не отпускалъ ихъ по указу изъ Анадырска на промыслы, но взялъ подъ Камчатскую казну въ подводы, чего ему по тому указу дѣлать не надлежало, а должно было везть на Коряцкихъ подводахъ, которые были дѣйствительно уже сбираны.

Вышеписанная казна отъискивана была съ крайнимъ стараніемъ, однако она такъ была разсѣяна, что въ сыскѣ произходили крайнія затрудненія; много ея досталось не токмо Корякамъ, но и Камчадаламъ, и Анадырскимъ служивымъ, бывшимъ въ новопостроенномъ Олюторскомъ острогѣ; ибо Юкагиры пришедъ послѣ измѣны подъ оный острогъ торговали со служивыми; однако такъ, что другъ къ другу не подходили на лучной выстрѣлъ: мѣняли тѣ соболи и ли-

сицы на табакъ Китайской, и отдавали соболя по три и по четыре трубки табаку, а трубокъ ихъ изъ одного золотника по малой мѣрѣ 50 будетъ. Такимъ образомъ одинъ пятидесятникъ Алексѣй Петриловской, который вскорѣ послѣ поѣхалъ на Камчатку прикащикомъ, намѣнялъ, кромѣ другой мягкой рухляди, соболей дватцать сороковъ, которые однакожъ послѣ на немъ въ казну доправлены. Нѣсколько соболей и лисицъ сами измѣнники приносили, иное отдавали посыланнымъ для уговору ихъ служивымъ людямъ; а сколько той казны сыскано и утратилось, того заподлинно мнѣ неизвѣстно. Впрочемъ Юкагиры и Коряки были въ измѣнѣ немалое время, какъ видно изъ Анадырскихъ отписковъ въ Якутскъ, по которымъ явствуетъ, что Коряки Пенжинскаго моря въ 1720 году уговорены, и въ ясакъ приведены по прежнему Якутскимъ дворяниномъ Степаномъ Трифоновымъ, который съ знатнымъ числомъ служивыхъ нарочно для того присланъ былъ; а до того времени, особливо же въ первыхъ годахъ по убіеніи прикащиковъ, угрожали они нападеніемъ на Анадырской острогъ, и намѣрены были призвать къ себѣ на помощь Чукчей.

Послѣ объявленнаго убійства прикащиковъ, Камчатской казны чрезъ Анадыркъ

больше уже не высылали; ибо между тѣмъ провѣданъ изъ Охотска на Камчатку морской путь, который по близости, способности и безопасности несравненное имѣетъ преимущество противъ прежняго; чего ради и путь изъ Якутска чрезъ Анадырскъ, кромѣ нужныхъ посылокъ съ письмами, почти со всемъ оставленъ. А погибло по той дорогѣ съ 1703 года до провѣданія морскаго пути человѣкъ съ 200; который уронъ по дальности мѣста, и по малолюдству козаковъ, можно почитать за весьма чувствительный. Объявленный морской путь провѣданъ въ 1715 году команды, отправленнаго для сысканія острововъ морскихъ, Полковника Якова Елчина, Якутскимъ служивымъ Козьмою Соколовымъ, въ бытность Камчатскимъ прикащикомъ козачья пятидесятника Алексѣя Петриловскаго (1).

---

(1) Въ Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ на 1758 годъ часть I стран. 318 упоминается: что оный путь открытъ въ 1716 году козакомъ *Козмою Соколовымъ*, который, въ слѣдствіе предписанія отъ Якутскаго Воеводы *Елчина*, отправился въ морской путь изъ Охотска въ Іюнѣ мѣсяцѣ съ 20 ю козаками, и сталъ сперва на якорѣ у *Тигиля* рѣки, а послѣ вошелъ судномъ въ устье рѣки *Компаковой*; гдѣ перезимовавъ, отправился въ обратный путь въ началѣ Маія 1717 года. В.

При семЪ прикащикѢ паки начались между козаками возмущенія; ибо козаки по согласію сЪ СоколовымЪ смѢнили его сЪ приказа, и посадили подЪ карауЛЪ, а пожитки его вЪ казну обрали. Причиною тому былЪ самЪ Петриловской, который по ненасытному своему лакомству не имѢлЪ уже мѢры вЪ грабленіи, хищеніи и мучительствѢ; рѢдкій зажиточный человѢкЪ могЪ избѢжать раззоренія по какимЪ нибудь его нападкамЪ, а одинЪ служивой бѢдственнымЪ образомЪ вЪ вилахЪ скончалЪ и животЪ свой. ТакимЪ образомЪ награбилЪ онЪ вЪ короткое время такое богатство, которое превозходило похищенную двугодовую ясачную казну со всей Камчатки, сбору убитыхЪ двухЪ прикащиковЪ; ибо взято у него, кромѢ многаго числа собольихЪ и лисьихЪ шубЪ, одной мягкой рухляди болѢе 140 сороковЪ соболей, около 2000 лисицЪ, 207 бобровЪ, да 169 выдерЪ.

Что касается до тамошнихЪ народовЪ, то отЪ нихЪ не было большаго возмущенія, кромѢ что на Камчатской ЛопаткѢ между самыми Курильцами учинилось несогласіе, по причинѢ котораго одинЪ родЪ Курильцовъ, который былЪ начинателемЪ несогласія и раззоренія многимЪ ясачнымЪ иноземцамЪ, не похотѢлЪ ясаку платить, и не

отдался на договорЪ служивымЪ, опасаясь достойнаго наказанія; да на Харіузовой рѣкѣ убиты 4 человѣка служивыхЪ, которые посланы были сЪ казною кЪ морскому судну; однако всѣ помянутые мятежники вскорѣ принуждены были покориться по прежнему. Впрочемъ поступки нѣкоторыхЪ прикащиковЪ и служивыхЪ людей еще вЪ то время были столь предосудительны, что безЪ сумнѣнія надлежало опасаться худыхЪ слѣдствій отЪ КамчадаловЪ, которые тѣми ихЪ поступками весьма недовольны были.

Послѣ Петриловскаго былЪ прикащикомЪ Козьма ВѣжливцовЪ; послѣ Вѣжливцова присланной изЪ Анадырска служивый Григорей КамкинЪ; а вЪ 1718 году прислано изЪ Якутска уже три прикащика изЪ дѣтей боярскихЪ: ИванЪ Уваровской вЪ Нижній Камчатской острогЪ, ИванЪ ПороповЪ вЪ Верхній, а вЪ Большерѣцкой Василій КочановЪ, котораго однакожЪ козаки скоро команды лишили, и вЪ тюрьму посадили по обыкновенію, гдѣ онЪ болѣе полугода былЪ мученЪ, а наконецЪ избавился бѣгствомЪ. Но КочановЪ видно безЪ довольной причины сЪ приказу сверженЪ; ибо мятежники взяты были вЪ ТобольскЪ, и наказаны за своевольство. Между такими замѣшательствами сдѣлалась измѣна на Воровской рѣкѣ;

побиты ясачные сборщики, и ясачная казна разграблена; но оные измѣнники тогожъ года усмирены военною рукою.

1719 года присланъ былъ на смѣну тѣмъ прикащикамъ дворянинъ Иванъ Харитоновъ, который ходилъ въ походъ противъ немирныхъ сидячихъ Коряковъ на Палланъ рѣку, и въ ономъ походѣ убитъ обманомъ; ибо Коряки сперва приняли его честно, дали ясакъ и аманатовъ, и такимъ образомъ исплоша, за ужиномъ съ нѣсколько человѣками закололи; однако тотъ подлогъ не со всѣмъ имъ удался: ибо большая часть козаковъ справясь, имѣли щастіе изъ юрты выйти, и измѣнниковъ сожечь безъ остатку въ острогѣ.

Въ слѣдующіе годы до самаго главнаго Камчатскаго бунта, въ разсужденіи прикащиковъ и Камчатскихъ народовъ, ничего особливаго не происходило, кромѣ нѣкоторыхъ мѣлкихъ возмущеній въ Курилахъ и на Авачѣ; ибо прикащики ежегодно перемѣнялись по прежнему, и на другой годъ выѣжжали съ собранною казною, а Камчадалы временемъ били по два и по три человѣка зборщиковъ; но въ разсужденіи экспедиціи достопамятны 1720, 1728 и 1729 годы. Въ 1720 году по имянному указу ѣздили для провѣданія и описанія Курильскихъ острововъ Навигаторы, Иванъ Евреиновъ, да

Ѳедоръ Лузинъ, которые съ нарочитымъ плодомъ назадъ возвратились въ Якутскъ 1721 года: ибо они первые доѣжжали почти до Матсмая (1). Въ 1728 году первая Камчатская Экспедиція ходила въ море для провѣдыванія и описанія сѣверныхъ береговъ до 67° и 17′ сѣверной широты, слѣдующаго года возвратилась въ Охотскъ, а 1730 года въ Санктпетербургъ (2). Въ 1729 году прибыла въ тамошнія мѣста такъ называемая Партія, подъ командою Капитана Дмитрія Павлуцкаго, да Якутскаго козачья головы Аѳанасья Шестакова, которой велѣно было всѣ берега сѣверные и южные описать по всѣмъ обстоятельствамъ, всѣхъ тамошнихъ Коряковъ и Чукочь, кои въ ясакъ не положены, привесть въ подданство ласкою или оружіемъ, въ пристойныхъ мѣстахъ остроги построить, провѣдывать вновь земли, и стараться о заведеніи съ окрестными торговли. Однакожъ сего предпріятія не могла партія про-

(1) По другимъ же извѣстіямъ (въ Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ 1758 года часть I стран. 324) доѣжжали они только до пятаго или шестаго Курильскаго острова. В.

(2) Какъ о сей, такъ и о послѣдовавшихъ другихъ морскихъ Экспедиціяхъ упомянуто будетъ на концѣ сего тома. В.

известь въ дѣйство, такъ какъ надлежало, кромѣ того что нѣкоторые остроги построила, нѣсколько немирныхъ Коряковъ покорила, описала берега къ Китайскому владѣнію до рѣки Уди, и нѣсколько ходила въ Курильскую сторону; ибо Шестаковъ убитъ отъ Чукочь въ 1730 году, которые приходили громить во многолюдствѣ ясачныхъ Оленныхъ Коряковъ; а Капитанъ Павлуцкой, что послѣ Маіоромъ былъ, опредѣленъ къ слѣдствію Камчатскаго бунта къ Подполковнику Мерлину въ товарищи; въ томъ только онъ щастливѣе былъ Шестакова, что на многихъ сраженіяхъ перевелъ великое множество упорнаго Чукоцкаго народа, и на нѣсколько времени учинилъ безопасными Коряцкихъ и Анадырскихъ жителей.

Въ томъ же 1729 году лѣтнимъ временемъ принесло къ Камчатскимъ берегамъ между Курильскою Лопаткою и Авачею Японскую бусу (1), на которой было 17 человѣкъ и нѣсколько товаровъ; но оные нещастные люди побиты отъ случившагося

(1) Оное судно по Японски называлось *фаячкмаръ*, было изъ города Сацмы, отправлено съ сорочинскимъ пшеномъ, съ камками, полотномъ, пищею бумагою, и другими вещами въ городъ Азаку; и слѣдуя къ оному Океаномъ сперьва бѣжали бывшіе наономъ

вЪ тѣхЪ мѣстахЪ пятидесятника Штинникова, кромѣ двухЪ человѣкЪ, которые вЪ

суднѣ благополучнымЪ вѣтромЪ, потомЪ претерпѣли они противную жестокую погоду восемь дней, которою отнесло ихЪ вЪ открытое море, гдѣ уже пути своего не узнали. ВЪ морѣ носило ихЪ такЪ какЪ вѣяли вѣтры, шесть мѣсяцовЪ и 8 дней, считая Ноября отЪ 8 Іюня по 7 число. Между тѣмЪ принуждены они были выметать всѣ свои товары, снасти, якори и срубить мачту, а руль отбило погодою, вмѣсто котораго употребляли они долгія бревна привязавЪ ихЪ за корму. ВЪ толь бѣдственныхЪ обстоятельствахЪ не оставили они просить помощи у боговЪ своихЪ, а особливо у морскаго, котораго называютЪ *фнадама*, однако не много успѣли своею молитвою. НаконецЪ принесло ихЪ кЪ КамчатскимЪ берегамЪ близь Курильской Лопатки, гдѣ они отЪ берегу верстахЪ вЪ 5 брося остальные свои якори, остановились, и начали свозить нужныя вещи на берегЪ. ПотомЪ и всѣ сЪѣхали на землю, а числомЪ было ихЪ 17 человѣкЪ; и поставя шатерЪ 23 дни покой имѣли, не видавЪ никого изЪ КамчатскихЪ обывателей, а между тѣмЪ большее ихЪ судно унесло погодою.

ПослѣЪ того нашелЪ на нихЪ Козачій пятидесятникЪ Андрей ШтинниковЪ сЪ Камчадалами. Японцы обрадовались людямЪ, хотя языка ихЪ не разумѣли. Начали имЪ оказывать всякую склонность и привѣтство, дарить платьемЪ, и что у нихЪ бы-

Санктпетербургъ высланы, и имѣли безъ сумнѣнія случай къ удовольствію своему слы-

---

ло; напротивъ чего и съ другой стороны пріятствовали, токмо подъ видомъ, и Штинниковъ стоялъ въ 10 саженяхъ отъ стану цѣлые два дни; наконецъ онъ съ Камчадалами скрылся отъ Японцовъ въ ночное время къ немалому ихъ сожалѣнію. Слѣдующаго дня собрались Японцы въ малое свое судно, погребли близь берега съ тѣмъ чтобъ сыскать какое либо жилье, и отъѣхавъ верстъ съ 30, нашли на берегу большее свое судно, которое Штинниковъ ломалъ съ Камчадалами и обиралъ желѣзные припасы. Японцы не смотря на гибель своего судна, продолжали далѣе путь свой стороною; но какъ завидѣлъ ихъ Штинниковъ, тотчасъ приказалъ Камчадаламъ перенять и побить ихъ. Японцы видя легкое судно за ними гонящее, и предвидя свою погибель, въ началѣ стали ублажать и умилостивлять поклонами, но какъ вмѣсто склонности увидѣли пускаемыя стрѣлы, то иные пометались въ воду, а остальные отчасти копьями переколоты, отчасти собственными своими саблями, которыя подарили Штинникову въ знакъ своей покорности, перерублены и въ море пометаны; токмо въ живѣ оставлены двое, одинъ малолѣтной 11 лѣтъ отъ роду, именемъ *Гонза*, которой былъ при отцѣ своемъ Штурманѣ, для обученія мореплаванію, но и тотъ въ руку раненой; а другой старой, именемъ *Соза*, который взятъ былъ отъ купечества

шать о казни сего злодѣя за невинное убіеніе земляковъ ихъ.

для провожанія помянутаго судна, и который было бросился въ море.

Штинниковъ получа малое ихъ судно, все что на ономъ ни было себѣ взялъ, большее судно для желѣза сжегъ, Японцовъ захолопилъ, со всею тою корыстью въ Верхній острогъ поѣхалъ, надѣясь пользоваться варварствомъ пріобрѣтенною добычею, которою и пользовался до прибытія изъ Якутска прикащика, ибо отъ закащиковъ откупался онъ Японскими вещами. Но прикащикъ, какъ скоро услышалъ о помянутомъ приключеніи, приказалъ взять у Штинникова Японцовъ; закащика, который бралъ подарки, предъ ними наказывалъ жестоко, Штинникова посадилъ въ тюрьму, и писалъ о немъ въ вышшую команду, а Японцевъ содержалъ до указу на казенномъ коштѣ.

По смѣнѣ съ приказу отвезъ онъ Японцевъ въ Нижній Камчатской острогъ, и отдалъ на руки Штурману Якову Генсу, а самъ поѣхалъ въ Анадырскъ, и донесъ о всемъ бывшему въ Анадырскѣ тогдашнему главному командиру партіи господину Маіору Павлуцкому, отъ котораго къ Генсу немедлѣнно присланъ былъ приказъ, чтобъ Японцевъ въ Якутскъ отправить, куда они 1731 года и отправлены. Въ Якутскѣ жили они недѣль съ пять на казенномъ же коштѣ, а потомъ отправлены въ Тобольскъ по указу присланному за рукою Губернато-

Въ 1730 году сбиралъ Ясакъ на Камчаткѣ служивой Иванъ Новогородовъ, а на

ра Алексѣя Львовича Плещеева. Въ Тобольскѣ содержаны они были во всякомъ удовольствіи, а по прошествіи четырехъ недѣль посланы въ Москву съ нарочными провожатыми, которые ихъ въ Сибирскомъ приказѣ представили; а Сибирскій приказъ съ тѣми же провожатыми отправилъ ихъ въ Санктпетербургъ въ Правительствующій Сенатъ, который немедлѣнно донесъ объ нихъ ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ, и ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО указавъ представить ихъ въ Лѣтнемъ домѣ, САМА изволила спрашивать о ихъ приключеніяхъ, ибо младшій изъ нихъ не худо уже говорилъ по Россійски; и тогда же повелѣла Своему Генералу Адъютанту Андрею Ивановичу Ушакову объявить въ Сенатѣ указъ Свой, чтобъ ихъ деньгами и платьемъ довольствовать.

Въ 1734 году по указу ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА отданы они въ Кадетской Корпусъ Іеромонахамъ, для обученія Христіанскому закону, а потомъ сподоблены святаго крещенія Октября 20 дня объявленнаго года, въ церькви Воскресенія Господня, что въ Кадетскомъ Корпусѣ; и Соза нарѣченъ Козьмою, а Гонза Даміаномъ. Въ 1735 году Даміанъ отданъ въ Александровскую Семинарію для обученія Россійской грамотѣ, а вскорѣ потомъ оба присланы по указу въ Академію Наукъ для ученія по разсмотрѣнію Академіи. Въ 1736 году по-

1731 годъ Козачій пятидесятникъ Михайло Шехурдинъ, о которыхъ надлежитъ упомянуть для того, что они за главную причину Камчатскаго бунта почитаются, который вскорѣ по выѣздѣ Шехурдина и послѣдовалъ.

слѣдовалъ указъ, чтобъ Японцы не токмо Россійскому языку обучались, но и своего бы не забывали, и для того бы обучали своему языку малолѣтныхъ изъ Россійскаго народа, которыхъ къ нимъ опредѣлить велѣно. По которому указу помянутое ученіе до кончины ихъ и происходило; а скончался Козма Сентября 18 дня 1736 года на 43 году отъ рожденія, а Даміанъ въ 1739 году Декабря 15 дня, и погребены первый у церкви Вознесенія Господня, что на Адмиралтейской сторонѣ, а другой въ Калинкиной. Для памяти сего случая, что изъ толь отдаленнаго мѣста были люди въ Россіи, приказала Академія срисовать ихъ, и снять съ лицъ алебастровыя формы, которыя въ Императорской кунсткамерѣ понынѣ находятся.

ГЛАВА IV.

О измѣнѣ Камчадаловъ, о сожженіи Нижняго Камчатскаго острога, о покореніи ихъ, и о бывшемъ по тому дѣлу слѣдствіи и розыскѣ.

Хотя тамошніе народы давно намѣреніе имѣли искоренить всѣхъ Россійскихъ жителей на Камчаткѣ, чтобъ получить прежнюю вольность; однако за многолюдствомъ ихъ, а особливо что по сысканіи морскаго пути чрезъ Пенжинское море, ежегодно суда приходили со служивыми, и что послѣдовали Экспедиціи, одна за другою въ скорости, не оказывали злобы своей до способнаго времени. Но какъ Капитанъ господинъ Берингъ и вся Камчатская Экспедиція отбыла въ Охотскъ, а партіи, которая жила на Камчаткѣ въ немаломъ числѣ, велѣно слѣдовать на ботѣ Гавриилѣ къ Анадырю, чтобъ соединиться съ Капитаномъ Павлуцкимъ, который главную команду имѣлъ надъ партіею, и итти бы съ нимъ вмѣстѣ противъ немирныхъ Чукочь, то Камчадалы согласились произвесть умышленіе свое въ дѣйство въ

то самое время, когда партія изъ устья Камчатскаго на суднѣ выдетъ; и сіе тѣмъ болѣе не сумнѣвались исполнить, что на Камчаткѣ оставалось Козаковъ весьма малолюдно. Чего ради Нижношантальскіе, Ключевскіе и Еловскіе Камчадалы во всю зиму разъѣжжали, подъ видомъ гощенія, по всей Камчаткѣ; дѣлали совѣты между собою, уговаривали нежелавшихъ итти къ нимъ въ согласіе, и угрожали погубленіемъ всего ихъ рода. Такимъ образомъ привели они всю Камчатку въ возмущеніе, а между тѣмъ вѣдая, что Шестаковъ убитъ отъ Чукочь, пустили слухъ, аки бы Чукчи на Камчатку войною идутъ: можетъ быть для того чтобъ въ случаѣ неудачи въ ихъ предпріятіи козаки не подумали, что они тому злу начальники, или что бы козаковъ привесть въ такую робость, чтобъ они ихъ измѣнниковъ содержали при себѣ, какъ надежную помощь.

Правда, что изъ тѣхъ козаковъ, которые оставались на Камчаткѣ, не осталось бы ни одного человѣка, но всѣ бы побиты были, или поморены голодомъ, есть ли бы не поспѣшествовало особливое къ народу нашему Божіе милосердіе; да и партіи бы надобно было много трудиться и много потерять людей, чтобъ вновь покорить такой отдаленный народъ, тѣмъ наипаче, что

они вѣдая свое злодѣяніе могли жить всегда въ осторожности, при томъ умѣли изъ ружья стрѣлять, имѣли винтовокъ и пороху довольно, а многіе знали всѣ Россійскія тамошнія ополченія, и коимъ образомъ защищать себя, и по тому имѣли не варварскія уже предпріятія и совѣты, по подлинно хитрыя; ибо хотѣли они стараться всѣми мѣрами, чтобъ не пропустить вѣдомости до Анадырска; у морскихъ гаваней намѣрены были содержать многочисленные караулы, и съ приходящихъ судовъ принимать служивыхъ раболѣпно, подъ видомъ перевоза въ остроги, а на дорогѣ побивать порознь всѣхъ безъ остатка; а главные того бунта начальники были Еловскій Тоіонъ Ѳедька Харчинъ, который часто при ясачныхъ зборахъ толмачемъ бывалъ, да дядя его Голгочь, Ключевскій Тоіонъ.

Между тѣмъ послѣдній прикащикъ Шехурдинъ выѣхалъ съ Камчатскою казною благополучно; партія вся съѣхала на устье Камчатки для походу къ Анадырю, со всѣмъ сгрузились на судно, и вышли въ море; однако близь самаго устья на якорь стали, за нечаянно учинившимся противнымъ вѣтромъ. А Камчадалы, которые у нихъ въ подводахъ были, и которымъ велѣно было объ отбытіи партіи дать вѣдомость бун-

товщичьимъ Тоіонамъ, которые на ключахъ ожидали оной въ собраніи и во всякой готовности къ нападенію на Нижній Камчатской острогъ; не дождавшись совершеннаго ихъ отбытія, и не чая ихъ возвращенія, Іюля 20 дня 1731 года устремились въ батахъ своихъ вверьхъ по Камчаткѣ, начали Козаковъ бить, кого ни встрѣтятъ, начали плѣнить и жечь ихъ лѣтовья, женъ и дѣтей брать въ холопство и въ наложницы, а съ вѣдомостью объ отбытіи судна, къ главнымъ своимъ отправили наскорѣ, которые тогожъ вечера въ острогъ и приплыли, зажгли поповъ дворъ съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобъ козаковъ, какъ охотниковъ ходить на пожары, способнѣе побить и безопаснѣе; въ чемъ имъ такъ посчастливилось, что они безъ всякаго сопротивленія почти всѣхъ бывшихъ въ острогѣ побили, не щадя и малыхъ дѣтей и женскаго пола, надъ которыми чинили до убійства всякія ругательства, и дворы всѣ пожгли кромѣ церькви и крѣпости, въ которой все имѣніе жителей лежало въ сохраненіи. Немногимъ удалось избавиться и пріѣхать на устье съ извѣстіемъ. Такимъ образомъ морской путь къ Анадырю остановился; ибо сперва надлежало свое удержать, нежели вновь покорять немирныхъ.

Между тѣмъ знатный измѣнникъ Клю-

чевскій ЕсаулЪ Чегечь, который оставался у моря, слыша что Нижній Камчатской острогЪ взятЪ, побѣжалЪ кЪ объявленному острогу, плѣня все что отЪ переднихЪ осталось, и побивая всѣхЪ, которые попадались на встрѣчу. НаконецЪ соединился сЪ ХарчинымЪ, и объявилЪ, что партія на суднѣ стоитЪ еще при устьѣ Камчатки. Чего ради измѣнники предостерегая себя отЪ оной, засѣли вЪ НижнемЪ КамчатскомЪ острогѣ, вкругЪ котораго изЪ церковной трапезы здѣлали другую стѣну, а вЪ верьхЪ по Камчаткѣ послали ко всѣмЪ КамчадаламЪ вѣдомость о взятіи острога сЪ такимЪ приказомЪ, чтобЪ всѣ сЪѣжжались вЪ завоенной острогЪ Россійской.

На другой день разграбили они всѣ пожитки козачьи, нарядились вЪ самое ихЪ лучшее платье, вЪ томЪ числѣ иные вЪ женское, а иные вЪ священническія ризы; отправляли великое торжество по обыкновенію вЪ объядѣніи, пляскѣ и шаманствѣ; а Ѳедька ХарчинЪ, какЪ новокрещеной, призвавЪ новокрещенагожЪ умѣющаго грамотѣ, приказалЪ ему пѣть молебенЪ вЪ священномЪ одѣяніи, и за тотЪ молебенЪ велѣлЪ выдать ему 30 лисицЪ, записавЪ вЪ книгу такимЪ образомЪ: По приказу Комисара Ѳедора Харчина выдано за молебенЪ Савину, ибо такЪ

оной новокрещеной назывался, 30 лисиц краспыхъ; чего ради послѣ до самаго выѣзда моего называли его попомъ поганымъ.

На другой день по взятіи острога, то есть Іюня 21 числа Командиръ партіи, штурманъ Яковъ Генсъ отправилъ для отнятія у Камчадаловъ острога партію, въ 60 человѣкахъ состоящую, которые пришедъ подъ остро ъ уговаривали ихъ всѣми мѣрами, чтобъ они покорились, и обнадеживали ихъ Императорскою милостію и прощеніемъ; но они не хотѣли того и слышать; напротивъ того ругали ихъ, и укоряли, а особливо Харчинъ, который насмѣхаясь имъ со стѣны кричалъ: *за чемъ вы пришли? развѣ не видите, что я Комисаромъ Камчатскимъ? я буду самъ ясакъ збирать, а вы козаки здѣсь въ землѣ не надобны.* Чего ради козаки принуждены были съ судна требовать пушекъ, по полученіи которыхъ Іюля 26 дня тогожъ мѣсяца по острогу стрѣлять начали, и пробили великіе проломы, такъ что плѣнныя женщины при робости осажденныхъ могли выбѣгать изъ острога.

Харчинъ видя, что ему въ острогѣ не защититься, одѣвшись въ женское платье ушелъ изъ острога, и хотя за нимъ была погоня, однако не могли догнать; ибо онъ такъ рѣзво бѣжалъ, что могъ настигать

дикихъ оленей, какъ о томъ сказываютъ многіе козаки и братъ его, котораго я засталъ въ живѣ. Послѣ того человѣкъ 30 осажденныхъ здалися, прочіе въ острогѣ перестрѣлены. Одинъ Ключевскій Есаулъ Чегечь съ малымъ числомъ подчиненныхъ даже до смерти оборонялся; при которомъ случаѣ отъ стрѣльбы загорѣлась пороховая казна, и крѣпость со всемъ бывшимъ въ ней богатствомъ обратилась въ пепелъ; одна уцѣлѣла церковь, но и та сожжена отъ Камчадаловъ по отплытіи козаковъ къ морю. На приступѣ козаковъ убито четыре человѣка, но много переранено; а сколько погибло Камчадаловъ, про то не извѣстно, для того что трупы ихъ погорѣли въ острогѣ. Не спаслись же и тѣ, которые здались во время приступа; ибо козаки будучи огорчены насиліемъ женъ своихъ, и тратою имѣнія, перекололи ихъ безъ остатка.

Къ толь скорому разбитію бунтовщиковъ много способствовало неукоснительное отправленіе партіи, которая не допустила имъ въ острогѣ умножиться; ибо въ противномъ случаѣ соединились бы съ ними Камакова острога Камчадалы, которыхъ считалось человѣкъ до ста или болѣе, а малолюдные бы остроги и по неволѣ поспѣши-

ли въ сообщеніе, опасаясь бѣдствія; но тогда видя отправленіе партіи, принуждены были ждать окончанія дѣла подъ видомъ людей безпристрастныхъ и вѣрныхъ Россіи. За всѣмъ тѣмъ походомъ дѣло не приведено къ совершенству; ибо Харчинъ собравшись съ другими Тоіонами во многолюдствѣ, намѣренъ былъ плыть къ морю, и дать бой со служивыми; токмо встрѣченъ отъ партіи при самомъ отправленіи въ путь свой, и по маломъ сраженіи принужденъ былъ отступить на отъемное высокое мѣсто, и укрѣпляться по лѣвую сторону Ключевки рѣчки, гдѣ сраженіе произходило, а козаки стали по другую сторону той рѣчки.

И хотя Харчинъ всякіе способы употреблялъ, какъ бы устрашить козаковъ, и принудить возвратиться къ морю; однако они вмѣсто робости не преставали совѣтовать ему и сообщникамъ, что бы здалися; и наконецъ убѣдили, что Харчинъ съ другимъ Тоіономъ и съ братомъ своимъ на переговоръ вышелъ, и стоя при рѣчкѣ показывалъ свою охоту, что онъ желаетъ быть въ стану козачьемъ, токмо требовалъ за себя аманатомъ одного служиваго; что съ козачей стороны учинено безпрекословно. А Харчинъ будучи въ стану ихъ требовалъ, чтобъ они Камчадаловъ не раззоряли, для

того, что онъ болѣе воевать не хочетъ, и поѣдетъ уговаривать сродниковъ своихъ и подчиненныхъ; но будучи назадъ отпущенъ прислалъ отвѣтъ, что сродники его къ миру не склоняются, а братъ его и Тоіонъ Тавачь, которые приходили вмѣстѣ съ Харчинымъ, къ своимъ возвратиться не пожелали.

На другой день Харчинъ пришедъ на берегъ съ другими Тоіонами требовалъ, чтобъ его козаки къ себѣ перевезли, а въ аманаты бы за него дали двухъ человѣкъ, въ чемъ ему козаки и вторично не отказали, однако умышленно; ибо какъ онъ къ нимъ переѣхалъ, то они взяли его подъ караулъ, а своимъ закричали, чтобъ въ рѣку бросались; для предосторожности же, чтобъ оставшіе на берегу ихъ не закололи, приложились на нихъ ружьями, чего Камчадалы устрашась разбѣжались. Такимъ образомъ главный измѣнникъ пойманъ, даванные въ аманаты спаслись, а остальные Тоіоны съ своими подчиненными по двоекратномъ выстрѣлѣ изъ пушекъ разогнаны. Верхоеловскій Тоіонъ Тигиль со своимъ родомъ побѣжалъ въ Еловскія вершины, Ключевской Тоіонъ Голгочь вверьхъ по Камчаткѣ, а другіе по другимъ мѣстамъ, однако вскорѣ всѣ погибли; ибо козаки многими партіями

устремились въ слѣдъ за бѣгущими, и били, кого ни постигали. То онъ Тигиль по долговременномъ сопротивленіи переколовъ женъ и дѣтей своихъ самъ себя живота лишилъ. А Голочь по погромленіи Камчатскихъ острожковъ на рѣкѣ Козыревской и на Шапиной за то, что жители не хотѣли итти къ нему въ сообщеніе, убитъ отъ нихъ при своемъ оттуда возвращеніи.

Между тѣмъ какъ слухъ прошелъ о раззореніи Нижняго Камчатскаго острога, то Камчадалы по большей части взбунтовали, всѣхъ, кто въ ихъ острожкахъ изъ козаковъ ни прилучился, убили, размуча тирански; начали соединяться вмѣстѣ, чтобъ итти подъ оставшіе остроги подъ Верхній и Большерѣцкій, начали призывать къ себѣ въ сообщеніе всѣхъ своихъ сосѣдей угрозами и ласкою, при чемъ много изъ тѣхъ, которые къ нимъ не пристали, и побито. А козаки принуждены были жить въ великомъ страхѣ, пока не получили помощи изъ Нижняго; однако партіи изъ обоихъ остроговъ ходили въ походъ по Пенжинскому морю, и громили всѣхъ безъ пощады и милости. А когда прибыла команда изъ Нижняго, тогда они соединенными силами пошли на Авачинскихъ измѣнниковъ, которыхъ было болѣе 300, брали приступомъ крѣпкіе и на-

рочно сдѣланные острожки ихъ, побивали измѣнниковъ купно и съ невинными, женъ ихъ и дѣтей въ холопство брали, и такимъ образомъ погубя ихъ множество и успокоя, паки на Камчатку возвратились по своимъ мѣстамъ съ великою прибылью. И съ того времени не бывало уже убійства на Камчаткѣ по 1740 годъ, въ которомъ по разнымъ мѣстамъ человѣкъ съ семь отъ Коряковъ переколоты, въ томъ числѣ одинъ матрозъ команды покойнаго Капитана Командора господина Беринга.

Послѣ того вскорѣ прибылъ на Камчатку для розыску Якутскаго полка Маіоръ, что потомъ былъ Подполковникъ, Василій Мерлинъ съ однимъ Офицеромъ, съ капральствомъ солдатъ и съ малымъ числомъ Иркутскихъ служивыхъ, а по немъ въ товарищи ему Маіоръ Павлуцкій; которымъ велѣно было изслѣдовать о причинѣ бунта, о убійствѣ Японцевъ, и о другихъ тамошнихъ непорядкахъ; а изслѣдовавъ оное дѣло прислать съ подписаніемъ своего мнѣнія въ Иркутскъ для конфирмаціи, и при томъ новой острогъ построить; которые и жили тамъ по Августъ мѣсяцъ 1739 года. Въ бытность свою построили они Нижній Камчатскій острогъ не много ниже устья Ратуги рѣчки, изслѣдовали о помянутомъ бун-

тѣ, и по полученіи конфирмаціи на слѣдственное дѣло казнены смертію трое изъ Россійскихъ, а именно: Комисаръ Иванъ Новогородовъ, пятидесятникъ Андрей Шшинниковъ, который убилъ Японцевъ, и Михайло Сапожниковъ, въ каждомъ острогѣ по человѣку, да съ ними человѣка по два Камчадаловъ изъ главныхъ бунтовщиковъ, въ томъ числѣ и Ѳедоръ Харчинъ; прочіе козаки по состоянію винъ штрафованы. Служители ихъ Камчадальскаго народа, которыхъ они боемъ, куплею и за долги получали, и владѣли какъ крѣпостными, отпущены на волю, и впредь кабалить ихъ запрещено накрѣпко. Безстрашіе, съ какимъ тамошній народъ къ смерти ходитъ, можно всякому разсудить по одному примѣру, что при помянутой казни одинъ смѣючись жаловался на свое нещастіе, что ему на висѣлицѣ послѣднему быть надлежало. Подобно безстрашію жестокосердіе ихъ въ терпѣніи тѣлеснаго наказанія. Какъ ихъ ни мучь, болѣе не услышишь какъ, *ни ни*, и то отъ перваго удара, а потомъ какъ безчувственные молчатъ закуся языкъ, и болѣе того допытаться у нихъ пристрастіемъ не можно, какъ токмо что въ допросѣ добровольно сказали.

Съ того времени миръ, покой и тиши-

шина въ Камчаткѣ, да и впредь опасаться нѣчего; ибо по высокоматернему Всемилостивѣйшія Государыни нашея Императрицы ЕЛИСАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ о подданныхъ Своихъ попеченію сдѣланы такія учрежденія, что тамошнимъ жителямъ лучшаго удовольствія желать не возможно. Ясаку они платятъ токмо по одному звѣрю съ человѣка, какой гдѣ промышляется, то есть по лисицѣ, бобру или соболю, а другихъ они сборовъ уже не знаютъ. Судъ и расправа, кромѣ уголовныхъ дѣлъ поручены Тоіонамъ ихъ, а Комисарскому суду они не подвержены. Старыхъ долговъ, которые козаки на нихъ почитали, править на нихъ подъ жестокимъ наказаніемъ не велѣно; а что всего паче, всѣ почти они приведены въ Христіанскую вѣру чрезъ проповѣдь слова Божія, къ чему способствовали отмѣнныя щедроты и милосердія Всеавгустѣйшія Монархини нашея, что новокрещенымъ дана отъ ясаку на 10 лѣтъ свобода. Для умноженія же ихъ въ Православіи опредѣлены учители, и во всѣхъ почти острогахъ заведены школы, въ которыхъ невозбранно обучаться какъ дѣтямъ козачьимъ, такъ и Камчадальскимъ безъ всякой платы; и нынѣ Христіанская вѣра въ тамошней сторонѣ къ сѣверу до Коряковъ, а къ Югу до

третьяго Курильскаго острова распространилась; но можно твердо надѣяться, что вскорѣ и Коряки просвѣщены будутъ Святымъ крещеніемъ, тѣмъ наипаче, что многіе изъ нихъ приняли Христіанскую вѣру. Сіе же между славными и великими дѣлами Всепресвѣтлѣйшія Самодержицы нашея почитать должно, что звѣрской оной народъ, изъ котораго до временъ щастливаго владѣнія ЕЯ ни ста человѣкъ крещеныхъ не было, въ краткое время познавъ истинну оставилъ свое заблужденіе такъ, что каждой нынѣ съ сожалѣніемъ и съ смѣхомъ воспоминаетъ прежнее житіе свое.

Примѣчаніе. Здѣсь оканчивается Историческое повѣствованіе Крашенинникова относительно къ Камчаткѣ; мы присовокупляемъ къ оному слѣдующее краткое примѣчаніе, извлеченное изъ нѣкоторыхъ достовѣрныхъ рукописей. ,,Послѣ усмиренія бунта Камчатскихъ жителей, произшедшаго отъ злоупотребленія власти и насилія управлявшихъ Камчаткою прикащиковъ, посылаемы были туда съ 1738 года начальники изъ чиновниковъ, которые управляли Камчаткою спокойно 50 лѣтъ. Камчатскіе жители довольны были симъ Правленіемъ, выключая безпокойныхъ Коряковъ, для содержанія коихъ въ повиновеніи, построена *Тигильская* крѣпость при рѣкѣ *Тигилѣ.* Однако народонаселеніе *Камчатки*

весьма уменьшилось въ 1767 году, по причинѣ принесенной изъ Охотска оспы, отъ которой опустошенъ весь восточный Камчатскій берегъ. По открытіи же Иркутскаго намѣстничества въ 1783 году, учрежденъ въ Нижне-Камчатскомъ острогѣ городъ и уѣздное правленіе, и симъ раздѣлена власть между чиновниками; отъ чего произошли между ними несогласія, возмущавшія спокойствіе Камчатки. Какъ Иркутское Правительство, по отдаленности того края, тщетно предпринимало разныя средства къ прекращенію оныхъ несогласій, то наконецъ въ 1803 году учреждено въ Нижне-Камчатскѣ Областное правленіе, и для защиты того края, расположенъ въ гарнизонахъ одинъ баталіонъ войскъ. Но какъ Областное правленіе, и столь великій гарнизонъ, сдѣлались тамошнему малолюдному краю тягостны, то для облегченія участи Камчатскихъ жителей, послѣдовало въ 1812 году преобразованіе воинской и гражданской части, по которому Областное правленіе уничтожено, и баталіонъ Камчатскій разформированъ. На мѣсто же оныхъ образовано новое Правленіе, состоящее только изъ одного Начальника и его Помощника. Начальникъ Камчатки избирается изъ морскихъ чиновниковъ; ему велѣно быть также и Начальникомъ портовъ, и ротнымъ Командиромъ флотскаго экипажа въ Петропавловской гавани. Весь гражданской штатъ Камчатки состоитъ нынѣ только: изъ Начальника, его Помощника, Секретаря, объѣзднаго Комисара, трехъ писарей, двухъ лѣкарей и трехъ учениковъ; а главное

пребываніе онаго въ Петропавловской гавани. Какъ нынѣ Камчатской народъ, чрезъ долговременное обращеніе съ Рускими, сдѣлался совершенно тихъ и миролюбивъ, то въ облегченіе сего края уменьшенъ также значительно и гарнизонъ; оный состоитъ нынѣ изъ флотской роты 122 человѣкъ, изъ конной козачей команды 56 человѣкъ, и изъ нѣкотораго числа пѣшихъ козаковъ, для исправленія полицейской должности.

ГЛАВА V.

О нынѣшнемъ состоянiи Камчатскихъ остроговъ, о ихъ преимуществѣ и недостаткахъ въ сравненiи между собою.

Россiйскихъ остроговъ на Камчаткѣ пять, какъ уже выше сказано: 1) Большерѣцкой, 2) Верхнiй Камчатской, 3) Нижне-Шантальской, 4) при гавани Петропавловской, а 5) при рѣкѣ Тигилѣ.

Большерѣцкой острогъ стоитъ на сѣверномъ берегу Большей рѣки, между впадающими въ оную посторонними рѣками Быстрою и Гольцовкою въ 33 верстахъ отъ Пенжинскаго моря (1). Крѣпость въ ономъ острогѣ четвероугольная, во всѣ стороны

(1) Сей острогъ стоитъ на ровномъ низменномъ мѣстѣ, окруженномъ отовсюду протоками. Оный былъ прежде знаменитъ какъ пребыванiемъ въ немъ Воеводской Канцелярiи и Управляющаго всею Камчаткою, такъ и главнымъ собранiемъ торгующихъ; но послѣ открытiя въ 1783 году въ Нижне-Камчатскѣ города пришелъ въ упадокъ, а при новомъ преобразованiи на Камчаткѣ Гражданской и Воинской части въ 1812 году и вовсе уничтоженъ, подобно какъ и ниже сего описываемые остроги

по 10 саженъ, съ востока и сѣвера огорожена палисадникомъ. Южную и западную стѣну составляетъ строеніе, а именно: ясачнаа изба, аманатская казенка, между которыми сдѣланъ анбаръ для содержанія аманатской юколы, да двоежилой анбаръ, въ которомъ ясачная казна хранится. Входъ въ острогъ съ западной стороны небольшими ворошцами. За острогомъ строенія: часовня, что нынѣ уже церковь, во имя Николая Чудотворца, съ колокольнею на столбахъ, а при ней церьковной анбаръ; обывательскихъ домовъ по разнымъ островамъ тридцать, кабакъ съ винокурнею, служивыхъ 45 человѣкъ, да козачьихъ дѣтей положенныхъ въ подушной окладъ, которые однакожъ служатъ въ рядъ съ козаками, 14 человѣкъ.

Въ разсужденіи крѣпости сей острогъ всѣхъ хуже, но и нужды нѣтъ въ укрѣпленіи, по тому что подвластные сему острогу Камчадалы издавна надежны и вѣрны. Въ разсужденіи же мѣстоположенія имѣетъ оный передъ другими великую выгоду: 1) что морскіе суда пристаютъ на Большой рѣкѣ, чего ради жители всегда

Верхне и Нижне - Камчатской, и крѣпость Тигильская. В.

получаютъ привозные товары изъ первыхъ рукъ; 2) что жители содержатъ у себя пріѣжжихъ на квартирахъ, и довольствуютъ столомъ изъ платы, отъ чего получаютъ немалую прибыль; 3) что кладь оттуда въ другіе остроги подъимаютъ на своихъ собакахъ, а за перевозъ берутъ немалыя деньги; 4) что морскихъ бобровъ, которые нынѣ за главной Камчатской товаръ почитаются, получаютъ они болше нежели жители другихъ остроговъ; 5) что въ лѣтнее время имѣютъ они рыбы со излишествомъ, и ловятъ съ малымъ трудомъ и иждивеніемъ, ибо по состоянію рѣки не употребляютъ они сѣтей больше 20 саженъ; чего ради и главной командиръ Камчатскихъ остроговъ по большой части живетъ въ Большерѣцкомъ, а въ другіе остроги посылаетъ отъ себя закащиковъ. Тѣмъ токмо сей острогъ недостаточенъ, что въ лѣтнее время, когда рыба изъ моря идетъ, и оною запасается въ зиму, всегда бываетъ морская погода, отъ чего происходитъ въ приготовленіи кормовъ великое затрудненіе: ибо при несказанномъ множествѣ рыбы съ нуждою запасается столько, чтобъ на зиму стало, а по большой части къ веснѣ бываетъ великая дороговизна съѣстныхъ припасовъ и голодъ. Естьли бы лѣсомъ сія рѣка была довольна,

то бы сей недостатокъ отвратить можно было копченіемъ и сушеніемъ рыбы въ шалашахъ по примѣру Охотскихъ жителей; но такой шалашъ здѣлать не мало денегъ надобно, ибо лѣсъ къ строенію годной издалека плавится съ великимъ трудомъ и опасностію. Къ каждой лодкѣ привязывается не болѣе десяти бревенъ, да и такимъ образомъ на быстрыхъ мѣстахъ часто разбиваетъ ихъ. Для большаго изъясненія трудности въ плавленіи лѣсу довольно только то объявить, что отъ моря не по лѣсъ годной, но по сухіе дрова, которыя употребляютъ на вареніе соли и жиру, ѣздятъ по трои и по четыре сутки, а привозятъ только, что не сваришь и пуда; отъ чего тамъ и соли не столь довольно, какъ въ Нижнемъ Камчатскомъ острогѣ или на Авачѣ. У котораго козака одна лодка, тотъ мѣсяцъ и балаганъ строитъ у моря, къ котораго строенію токмо колье, трава да 9 подставокъ потребны.

Верхній Камчатской острогъ, который прежде всѣхъ построенъ, и былъ нѣсколько лѣтъ главнымъ острогомъ, для того что Комисары въ немъ жили, а въ другіе остроги посылали закащиковъ, стоитъ на лѣвомъ берегу рѣки Камчатки при устьѣ рѣчки Кали, отъ Камчатской вершины въ 69 вер-

стахъ, отъ Большерѣцка по прямой дорогѣ въ 242, а по дорогѣ чрезъ Оглукоминской хребетъ въ 436 верстахъ въ 50 саженяхъ. Крѣпость въ немъ четвероугольная съ палисадникомъ во всѣ стороны по 17 саженъ. Ворота съ рѣчной стороны стѣны, а надъ воротами анбаръ, въ которомъ хранится ясачная казна. Внутрь крѣпости строенія: ясачная изба съ каморкою, въ которой аманаты содержатся, два анбара двоежилые, въ которыхъ кладется жиръ на свѣтъ и аманатская юкола. За крѣпостью часовня, что нынѣ церковь, во имя Николая чудочудотворца, Государевъ домъ съ принадлежащимъ строеніемъ, кабакъ съ винокурнею, обывательскихъ домовъ 22, а служивыхъ и козачьихъ дѣтей 56 человѣкъ.

Сей острогъ въ разсужденіи погоды и лѣсу великое имѣетъ предъ Большерѣцкимъ преимущество, ибо тамъ всегда бываетъ изрядная погода, а лѣсъ хотя тополовой, однако толстой, и съ малымъ трудомъ получить можно, чего ради и хоромное строеніе въономъ острогѣ гораздо лучше Большерѣцкаго. Имѣетъ же помянутой острогъ и въ томъ преимущество, что земля тамъ способна къ плодородію, и пахатныхъ мѣстъ больше и лучше тѣхъ нигдѣ не находится. Но въ разсужденіи рыбныхъ промысловъ бѣ-

денъ, для того что рыбы по дальности разстоянія его отъ моря, и не много туда доходятъ и весьма поздо, такъ что Нижношантальскіе жители тогда кормомъ со всѣмъ исправляются, когда въ Верхнемъ начинается промыселъ. Чего ради жители по всякую почти весну претерпѣваютъ голодъ, и принуждены бываютъ весною закупать рыбу по Пенжинскому и Бобровому морю. Соль и жиръ они покупаютъ въ Нижнемъ Камчатскомъ острогѣ, или сами на устье Камчатки для варенія ея ѣздятъ, не взирая на великое разстояніе, ибо отъ Верхняго Камчатскаго острога до устья Камчатки болѣе 400 верстъ. Прежде сего помянутые недостатки награждаемы бывали морскими бобрами съ Боброваго моря, которыхъ козаки получали довольно; но нынѣ и та ихъ польза миновала, для того что на Бобровомъ морѣ мало приваловъ бываетъ, при которомъ случаѣ самой лучшій того звѣря промыселъ (1). Естьли же у помянутаго острога Бобровое море приписано по близости къ Авачинскому острогу, то жителямъ сего острога вся надежда на земледѣліе останется, чѣмъ они, ежели не полѣнятся, бо-

(1) Нынѣ уже не водятся морскіе бобры около Камчатки. В.

лѣе прибыли получать будутъ нежели отъ торгу съ Камчадалами (1); въ противномъ случаѣ и жить имъ тамъ почти не у чего будетъ.

Нижній Камчатской или Нижношантальской острогъ отъ Верхняго Камчатскаго острога въ 397 верстахъ, стоитъ на томъ же берегу рѣки Камчатки, не доѣжжая за 30 верстъ до ея устья. Крѣпость въ немъ четвероугольная, огорожена палисадникомъ длиною 42, а шириною 40 саженъ съ проѣжжею рубленою башнею, которая здѣлана посреди стѣны западной. Внутрь крѣпости строенія: церковь во имя Успенія Пресвятыя Богородицы съ предѣломъ Николая Чудотворца, ясачная изба съ сѣньми и амункою, домъ Государевъ, въ которомъ живутъ прикащики, два анбара кладовые, въ которыхъ содержится ясачная казна и

(1) Отъ Верхне-Камчатска къ Сѣверу въ 6 верстахъ, на ровномъ мѣстѣ на берегу протока *Барлатанскаго*, заложена новая солдатская слобода; далѣе въ 3-хъ верстахъ слѣдуетъ заимка *Шигачикъ*, гдѣ пасся казенной скотъ, а отсюда въ 3-хъ же верстахъ деревня *Милкова*, въ коей живетъ 25 человѣкъ пашенныхъ Рускихъ крестьянъ. Отъ самой *Барлатанки* до сей деревни поля воздѣлываются, и хлѣбъ родится съ избыткомъ. В.

военные припасы. Все строеніе въ разсужденіи другихъ остроговъ изрядное и прочное, для того что все изъ лиственичнаго дерева. За крѣпостью строенія: обывательскихъ домовъ 39, да кабакъ съ винокурнею. Жителей всякаго чина 92 человѣка.

Сей острогъ въ разсужденіи вещей потребныхъ къ человѣческому содержанію по тамошнему обстоятельству, можно почесть преизобильнымъ и преспособнымъ мѣстомъ: 1) что тамъ довольно преизрядной рыбы, которой жители и солятъ и сушатъ со излишествомъ; 2) что въ лѣсѣ не токмо къ хоромному, но и къ судовому строенію годномъ изобиліе; 3) что въ разсужденіи состоянія рѣки плавить его можно безъ всякой опасности; чего ради жиру и соли варится тамъ столь много, что и другіе остроги оною снабдѣваются; 4) что около тѣхъ мѣстъ множество дичи промышляется, которой жители получаютъ отъ Камчадаловъ такъ много, что нѣтъ такого бѣднаго козака, который бы нарядной обѣдъ здѣлалъ безъ лебедя, а о гусяхъ, уткахъ и упоминать нѣчего; 5) что они получаютъ завсегда свѣжую рыбу, которая на ключахъ и зимою ловится; 6) что родится тамъ много ягодъ морошки, брусницы и голубицы, которыхъ прожиточные люди запасаютъ въ зиму ве-

ликія кади, а сіе составляетъ по рыбѣ главную часть съѣстныхъ припасовъ; 7) что могутъ они, сколько надобно, достать всякой домовой посуды, при томъ дешевою цѣною, которую въ Большерѣцкѣ едва можно получить за великія деньги; 8) что имъ достаются самые лучшіе Камчатскіе соболи съ рѣки Тигиля; 9) что Коряцкіе товары, оленье платье, камасы, постели, пыжики, ровдуги и самыхъ оленей на пищу, безъ которыхъ имъ меньше нежели безъ Россійскихъ и Китайскихъ обойтись можно, получаютъ они дешевле другихъ и способнѣе; 10) что тамъ въ близости есть и мѣста плодородныя, гдѣ всякой хлѣбъ и овощи родятся. Одинъ недостатокъ состоитъ въ томъ, что Россійскіе и Китайскіе товары дороже у нихъ продаются нежели въ другихъ острогахъ, для того что купцы должны провозъ на товары накладывать, котораго отъ Большерѣцка до сего острога не меньше четырехъ рублей на пудъ приходитъ.

Четвертой острогъ заведенъ при Авачинской губѣ въ 1740 году, а жители переведены туда изъ Нижняго и Верхняго Камчатскимъ остроговъ. Тамъ построены преизрядные домы, особливо же великолѣпно по тамошнему состоянію строеніе Камчатской Экспедиціи, которое стоитъ около

Петропавловской гавани. Вящшее еще украшеніе придаетъ ему церковь съ пристойнымъ зданіемъ, что на изрядномъ мѣстѣ воздвигнута (1).

Преимущесшва и недостатки сего мѣста почти тѣже что и Большерѣцкаго острога; въ томъ токмо есть нѣкоторая отмѣна, что на Авачѣ бобровые промыслы передъ руками, на противъ того вода не столь хороша и здорова, какъ въ Большей рѣкѣ. Многіе отъ ней хворали одышкою, чего ради знатнѣйшіе изъ Камчатской Экспедиціи не рѣдко за водою посылать принуждены бывали на рѣку Авачу, которая въ Авачинскую губу впадаетъ.

Въ какомъ состояніи пятой острогъ, что при рѣкѣ Тигилѣ, про то объявить не

(1) Петропавловская гавань можетъ почитаться самою превосходнѣйшею, отъ натуры произведенною, въ свѣтѣ гаванью; она одна только и есть по всемъ берегамъ Камчатскимъ и Охотскимъ, удобная и безопасная для всякаго рода судамъ пристань. По сему ея преимущесшву и другимъ выгодамъ, положено, при новомъ преобразованіи Камчатскаго Правительства въ 1812 году: быть въ сей гавани главному пребыванію Начальника Камчатки, и устроить тамъ всѣ нужныя казечныя заведенія, для помѣщенія гарнизона и флотскаго экипажа. В.

льзя; ибо оной зачали строить ужѐ по выѣздѣ моемъ съ Камчатки; токмо то извѣстно, что отправлено въ оной 37 человѣкъ на поселеніе (1). Господинъ Стеллеръ пишетъ, что помянутой острогъ заблаго разсуждено строить для трехъ причинъ: 1) чтобъ бунтующихъ сидячихъ Коряковъ содержать въ послушаніи; 2) чтобъ оттуда проложить дорогу вкругъ Пенжинскаго моря до Охотска; 3) чтобъ защищать въ нужномъ случаѣ Оленныхъ Коряковъ отъ Чукочь, которые ихъ всегда раззоряютъ. Жители сего острога могутъ много пользы отнять у Нижношантальцовъ: 1) что имъ не столь способно будетъ получать соболей Тигильскихъ; 2) что Коряцкіе товары прежде Тигильцамъ доставаться имѣютъ; 3) что ясачные Коряки Пенжинскаго моря, которые были подъ Нижнимъ, чаятельно къ Тигильскому острогу какъ къ ближайшему приписаны будутъ.

---

(1) *Тигильская* крѣпость построена на правомъ берегу рѣки *Тигиля* въ 35 верстахъ отъ устья; она нынѣ уничтожена потому что Коряки стали обходительнѣе и послушнѣе, и что Чукчи также живутъ мирнѣе. В.

ГЛАВА VI.

О житіи тамошнихъ козаковъ, о изобрѣтеніи травянаго и ягоднаго вина, о куреніи, о прежней винной продажѣ, и о доходахъ козачьихъ.

Козачье житье на Камчаткѣ не разнствуетъ почти отъ Камчадальскаго; ибо какъ тѣ, такъ и другіе питаются кореньемъ и рыбою, и въ тѣхъ же трудахъ упражняются: лѣтомъ промышляютъ рыбу и запасаютъ въ зиму, осенью копаютъ коренье, дерутъ крапиву, а зимою вяжутъ изъ оной сѣти. Вся разность состоитъ въ томъ: 1) что козаки живутъ въ избахъ, а Камчадалы по большой части въ земляныхъ юртахъ; 2) что козаки ѣдятъ больше вареную нежели сухую рыбу, а Камчадалы больше сухую; 3) что козаки изъ рыбы дѣлаютъ различныя кушанья, какъ напримѣръ: тельныя, пироги, блины, оладьи, и прочее, чего Камчадалы до Россійскихъ людей не знали. Но понеже въ такомъ житіи безъ женскаго пола обойтись никакъ не возможно, для того что большая часть помянутыхъ трудовъ лежитъ наономъ, какъ на примѣръ: чищеніе рыбы, ко-

каніе коренья, портная и сапожничья работа, сученіе пряжи и прочая, а козаки поселились на Камчаткѣ безъ женскаго пола для того, что по трудности пути и одни проходили съ нуждою; того ради сообщу я средства, которыя они употребляли.

Что козакамъ новое оное мѣсто не всегда ласкою, но иногда и силою покорять надлежало, о томъ всякому довольно разсудить можно. Изъ острожковъ покоренныхъ силою брали они довольное число въ полонъ женскаго пола и малолѣтныхъ, которыхъ раздѣляя по себѣ владѣли ими какъ холопами. Оные холопы должны были стараться о всемъ потребномъ къ содержанію, а они какъ господа довольствовались готовымъ ни за какіе труды не принимаясь. Для присмотра за холопами употребляли они наложницъ своихъ изъ числа же холопей, на которыхъ они по прижитіи дѣтей по большой части и женивались. А которые желали чрезъ супружество свойство имѣть съ вольными Камчадалами, тѣ давали имъ на себя записи, что они по прибытіи священника дочерей ихъ за себя возмутъ. Такимъ образомъ случалось, что у козака крестины невѣсты, свадьба, молитва и крестины дѣтей отправлялись вмѣстѣ; ибо во всѣхъ острогахъ одинъ былъ священникъ, который жилъ въ

Нижнемъ острогѣ, а въ другіе пріѣжжалъ чрезъ годъ или чрезъ два года; между тѣмъ многіе женившись по вышеписанному обыкновенію, давъ на себя запись дѣтей рождали, которыхъ дьячку должно было крестить, а священнику пріѣхавъ и родителей вѣнчать и совершать тайну крещенія.

Камчатское житіе козакамъ, какъ такимъ людямъ, которые не видали лучше, не непріятно казалось, тѣмъ наипаче, что жили они какъ дворяне за холопами. Соболей и другой мягкой рухляди получали довольно. Въ карты, которая ихъ вящшая была забава, имѣли что проигрывать. Одно ихъ мучило, что вина достать имъ было не гдѣ, однако и тотъ недостатокъ отъ охотниковъ награжденъ вскорѣ, какъ ниже сего объявлено будетъ; а здѣсь надобно упомянуть о карточномъ ихъ увеселеніи, какое они получали удовольствіе и прибыль. Прежде сего лучщее сходбище у нихъ было въ ясачной избѣ; тамъ были суды, совѣты, споры и зерновое мѣсто, а когда завелись кабаки, тогда все помянутое въ нихъ происходить начало. Игроки приходили туда съ соболями или лисицами, а когда того не доставало, приводили холопей. Лучшее у нихъ мѣсто на палатяхъ: игрывали въ великую сумму по тѣхъ поръ, пока оба оставались наги, ибо соболи и ли-

сицы разходились на вино, на картяное и на свѣтовое; а кто въ выигрышѣ оставался, тотъ доволенъ бывалъ мнимою прибылью, что биралъ письмо въ долгу, которое они кабалой называли. Почти повѣрить тому не льзя, какое при томъ бѣдные ихъ холопи терпѣли мученіе; часто случалось, что въ одинъ день доставалось имъ имѣть по двадцати хозяевъ, о чемъ и нынѣ многіе съ горестію воспоминаютъ.

Что касается до изобрѣтенія вина, то оное нашли козаки Большерѣцкіе такимъ образомъ: обычай у нихъ есть всякія ягоды заготовлять въ зиму, какъ уже выше объявлено. Нѣкогда случилось, что ягоды къ веснѣ окисли, и ни въ какую потребу кромѣ квасу не были годны; между тѣмъ нѣкоторые пьючи окислой цѣльной розсолъ почувствовали хмель въ себѣ, чего ради приготовя котелъ перегонили оныя съ желаемымъ успѣхомъ къ великой радости всѣхъ жителей. Съ тѣхъ поръ на Камчаткѣ безъ вина уже не было, а особливо когда провѣдано, что и изъ сладкой травы вино родится. Когда у нихъ недоставало на вино ягодъ, тогда мочили они сладкую траву въ водѣ, и положа въ сусло толченыхъ кедровыхъ орѣховъ, и сквася пили вмѣсто меду. Но какъ и отъ того почувствовали шумъ

вЪ головѢ, тотчасЪ устремились на опыты. ВЪ началѢ квасили сладкую траву кЪ кипрейномЪ суслѢ, и то сусло перегоняли, но безЪ успѢха; по томЪ начали и самую траву вЪ котлы класть; тогда получили, чего искали. Но понеже сладкую траву вЪ кипрейномЪ суслѢ мочить убыточно было, то отвѢдывали они гнать вино и изЪ одной сладкой травы, вЪ чемЪ неменьшій успѢхЪ имѢли. И сей способЪ какЪ непроторной понынѢ вЪ употребленіи.

КакимЪ образомЪ сладкая трава заготовляется, о томЪ во второй части сего описанія упомянуто, а здѢсь осталось объявить, какЪ изЪ заготовленной травы вино выгоняютЪ.

Сухую траву пластинами мочатЪ они вЪ теплой водѢ, наливЪ воды вЪ небольшое судно столько, чтобЪ трава могла погрузиться; и положа вЪ оную жимолостныхЪ ягодЪ или пьяницы, замазываютЪ крѢпко, и ставятЪ вЪ теплое мѢсто. И сіе называютЪ они приголовкомЪ, который киснетЪ сЪ превеликимЪ шумомЪ. ЗнакЪ его совершенства: какЪ перестаетЪ гремѢть; тогда мочатЪ они сладкой травы вЪ большихЪ кадяхЪ пуда по два и по три, и квасятЪ объявленнымЪ приголовкомЪ, и при всемЪ поступаютЪ, какЪ выше показано, а сіе называ-

ютЪ они брагою. Когда брага гремѣть перестаетЪ, тогда кладутЪ оную вЪ чугунные или мѣдные котлы, накрываютЪ деревянною крышкою, вЪ которой вмѣсто трубы обыкновенно вмазывается ружейной стволЪ, и гонятЪ раку по тѣхЪ порЪ, пока вЪ ней есть острота. Сія рака крѣпостію подобна хорошему вину, чего ради и пьютЪ оную за вино, не переганивая вЪ другой разЪ. ДѣлаютЪ же брагу и безЪ приголовка заквася водою, вЪ которой мочена негодная трава, что по выгнаніи вина вЪ котлахЪ остается. ИзЪ трехЪ пудЪ или и изЪ двухЪ сЪ половиною выходитЪ раки печатное ведро, которое изЪ казны по 20 рублей продавалось.

Естьли кому неизвѣстны тамошнія обстоятельства, тотЪ вЪ разсужденіи помянутаго пространнаго козачья житья безЪ сумнѣнія пожелаетЪ вѣдать, откуда получаютЪ толь великіе доходы; чего ради сообщу я здѣсь для такихЪ любопытныхЪ краткое о прибыткахЪ ихЪ извѣстіе. СЪ начала завоеванія Камчатки имѣли они довольной случай богатиться: 1) отЪ частыхЪ находовЪ на немирныхЪ КамчадаловЪ, которыхЪ они покоряли военною рукою; 2) отЪ ясачнаго збора, при которомЪ каждому рядовому козаку по нѣскольку мягкой рухляди до-

ставалось на пай; ибо каждый Камчадалъ кромѣ ясаку долженъ былъ дать имъ четыре лисицы или соболя, одного звѣря зборщику, другаго подьячему, третьяго толмачу, четвертаго на рядовыхъ козаковъ: а такіе излишніе поборы назывались у нихъ *гащинами*, а въ Якутскѣ *бѣлякомъ;* 3) отъ торгу съ Камчадалами, которымъ они при зборѣ всякіе мѣлочные товары продавали, или въ долгъ отдавали дорогою цѣною. И хотя по бывшемъ слѣдствіи оные излишніе зборы отвращены, однако торгъ съ Камчадалами повольной состоитъ за козаками. Они снимаютъ товары у купцовъ, и развозя по Камчадаламъ продаютъ имъ двойною цѣною и свыше, но не все на мягкую рухлядь; ибо берутъ они по цѣнѣ и потребное къ своему содержанію, какъ на примѣръ, лодки, сѣти, съѣстные припасы и прочая. И сіе есть одно средство, что козаки въ безхлѣбныхъ оныхъ и всѣмъ скудныхъ мѣстахъ могутъ содержать себя жалованьемъ пѣшихъ козаковъ, котораго денежной окладъ 5 рублей, да за хлѣбъ денегъ по Якутской цѣнѣ; а каждому исправному козаку кромѣ нужнаго къ пропитанію на одно платье лѣтнее и зимнее, на собакъ и на военные припасы надобно не меньше 40 рублей на годъ: ибо пара кукдянокъ продается по 6, по 7 и

по 8 рублей, штаны теплые рубли по 2 и по 3, на торбасы зимніе и лѣтніе, на шапку и рукавицы не меньше четырехъ рублей положить должно, на чулки шерстяные рубль, на двѣ рубахи пестрединныя или холстинныя 4 рубли; ибо тамъ пестреди и холста по 4 аршина на рубль продается, на лѣтніе ровдужные штаны 2 рубли; нарту самыхъ плохихъ собакъ съ приборомъ ниже десяти рублей достать не можно; винтовка по тамошнему мѣсту не малой цѣны стоитъ, а пороху и свинцу и за великія деньги достать не безъ трудности.

ГЛАВА VII.

О подчиненныхъ каждому Россійскому острогу Камчатскихъ и Корящкихъ острожкахъ, о посылаемыхъ къ нимъ зборщикахъ, и о другихъ казенныхъ Камчатскихъ доходахъ.

Понеже выше сего показано, что Россійскихъ остроговъ на Камчаткѣ нынѣ пять, а есть ли къ нимъ приписные Камчатскіе и Корящкіе острожки или нѣтъ, про то неизвѣстно; того ради сообщу я здѣсь извѣстіе, какіе иноземческіе острожки въ бытность мою къ тремъ стариннымъ острогамъ къ Большерѣцкому, Верхнему и Нижношантальскому принадлежали; кто именно въ нихъ Тоіоны были, и сколько имѣли подчиненныхъ, и какихъ окладовъ; а наконецъ по скольку зборщиковъ изъ каждаго Россійскаго острога, и въ которыя именно мѣста отправлялись.

Большерѣцкой присудъ, какъ выше сего писано, по берегу Пенжинскаго моря отъ устья Большей рѣки къ югу до рѣки Опалы, къ сѣверу до Воровской, по берегу Восточнаго моря отъ Авачи до Налачевой рѣ-

ки простирается, а всѣхъ острожковъ въ тѣхъ мѣстахъ по переписнымъ книгамъ считается осмнадцать, а именно:

	Соболишники	Лисишники	Число людей
На Большей рѣкѣ:			
1) Кученичевъ острогъ; въ немъ Тоіонъ Кученичь, ясачныхъ	8	17	25
2) Сикушкинъ, Тоіонъ Курухтачь, ясачныхъ - - -	12	15	27
3) Апачинъ, Тоіонъ Апача, ясачныхъ - - - - - -	4	10	14
4) Начикинъ, Тоіонъ Начика, ясачныхъ - - - - - -	6	3	9
	30	45	75
По рѣкѣ Быстрой:			
5) Карымаевъ, Тоіонъ Карымай, ясачныхъ - - -	7	9	16
По Пенжинскому морю отъ рѣки Опалы до Воровской:			
6) На рѣкѣ Опалѣ Тоіонъ Хантай, ясачныхъ - - -	5	9	14
7) На Уткѣ рѣкѣ, Тоіонъ Келюга, ясачныхъ - - -	4	10	14
8) На рѣкѣ Кыкчикѣ у Тоіона Шемкоча - - - - -	13	29	42
9) На тойже рѣкѣ у подчиненнаго Тоіона Тавача - -	10	20	30
10) На рѣкѣ Немтикѣ у Тоіона Налача - - - - -	5	5	10

	Собольники	Лисичники	Число людей
11) На рѣкѣ Корѣ у Тоіона Савачилки - - - - -	8	12	20
12) На Воровской рѣкѣ у Тоіона Тонача - - - -	27	53	80
По рѣкѣ Авачѣ и Авачинской губѣ, и оттуда на сѣверъ до рѣки Налачевой:			
13) На Авачѣ у Тоіона Пинича	2	7	9
14) Въ Паратунѣ острожкѣ у Тоіона Карымчи, въ томъ числѣ одинъ кошлока платитъ - - - - -	6	19	25
15) Въ Купкиномъ острожкѣ у Тоіона Тареи, да сверьхъ того одинъ платитъ бобра, другой кошлока, и того - -	17	37	56
16) Въ острожкѣ у Тоіона Ніаки, двое платятъ по кошлоку	6	12	20
17) Въ Колахтыряхъ у Тоіона Апауля, одинъ платитъ бобра	3	8	12
18) На Налачевой у Тоіона Мгата трое платятъ по бобру, двое по кошлоку - - - -	8	14	27
Да въ 1738 году по разнымъ рѣкамъ вновь объясачено, одинъ въ соболиной, 45 человѣкъ въ лисичной, да 1 въ окладъ лисицы сиводущатой. - - - - - - -			47

	Собольниковъ	Лисичниковъ	Число людей
Итого Большерѣцкаго вѣденія въ 17 острожкахъ боброваго окладу - - 5			
кошлоковаго - 6			
собольниковъ 151			
лисичниковъ 288			
А всего съ новообъясаченными 47 человѣками - - - -			497

За зборомъ въ помянутыя мѣста присылается нынѣ изъ Охотска ежегодно Комисаръ изъ тамошнихъ служивыхъ людей, который на Авачу и по Пенжинскому морю самъ ѣздитъ, а съ Опалы и изъ другихъ посторонныхъ острожковъ сами Камчадалы въ острогъ пріѣжжаютъ. Сколько же ясаку Комисару добрать не случится, то по возвращеніи въ острогъ посылаетъ онъ отъ себя служивыхъ за недоборомъ, одного по Пенжинскому морю, другаго на Авачу, третьяго на Опалу, а иныхъ къ тѣмъ Камчадаламъ, которые оставя прежнія жилища поселились въ вѣденіи другихъ Россійскихъ остроговъ.

Прежде сего и Курильцы состояли подъ Большерѣцкимъ острогомъ, и туда посылался изъ Большерѣцка зборщикъ, но нынѣ изъ Охотска нарочной присылается. При

каждомъ зборщикѣ бываетъ пищикъ, толмачъ, цѣловальникъ, да нѣсколько человѣкъ служивыхъ людей, которымъ казну караулить должно. Ясакъ принимаетъ Комисаръ при всѣхъ объявленныхъ людяхъ съ совѣту ихъ, который годенъ или негоденъ, при чемъ толмачъ переводитъ что надобно, пищикъ вписываетъ въ шнуровыя книги, и даетъ отписи. Ясакъ отдается на руки цѣловальнику, а хранится за егожъ и за Комисарскою печатьми. И сіе о всѣхъ Комисарахъ разумѣть должно.

Къ Верхнему Камчатскому острогу, котораго вѣдомство отъ вершины Камчатки до Вышылгиной рѣчки, по берегу Пенжинскаго моря отъ Компаковой на сѣверъ до рѣки Коврана, а по берегу Восточнаго моря отъ Кроноцкаго носа на югъ до Шипунскаго острожка простирается, принадлежатъ слѣдующіе острожки:

По рѣкѣ Камчаткѣ отъ вершины до Вышылгиной рѣчки:	Соболь-никовъ	Ясач-никовъ	Число людей
1) Чанпчевъ острогъ, Тоіонъ въ немъ Ганала, ясачныхъ	37	57	94
2) Ирюмлинъ, Тоіонъ Шипкамакъ, ясачныхъ - - -	19	24	43

	Собольниковъ	Лисичниковъ	Число людей
3) Машуринъ, Тоіонъ Начика Машуринъ - - - -	84	70	153
4) Шапинъ или Шепенъ лучшій мужикъ Начика, людей	8	5	13
6) Тулуачь Тоіонъ Каначь Кукинъ, ясачныхъ - - -	3	9	12
6) Козыревской, Тоіонъ Накша, ясачныхъ - - - - -	5	9	14
7) Вышылгинской, лучшій мужикъ Быргачь, ясачныхъ -	4	2	6
По Пенжинскому морю отъ Компаковой рѣки до Коврана			
8) Компаковской, Тоіонъ Акетъ, ясачныхъ - - - - - -	11	42	53
9) Крутогоровской, Тоіонъ новокрещенъ Иванъ Павлуцкой-	11	30	41
10) Оглукоминской, Тоіонъ новокрещенъ Иванъ Атласовъ, ясачныхъ - - - - - -	15	34	49
11) Ичинской, въ немъ Тоіонъ Тынешка, ясачныхъ - -	23	61	84
12) Сопошной, Тоіонъ Тоначь, ясачныхъ - - - - -	14	36	50
13) Морошечной, Тоіонъ Вайко, ясачныхъ - - - - -	3	10	13

	Бобровщики	Сокольники	Лисичники	Число людей
14) Бѣлоголовой, Тоіонъ Тарея, ясачныхъ		11	33	44
15) Быстрой рѣки острожекъ, Тоіонъ Хомлитъ, ясачныхъ -		10	26	36
16) Харіузовской, Тоіонъ Брюмча, ясачныхъ - - -		16	34	50
17) Ковранской, Тоіонъ Игинякъ, ясачныхъ		6	20	26
По берегу Боброваго моря,				
18) Кроноцкаго острожка, что въ губѣ, Тоіонъ Гатальча, ясачныхъ - - - -	6	8	30	44
19) Усть-Кроноцкаго острожка Тоіонъ Брючь, ясачныхъ -	1	2	6	9
20) Кемшча острожка у Тоіона Ижуры -	5		15	20
21) Шемячинскаго острожка у Тоіона Тенивы - - - -	1	1	12	14
22) Березовскаго острожка у Тоіона Тукача - - - -	1	1	12	14
23) Жупановскаго				

	Бобровщики.	Собольщики	Лисичщики	Число людей
острожка у Тоіона Пишкаля - - -	2	4	12	18
24) Калигарскаго острожка у Тоіона Кужаки - - - -	1	2	8	11
25) Островной рѣки у Вахиля въ острожкѣ - - - - -		9		9
26) Той же Островной рѣки на морскомъ острову у Тоіона Аначи - - - - -	9	1	35	45
27) Шипунскаго острожка у Тоіона Кушуги - - - -	1		10	11
Да сверхъ того ясачныхъ Коряковъ, которые живутъ на Авачѣ		3	9	12
И того въ 27 острожкахъ, подсудныхъ Верхнему Камчатскому острогу -	27	302	651	982

За ясакомъ въ помянутые острожки обыкновенно посылывались по три зборщика, одинъ на Бобровое, другой на Пенжинское море, а третій по рѣкѣ Камчаткѣ; но нынѣ присылаемые изъ Охотска зборщики иногда по всѣмъ мѣстамъ сами ясакъ збираютъ, а отъ себя уже посылаютъ токмо за недоборомъ.

Къ Нижношантальскому острогу принадлежатъ слѣдующіе иноземческіе острожки:

По рѣкѣ Камчаткѣ.	Соболь-никовъ	Лисич-ники	Число людей
1) Усть-Камчатской, Тоіонъ Тавачь, ясачныхъ - - -	15	77	92
2) На озерѣ Колко-кро, Тоіонъ Намахаручь, ясачныхъ -	2	12	14
3) Шантальской, Тоіонъ Тумучь, ясачныхъ - - -	5	26	31
4) Хапичинской, Тоіонъ Лемшинга, ясачныхъ - - -	9	23	32
5) Пеучевъ или Шванодомъ, Тоіонъ Камакъ, ясачныхъ -	17	85	102
6) Щечкинъ, Тоіонъ щечка, ясачныхъ - - - - - -	9	15	24
7) Каменной, Тоіонъ новокрещеной Иванъ Карбагановъ, ясачныхъ - - - - - -	6	63	69
8) Ключевской, Тоіонъ Ликочь, ясачныхъ - - - - - -	11	34	45
9) Каначевъ, Тоіонъ Палачь, ясачныхъ - - - - - -	12	39	51
10) Ипашелевъ, Тоіонъ Ипашель, ясачныхъ - - - - - -	17	27	44
По рѣкѣ Еловкѣ.			
11) Усть-Еловской или Коанымъ, Тоіонъ Степанъ Харчинъ - - - - - - -	4	11	15

	Соболь-ники	Лисич-ники	Число людей
12) Верхо-Еловскій, Тоіонъ Тавачь Тенпвинъ, ясачныхъ -	40	77	77
По берегу Восточнаго моря.			
13) Стопбовской, Тоіонъ Чегага, ясачныхъ - - - - - -	4	19	23
14) Укинской, Тоіонъ Коричъ, ясачныхъ - - - - - -	9	15	24
15) Пильчингылыпъ, онъ же и Маимлянской, Тоіонъ Начика, ясачныхъ - - - - - -	8	24	32
16) Уакамелянъ, онъ же и Кахтанской, Тоіонъ Холюли, ясачныхъ Коряковъ - -	4	5	9
17) Русаковъ, Тоіонъ Куму -	2	21	23
18) Острожекъ на усть-губѣ, Тоіонъ Камакъ, ясачныхъ -	2	28	30
19) Юмгинъ, Тоіонъ Умьеучкинъ, ясачныхъ - - - - - -		25	25
20) Карагинской, Тоіонъ Кумлю, ясачныхъ - - - - - -		20	20
21) На Карагинскомъ морскомъ острову, Тоіонъ Тата, ясачныхъ - - - - - - -		30	30
Итого	176	636	812
По берегу Пенжинскаго моря.			
22) Тигильской, Тоіонъ Пейвевъ, ясачныхъ - - - - - -	31	61	92

	Соболь-щики	Лисич-ники	Число людей
23) Пананской, Тоіонъ Хошкамакъ, ясачныхъ - - -	8	26	34
24) Аманинской, Тоіонъ Лиля, ясачныхъ - - - - -	1	18	19
25) Ушколотской, Тоіонъ Лиля Камаковъ, ясачныхъ	5	22	27
26) Васмпальской, Тоіонъ Упеноха, ясачныхъ - - -	21	59	80
27) Кахтанской, Тоіонъ Кулу Нимтыишъ, ясачныхъ - -	4	30	34
28) Верхній Палланской, Тоіонъ Амгаль, ясачныхъ - - -	1	16	17
29) Среднíй Палланской, Тоіонъ Амриль, ясачныхъ - - -	7	15	22
30) Нижній Палланской, Тоіонъ Камакъ, ясачныхъ - - -	4	30	34
31) Лѣсной, Тоіонъ Келляхъ, ясачныхъ - - - - - -	1	37	38
32) Подкагирной, Тоіонъ Томгиргинъ, ясачныхъ - - -	2	33	35
Всего Нижняго Камчатскаго острога въ 32 подсудныхъ острожкахъ - - - - -	254	983	1237

За ясакомъ въ помянутые острожки посылаются по трое зборщиковъ, одинъ на Тигиль, другой на Уку, третій на Карагинской островъ: а живущіе по рѣкѣ Камчаткѣ, яко подгородные, сами съ ясакомъ въ

острогъ приѣжжаютъ, который отъ Комисара принимается.

Всѣхъ Камчатскихъ остроговъ ясачной зборъ съ 2716 душъ состоитъ изъ 34 бобровъ и кошлоковъ, изъ 17 сороковъ 26 соболей, и изъ 1962 лисицъ; къ которому надлежитъ еще присовокупить до 100 напримѣръ бобровъ съ островныхъ и живущихъ на Лопаткѣ Курильцовъ, котораго збору по тамошней цѣнѣ можно положить на 10000 рублей, тѣмъ наипаче, что иногда вмѣсто красныхъ лисицъ приносятся въ ясакъ соболи, сиводушки, чернобурыя, крестовки; а гдѣ бобры ловятся, тамъ и бобры или кошлоки; а по Иркутской цѣнѣ вдвое или свыше.

По ясачномъ зборѣ главный казенный тамошній доходъ отъ винной продажи, котораго будетъ до трехъ или 4000. Подушнаго збору, съ козачьихъ дѣтей малое число, а другихъ казенныхъ доходовъ никакихъ при мнѣ не было, ибо съ купечества десятая выдѣляется въ Охотскомъ острогѣ. Но можетъ быть нынѣ казенные оные доходы умножились отдачею на откупъ Берингова и другихъ островов, гдѣ бобры промышляются.

ГЛАВА VIII.

О купечествѣ.

Каково было на Камчаткѣ купечество (1) съ начала ея покоренія, коимъ образомъ оно состояло за одними прикащиками и за служивыми, которые изъ Якутска присылались за ясачнымъ зборомъ, и какъ у служивыхъ

(1) Нѣкоторые объявляютъ, яко бы торговля была и у Камчадаловъ съ Японцами еще ста за полтора лѣтъ, и будто Японцы мѣняли имъ на мягкую рухлядь всякіе желѣзные и мѣдные инструменты, особливо ножи и иглы. Но хотя бы то была и правда, однако сіе торговлею почесть не можно: ибо при томъ сказываютъ, что Японцы токмо тогда съ ними торговали, когда ихъ заносило къ тѣмъ мѣстамъ погодою. Напротивъ того иные объявляютъ, якобы Японскія бусы два раза приходили съ торгомъ въ Большерѣцкое устье, однако все сіе требуетъ подтвержденія. Сіе можно сказать за истинну, что у Камчадаловъ ни между собою, ни съ сосѣдьми торгу не было. Чтожъ до Японцовъ касается, то оные пріѣжживали на острова Курильскіе, и на разныя вещи вымѣнивали у нихъ мягкую рухлядь, и орлиное перье, какъ выше о Курилахъ показано.

торгъ бывалъ съ Камчадалами, оное уже изъ вышеписаннаго явствуетъ, а здѣсь должно объявить особливо о томъ, съ котораго времени начали пріѣжжать купцы настоящіе, какіе товары въ тѣхъ мѣстахъ похожи, и какова прибыль отъ тамошняго торга.

Хотя мѣлочники ѣжжали на Камчатку при зборщикахъ и съ самаго покоренія Камчатки, однако ихъ за купцовъ почитать не льзя, для того что они не столько пеклись о купечествѣ, сколько о службѣ, которую и на ряду съ Козаками исправляли, а часто и команду получали надъ ними отъ прикащиковъ; особливо же что никто почти изъ нихъ не желалъ козакомъ не быть, которое однакожъ щастіе случалось не всякому: ибо большая часть, не взирая на военную службу, остались подъ именемъ посадскихъ, и при перьвой ревизіи въ подушной окладъ положены, какъ тамошніе настоящіе жители. Уповательно, что тогда изъ толь отдаленнаго, новаго и малолюднаго мѣста, никого вывозить не велѣно было.

Настоящихъ купцовъ прикащики съ довольнымъ числомъ товаровъ начали пріѣжжать сперьва въ Охоцкъ, а по томъ и на Камчатку, въ то время, какъ вторая Камчатская Експедиція въ оныя мѣста переѣхала, при которой, въ разсужденіи много-

людства, былъ великой расходъ товарамъ, и столь съ великою ихъ прибылью, что нѣкоторые мѣлочники, которые изъ Россіи пришли на судахъ въ работѣ, въ шесть или семь лѣтъ здѣлались такими купцами, у которыхъ торгу до 15000 и болѣе. Напротивъ того нѣкоторые отъ чрезвычайной оной прибыли и свое потеряли, не хотя скоро выѣхать, и желая больше обогатиться. Между тѣмъ вдавшись въ роскоши, и не смѣя своимъ хозяевамъ явиться, тамъ было и поселились, уповая что и ихъ, такъ какъ вышепоказанныхъ защититъ отъ вывоза въ свои мѣста дальнее разстояніе и малолюдство Камчатскихъ обывателей; однако въ томъ ошиблись къ немалой пользѣ купцовъ, которые посылаютъ въ тѣ мѣста прикащиковъ.

Но съ Камчатскою Экспедиціею былъ у купечества весьма другой торгъ въ разсужденіи Камчатскаго: ибо всѣ бывшіе при оной, жалованные люди, покупали товары на наличныя деньги, а Камчатскимъ обывателямъ принуждены они все отдавать въ долгъ, и ждать, пока они зимою изъ Орды возвратятся. Тогда берутъ у нихъ за товары свои мягкою рухлядью по тамошней цѣнѣ съ преизрядною прибылью, такъ что хотя почти всѣ купцы выѣжжаютъ изъ Кам-

чатки, оставя по нѣскольку сотъ долгу безнадежнаго, однако барыша вывозятъ по самой малой мѣрѣ въ двое или въ трое. Ежели же взять въ разсужденіе мѣну Камчатскихъ товаровъ на Китайскіе, то за всѣми проторьми, которымъ по дальности разстоянія, по трудности проѣздовъ, по дороговизнѣ найма подводъ и своего содержанія весьма знатнымъ быть должно, безъ ошибки можно положить по четыре тысячи на тысячу, какъ изъ нижеписаннаго можно будетъ яснѣе видѣть. Но такую прибыль по большой части получаютъ купцы, которые не свыше года живутъ въ Камчаткѣ; въ противномъ случаѣ не малой ущербъ претерпѣваютъ. Причина тому: 1) что они съ пріѣзду распродаютъ, какъ можно, всѣ свои товары и вещи, не жалѣя и платья, льстясь на дороговизну; а сами остаются ни съ чемъ, уповая на скорой выѣздъ. А когда остаются за какимъ препятствіемъ въ другой годъ, тогда нужные себѣ товары принуждены перекупать между собою двойною цѣною; 2) что мягкая рухлядь чѣмъ болѣе лежитъ, тѣмъ болѣе оцвѣтаетъ, а слѣдовательно теряетъ свою доброту и цѣну; 3) что лежачіе товары никакой имъ не приносятъ прибыли; а о скукѣ не привычному къ тамошнимъ мѣстамъ, о бѣдномъ, но доро-

гомъ пропитаніи, о наймѣ квартиръ и кладовыхъ анбаровъ, и о другихъ тому подобныхъ обстоятельствахъ и упоминать нѣчего; что все въ случаѣ скораго выѣзда избѣгается.

Похожіе на Камчаткѣ товары отчасти Россійск е или вообще Европейскіе, отчасти Сибирскіе, Бухарскіе и Калмыцкіе, а отчасти Коряцкіе изъ Анадырска. Изъ Европы идутъ туда сукна цвѣтныя недорогой цѣны, холстъ, пестредь, стамедъ, Усольскіе ножи, всякая обувь, которая въ Казанѣ или въ Тобольскѣ закупается, платки шелковые и бумажные, вино красное, токмо помалу, сахаръ леденецъ и бѣлой, табакъ листовой, всякія серебреныя мѣлочи и нѣсколько позументу, также зеркала, гребни, прониски и бисеръ. Изъ Сибири желѣзная и мѣдная посуда, желѣзо полосное и дѣланное въ разные инструменты, какъ напримѣръ: ножи, топоры, клепешные зубки и огнива. Оттудажъ возятъ воскъ, соль, пеньку и пряжу на сѣти, пріятнѣйшіе тамошніе товары; а сверхъ того лосину дѣланую, хрящъ и сермяжныя сукна. Изъ Бухаріи и Калмыцкой земли выбойки, чалдары, зедени и другіе Еркецкіе товары. Изъ Китая голи, полуголи и другія симъ подобныя матеріи, фанзы, лензы, китайка, шелкъ, Китайской табакъ, Китай-

скіе корольки, иглы, которыя Россійскимъ предпочитаются, и другія мѣлочи. Изъ Коряцкой земли гарно, то есть всякія дѣланыя и недѣланыя оленьи кожи, которыя лучшій тамошній товаръ составляютъ, и которымъ много расходу; ибо другихъ товаровъ надобно привозить смотря по тамошнему мѣсту умѣренно, ежели кто ихъ желаетъ продать хорошею цѣною. Въ противномъ случаѣ не смотря на дешевизну товаровъ залежаться могутъ, для того что купить будетъ нѣкому; ибо тамошніе посадскіе о торгѣ не стараются, и при отъѣздахъ купцовъ остальныхъ товаровъ не скупаютъ, чтобъ со временемъ съ барышомъ продать, хотя могли бы отъ того получать и не мало прибыли. Для того что Камчатскіе жители, будтобы послѣдуя Камчадаламъ, по большой части такъ поступаютъ, что ничего себѣ не покупаютъ, въ чемъ не имѣютъ нужды, какою бы дешевою цѣною товаръ отдаванъ ни былъ; а буде тотъже товаръ понадобится послѣ, то у своей братьи или покупаютъ, или вымѣниваютъ четверною или пятерною цѣною.

По какой цѣнѣ привозные товары продаются, онаго для вышепоказанной причины точно объявить не льзя. Токмо можно вообще сказать, что товаръ осенью всякой, когда купцы пріѣжжаютъ, и когда бываетъ

какЪ бы ярмонка, продается дешевле; а кЪ веснѢ, когда товары разходятся, дороже. Но чтобЪ прибыль, которую купцы получаютЪ, изЪяснить нѢкоторымЪ образомЪ, то сообщу я здѢсь роспись нѢкоторымЪ товарамЪ по цѢнѢ посредственной, какЪ покупной, такЪ и продажной:

	ЦѢна покупная		ЦѢна продажная на КамчаткѢ	
	рубли	коп.	рубли	коп.
Заморскаго полотна аршинъ - - -	1	—	2-3	—
Сермяжнаго сукна аршинъ	—	12	—	50-60
Чулки шерстяные синіе	—	25	1	—
— — — бѣлые	—	20	1	—
Рускаго холста аршинъ	—	4-5	—	25-30
Китайки конецъ - -	—	40-50	1½-2	—
Голи косякъ - -	10	—	20-25	—
Полуголи - - -	5	—	10-12	—
Семиланной камки -	3	—	5-6	—
Шелку гинъ - -	3-4	—	10-12	—
Стамеду Китайскаго конецъ - - -	—	50	2	—
Фанзы конецъ - -	3-4	—	8	—
Сапоги - - -	—	60-80	3-4	—
Бухарской выбойки конецъ	3	—	7-8	—
Калмыцкой выбойки -	—	40	1-1½	—
Олова въ дѣлѣ фунтъ -	—	25	1	80
Мѣдь въ котлахъ -	—	35	1	20
Желѣзная сковорода -	—	15	1	—
Топоръ - - -	—	15-20	1	—

	Цѣна покупная		Цѣна продажная	
	рубли	коп.	рубли	коп.
Усольской ножъ - -	—	12-15	1	—
Якутской ножъ - -	—	5	—	20-30
Огниво - - -	—	5	—	25
Мѣлкаго бисеру на -	—	15	1	—
Корольковъ сто - -	—	25	1	—
Табаку Черкаскаго фунтъ	—	10	1-	80
Муки ржаной пудъ -	—	25	4-8	—
Сала топленаго пудъ -	1	80	4-5	—
Масла коровья пудъ -	1	20	6-8	—
Воску пудъ - - -			20-60	—
Ровдуги у Коряковъ -	—	50	1-1½	50
Пыжики - - -	1	—	2	—

Всякаго товару расходится на Камчаткѣ по привозной цѣнѣ тысячѣ на десять, по продажной тысячѣ на тридцать или на сорокѣ; а на Кяхтѣ получается по малой мѣрѣ двойная прибыль. И ежели которому купцу случится вѣ годѣ на Камчаткѣ и на Кяхтѣ, когда позволяется, или вѣ Иркутскѣ исторговаться, то сей торгѣ не можно почесть неприбыточнымѣ.

Вывозные сѣ Камчатки товары состоятѣ вѣ одной мягкой рухляди, а именно: вѣ морскихѣ бобрахѣ, соболяхѣ, лисицахѣ и маломѣ числѣ выдрѣ. И понеже прежде сего денегѣ на Камчаткѣ не бывало, но все покупали на мягкую рухлядь, а деньги вступили не весьма давно; того ради тамошніе

жители обыкновенно торгуютъ товары на лисицы, которыя у нихъ за рубль принимались; однако отдаютъ деньгами или и лисицами, токмо уже не по рублю лисицу, но по чему тогда цѣна состоитъ. Съ вывозныхъ товаровъ въ Охотскѣ берется десятая пошлина, да за провозъ по одному соболю съ сорока, и того по пяти звѣрей съ сорока.

ГЛАВА IX.

О разныхъ дорогахъ, которыми изъ Якутска на Камчатку ѣздятъ.

Хотя о разныхъ дорогахъ на Камчатку писать и нѣтъ нужды, для того что иныя нынѣ почти во все оставлены, но довольно объявить о проѣжжихъ дорогахъ, которыми обыкновенно ѣздятъ; однако любопытный читатель и того не почтетъ за излишество, когда о всѣхъ порознь объявлено будетъ, тѣмъ наипаче, что такое описаніе имѣетъ служить къ изъясненію, какія въ тѣхъ мѣстахъ Россійскія поселенія, сколько къ которому зимовью или острогу приписано ясачныхъ, и какого народа, сколько съ нихъ ясаку и аманатовъ биралось, и по скольку человѣкъ посылалось изъ Якутска служивыхъ; особливо же съ какою трудностію, и съ какимъ продолженіемъ времени ясачнымъ зборщикамъ на Камчатку ходить должно было, хотя бы и отъ непріятельскихъ людей не было имъ тогда въ дорогѣ опасности: ибо они и безъ того неизбѣжныхъ имѣли непріятелей голодъ и холодъ, которые ихъ часто губили. А что сіе прав-

да, оное всякому легко разсудить можно, что козаки хаживали тѣмъ путемъ токмо въ зимнее время. Скарбъ, аммуницію и потребное къ пропитанію важивали на нартахъ чрезъ знатное разстояніе, самыми дикими, пустыми и многимъ ужаснымъ вьюгамъ подверженными мѣстами, отъ которыхъ по нѣскольку времени обыкновенно стоятъ на одномъ мѣстѣ; въ такомъ случаѣ не можно не изойти съѣстнымъ припасамъ прежде времени. Тогда сыромятнымъ сумамъ, ремнямъ, обуви, особливо же подошвамъ разходъ бываетъ, которыя они пожаря на огнѣ употребляютъ въ пищу. Повѣрить почти не можно, чтобъ человѣкъ дорожной могъ снести голодъ чрезъ 10 или 11 дней; однако въ тѣхъ мѣстахъ никто тому не удивляется, ибо рѣдкой бывалой въ той сторонѣ, путь свой безъ оной нужды оканчивалъ.

Изъ Якутска на Камчатку ѣжжали: 1) по рѣкѣ Ленѣ внизъ до ея устья, гдѣ она пала въ Ледовитое море; отъ устья по Ледовитому морю до устья Индигирки и Колымы рѣки, съ Колымы сухимъ путемъ чрезъ Анадырскъ до Пенжинскаго или до Олюторскаго моря, а оттуда или байдарами по онымъ морямъ, или и сухимъ же путемъ. Токмо сія дорога была весьма продолжительна: ибо

въ благополучную погоду, когда на морѣ льдовъ не бывало, и при способныхъ вѣтрахъ требовалось цѣлое лѣто; въ противномъ случаѣ кочи, на которыхъ они плавали, часто разбивало, и отъ того бывали они въ пути года по два и по три. Разстоянія отъ Якутска до Усть-Яны 1960 верстъ, а именно отъ Якутска до Усть Вилюйскаго Зимовья 351, оттуда до Жиганскаго 4?5, отъ Жиганскаго до Сиктанскаго 224, отъ Сиктанскаго зимовья до устья Лены рѣки 500, отъ устья Лены до Устьянскаго зимовья 419 верстъ. Симъ путемъ отправлялись прежде сего изъ Якутска ясачные зборщики въ три зимовья Индигирскія, въ Алазейское и въ три зимовья Колымскія; токмо сей путь нынѣ вовсе оставленъ; а сколько съ Колымы рѣки до Камчатки разстоянія, сколько въ помянутыя зимовья посылалось служивыхъ, сколько къ нимъ ясачныхъ людей приписано было, о томъ ниже сего будетъ объявлено.

Другая дорога все сухимъ путемъ: отъ Якутска ѣздятъ на Алданскую заставу, съ Алданской заставы на Верхоянское зимовье, оттуда чрезъ Зашиверское, Уяндинское, Алазейское, Среднее и Нижнее Колымскія зимовья до Анадырскаго острога, изъ Анадырска въ Нижній Камчатской, а изъ Ниж-

няго Камчатскаго чрезъ Верхній въ Большерѣцкой острогъ.

Верхоянское зимовье отъ города Якутска въ 554 верстахъ, стоитъ надъ рѣкою Яною впадающею въ Ледовитое море, отъ устья въ 310 верстахъ, а конной ѣзды до оной со вьюками пять недѣль. Въ сіе зимовье отправлялось изъ Якутска по 6 человѣкъ служивыхъ. Ясачныхъ приписныхъ къ зимовью Якутовъ 195 человѣкъ, а ясаку съ нихъ збиралось по 10 сороковъ и по 22 соболя, да по 50 лисицъ красныхъ.

Зашиверское зимовье отъ Верхоянскаго въ 360 верстахъ, стоитъ по правую сторону рѣки Индигирки, которая впадаетъ въ Ледовитоежъ море; а конной ѣзды отъ Верхоянска до сего зимовья скорою ѣздою двѣ, а тихою четыре недѣли. Юкагирей приписано къ нему 83 человѣкъ, а ясаку збиралось по 11 сороковъ соболей и по соболю.

Подшиверное или Среднее Индигирское зимовье, которое въ описаніи геодезистовъ не упоминается, стоитъ надъ Индигиркою же рѣкою, въ двухъ дняхъ нартянаго ходу отъ Зашиверска. Ясачныхъ Юкагирей приписано къ нему 32 человѣка, а ясаку збиралось по шести сороковъ по 34 соболя.

Уядинское или Нижнее Индигирское зимовье стоитъ на устьѣ впадающей въ рѣ-

ку Индигирку съ лѣвой стороны Уяндины рѣки, отъ Зашиверска въ 220 верстахъ; а нартянаго до него ходу пять дней. Ясачныхъ Юкагирей приписано къ нему 57 человѣкъ, а ясаку збирается 8 сороковъ 28 соболей.

Во всѣ помянутыя три зимовья посылался изъ Якутска одинъ прикащикъ съ 15 человѣками служивыхъ, которые должны были хранить до нихъ Аманатовъ человѣкъ съ сорокъ.

Алазейское зимовье стоитъ при впадающей въ Ледовитое море рѣкѣ Алазеѣ, въ знатномъ отъ устья разстояніи. Мѣрныхъ до онаго верстъ отъ Уяндинска 509, а нартянаго ходу три недѣли. Ясаку собиралось тамъ съ Юкагирей по 8 сороковъ и по 1 соболю, да по 20 пластинъ собольихъ. Аманатовъ брано съ нихъ по 6 человѣкъ, а служивыхъ присылалось по 10 человѣкъ за зборомъ.

Среднее Колымское зимовье, стоитъ по лѣвую сторону Колымы рѣки, которая впадаетъ въ Ледовитоежъ море. Мѣрныхъ верстъ отъ Алазейска до сего зимовья 103 версты, а ясаку тамъ збиралось съ 25 человѣкъ Юкагирей пять сороковъ и четыре соболя.

Нижнее Колымское зимовье стоитъ по

правую сторону тойже рѣки, въ 442 верстахъ отъ Средняго, а нартами доходятъ до него въ три недѣли. Ясаку збиралось тамъ съ 32 человѣкъ Юкагирей по 8 сороковъ по 17 соболей.

Есть еще и Верхнее Колымское зимовье, токмо въ сторонѣ отъ Камчатской дороги. Оно стоитъ выше Средняго зимовья въ 4 недѣляхъ нартянаго ходу, а ясаку въ немъ сбиралось съ 43 человѣкъ Юкагирей по 5 сороковъ по 38 соболей.

Во всѣ помянутыя три зимовья посылался изъ Якутска одинъ прикащикъ въ 20 человѣкахъ служивыхъ, которые должны были содержать подъ охраненіемъ 25 человѣкъ аманатовъ.

Анадырской острогъ стоитъ по лѣвую сторону рѣки Анадыря, въ 963 верстахъ отъ Нижняго Колымскаго зимовья, а нартами доходятъ въ шесть недѣль. Ясаку збиралось тамъ съ 31 человѣка Юкагирей 78 соболей, да 19 пластинъ собольихъ. А сколько Коряковъ оленныхъ и сидячихъ ему подсудно, про то извѣстія получить не могъ, токмо можно думать, что число немалое. Ибо платятъ въ оной не токмо Якутскіе и Катырскіе Коряки, но и живущіе по Олюторскому и Пенжинскому морю до самаго Охотскаго уѣзда.

ОтЪ Анадырскаго острога до Нижняго Камчатскаго 1144 версты, а ѣзды на оленяхЪ сЪ кладью, до Пенжины недѣли сЪ двѣ, а оттуда по берегу Пенжинскаго моря, и отЪ Тигиля черезЪ хребетЪ на Еловку, и по Еловкѣ до Нижняго Камчатскаго острога недѣли сЪ двѣ же, или не много больше.

Сею дорогою и понынѣ ѣздятЪ во всѣ объявленные остроги и зимовья до Анадырска, выключая Камчатку, куда оною, кромѣ курьеровЪ сЪ нужными и время нетерпящими дѣлами, никого не посылаютЪ.

Третья дорога по большей части водянымЪ путемЪ. ОтЪ Якутска внизЪ по Ленѣ до устья рѣки Алдана, которая впадаетЪ вЪ Лену сЪ правой стороны по теченію. АлданомЪ вверхЪ до устья текущей вЪ оной сЪ правой же стороны рѣки Маи; Маею вверхЪ же до впадающей вЪ оную сЪ тойже стороны рѣки Юдомы; Юдомою вверхЪ же до такЪ называемаго Юдомскаго креста; отЪ креста сухимЪ путемЪ до Охотска, или токмо до Урацкаго плотбища, а сЪ плотбища внизЪ по Ураку до Охотскаго моря, моремЪ до Охотскаго порта. ИзЪ Охотска на морскихЪ судахЪ моремЪ до Большей рѣки, или сухимЪ путемЪ вкругЪ губы Пенжинской; которая однако дорога недавно проложена, и ради немирныхЪ КоряковЪ опасна, какЪ

уже въ первой части упомянуто. Но отъ Якутска до Юдомскаго креста, и по Ураку водою не ѣздятъ тамошніе обыватели, для того что путь оной труденъ и весьма продолжителенъ. За щастіе почитается, естьли суда однимъ лѣтомъ до Креста дойдутъ: и для того помянутыми рѣками почти одна только Камчатская Экспедиція перевозила на судахъ провіантъ и тяжести. А по Ураку никтожъ судами не плавалъ кромѣ объявленной Экспедиціи, для великихъ можетъ быть и опасныхъ пороговъ.

Четвертая, и какъ бы проѣжжая дорога, которою въ лѣтнее время всякъ ѣздитъ, лежитъ чрезъ горы; и понеже мнѣ самому оною ѣхать случилось, то я сообщу описаніе моего пути, которое, въ разсужденіи пополненія нашихъ ландкартъ не безполезно быть имѣетъ, тѣмъ наипаче, что въ нашихъ картахъ не токмо малыя рѣчки, но почти всѣ знатныя рѣки по той дорогѣ опущены, каковы напримѣръ Амга, Бѣлая, Юна, Юнаканъ и прочая.

Отъ города Якутска плаваютъ судами до урочища называемаго Ярмонка, которое отъ города въ 10 верстахъ, противъ лежащаго на Ленѣ острова Медвѣжья, а по Якутски Еселяла. Ярмонкою она можетъ быть для того называется, что лѣтнимъ време-

немЪ случаенся тамЪ не мало людей отправляющихся вЪ ОхотскЪ, которые тамЪ стоятЪ по нѣскольку дней и вЪ дорогу отправляются, то есть вывязываютЪ лошадей, готовятЪ вьюки, и разравниваютЪ побочни, чтобЪ каждой былЪ вЪ полтретья пуда: ибо вьючная лошадь болѣе пяти пудЪ глухой клади рѣдко возитЪ, выключая, что наверхЪ нѣсколько запасу или другой мѣлочи кладется, что называется *прикладкою.* ВпрочемЪ помянутая Ярмонка пустое мѣсто.

ОтЪ Ярмонки первое знатное урочище Кумахтай Хортыга, то есть Песчаной взвозЪ или взъемЪ, на верху котораго по деревьямЪ навѣшено отЪ ЯкутовЪ множество волосовЪ лошадиныхЪ вЪ подарокЪ мѣсту оному, чтобЪ имЪ и подыматься и опускаться безопасно было; а разстоянія отЪ Ярманки до сего мѣста версты сЪ три. Между взъемомЪ и Ярмонкою по лѣвую сторону дороги, есть озеро по Якутски Намтага, которое вЪ округЪ версты на двѣ.

По томЪ слѣдуетЪ БулгунняхтахЪ пригорокЪ, ОліонгЪ озерко, БукулугЪ, Есе Елбютъ, УсунЪ-Ерга и СюбторЪ; длина пустоши, между оными урочищами, не больше какЪ по верстѣ разстоянія. На послѣдней пустоши имѣли мы первой свой ночлегЪ поѣхавЪ отЪ Ярмонки.

Слѣдующаго дня перебжжали рѣку Солу, которая въ верстѣ была отъ нашего стану. Вершины ея верстахъ во 100 изъ хребта, а устье, гдѣ пала въ Лену, верстахъ въ 6 отъ переѣзда. Лошадей кормили при Куттчугуй Тылгыяхтакъ озеркѣ, между которымъ и рѣчкою Солою нижеслѣдующія урочища: Куттердякъ и Урасагагъ пустоши, Олбутъ озеро, Міогурте пустошь, Кайгарамаръ и Улаханъ Тылгыяхтакъ озера. Всѣ помянутыя урочища почти въ равномъ между собою разстояніи, а всего отъ Солы до кормовища верстъ съ 11.

Тогоже дня проѣхали мы Барыніяктакъ, Сыгыннахъ, Коромокъ и Конморoръ пустоши, а ночевали при озерѣ Урюнъ-хамусъ (бѣлой камышъ) называемомъ, которое отъ кормовища верстахъ въ 13. Близь помянутаго озера по лѣвую сторону дороги живутъ Якуты, которые поселены тамъ въ 1735 году для содержанія ямской станціи.

На другой день проѣхавъ Хатыли и Чупчулагъ озера кормили лошадей при Арылакѣ (островистомъ) озерѣ, которое въ длину отъ запада къ востоку версты на три простирается, а въ ширину отъ одной версты до полуторы; а третій ночлегъ имѣли при озеркѣ Талба, гдѣ Якуты содержатъ станцію. Между кормовищемъ и ночлегомъ были

урочища Кордюгенъ и Кутчугуй Наарыгана́ озера, первое по правую, а другое по лѣвую сторону дороги, одно противъ другаго; потомъ Улаха́нъ Носрагана́ немалое озеро, въ котораго верхній конецъ пала рѣчка Тангага́ текущая изъ хребта верстъ за 40. Мы вверхъ по сей рѣчкѣ слѣдуя переѣжжали рѣчку Кулулджу̀, которая впала съ сѣверной стороны въ Тангагу близь переѣзда, отъ устья ея въ 4 верстахъ, да проѣхали Кыттагай, Сынгасала́къ и Биттагай озера, изъ которыхъ первое отъ рѣчки Кулулджу̀ верстахъ въ 4, второе отъ перваго въ 5, а третіе отъ втораго верстахъ въ 4. За версту до Биттагая озера переѣхали мы на другую сторону Тангаги рѣчки, а Талба озерко, гдѣ ночевали, отъ переѣзда въ полуторѣ, а отъ Биттига озера въ одной верстѣ. Всего объявленнаго дня переѣхали мы верстъ съ 30.

Отъ озерка Талбы слѣдуютъ озеркижъ Кылъ - Сарынна́къ въ 7 верстахъ, Кучугуй Бахалджима въ 3, Улаханъ Бахалджима въ 2 верстахъ, и всѣ остаются вправѣ. Отъ послѣдняго озерка верстѣ въ полуторѣ подъимаются на хребетъ, а по другую его сторону проѣжжаютъ пустоши Кубалагъ, Кейнду, Намчага́нъ, Курдюге́нь, да Сатага́й озерко, при которомъ лошадей кормятъ. Всего

отъ озерка Талбы до Сатагая верстъ съ 20. По полудни проѣхали мы Чабычай, три Бысыктáка, Ханчалу и Алá-атбага (пѣгой лошади голова) озерка, изъ которыхъ надъ послѣднимъ учрежденъ ямской станокъ, который Якуты содержатъ. Тутъ мы ночлегъ имѣли. Всѣ помянутыя озерки были по правую сторону дороги, а разстоянія отъ кормовища до сего станка съ 13 верстъ.

Отъ Ала-атбаги верстахъ въ 2 слѣдуютъ два озерка Буердáты, одно близь другаго, отъ нихъ въ верстѣ Егдегась озерко, а верстѣ въ полуторѣ Кóкора рѣчка, которая отъ того мѣста, гдѣ мы къ ней пріѣхали, въ 22 верстахъ въ рѣчку Тáтту впала по теченію съ лѣвой стороны. Мы въ низъ по ней ѣхали до ея устья, а на ономъ разстояніи нижеслѣдующія урочища: Огýсъ басá (бычья голова озеро) Кыбычмá пустошь, Кутчугуй и Улаханъ Кыллагы́ озера, Улýсъ Исы́ и Курраннáкъ-алáсъ пустоши, Детчимéй, Лампарыкы́; Урасалáкъ, Куагалы и Чиранчи озера. За версту не доѣжжая до послѣдняго озера при помянутой Кóкорѣ рѣчкѣ есть Татская станція, гдѣ обыкновенно лошадей берутъ, и отправляютъ на Бѣловскую переправу для перемѣны тѣхъ, которые везли отъ Якутска, да закупаютъ скотъ на пропитаніе въ пустыхъ мѣстахъ, который съ

собою гоняютъ, и когда нужда потребуетъ, то убиваютъ оной поочередно, дѣлятъ на всѣхъ дорожныхъ по равнымъ частямъ, и запекши довольствуются, пока изойдетъ. Впрочемъ стараются, чтобъ скотъ былъ небольшой, чтобъ мяса доставалось не по многу на человѣка; въ противномъ случаѣ и на жареное нападаютъ черьви. На помянутую станцію посылается изъ Якутска служивой, а разстояніемъ она отъ того мѣста, гдѣ мы къ Ко́корѣ пріѣхали, верстахъ въ 15.

Переночевавъ на объявленной станціи, пославъ въ передъ подводы на перемѣну Якутскимъ къ рѣкѣ Алдану, и исправя все потребное, отправились мы въ путь нашъ, и ѣхали мимо озеръ Имиттѐ и Талбака́на, отъ котораго устье рѣчки Кокоры, гдѣ въ Татту пала, было въ виду, на примѣръ верстѣ въ полутретьѣ по правую сторону дороги: мимо озерка Менга̀-аласа̀ и чрезъ пустоши Карака̀къ, Титиктя̀къ, Туара̀-сысы Ѣулгунняктакъ, до пустоши Титтяка, на которой при озеркѣ и ночевали, всего разстоянія переѣхали того дня съ 15 верстъ, а дорога отъ самаго Талбакана озера была въ низъ по рѣкѣ Таттѣ не подалеку отъ оной.

За Титтякомъ слѣдуютъ Чоараттна,

Меннѐ, Куропто̀къ, Табала̀къ и Суcу̀нъ-сысы̀ пустоши, по томъ Тоуля рѣчка, которая верстахъ въ 4 отъ переѣзда въ Татту пала, а разстоянія отъ ночлега до переѣзда сей рѣчки съ 12 верстъ.

Въ 13 верстахъ отъ Тіоули впала въ Татту съ лѣвой же стороны, по теченію отъ переѣзда верстахъ въ 5, Намгара рѣчка, которая вершинами вышла изъ горъ верстахъ въ 60 отъ устья; между помянутыми рѣчками знатныя урочища Кунгай озеро, да три пустоши, изъ которыхъ первая Саадахта̀къ, а двѣ ближайшія къ Намгарѣ однимъ именемъ Битигиттѐ называются.

Отъ Намгары слѣдуютъ Нирга̀ озерко да пустоши Тюулюгуттѐ Каялаху̀, Булгуннякта̀къ и Таалджиранъ, при которой не доѣжжая до рѣки Та́тты за двѣ версты есть Джоксогонская станція, на которую служивые изъ Якутска присылаются; помянутая станція отъ Намгары верстахъ въ 14. Здѣсь мы ночевали; а лошадей въ полдни кормили на Кунгаѣ озерѣ, которое отъ Тіоули верстахъ въ 4½.

Отъѣхавъ отъ станціи вышеписанное разстояніе, переправлялись мы за рѣчку Та́тту, которой устье, гдѣ въ рѣку Алданъ пала, по объявленію тамошнихъ обывателей, около 160, а вершина около 150 верстъ

отъ переправы. Близь переправы есть два озерка называемыя Куллу́, одно по правую, а другое по лѣвую сторону дороги.

Верстахъ въ 4 отъ переправы переѣжжали мы Леебаганю̀ рѣчку, которая пала въ Та́тту съ правой стороны отъ переѣзда около 4 же верстъ; не доѣжжая до ней за версту есть Еліегніокъ озерко по правую сторону дороги.

Въ полуверстѣ отъ переѣзда Леебаганю переѣжжали мы Бесъ Уря̀къ (Сосновку рѣчку) которая впала въ оную съ правой стороны не подалеку отъ переѣзда, а верстахъ въ 5 отъ Сосновки Бадаранна̀къ, который близъ переѣзда палъ съ правой же стороны въ Сосновку рѣчку; отъѣхавъ отъ него версты съ 2 пріѣхали къ вершинѣ Бесъ Уря̀ка, оттуда переправясь за хребетъ на вершину рѣчки Тюгуттѐ, которая оттуда верстахъ въ 30 пала въ Амгу рѣку по теченію съ лѣвой стороны; а хребтомъ ѣзды было версты съ 3.

Слѣдуя внизъ по рѣчкѣ Тюгутте по лѣвому ея берегу проѣхали въ началѣ озерко Утя̀, по томъ переѣжжали впадающія въ Тюгутте рѣчки Кырта́къ, которая отъ вершины Тюгутте верстахъ въ 8, и Быелтыны, до которой отъ Кыртака съ полтретьи версты. Ночевали у озерка Бысыттаки въ

3 верстахъ отъ Быелтылы рѣчки; а лошадей въ полдни кормили при озеркѣ Умя, которое между вершиною Тюгуттѐ и Кыртакомъ рѣчкою на половинѣ.

Отъ Бысыттаку въ двухъ верстахъ переѣжжали мы небольшую рѣчку Бесъ Уря́къ, которая пала въ Тюгутте съ лѣвой стороны, а въ двухъ же верстахъ отъ Бесъ Уря́ку проѣхали Майчарылакъ озерко, отъ котораго верстахъ въ 5 переѣхавъ рѣчку Тюгуттѐ въ сторону отъ ней поворотили.

Отъ поворота въ верстѣ слѣдуетъ немалое озеро Тегуппе, потомъ Тарага̀, Марала́къ, Тыгытты̀, другой Маралакъ и Мелкей, изъ которыхъ Тыгытты въ длину отъ S. къ N. верстъ на 5, а шириною мѣстами на полторы версты, а прочія озерка небольшія. Въ полуверстѣ отъ Мелкея слѣдуетъ переправа Амгинская; а всего разстоянія отъ Бысыттаку до Амгинской переправы съ 18 верстъ; въ прочемъ Тыгытты озеро отъ рѣки Амги не больше версты разстояніемъ, ибо мы отъ него до переправы вверхъ по Амгѣ ѣхали версты съ четыре.

Амга рѣка шириною отъ 40 до 50 саженъ, пала въ Алданъ верстахъ во стѣ отъ переправы. Между устьемъ ея и вышеписанной Таты рѣки считаютъ тамошніе Якуты верстъ со сто, а по журналу морскихъ

служителей, которые по Алдану на судахъ ходили, 119 верстъ. Сія рѣка особливаго примѣчанія достойна потому, что около тѣхъ мѣстъ издавна поселены пашенные крестьяне; токмо о успѣхѣ пахатнаго дѣла ничего нынѣ не извѣстно, для того что потомки поселенныхъ крестьянъ не токмо пашню, но и Россійской языкъ позабыли, а на противъ того и обычай и языкъ отъ Якутовъ приняли, такъ что ихъ отъ Якутовъ ни почему распознать не льзя, кромѣ того, что они Христіане. Здѣсь мы за проводниками и за переправою ночевать принуждены были.

Переправясь за Амгу ѣхали вверхъ по ней версты съ двѣ до впадающей въ оную небольшей рѣчки Оулбу́та, въ которую верстахъ въ двухъ же отъ устья пала съ правой стороны Аиспы́тъ рѣчка. Оулбутомъ ѣхали мы вверхъ до самой ея вершины, а съ вершины выѣхали на вершиныжъ Чіопчуню̀ рѣчки, и слѣдовали внизъ по ней до рѣчки Ноху, въ которую она устьемъ впадаетъ съ лѣвой стороны; разстоянія отъ устья Оулбу́та до вершины верстъ съ 10, отъ вершины ея до вершиныжъ Чіопчуню̀ верста, а отъ вершины Чіопчуню̀ до устья, гдѣ въ рѣчку Ноху течетъ верстъ съ 15.

По рѣчкѣ Чіопчуню̀ слѣдующія знатныя

урочища: Даркы озерко, сквозь которое она течетъ, Оюнъ озерко по лѣвую ея сторону, Ханъ рѣчка текущая въ нее съ лѣвой же стороны, Табхалакъ и Куталакъ озерка. Ханъ рѣчка пала въ Чіопчуню версты за три до ея устья.

Ноху рѣчка вышла изъ хребта, и пала въ Алданъ рѣку. До вершины ея со 120, а до устья верстъ съ 40 полагается.

Отъ Ноху дорога лежитъ чрезъ хребетъ на 12 верстъ до рѣчки Соарданака (вороньей), которая течетъ въ Ноху съ правой стороны, а устье ея ниже переѣзда чрезъ Ноху въ 8 верстахъ.

Верстахъ въ 2 отъ Соарданака течетъ рѣчка Елгей, которая верстахъ въ 10 отъ переѣзда въ помянутуюжъ рѣчку Ноху впадаетъ, а до вершины ея считается 20 верстъ. Здѣсь мы ночлегъ имѣли, а лошадей кормили у вышеписаннаго Даркы озерка, сквозь которое рѣчка Чіопчуню течетъ.

Въ верстѣ отъ ночлега пала въ Елгей съ правой стороны Актахачи рѣчка, по которой мы верстъ съ 8 вверьхъ ѣхали; послѣ поворотили къ рѣчкѣ Чипандѣ, которая верстахъ въ 4 отъ поворота; Чипандою ѣхали до рѣки Алдана, въ которой она устьемъ впадаетъ съ лѣвой стороны по теченію, а ѣзды Чипандою до Алдана было 16

верстѣ, на которомъ разстояніи три озера Билиръ, Дрюкъ и Чипанда по тому знатны, что сквозь нихъ течетъ Чипанда рѣчка.

Алданъ великая и судовая рѣка пала въ Лену съ правой стороны отъ Бѣльской переправы верстахъ въ 800, а ниже города Якутска верстахъ въ 200 или болѣе.

Перевозятся за Алданъ рѣку судами, и переправа оная называется Бѣльскою, по тому что въ 24 верстахъ выше мѣста пала въ Алданъ съ правой стороны рѣка Бѣлая, а устье помянутой Чипанды рѣчки ниже переправы въ 8 верстахъ; ибо дорога отъ ея устья до переправы лежитъ вверьхъ по Алдану на объявленное разстояніе.

Отъ Ярмонки до Бѣльской переправы ѣхали мы больше лѣсами, а лѣсъ листвякъ и березникъ; соснякъ рѣдко попадается по Бесъ Уряку и Амгѣ рѣкѣ, а осинникъ примѣченъ токмо по рѣчкѣ Елгею.

Переправясь за Алданъ и слѣдуя къ рѣкѣ Бѣлой, проѣхали слѣдующія урочища: Чичимыкъ озеро длиною версты на двѣ а шириною на версту, Кереатмъ рѣчку, которая пала близь переѣзда въ протокъ рѣки Алдана, Оулбутъ рѣчку, которая въ тотъ же протокъ Алдана пала, которою ѣхали вверхъ мимо Тубуляги озерка до ея вершины, а отъ вершины выѣхали на Бѣлую рѣку, кото-

рая по Якутски Тайдага называется. Она течетъ изъ хребта, въ Алданъ пала отъ втого мѣста, гдѣ мы къ ней пріѣхали, верстахъ въ 20. Отъ переправы до сего мѣста всего разстоянія верстъ съ 30: а порознь отъ переправы до Чичимыка озера 15, отъ озера до рѣчки Кере́-атмъ 5, отъ Кере́-атма до Оулбута 1, Оулбутомъ вверхъ до Тюбыляги озера 4, отъ озера до вершины Оулбута верста, а отъ вершины чрезъ хребетъ до рѣки Бѣлой двѣ версты. Здѣсь ночевали, а лошадей кормили у Чичимыка озера.

Отъ ночлега путь нашъ былъ вверхъ по рѣкѣ Бѣлой, чрезъ впадающія въ оную съ правой стороны по теченію Сасы́лъ, Улакъ и Лебини рѣчки, у которой мы и ночевали, а лошадей кормили не доѣжжая версты за 3 до рѣки Улака. Разстоянія отъ ночлега до рѣчки Сасыла 6, отъ Сасыла до Улака 17, а отъ Улака до Лебини 3 версты.

Слѣдующаго дня переѣхали мы впадающую въ Бѣлую съ тойже стороны Аргаджики рѣчку, которая отъ Лебини около 7 верстъ, а лошадей кормили у горы Тылла́й хая, то есть вѣтреной камень, который такъ названъ отъ безпрестанно вѣющаго вкругъ его вѣтра; а разстоянія до него отъ Аргаджики верстъ съ девять.

Верстахъ въ 5 отъ вѣтренаго камня начинается Черной лѣсъ, который верстъ на 10 простирается. Проѣхавъ имъ версты съ три ночевали.

На другой день изъѣхавъ помянутой лѣсъ ночевали, для того что за сильнымъ дождемъ до 4 часовъ по полудни съ ночлега ѣхать не можно было.

Хаджала рѣчка отъ конца Чернаго лѣса верстахъ въ 5, пала въ Бѣлую по теченію съ лѣвой стороны.

Въ 20 верстахъ отъ Хаджалы течетъ въ Бѣлую съ тойже стороны Чагдала рѣчка, по которой мы въ сторону отъ Бѣлой поѣхали.

Ѣдучи вверхъ по Бѣлой переѣжжали ее три раза: въ первой между рѣчками Улакомъ и Лебини, въ другой не доѣхавъ за двѣ версты до Аргаджики рѣчки, а въ третій близь вѣтренаго камня. И понеже тогда лѣто было не весьма дождливое, то переѣзды были благополучны, для того что вода токмо по черево была лошади; въ противномъ случаѣ по нѣскольку дней бываетъ тамъ простою, ибо за чрезмѣрною быстриною рѣки въ малолюдствѣ и на плотахъ перебираться опасно, для того что стремленіемъ воды нѣсколько верстъ на низъ плоты уноситъ. Между тѣмъ можетъ посадить

плошы на каржу, или на камень, гдѣ и плотъ разнесетъ, и люди потонутъ, какія несчастія и при переборѣ на лошадяхъ не однократно случались.

По Бѣлой рѣкѣ лѣсу весьма довольно, а лѣсъ еловой, сосновой, лиственичной и березовой. Много же по ней ерьнику, тальнику и смородины, а мѣстами и можжевельнику, особливо ревеня черенковаго такое изобиліе, будто бы оный нарочно былъ сѣянъ.

Слѣдуя вверхъ по Чагдалѣ 23 версты на 16 верстахъ надлежало намъ переправляться чрезъ рѣку семь разъ, и для того онаго дня ночевали мы у четвертаго переѣзда въ 8½ верстахъ отъ устья Чагдалы рѣчки, а лошадей въ полдни кормили не доѣхавъ за 5 верстъ до Чагдалы рѣчки.

Отъ седьмаго переѣзда въ 15 верстахъ течетъ Юнаканъ рѣка, которая шириною около 30 саженъ, а устьемъ пала въ Алданъ рѣку. По сей рѣкѣ ѣхали мы до самой вершины.

Въ 10 верстахъ отъ того мѣста, гдѣ мы къ рѣкѣ Юнакану пріѣхали, течетъ въ оную съ лѣвой стороны небольшая рѣчка, которой Якуты имени не знали; а по ней въ полуверстѣ отъ устья есть Накипной ледъ Бусь кіоль (льдяное озеро) называемый, ко-

торый ни въ какіе лѣтніе жары не таетъ. Оный ледъ находится между высокими каменными горами, которыя по тамошнему Аранцы называются: въ длину простирается оный саженъ на полтораста, въ ширину на 80, толщиною четверти на три, а видомъ совсѣмъ походитъ на вешней ледъ, таковъ же синь, таковъ на поверхности шероховатъ, и таковъ тропореховатъ отъ солнечнаго зною. Въ проѣздѣ мимо устья объявленной рѣчки въ самые жары бываетъ холодъ.

На объявленныхъ десяти верстахъ надлежитъ переѣжжать чрезъ Юнаканъ рѣку 8 разъ. Выше послѣдняго переѣзда въ верстѣ раздѣлилась она на двѣ россошины, изъ которыхъ одна съ южно-восточной стороны въ сѣверо-западную, а другая съ востока на западъ простирается. У соединенія россошинъ перебравшись за Юнаканъ въ девятой разъ поѣхали мы по россошинѣ, которая къ западу имѣетъ теченіе, а до вершины ея только было восемь верстъ, однако и на ономъ разстояніи надлежало переѣжжать чрезъ нее три раза.

Между устьями сей рѣки и Бѣлой, гдѣ онѣ въ Алданъ впадаютъ, по описанію морской команды, токмо тридцать одна верста разстоянія.

На вершинахъ объявленной рѣки накормя лошадей, и ѣхавъ чрезъ горы верстъ съ 20 увидѣли паки вышеписанную рѣку Бѣлую, чрезъ которую въ верстѣ отъ пріѣзда и переправлялись; а по переправѣ доѣхавъ до рѣчки Букака́на, которая отъ переправы въ 3 верстахъ течетъ въ Бѣлую съ правой стороны, ночевали.

Слѣдующаго дня отъѣхавъ по Букака́ну верстъ съ 6, въ сторону отъ ней поворотили, и выѣхали на вершину Акыру̀ рѣчки, которая устьемъ впадаетъ въ Юну верстахъ въ 15, а отъ Букакану до вершины ея верстъ съ 8. Отъѣхавши внизъ по ней верстъ съ 7 поѣхали въ сторону, и въ 3 верстахъ лошадей кормили; по томъ слѣдуя вверхъ по Юнѣ не въ дальнемъ отъ нея разстояніи къ переправѣ пріѣхали, и стояли тамъ для отдыху лошадямъ цѣлыя сутки, а переправа чрезъ Юну въ 18 верстахъ отъ Акыры. Устьемъ она пала въ Алданъ рѣку.

Тумусакта́къ кіоль (мысовое озеро) по правую сторону дороги отъ Юнской переправы въ 3, а отъ берегу ея верстѣ въ полуторѣ. По томъ слѣдуетъ рѣка Анча̀, почти не меньше Юны, однако въ Юну впадаетъ; отъ того мѣста, гдѣ мы къ ней пріѣхали верстахъ въ 5, а отъ Тумусактакъкіоль 7 верстъ до ней положить можно.

Отъѣхавши вверхъ по ней верстъ съ 8 ночевали. А на другой день, въ 13 верстахъ отъ стану, переѣхавъ Анчуръ противъ устья впадающей въ оную съ лѣвой стороны рѣчки Темень Юльбюнія (верблюжье падалище) называемой, слѣдовали вверхъ по Верблюжей рѣчкѣ, и отъѣхавъ верстъ 10 лошадей кормили; а ночевали на Кучугуй Тарынѣ, то есть малой наледи, которая поперекъ пади саженъ на 200, а въ доль саженъ на 50 простирается; толщина льда въ поларшина, видъ таковъ же какъ у Бусь Кіоля, а разстоянія до ней отъ рѣчки Верблюжей верстъ съ 10.

Въ 5 верстахъ отъ Кутчугуй Тарына по тойже Верблюжей рѣчкѣ есть другая наледь длиною 7, шириною трехъ саженъ, а въ 10 верстахъ отъ оной третья наледь по тойже рѣчкѣ, отъ которой въ 5 верстахъ находятся вершины впадающей въ Юдому рѣки Акачана.

Въ 18 верстахъ отъ вершины рѣки Акачана по лѣвую ея сторону есть наледь, Капитанъ Тарынъ называемая, которая въ длину версты на три, а въ ширину на версту простирается. Здѣсь мы стояли цѣлыя сутки.

Отъ Капитанъ Тарына въ 50 верстахъ слѣдуетъ наледь же Кемь Тарынъ, которая

и въ длину и въ ширину по одной верстѣ. Не доѣжжая за 20 верстъ до сей наледи ночевали, а на другой день при наледи лошадей кормили, ночевали же верстахъ въ 8 отъ оной при озерѣ.

По томъ слѣдуютъ такъ называемыя большія и малыя Гари, а по Якутски Кемъ-ортъ, и Купчугуй-ортъ. Большія Гари продолжаются верстъ на 5, а малыя верстъ чрезъ 15; разстоянія отъ озера до начала большихъ Гарей 12 верстъ, а малыя по окончаніи большихъ начинаются. Между Гарями лошадей кормили, а ночевали изъѣхавъ малыя Гари.

Въ 15 верстахъ отъ малыхъ Гарей течетъ рѣка Юдома, которая устьемъ въ Маю рѣку впадаетъ. У переправы чрезъ оную рѣку поставленъ крестъ, по которому мѣсто сіе подъ именемъ Юдомскаго Креста извѣстно. Строенія по лѣвую сторону рѣки Юдомы: двѣ горницы, въ которыхъ живали морскіе Офицеры, для пріему и отправленія привозимаго изъ Якутска провіанта и для караулу, двѣ юрты и одна казарма для служителей, 5 анбаровъ, въ которыхъ провіантъ Экспедиціи складывался; да въ верстѣ ниже Креста одна горница, зимовье, да одинъ анбаръ для поклажи провіанта Охотской команды.

Выше Юдомскаго Креста въ полуверстѣ течетъ въ Юдому съ лѣвой стороны Ала-агусъ рѣчка, по которой мы верстъ съ 10 отъѣхавъ ночевали, а у Юдомскаго Креста въ близости корму лошадямъ не было.

Слѣдующаго дня поднялись со стану послѣ полудни, и проѣхавъ озеро Сасъ, которое отъ стану было верстахъ въ 10, оставили Ала-агусъ рѣчку и верстахъ въ 3 отъ Сасъ озера при маленькомъ озеркѣ ночевали.

На другой день пріѣхали мы къ знатной рѣкѣ Ураку, которая устьемъ пала въ Охотское море, въ 20 верстахъ отъ устья Охоты, какъ въ первой части объявлено, и слѣдовали внизъ по ней; а ѣзды до ней отъ стану было съ 22 версты.

Въ 5 верстахъ отъ пріѣзда къ Ураку пала въ оную съ лѣвой стороны Коршуновка рѣка, противъ устья которой учреждена отъ Охотска застава, гдѣ осматриваютъ всѣхъ въ Охотскъ и изъ Охотска проѣжжающихъ. Здѣсь ночевали.

Отъ заставы въ 16 верстахъ на лѣвой сторонѣ Урака есть урочище, Шангина Гарь называемое, и зимовье тогожъ имени; откуда верстахъ въ 14 Урацкое плотбище, гдѣ живали морскіе служители для строенія судовъ плоскодонныхъ, на которыхъ по рѣкѣ Ураку

сплавливаютъ провіантъ Экспедиціи до Охотска. Того дня проѣхавъ плотбище ночевали мы на Урочищѣ, Коновъ столбъ именуемомъ, отъ плотбища въ 5 верстахъ, а лошадей кормили въ 4 верстахъ отъ Шангиной Гари.

По томъ слѣдуетъ Таланкино зимовье, которое стоитъ на лѣвомъ берегу Урака, и Поперечная рѣчка, которая пала въ Уракъ съ лѣвой же стороны; а разстоянія отъ Кононова столба до зимовья 23, а отъ зимовья до Поперечной рѣчки 16 верстъ. Здѣсь мы ночевали.

Въ 3 верстахъ ниже Поперечной есть на рѣкѣ Уракѣ порогъ, а въ 2 верстахъ ниже порога поворачиваютъ отъ рѣки Урака въ сторону.

Ѣдучи по сей рѣкѣ, пять разъ чрезъ оную переѣжжали. Первой бродъ у самаго пріѣзда къ ней, другой верстахъ въ 6 ниже Коршуновской заставы, третій въ 4 верстахъ ниже Шангиной Гари, четвертой не доѣжжая версты за три до Таланкина зимовья, а пятой въ верстѣ ниже порога.

Отъѣхавши горами отъ Урака рѣки верстъ съ 13, пріѣхали къ рѣкѣ Блудной, которая верстахъ въ 30 отъ того мѣста въ Уракъ пала, по теченію съ правой стороны. Здѣсь ночевали.

Луктуръ рѣчка отъ стану верстахъ въ 16 пала въ Блудную, близь переѣзда съ правой стороны по теченію.

Боброво поле отъ рѣчки Луктура верстахъ въ 9, а отъ устья Блудной рѣчки, гдѣ въ Уракъ пала, верстахъ въ 2, длиною версты на двѣ, которое проѣхавъ паки прибыли къ рѣкѣ Ураку, и въ пятой разъ чрезъ оную перебирались, отъ Боброва поля въ 5 верстахъ; наконецъ въ 3 верстахъ отъ броду прочь отъ ней поворотили, и на поворотѣ ночлегъ имѣли.

Въ 12 верстахъ отъ поворота слѣдуетъ рѣчка Поперечная, которая верстахъ въ 30 отъ переѣзда въ Джолоконъ пала.

Ночевавъ на Поперечной слѣдующаго дня переѣжжали рѣчку Мету, которая близь переѣзда въ рѣку Охоту пала, по теченію съ правой стороны. Оттуда ѣхали мы внизъ по Охотѣ до стараго Охотскаго острога, чрезъ Джолоконъ и Амунку рѣчку. Ночевали въ старомъ острогѣ, а лошадей кормили близь рѣчки Мéты. Разстоянія отъ Поперечной до Мéты 10, отъ Меты до Джолокону 15, отъ Джолокону до Амунки столько же, а отъ Амунки до Стараго острога одна верста.

Въ Старомъ острогѣ было въ то время строенія только три избы, а стоялъ

отъ надъ протокомъ Амунки рѣчки, чрезъ которой тамъ слѣдуя къ порту и перебираться надобно, а оный протокъ верстахъ въ 3 ниже острога впадаетъ въ рѣку Охоту.

На другой день приѣхали мы въ Охотской портъ по утру рано, ибо оный отъ стараго острога не болѣе какъ въ 6 верстахъ. Строенія тогда въ немъ было, часовня во имя Спаса Всемилостиваго, канцелярія, управителевъ домъ, и 5 избъ тамошнихъ обывателей; да морской команды строенія, четыре дома, 6 избъ и двѣ казармы. Впрочемъ много строенія вновь заводилось.

Отъ Ярмонки поѣхали мы 9 числа Іюля 1737 года, а въ Охотскъ приѣхали Августа 19. Простою на дорогѣ было у насъ на Бѣльской переправѣ три дни, на урочищѣ Хорамасъ день, на Капитанъ Тарынѣ два дни, да на малыхъ Гаряхъ день; всего простою было 7, а ѣзды 34 дня.

Вообще о сей дорогѣ объявить можно, что она отъ Якутска до Бѣльской переправы гораздо сносна, а оттуда до Охотска столь безпокойна, что труднѣе проѣжжей дороги представить не льзя: ибо она лежитъ или по берегамъ рѣкъ, или по горамъ лѣсистымъ. Берега обломками камней или круглымъ сѣровикомъ такъ усыпаны, что тамошнимъ

лошадямъ довольно надивиться не льзя, какъ онѣ съ камня на камень лѣпятся. Впрочемъ однакожъ ни одна съ цѣлыми копытами не приходитъ до мѣста. Горы чѣмъ выше, тѣмъ грязнѣе: на самыхъ верхахъ ужасныя болота и зыбуны, въ которыя ежели вьючная лошадь проломится, то свободить ее нѣтъ никакой надежды. Съ превеликимъ страхомъ смотрѣть должно, коимъ образомъ земля въ переди саженъ за 10 валами колеблется.

Лучшая ѣзда онымъ путемъ изъ Якутска съ весны до Іюля мѣсяца; а ежели подняться въ Августѣ, то надлежитъ опасаться, чтобъ снѣги не захватили, которые весьма рано на горахъ выпадаютъ.

Въ Охотскѣ жили мы Октября по 4 число тогожъ 1737 года, пока прибывшее съ Камчатки Августа 23 числа перевозное судно Фортуна сгружена, и починкою была исправлена.

Около Охотска живетъ пѣшихъ Ламутовъ, которые въ оный острогъ ясакъ платятъ, пять родовъ: Ивьянской, Адганской, Шолганской, Уяирской и Нюичинской.

Въ Ивьянскомъ родѣ Князецъ Чалы́къ, ясачныхъ Ламутовъ 4 человѣка. Въ Адгинскомъ Князецъ Унды Дедяновичь, ясачныхъ у него 12 человѣкъ.

ВЪ Шолганском Князец Курука, ясачныхЪ 4 человѣка; вЪ Уяирском Князец Шарыган, ясачных три человѣка.

ВЪ Нюньчинском Князец Джолдоикур Буйнаков, ясачных девять человѣкЪ.

Всѣ помянутые роды живут не подалеку отЪ Охотска, по рѣкам Охотѣ, Кухтую и подлѣ моря; питаются рыбою, а ясаку платят по соболю и по лисицѣ сЪ человѣка.

Оленных Ламутов, которые сЪ ясаком вЪ ОхотскЪ приѣжжают, семь родовЪ, Уяганской, Горбиканской, Келарской, Еджганской, Долганской и Кукуирской; а кто именно вЪ тѣх родах Князцы, и сколько вЪ каждом родѣ ясачных, о том узнать было не чрезЪ кого, потому что оленных Ламутов близь Охотска не было.

Как судно перевозное со всѣм было исправлено, то Сентября 30 дня отЪ Охотскаго командира отдан приказЪ, чтобЪ грузиться на судно, а Октября 4 числа послѣдовало и отправленie онаго.

Из устья рѣки Охоты вышли мы часу во втором по полудни благополучно, и кЪ вечеру изЪ виду отЪ берегов отбѣжали. А вЪ 11 часу оказалась вЪ нашем суднѣ такая течь, что люди вЪ интрюм по колѣно вЪ водѣ ходили. И хотя вЪ двѣ помпы, вЪ котлы, и что кому попало, вода выливана

была, однако не убывала. Судно наше такъ уже грузло, что вода заливалась въ Шпигаты. Другаго спасенія не было, какъ облегчить его изверженіемъ клади: ибо тогда случилась на море совершенная тишина, (что не мало къ спасенію нашему способствовало), а въ Охотскъ воротиться не можно было. Чего ради все что на верху ни лежало, и что около судна навѣшено ни было, побросано въ море, но какъ и отъ того не послѣдовало пользы, то изъ внутрь судна до четырехъ сотъ пудовъ выброшено въ море безъ всякаго разбора. Нещастливы были, которыхъ кладь на верху лежала. Наконецъ вода начала убавляться, а послѣ и вся вылита, однако помпы изъ рукъ выпускать не можно было, ибо въ полуминутную стклянку по два дюйма воды прибывало въ суднѣ. Всѣ бывшіе на суднѣ, выключая больныхъ должны были смѣняться одинъ за другимъ, и качать сто разъ насосомъ.

Такимъ образомъ бѣжали мы до 14 числа Октября, претерпѣвая сверхъ объявленнаго неспокойства стужу и слякоть ежедневную; а помянутаго числа около 9 часу по утру пришли къ Большерѣцкому устью, и пустились въ оное. Но и входъ нашъ неблагополучнѣе былъ пути нашего. Мореходцы не узнали, убываетъ ли вода или прибываетъ: че-

го ради почитая отливЪ за приливЪ едва только вбѣжали вЪ бѣлые валы, которые вЪ началѣ прилива и отлива и вЪ самую тихую погоду на устьѣ ходятЪ, а тогда отЪ великаго Сѣвернаго вѣтра были весьма велики, тотчасЪ пришли вЪ отчаяніе, ибо валы ходили чрезЪ судно. Утлое судно вездѣ трещало; и никакой надежды не оставалось войти судномЪ вЪ устье, отчасти для боковаго вѣтра, а отчасти для стремленія отлива. Многіе совѣтовали отойти вЪ море и ожидать прилива, и ежели бы по сему было поступлено, то бы судно наше совершенно погибло: для того что Сѣверной прежестокой вѣтрЪ продолжался больше недѣли, которымЪ бы насЪ отнесло вЪ открытое море, а чрезЪ такое время не спастись бы было отЪ разбитія нашему судну. Однако другимЪ безопаснѣе показалось пустить судно на берегЪ, что и воспослѣдовало, и судно наше выкинуло саженяхЪ вЪ 100 кЪ Югу отЪ устья Большей рѣки, которое тотЪ же часЪ и на сушѣ стало, ибо отливЪ еще продолжался.

КЪ вечеру вЪ слѣдующій приливЪ выставило изЪ него мачту, а на другой день находили мы токмо обломки нашего судна, а прочее все унесло вЪ море; тогда могли мы видѣть, сколь фортуна наша была не-

надежна, ибо доски внутри были всѣ черны и гнилы, и можно было ихъ ломать руками безъ трудности.

У моря жили мы по 21 число того мѣсяца, ожидая лодокъ изъ острога въ балаганахъ и барабарахъ, а въ то время происходило безпрестанное почти земли трясенiе; но понеже оно тамъ легко было, то мы шатаясь въ ходу, причитали трясенiе нашей слабости, что отъ морскаго качанiя ходить не можемъ; однако вскорѣ узнали, что мы ошибались въ мнѣнiи: ибо прибывшiе изъ Курилъ, которые застали насъ у моря, сказали, коимъ образомъ было въ тѣхъ мѣстахъ и ужасное трясенiе и странное наводненiе, о чемъ сообщено во второй части сего описанiя.

Отъ моря поднялись мы Октября 21 числа, а въ Большерѣцкой острогъ прiѣхали на другой день подъ вечеръ.

Сколь труденъ и продолжителенъ путь отъ Якутска до Камчатки, столь напротивъ того способенъ и скоръ съ Камчатки обратно: 1) что судно всегда зимовало на Камчаткѣ, оттуда отправлялось въ Охотскъ въ такое время, въ которое больше прiятности, нежели опасности на морѣ; ибо тогда и дни ясные и погоды умѣренныя; одна скука, что часто не бываетъ вѣтра; 2)

что изъ Охотска можно плыть понизною водою до самой Бѣльской переправы, или и до Алдана, кто пожелаетъ, а оттуда до Якутска верхами; одна трудность переѣхать до Юдомскаго Креста.

Мы отъ Охотска къ помянутому Кресту пріѣхали въ седьмой день, по Юдомѣ съ простоемъ выплыли на Маю въ пятой день, а плыли днемъ; на усть Маю пріѣхали на другой день, въ Якутскъ оттуда въ пятой, всего и съ простоемъ въ двадцатой де ь. А вверьхъ по объявленной Юдомѣ, которою мы плыли, не считая простою, меньше трехъ дней. Судами ходятъ по пяти и по шести недѣль, изъ котораго одного примѣра о быстринѣ тамошнихъ рѣкъ, и о трудности хода по нимъ разсуждать можно.

ПРИБАВЛЕНІЕ.

Послѣ провѣданія и покоренія Камчатки оставалось еще узнать, сколь далеко простирается Азія на Востокъ, и соединяется ли она съ Америкою или нѣтъ? Хотя рѣшеніе сего вопроса на первой взглядъ никакой не обѣщало для Россіи выгоды, однако оно было нѣкоторымъ образомъ причиною важныхъ открытій, учиненныхъ въ послѣдующія времена Россіянами въ Восточномъ Океанѣ, и заведенія въ Сѣверозападной Америкѣ богатыхъ звѣриныхъ промысловъ. Генію Императора ПЕТРА ВЕЛИКАГО обязана Россія и симъ, однимъ изъ первыхъ подвиговъ Россійскаго флота, на поприщѣ морскихъ открытій. Монархъ сей предпринялъ рѣшить оный вопросъ, тогда весьма важный для Географіи, и начерталъ Своеручно инструкцію, для назначаемой Имъ по сему предмету Экспедиціи. Но сіе предначертаніе не могло быть исполнено еще въ Царствованіе сего Великаго Государя, по причинѣ скоро послѣдовавшей Его кончины; блаженной памяти Государынѣ Императрицѣ ЕКАТЕРИНѢ АЛЕКСѢЕВНѢ предоставлено было судьбою, привести и сіе намѣреніе Ея Супруга въ дѣйство.

Однако здѣсь замѣтить должно, что оный вопросъ ужѐ давно былъ рѣшенъ Россіянами; но о семъ тогда не было извѣстно ни Государю Императору, ни даже въ отдаленныхъ странахъ

Сибири. Изъ Якутска предпринимаемы были уже съ 1636 года путешествія на судахъ въ Ледовитое море, и рѣки *Яна*, *Индигирка*, *Алазея* и *Колыма*, одна за другою были открыты. Послѣ дѣланы были съ 1646 года покушенія, для открытія и далѣе на Востокъ лежащихъ рѣкъ, въ Ледовитое же море впадающихъ. Достопамятное отправленіе по сему предмету, воспослѣдовало Іюня 20 дня 1648 года изъ рѣки *Колымы*, на семи судахъ, *Кочами* называемыхъ; на трехъ изъ нихъ были начальниками козаковъ: *Семенъ Дежневъ*, да *Герасимъ Анкудиновъ*, а промышлениками начальствовалъ *Ѳедотъ Алексѣевъ*; о прочихъ же четырехъ судахъ ничего не извѣстно. Изъ отписки *Дежнева* въ Якутскъ о дѣлахъ его, отъисканной Профессоромъ *Миллеромъ* въ Якутскомъ архивѣ въ 1736 году съ другими писменными извѣстіями, до открытій въ тамошнихъ странахъ касающимися, явствуетъ, что оное отправленіе было весьма удачно, ибо не упоминается о препятствіяхъ отъ льду, который въ другіе годы обыкновенно морскому пути дѣлаетъ непреодолимое затрудненіе. Три коча, коихъ начальники выше сего упомянуты, дошли изъ *Колымы* до самаго *Сѣвернаго Чукоцкаго* Носа, или *Восточнаго* мыса благополучно; но у сего мыса разбился кочъ *Анкудинова*, а бывшіе на немъ люди перебралися на остальные два коча. *Дежневъ* упоминаетъ, что противъ сего большаго Носа лежатъ два острова, на которыхъ живутъ люди Чукоцкаго народа, у коихъ губы прорѣзаны и продѣты чрезъ нихъ украшенія изъ моржовыхъ зубовъ; и что отъ помянута-

го Носа до рѣки *Анадыря*, можно поспѣть способнымъ вѣтромъ на кочѣ въ трои сутки, да и сухимъ путемъ притти можно въ столько же сутокъ потому, что рѣка *Анадырь* впала въ губу. Все сіе служитъ подтвержденіемъ, что *Дежневъ* дѣйствительно обошелъ изъ *Колымы* рѣки Сѣверный Чукоцкій Носъ; ибо положеніе сего Носа относительно къ рѣкѣ *Анадырю*, и близь онаго лежащіе *Гвоздевы* острова, изображаются на новыхъ Картахъ нѣсколько сходно съ симъ показаніемъ *Дежнева*. Послѣ того разнесло погодою и кочи *Дежнева* и *Алексѣева*. Кочъ перваго носило по морю до Октября мѣсяца, и выбросило на берегъ, отъ рѣки *Анадыря* въ немаломъ разстояніи на полдень, чаятельно около рѣки *Олюторы*. Извѣстія же касающіяся до *Ѳедота Алексѣева* помѣщены уже въ первой главѣ сей части. *Дежневъ* съ 25 человѣками пошелъ оттуда сухимъ путемъ на рѣку *Анадырь*, и зимовалъ въ недальнемъ разстояніи отъ ея устья; а въ слѣдующее лѣто отправился вверхъ по *Анадырю*, и основалъ *Анадырской* острогъ. И такъ изъ отписки *Дежнева* уже явствовало, что Азія отдѣляется моремъ отъ Америки; но сіе для Географіи тогда важное извѣстіе оставалось слишкомъ 80 лѣтъ въ забвеніи; и открыто Профессоромъ Миллеромъ въ *Якутскѣ* тогда, когда сей предметъ уже изслѣдованъ былъ первою Камчатскою Экспедиціею, отправленною по выше сего упомянутому начертанію Императора ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

Сія Экспедиція препоручена была Императрицею

ЕКАТЕРИНОЮ АЛЕКСѢЕВНОЮ флота Капитану *Витесу Берингу*, съ которымъ отправлены двое флота Лейтенантовъ *Мартынъ Шпангберъ* и *Алексѣй Чириковъ*. По построеніи въ Нижнемъ Камчатскѣ *Бота Гавріила* въ 1728 году, отправилась оная въ море изъ устья рѣки Камчатки, Іюня 20 дня того же года; и держала курсъ свой на Сѣверовостокъ, слѣдуя отчасти въ виду Камчатскихъ береговъ, кои точно на картѣ означить старалась. Августа 10 дня, пройдя мимо большаго острова, назвала оный островомъ *Св. Лаврентія*; а 15 Августа находилась она подъ 67° 18′ Сѣверныя широты, гдѣ усмотрѣла, что берегъ Азіи вдругъ тамъ поворотился на Западъ. Какъ симъ подтвердилось нѣкоторымъ образомъ показаніе Чукчей, сдѣланное Капитану *Берингу*, по коему Сѣверный берегъ Азіи поворачивается со всемъ на Западъ, то Экспедиціи уже не оставалось сумнѣнія въ томъ, что Азія отдѣлена моремъ отъ Америки; и такъ она исполнивъ данную ей ВЫСОЧАЩУЮ инструкцію, предприняла обратный путь, и возвратилась къ рѣкѣ Камчаткѣ Сентября 20 дня, а зимовала въ Нижне Камчатскѣ. Капитанъ *Берингъ* слыша тамъ неоднократно отъ Камчатскихъ жителей, что примѣчаются въ морѣ противъ Камчатскаго Носа разные признаки о близости матерой земли, вознамѣрился на возвратномъ пути изъ Камчатки въ Охотскъ сдѣлать изслѣдованія по сему предмету. Экспедиція вышла во второй морской путь въ 1729 году Іюня 5 дня, но за жестокимъ Сѣверовосточнымъ вѣтромъ не могла удалиться отъ Камчат-

скихъ береговъ, какъ только на 200 верстъ; и какъ на семъ разстояніи не нашла никакой земли, то предприняла обратный путь въ устье рѣки *Большей*, а оттуда въ *Охотскъ*, куда прибыла Іюля 23 дня.

Изъ сдѣланнаго Капитаномъ *Берингомъ*, о успѣхѣ ввѣренной ему Экспедиціи, донесенія, удостовѣрилось Россійское Правительство, что Азія отдѣлена моремъ отъ Америки, и потому не почитало оно нужнымъ, дѣлать по сему предмету дальныхъ разъисканій. Но какъ предстоялъ еще новый вопросъ, а именно: далеко ли Америка лежитъ отъ береговъ Камчатки на Востокъ? то для разрѣшенія онаго, и для учиненія прочихъ открытій до наукъ касающихся, назначена такъ называемая *Вторая Камчатская Экспедиція*. Первый Высочайшій Указъ, состоялся по сему предмету въ Правительствующій Сенатъ 1732 года Апрѣля 17 дня; въ слѣдствіе котораго Правительствующій Сенатъ, Государственная Адмиралтейская Коллегія и Императорская Академія Наукъ, приняли въ учрежденіи сей Экспедиціи общее участіе. На требованіе Сената, внесена въ оный Академіею карта, по ея препорученію Профессоромъ *Делилемъ* сочиненная, на которой представлены всѣ до тогдашняго времени сдѣланныя открытія въ Восточномъ Океанѣ. Въ послѣдствіе сего по требованію же Сената назначила Академія въ предпринимаемую еію Экспедицію Профессоровъ, Студентовъ, Землемѣровъ и другихъ чиновниковъ, кои упомянуты въ предисловіи къ сему Описанію Камчатки.

Главное Начальство надъ второю морскою Экспедиціею препоручено было отъ Правительства бывшему Начальнику первой Экспедиціи, тогда уже Капитанъ-Командору, *Витесу Берингу*, которому приданы бывшіе съ нимъ въ оной Экспедиціи, флота Капитаны *Шпангбергъ* и *Чириковъ*, и сверхъ оныхъ восемь флота Лейтенантовъ, да одинъ Мичманъ. Естьли сія Экспедиція важнѣе была первой по числу составлявшихъ ее чиновниковъ, то не менѣе важенъ былъ и ея предметъ; ибо ей препоручено было при отправленіи: не только отыскать ближайшій отъ Камчатки берегъ Америки, но также описать рѣки *Обь*, *Енисей* и *Лену* и берега *Ледовитаго* моря отъ *Оби* рѣки до *Чукоцкаго* Носа, а оттуда пройти до Камчатки; описать также *Курильскіе* острова до Японіи, и берега *Охотскаго* моря. Описаніе же морскихъ береговъ отъ города *Архангельска* до *Оби* рѣки, предоставила Адмиралтейская Коллегія своему непосредственному вѣденію. Чиновники отъ Академіи въ оную Экспедицію назначенные, должны были заняться, еще до отправленія въ море, описаніемъ Сибирскихъ народовъ и древностей, сочиненіемъ Сибирской Исторіи, дѣланіемъ астрономическихъ наблюденій, для опредѣленія Географическаго положенія достопримѣчательнѣйшихъ мѣстъ Сибири, описаніемъ всѣхъ предметовъ по части Естественной Исторіи и Физики, и прочая. Мы обратимся къ морскимъ отправленіямъ учиненнымъ изъ Охотска, замѣтя прежде здѣсь: что описанія береговъ *Ледовитаго* моря отъ *Лены* рѣки до *Чукоцкаго* Носа нельзя было тогда ис-

полнить за многими льдами, хотя дѣланы были по сему предмету три опыта въ разныя лѣта, флота Лейтенантами *Ласеніусомъ и Лаптевымъ*; по сему, уже во время сей Экспедиціи, не было возможно пройти изъ *Лены* рѣки мимо *Чукоцкаго* Носа въ Камчатское море, хотя по выше сего приведеннымъ Историческимъ извѣстіямъ, оный морской путь изъ Колымы рѣки совершенъ былъ Россіянами въ половинѣ седмагонадесять столѣтія. Путь въ Японію препорученъ былъ Капитану *Шпангбергу*, который построивъ въ Охотскѣ два суда, отправился въ 1738 году съ оными и ботомъ *Гавріиломъ*, оставшимся отъ первой Камчатской Экспедиціи, въ предназначенный ему путь, въ половинѣ Іюня. Курсъ свой держалъ онъ вопервыхъ на Камчатку, для сдѣланія тамъ пріуготовленій къ предбудущему своему зимованію, и воспріялъ путь въ Японію, слѣдуя подлѣ Курильскихъ острововъ, до 48° Сѣверныя широты, а оттуда возвратился зимовать въ Камчаткѣ, за позднимъ осеннимъ временемъ. На другое лѣто началъ путь изъ устья *Большей* рѣки уже 22 Маія, на четырехъ судахъ, изъ коихъ одно гребное построенное имъ въ *Большерѣцкѣ*. Жестокая буря съ густымъ туманомъ была причиною, что два суда, изъ коихъ на одномъ былъ Начальникомъ Лейтенантъ *Вальтонъ*, отдѣлились отъ прочихъ двухъ судовъ Капитана *Шпангберга*. По сему обстоятельству пристали *Шпангбергъ* и *Вальтонъ* къ Японскимъ берегамъ въ разныхъ мѣстахъ. Первой Іюня 18 дня пришелъ къ Японскимъ берегамъ подъ 38° 41′ широты, а послѣ

чрезъ два дни подъ 38° 25′; въ семъ последнемъ мѣстѣ пріѣжжали Японцы на его суда, какъ для удовлетворенія своего любопытства, такъ и для мѣны товаровъ; сіе подало *Шлангбергу* случай учинить нѣкоторыя замѣчанія, относительно къ сему народу. Исполнивъ такимъ образомъ сдѣланное ему препорученіе, касательно провѣданія положенія Японіи въ разсужденіи Камчатки, вступилъ онъ чрезъ нѣсколько дней въ обратный путь. Подъ 43° 50′ широты сталъ на якорѣ у большаго острова (Матсмая), гдѣ удостовѣрился, что жители онаго *Курильцы*; продолжалъ потомъ путь на Югозападъ подлѣ сего острова, и дойдя до 41° 22′ широты, предпринялъ путь въ Камчатку, куда прибылъ 15 Августа на устье *Большей* рѣки, а оттуда къ *Охотскъ* 29 дня. Лейтенантъ *Вальтонъ* увидѣлъ Японскіе берега Іюня 16 дня подъ широтою 38° 17′ и слѣдовалъ далѣе на Югъ по большой части подлѣ береговъ до 33° 48′ широты. На семъ пути становился онъ на якорѣ, и посылалъ команду на берегъ къ большему городу для провѣданія, которая была принята Японцами благосклонно; сіи посылки на берегъ дѣланы были и въ другихъ мѣстахъ, при чемъ учинены нѣкоторыя замѣчанія. Обратно пришелъ онъ на *Большую* рѣку 23 Іюня, а въ *Охотскъ* 21 Августа. *Шлангбергъ* и *Вальтонъ* сочинили своему пути карты, которыя употреблены были при составленіи Россійскаго Атласа. О второмъ отправленіи *Шлангберга* въ Японію, предпринятомъ въ 1741 и 1742 годахъ, упоминать здѣсь не нужно, ибо оное было неудачно, по причинѣ

вѣтхости судовъ. Впрочемъ оное отправленіе происходило для того, чтобы удостовѣриться въ томъ, что *Шлангбергъ* былъ дѣйствительно въ Японіи; ибо полагаясь на нѣкоторую Карту, думали, что онъ заходилъ въ Корею.

Между тѣмъ построены въ Охотскѣ два пакетбота *Святый Петръ* и *Святый Павелъ*, для Экспедиціи въ Америку, на которыхъ отправился Капитанъ Командоръ *Берингъ* 1740 года Сентября 4 дня въ Камчатку, гдѣ пришелъ къ устью *Большей* рѣки Сентября 20 дня, а оттуда въ *Авачинскую* губу Октября 6 дня; и зимовалъ въ тамошней гавани, которую назвалъ *Петр-павловскою*, по имени обоихъ пакетботовъ. На другой годъ Іюня 4 дня вышли оба пакетбота въ путь для открытія береговъ Америки, и держали курсъ на Юговостокъ къ Югу до 12 числа, гдѣ находясь подъ 46° Сѣверной широты, возвратились на Сѣверъ съ намѣреніемъ, чтобы слѣдовать отъ 50° широты далѣе на Востокъ. Во время густаго тумана и бури, оба пакетбота разлучились. Пакетботъ Св. *Петра*, коимъ командовалъ Капитанъ Командоръ *Берингъ*, и на коемъ былъ также посланной отъ Академіи Адъюнктъ *Стеллеръ*, часто упоминаемый Крашенинниковымъ, по трехдневному тщетному исканію другаго пакетбота, продолжалъ путь къ Востоку, и пришелъ Іюля 18 дня къ Американскому берегу подъ 58° 28′ Сѣверныя широты, по извѣстіямъ Профессора Миллера. Въ путешествіи же флота Капитана (нынѣ Вице-Адмирала) Г. А. *Сарычева*, Томъ II. стран. 60 упоминается, что

Берингъ, по всѣмъ обстоятельствамъ, приставалъ у острова *Каяка*, который подъ 59° 49′ широты. Іюля 20 дня приближился *Берингъ* къ большому острову, у котораго сталъ на якорѣ, и выслалъ шлюпку за водою, и для провѣданія. На сей шлюпкѣ отправился также Адъюнктъ *Стеллеръ*, который найдя на острову погребъ съ разными Американскими припасами, учинилъ нѣкоторыя къ сему относящіяся замѣчанія, помѣщенныя Крашенинниковымъ въ главѣ XXIII сего тома, и собралъ много травъ, кои употреблены Профессоромъ Гмелинымъ, при сочиненіи *флоры Сибирской*. На другой день предпринятъ былъ обратный путь подлѣ береговъ Американскихъ, на которомъ присталъ *Берингъ* къ одному изъ *Шумагинскихъ* островов, для запаса воды. Здѣсь Адъюнктъ *Стеллеръ* имѣлъ случай видѣть Американцевъ (вѣроятно Аляксинцовъ) и сдѣлалъ имъ описаніе, которое сообщено Крашенинниковымъ въ упомянутой выше сего главѣ. По весьма трудномъ мореплаваніи, за частыми и продолжительными бурями, совершеномъ подлѣ многихъ острововъ, нынѣ *Лисьими*, *Андреяновскими* и *Алеутскими* называемыхъ, пришелъ наконецъ *Берингъ* Ноября 4 дня къ землѣ, которую почиталъ Камчаткою; и какъ экипажъ и снасти находились въ самомъ худомъ положеніи, то остался онъ тамъ зимовать. Сія земля была необитаемый островъ, после того въ честь *Беринга*, названный *Беринговымъ*; на немъ скончался сей славный Россійскій мореплаватель съ большею частію экипажа, отъ цынготной болѣзни; и пакетботъ за-

несло на берегъ. Естьли съ одной стороны часть сей морской Экспедиціи, такимъ образомъ претерпѣла величайшее несчастіе, то съ другой стороны оное награждено тѣмъ, что подало поводъ къ значительному распространенію звѣриныхъ промысловъ; ибо на ономъ острову найдено множество морскихъ бобровъ, и не малое число песцовъ голубыхъ и бѣлыхъ, а послѣ появились весною морскіе коты, сивучи, морскіе коровы, и бѣлуги. Оставшіеся отъ Экспедиціи люди, построивъ изъ обломковъ пакетбота малое судно, возвратились на Камчатку въ Авачинскую губу на другой, то есть 1742 годъ, Августа 27 дня; а въ Охотскъ въ 1743 году. Они привезли съ собою до 900 морскихъ бобровъ, чѣмъ возродили въ купечествѣ вниманіе на *Берингов* островъ, на который начались въ скоромъ времени первыя отправленія промышлениковъ.

Возвратимся теперь къ другому пакетботу, *Св. Павла*, на которомъ командовалъ флота Капитанъ *Чириковъ*. Послѣ разлуки съ *Берингомъ* продолжалъ *Чириковъ* путь къ Востоку отъ 48° широты, и пришелъ Іюля 15 къ берегу Американскому подъ 56° широты; гдѣ оставаясь въ нѣкоторомъ отъ онаго разстояніи, послалъ для провѣданія и запаса воды свѣжей, штурмана *Дементьева* съ 10 человѣками на большемъ ботѣ, который оттуда не возвратился, такъ какъ и посланной за нимъ въ 6 человѣкахъ, ботсманъ *Савельевъ*, хотя пакетботъ ходилъ нѣсколько дней въ виду сего берега. По сему несчастному случаю предпринялъ *Чириковъ* обратный путь въ Камчатку Іюля 27 дня;

гдѢ, по претерпѢніи многихЪ злоключеній, возвратился вЪ Петропавловскую гавань, не прежде какЪ 11 Октября. СимЪ окончилась достопамятная *Вторая Камчатская* Экспедиція, и начались сЪ 1745 года дальнѢйшія разысканія острововЪ, отЪ купечества, ради промысла морскихЪ бобровЪ и другихЪ звѢрей.

Оныя частныя отправленія распространились постепенно на всѢ острова, лежащіе между СѢверозападною Америкою и СѢверовосточною Азіею. Сперва отысканы были ближніе Алеутскіе острова вЪ 1745 году *МихайломЪ НеводчиковымЪ*; послѢ того вЪ 1762 году *Андреяновскіе* острова, *АндреяномЪ ТолстикомЪ*, а *Лисьи* острова *КоровинымЪ*. Но важнѢе было отправленіе *Степана Глотова*, который вЪ 1763 году простиралЪ свои промыслы даже до острова *Кадьяка*. Со временемЪ сдѢлались сіи ежегодныя отправленія многочисленны; на примѢрЪ вЪ 1787 году вышло сЪ Камчатки на промыселЪ 25 судовЪ сЪ 1000 промышлениками, Рускими и Камчадалами, кои снаряжались богатымЪ купечествомЪ ИркутскимЪ, ТобольскимЪ и другихЪ РоссійскихЪ городовЪ. Правительство сЪ своей стороны отправило также на *Лисьи* острова Экспедицію для описанія оныхЪ, и покоренія жителей подЪ Россійскую державу; оная Экспедиція совершена вЪ 1768 и 1769 годахЪ на двухЪ судахЪ, подЪ начальствомЪ Капитана *Креницына* и Лейтенанта *Левашева*, кои сочинили карту онымЪ островамЪ, и исполнили сдѢланное имЪ препорученіе сЪ большимЪ тщаніемЪ. НѢсколько прежде, а именно сЪ 1766 — 1769 годЪ совершена также Эк-

спедиція Лейтенантомъ *Синдомъ* въ *Берингов* проливъ, гдѣ открытъ имъ ближайшій къ Чукоцкой землѣ берегъ Американскій. Знаменитый Англинскій мореплаватель *Кукъ*, во время своей третьей морской Экспедиціи, отъ Англинскаго Правительства снаряженной, изслѣдовалъ берега Сѣверозападной Америки, и заходилъ чрезъ *Берингов* проливъ въ Ледовитое море въ 1778 году; а въ 1779 году преемникъ его, повторилъ путешествіе въ Ледовитое море, въ намѣреніи обойти Америку по Сѣверную ея сторону, но былъ принужденъ возвратиться оттуда безъ успѣха, и заходилъ два раза въ Петропавловскую гавань.

Въ 1785 году отправлена по повелѣнію блаженныя памяти Государыни Императрицы ЕКАТЕРИНЫ ВЕЛИКІЯ, достопамятная Экспедиція въ *Восточный Океанъ* и *Берингов проливъ*, подъ начальствомъ флота Капитана *Билингса*, *Кукова* сопутника. Сія Экспедиція продолжалась по 1793 годъ, въ которое время предпринимаемо было плаваніе изъ устья *Колымы* рѣки, дабы оттуда пройти въ *Берингов* проливъ и Камчатское море, которое однако было безуспѣшно, по причинѣ многихъ льдовъ. Послѣ того на суднѣ *Слава Россіи* учинены разысканія и описанія острововъ, между Сѣверозападною Америкою и Сѣверовосточною Азіею лежащихъ, также острова *Кадьяка* и дальнихъ береговъ Америки до острова *Калка*; а на Сѣверѣ заходила сія Экспедиція въ *Нортонов* заливъ и въ *Берингов* проливъ. Гдѣ Капитанъ *Билингсъ*, удостовѣрясь въ невозможности обойти Чукоцкую землю по Сѣверную ея сторону, совершилъ путеше-

ствіе сухимъ путемъ чрезъ оную землю, для сочиненія карты, и описанія сей земли и Чукоцкаго народа. Большая часть трудовъ и открытій сей Экспедиціи, принадлежитъ однако исключительно Вице-Адмиралу Г. А. *Сарычеву*, совершившему оную въ чинѣ флота Капитана. Какъ путешествіе и Атласъ сего знаменитаго Россійскаго мореплавателя довольно извѣстенъ читателямъ, то было бы излишне упоминать здѣсь пространнѣе о сей Экспедиціи.

Выше сего упомянуто, что съ 1745 года производились отъ частныхъ лицъ многочисленныя отправленія на острова, отъ Сѣверовосточной Азіи до Сѣверозападной Америки простирающіеся, для звѣриныхъ промысловъ; здѣсь замѣтить должно, что такія же отправленія дѣлаемы были и на острова Курильскіе. Сіи острова начали быть извѣстными съ 1711 года, въ которомъ Камчатскіе козаки, учинившіе бунтъ, ходили на ближайшіе два Курильскіе острова для покоренія оныхъ, и для заслуженія тѣмъ прощенія винъ своихъ. Получены также нѣкоторыя извѣстія о сихъ островахъ и о Японіи отъ Японцевъ, занесенныхъ съ судномъ бурею къ Камчатскимъ берегамъ; а въ 1720 годѣ посылаемы были два Навигатора къ шестому Курильскому острову. Но карта симъ островамъ сочинена въ первой разъ Капитаномъ *Шпангбергомъ*, во время *Второй Камчатской* Экспедиціи. Достовѣрнѣйшія же описанія сихъ островов, въ разсужденіи ихъ состоянія, получены чрезъ Сотника *Чернаго*, отправленнаго туда съ

Камчатки въ 1766 и 1767 годахъ, для собранія Ясаку; оный Сотникъ доходилъ до острова *Итурпа*, а подштурманъ *Очередин* даже до *Матсмая*. Въ 1777 — 1779 годъ посылаемо было судно, *С. Наталія*, снаряженное *Ластоскинымъ* и *Шелеховымъ*, на 18 Курильской островъ; откуда ходила часть экипажа въ байдарахъ на островъ *Матсмай* въ портъ *Аткисъ*, для заведенія тамъ торговыхъ сношеній. Японцы хотя приняли оную благосклонно, однако въ торговыя сношенія не вступили, утверждая, что у нихъ тогда не находилось товаровъ. А въ 1792 году снаряжена была въ Охотскѣ отъ Правительства малая Экспедиція, подъ начальствомъ Лейтенанта *Лаксмана*, коея предметомъ было: Японскаго купца *Кодою*, занесеннаго погодою съ судномъ и людьми на островъ *Уналашку*, отвести въ его отечество. *Лаксманъ* зимовалъ въ Сѣверной части острова *Матсмая*, въ небольшой гавани *Немуро*, а въ слѣдующее лѣто перешелъ въ портъ *Хакодаде*, и ѣздилъ оттуда сухимъ путемъ въ городъ *Матсмай*. Тамъ имѣлъ онъ съ чиновниками, присланными изъ Японской столицы, переговоры, въ слѣдствіе которыхъ договоры касательно торговыхъ сношеній, долженствовали производиться въ портѣ *Нангасаки*, и того ради данъ *Лаксману* писменный видъ, для впуска одного Россійскаго корабля въ упомянутый портъ.

По 1785 годъ производились отправленія на острова, отъ Камчатки до Сѣверозападной Америки простирающіеся, разными лицами изъ купечества, кои между собою не состояли въ связи, и не дѣлали

никакихъ общихъ распоряженій въ пользу тамошнихъ промысловъ; отъ сего приходили оные промыслы въ упадокъ. Для избѣжанія совершеннаго ихъ истребленія, старался Россійскій купецъ *Григорій Шелеховъ* образовать торговое общество, которое при производствѣ промысловъ, дѣлало бы нужныя распоряженія, для сохраненія общихъ выгодъ торговли. Наконецъ склонилъ онъ братьевъ *Голиковыхъ* къ вступленію съ нимъ въ общество. По соединенію своихъ капиталовъ снарядили они вмѣстѣ нѣсколько судовъ, съ которыми отправился *Шелеховъ* на островъ *Кадьякъ*, и завелъ тамъ Россійское селеніе, въ гавани *Трехъ Святителей*; откуда производилъ промыслы нѣсколько лѣтъ сряду, съ весьма значительною выгодою. Счастливое положеніе дѣлъ *Шелехова* и *Голиковыхъ* было причиною, что нѣкоторые купцы соединились съ симъ обществомъ, которое приняло названіе *Американской Сѣверовосточной, Сѣверной и Курильской Компаніи*, и было основаніемъ нынѣшней Россійской Американской Компаніи. Въ 1788 году отправленъ былъ, отъ повѣреннаго Американской Компаніи на *Кадьякѣ*, *Деларова*, Галіотъ *Трехъ Святителей*, подъ предводительствомъ двухъ штурмановъ *Измайлова* и *Бочарова*, кои изслѣдовали берегъ Американскій отъ *Чугацкой* губы на Востокъ лежащій, и склонили нѣкоторыхъ *Чугацкихъ* и *Колюжскихъ* тоіоновъ къ добровольному покоренію подъ Россійскую Державу. Въ слѣдствіе сего распространены постепенно звѣриные промыслы до *Ситкинскихъ* острововъ. Англинское Правительство снарядило также въ 1790 году

морскую Экспедицію подЪ НачальствомЪ Капитана *Ванкувера*, во время которой по 1795 годЪ, между прочимЪ, описана тщательно часть Западнаго берега Американскаго, между губами, *Кенайскою* и *Св. Францыска* лежащая.

ВЪ 1798 году соединилась *Иркутская Комерческая* Компанія сЪ *Американскою* Компаніею; послѣдняя приняла тогда названіе *Соединенной Американской* Компаніи, и состояла уже изЪ двадцати членовЪ. ГлавнымЪ предметомЪ сей Компаніи было распространеніе торговли на берегахЪ Сѣверозападной Америки, на АлеутскихЪ, КурильскихЪ и другихЪ островахЪ, а со временемЪ и до Японіи и Кантона; притомЪ намѣревалась оная дѣлать открытія новыхЪ острововЪ вЪ Океанѣ, распространить Христіанскую Вѣру вЪ Америкѣ и на островахЪ, завести тамЪ селенія, хлѣбопашество и скотоводство, и усовершить строеніе судовЪ вЪ *Охотскѣ*. Начальный капиталЪ сей Компаніи состоялЪ изЪ 724000 рубли, раздѣленныхЪ на 724 акцій, по одной тысячѣ рубли каждая; и находился на лицо частію вЪ наличныхЪ деньгахЪ, частію же вЪ векселяхЪ, разныхЪ заведеніяхЪ вЪ Америкѣ и на островахЪ, вЪ судахЪ, матеріалахЪ и вЪ товарахЪ.

Сія Компанія удостоилась ВЫСОЧАЙШАГО утвержденія. ИмператорЪ ПАВЕЛЪ ПЕРВЫЙ МанифестомЪ отЪ 27 Генваря 1799 года принялЪ оную подЪ Высокомонаршее Покровительство, и даровалЪ ей важныя права на двадцать лѣтЪ, изЪ коихЪ главнѣйшія суть слѣдующія: Компаніи ВЫСОЧАЙШЕ повелѣ-

но принять названіе Россійской Американской Компаніи; ей позволено заводить разные промыслы на берегахъ Сѣверовосточной Америки (1) до 55° Сѣверныя широты, и на островахъ, простирающихся отъ Камчатки къ Сѣверу до Америки, а къ Югу до Японіи; дѣлать новыя открытія земель, нетолько выше 55° широты но и далѣе къ Югу, и принять оныя въ Россійское владѣніе, естьли оныя не состоятъ уже во владѣніи другихъ Державъ; заводить тамъ селенія и укрѣпленія для защиты жителей, и отправлять туда корабли съ товарами и съ торгующими; имѣть торгъ со всѣми народами сосѣдственнныхъ Державъ, съ ихъ согласія и за Высочайшимъ утвержденіемъ.

Съ того времени приняли дѣла Американской Компаніи ходъ благонадежный. Главная контора перенесена изъ Иркутска въ Санктпетербургъ; другія же конторы состоятъ въ *Иркутскѣ*, *Охотскѣ*, на *Уналашкѣ*, *Кадьякѣ* и на 18 Курильскомъ острову *Урупѣ*. Звѣриные промыслы разпространены значительно заведеніемъ въ 1800 году перваго селенія въ *Ситкинскомъ* заливѣ; заведено также Россійское селеніе *Курило-Россъ*, на *Урупѣ*. Въ 1801 году къ 1 Генваря простирался собственный капиталъ Компаніи уже до 2, 747,004 рубли, слѣдственно въ три года увеличился въ $3\frac{1}{2}$ разъ, и каждая Акція, вмѣсто начальныхъ 1.000 рубли, имѣла уже цѣнности 3.727 рубли. По соизволенію Прави-

(1) Сѣверозападная Америка называется обыкновенно Сѣверовосточною потому, что отъ Камчатки лежитъ къ Востоку.

тельства уменьшена тогда цѣна Акціи до 500 рубли, и опредѣлено число оныхъ до 7350. Государь Императоръ АЛЕКСАНДРЪ ПЕРВЫЙ, по возшествіи на престолъ принялъ Американскую Компанію подъ Высочайшее Свое Покровительство, и соизволилъ взять 20 Акцій въ пользу бѣдныхъ.

Снабженіе заведенныхъ въ Америкѣ селеній жизненными припасами и другими нужными вещами, подвержено было великимъ затрудненіямъ, по причинѣ отдаленности оныхъ селеній, и неспособности дорогъ отъ Якутска до Охотска. Наконецъ Директоры Американской Компаніи рѣшились посылать корабли съ нужными припасами въ Американскія селенія, изъ Балтійскаго моря около мыса Горна или Доброй Надежды. Сіе новое предпріятіе удостоено Монаршаго одобренія, и по повелѣнію ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА отправлены подъ Начальствомъ извѣстнаго мореплавателя Капитана *И. Ф. Крузенштерна*, въ первый разъ кругомъ Свѣта два корабля, *Надежда и Нева*, первой въ Камчатку, а другой въ Америку. На *Надеждѣ* находился также Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ *Резановъ*, которой назначенъ былъ отъ Правительства Посланникомъ въ Японію, для установленія торговыхъ сношеній съ симъ богатымъ сосѣдственнымъ Государствомъ. Изъ путешествій Капитановъ *Крузенштерна*, *Лисянскаго* и Академика *Лангсдорфа* извѣстны читателямъ плоды сей важной Экспедиціи, касательно наукъ и доставленныхъ Американскимъ селеніямъ выгодъ. Съ того времени уже Американская Компанія

продолжаетъ посылать корабли изъ Балтійскаго моря въ свои Американскія селенія, съ великою пользою. Въ 1805 году построена на островѣ *Барановѣ*, крѣпость *Новоархангельская*, на мѣсто раззореннаго тамъ *Колюжами* въ 1802 году прежняго селенія, и перенесена туда съ острова Кадьяка кантора главнаго управителя надъ селеніями Американской Компаніи, Коллежскаго Совѣтника *Баранова*. Чтобы отвратить также и недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ, заведено въ 1806 году въ портѣ *Бодего*, что въ *Новомъ Альбіонѣ*, Россійское селеніе *Россъ*, въ которомъ можно надѣяться хорошихъ успѣховъ по части хлѣбопашества и скотоводства. Такимъ образомъ селенія Россійской Американской Компаніи приведены въ лучшее прежняго состояніе, и торговля приняла ходъ удобнѣйшій. В.

КОНЕЦЪ ТОМА ВТОРАГО.